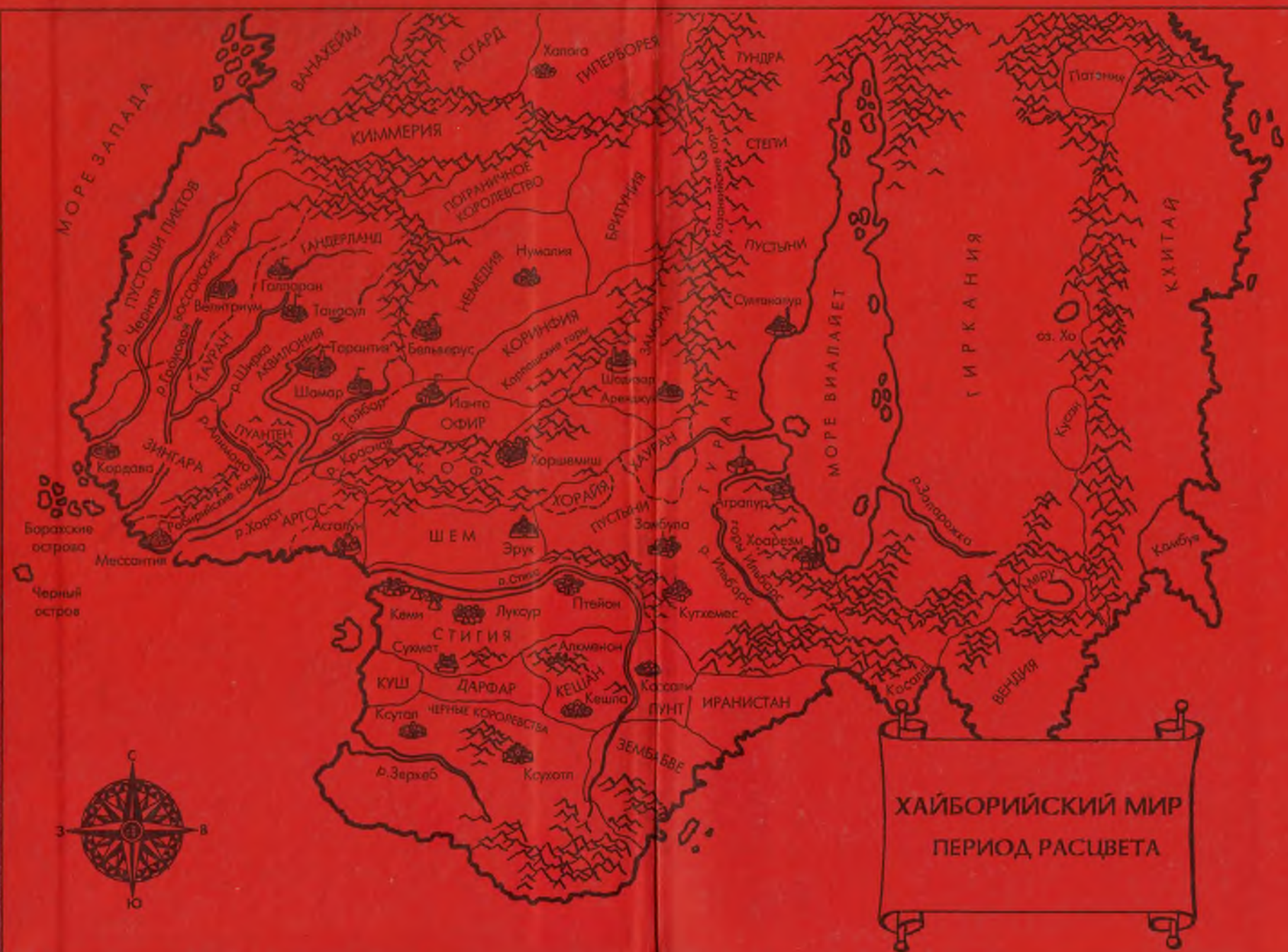

РЫЖАЯ СОНЯ И ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ

Северо-Занэг®

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И
ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)
Р 93

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора.*

Р93 Рыжая Соня и цитадель песков.: Роман и
повести. / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1998. —
464 с.

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)

ISBN 5-87365-045-4

© Ken Kelly, 1980
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая

Звон струны, плеск волны,
стук меча.
Жизнь опасна и горяча.
За потоком грозным иду,
Потерю или найду?..

Салафра... Просторный дом с бесчисленными переходами, галереями, башенками, пристройками и погребам, окруженный роскошным садом. Можно было целый день бродить по его дорожкам, выложенным разноцветной каменной плиткой, любясь цветущими деревьями и кустами и мелькающими среди зелени ручными фазанами. Когда-то сад представлялся Соне настоящим лесом, таким, как в далеком Ванахейме, на родине ее матери... Или дикими вендийскими джунглями, о которых рассказывал отец, ласково перебирая ее отливающие медью непослушные кудри.

Салафра, Гранатовый Сад, прошлое, навсегда утерянное и сгоревшее в жадном пламени...

Рыжеволосая девушка задумчиво поворошила веткой почти прогоревший костер. Отсюда, с холма, петляющая дорога казалась узким кожаным ремешком. По ее расчетам, остался еще день пути — и она наконец доберется до Керсиса.

Вдруг, вспомнив о чем-то, девушка быстро пошарила рукой в невысокой траве. Что это на

нее сегодня нашло?! Костер угасал, угли почти почернели, а птица как лежала, так и лежит со стрелой в груди. Соня кинжалом вспорола брюшко, вытащила внутренности и засыпала жирную тушку горлицы горячими углями. Всё. Теперь нужно немного подождать — и нежное жаркое будет готово. А сколько этих горлиц водилось в окрестностях поместья! Соня прикрыла глаза, прислонившись к стволу старого бука. И снова перед ней замелькали картины прошлого, такого близкого и уже такого далекого...

Салафра. Поместье на самой границе Хаурана и Заморы, куда семья девушки перебралась из туранского города Майрана. Шумная, беспокойная семья.

Их было четверо — два брата и две сестры. Братья, Хункар и Эйдан, и старшая сестра Ална. Мальчики темноволосые и кареглазые — сказывалась гирканская кровь отца, богатого торговца Келемета, — они походили друг на друга внешне, но обладали совершенно разными характерами. Заводилой чаще всего был задира Хункар, худой и жилистый, как отец. Только он, неугомонный старший брат, мог подбить на какую-нибудь отчаянную проделку медлительного, серьезного Эйдана и любимицу матери, тихоню Алну. А Соня, Рыжая Соня, и без уговоров всегда следовала за ним. С замирающим от восторга сердцем лезла, обдирая руки, вслед за братом на самое высокое дерево, чтобы разглядеть край земли: то место, за которым уже ничего нет. Или пряталась от домочадцев в конюшне, под ногами злого отцов-

ского жеребца, который прижимал уши, гневно фыркал, но все же ни разу не придавил дерзкую девчонку...

А как часто они с легкими луками охотились на горлиц! Нет, не все, Ална в таких забавах не участвовала, она предпочитала смотреть, как из голубей готовят начинку для огромного пирога, знаменитого пирога ее матери, хозяйственной Сиэри. Высокая, стройная, с волосами цвета начищенной меди, она всегда сама следила за приготовлением этого пирога. «Запомни, дочка, за слугами всегда нужен глаз да глаз!» — любила она повторять, прижимая к себе скромницу Алну.

Соня проглотила слюну, вспомнив и пирог, и богатые пиры в отцовском доме. Разбросав угли, она вытащила на траву почерневшую птицу и привычно ощипала перья. В маленьком карманчике широкого мужского пояса Соня всегда носила свои любимые приправы — без них любая пища казалась ей невыносимо пресной. Она торопливо разорвала горячую тушку, посыпала ее зеленоватым порошком и впиалась зубами в сочное ароматное мясо. Сок тонкой струйкой потек по подбородку, но девушка жадно ела, не обращая внимания на такие мелочи.

Отец, любуясь, как она, почти не целясь, попадала стрелой из детского лука в летящую птицу, часто говаривал: «Ты нигде не пропадешь, золотая моя! Не хочешь сидеть с прялкой — бери коня и меч, Боги лучше знают, что за дело дать твоим рукам!» И она скакала на полуобъезжен-

ных жеребцах, метала кинжал, сражалась с братьями на коротких мечях, нередко одерживая победу даже над Хункаром, ловким увёртливым Хункаром! Он не мог скрыть досады, а Соня, встряхивая гривой волнистых волос, счастливо хохотала... А теперь... Где все это теперь?!

Что у нее осталось, кроме воспоминаний, да еще гневной кобылы Подружки, которую три года назад подарил ей Келемет. Вон она пасется на склоне холма, тихонько всхрапывая и позвякивая уздечкой. Соня с нежностью посмотрела в сторону лошади, и та, словно почувствовав взгляд хозяйки, подняла голову и негромко заржала. Девушка улыбнулась и легко вскочила на ноги — они с Подружкой без слов понимали друг друга. Вот и сейчас Соня готова была поклясться, что кобыла торопит ее в дорогу, своим ржанием как бы говоря: «Пора двигаться дальше! До вечера надо проделать еще немалый путь!» И, может быть завтра, Соня наконец узнает тайну, которая мучает ее уже целый год. Тайну страшной гибели своей семьи...

Весь этот год Соня скиталась с места на место, нигде не задерживаясь подолгу. Правда, шумный Шадизар пришелся ей по душе, но две-три рискованные проделки заставили ее покинуть город. К тому же на многолюдных шадизарских базарах всю толковали о знаменитом гадалышке Адзир-Каме из Керсиса, маленького городишки на севере Заморы. И эти слухи подтолкнули Соню отправиться в путь. Пламя, которое целый год тлело, словно присыпанное толстым слоем пеп-

ла, снова вспыхнуло в груди жарким огнем воспоминаний. Но не только память жгла сердце. Ее обуревало желание узнать, почему погибли ее родители и братья, и жестоко отомстить. Гнев и ненависть бушевали, ища выхода, и Соня, глядя вперед потемневшими глазами, подгоняла кобылу, торопясь навстречу судьбе.

Лишь в конце следующего дня она увидела вдалеке высокие башни. По рассказам Соня знала, что Керсис невелик, но стены, которые его окружали, превращали город в неприступную крепость. Плодородная долина, река, берущая начало в Карпашских горах, дорога, которая вела через перевал в Коринфию, — в таком месте просто не мог не возникнуть город. Но вечный бич богатых поселений — разбойничьи шайки — вынудили жителей еще в незапамятные времена позаботиться о своей безопасности, и теперь Керсис благоденствовал, окруженный крепостными сооружениями, которым мог позавидовать даже славный Арэнджун.

Заходящее солнце бросало красноватые отблески на высокие смотровые башни, когда Соня подъехала к городским воротам. Стражники, получив обычную плату, сразу же забыли о серолазом рыжеволосом всаднике, медленно въехавшем в город на усталой лошади. Соню и впрямь можно было принять за юношу — сильная и рослая, она выглядела старше своих неполным семнадцати лет. Темный дорожный плащ, коричневые штаны из плотного холста, безрукавка, с некоторым щегольством отделанная золотистым

шнуром, и рубашка из тончайшего туранского полотна с распахнутым воротом. Это была ее слабость: Соня скорее согласилась бы остричь свои густые непокорные волосы, чем надеть грубую рубаху, вроде той, что носили ремесленники и пастухи.

Серая войлочная шляпа с небольшими полями довершала ее нехитрый наряд. Пестрое фазанье перо лихо торчало из-под узкого ремешка, обвивавшего тулью, подрагивая в такт лошадиной поступи.

Соня выехала на центральную площадь. Сейчас здесь было совсем пусто. Несколько улиц разбегались отсюда в разные стороны, и девушка остановилась в нерешительности, размышляя, куда повернуть. Вдруг откуда-то сбоку, чуть ли не из-под ног всхрапнувшей кобылы, выскочил мальчишка лет десяти с длинной палкой в руке и на мгновение остановился, озираясь. Он шумно дышал, опираясь на свою палку, и испуганно таращил круглые глазенки, пытаясь что-то разглядеть в глубине кривой удочки.

— Эй, храбрец, тебе что, приятели на пятки наступают? — раздался у него над ухом звонкий насмешливый голос.

Мальчишка вздрогнул и попятился, явно собираясь удрать, но, встретившись взглядом с лукавыми глазами молодого всадника, сразу успокоился и тоже заулыбался:

— Не-е! Еще чего — стану я удирать от приятелей! Да я на этой улице самый сильный! Во, смотри! — сказал мальчишка и с невероятной

быстротой закрутил свою палку. Она засвистела, замелькала в разные стороны, нанося молниеносные удары, от которых снопами должны были валиться на землю воображаемые враги.

— Ого, да ты, я вижу, мастер! А от кого же тогда ты уносил ноги?

— От верзилы Баруфа... Это наш кузнец, а я у него в учении. Ох и злющий он, когда выпьет! Гоняется за всеми с молотом и грозит башку проломить! Но вроде он бросился за старшим подмастерьем, а то ходить бы мне снова битым... дождется Баруф, что я сбегу и подпалю его кузню! Когда-нибудь дождется! — Мальчишка сердито засопел, размазывая по лицу жирную грязь.

— Ну, это ты всегда успеешь! — Соня засмеялась и повертела перед его измазанным носом серебряной монеткой. — Забудь пока о своем кузнице и помоги дорожному человеку. Где тут у вас приличный постоялый двор с хорошей харчевней да с хозяином, что не дерет три шкуры за глоток вина и горелое мясо? А ты прыткий, я вижу, сразу все понял! Да-да, эта монета будет твоей, если проводишь меня в такое место!

— Я знаю, путник, что тебе нужно! Конечно, это постоялый двор старой Фирены! Иди за мной, и ты не пожалеешь! — воскликнул мальчишка, глядя на денежку загоревшимися глазами. И схватившись за узду двинулся вперед.

Они пересекли площадь и свернули на узкую улочку. Редкие прохожие, не обращая на всад-

ника и его провожатого никакого внимания, спешили домой. Сгущая синие тени и дыша прохладой, незаметно подбиралась ночь.

— Днем здесь всегда толчется куча народу, видишь, сколько тут лавок! А по вечерам все прячутся, ночью в городе беспокойно... Раньше, давным-давно, когда еще мой дед был молодым, по городу, говорят, ходили стражники с факелами и мечами, и никто не боялся выйти за ворота в темноте. А может, и врут всё, станут тебе стражники ночью шататься по улицам, а, путник, как ты думаешь? — без умолку болтал парнишка, то и дело оглядываясь.

— Может, болтают, а может, и нет! — невесело усмехнулась Соня. — Скоро доберемся? Смотри, не заведи меня в какой-нибудь притон, а то я не хуже твоего кузнеца тресну тебя по башке!

— Да мы уже и пришли! — испуганно ответил мальчишка, толкая створку приоткрытых ворот. — Эй, Фирена! — его пронзительный крик разорвал вечернюю тишину. — Фирена, я привел тебе важного гостя! Это переодетый барон или его бралодей!

На его крик во двор выскочили два конюха и, дожидаясь что-то на ходу, приняли поводья усталой кобылы.

Между тем на крыльцо вышла полная улыбающаяся женщина — это и была Фирена, хозяйка постоялого двора.

— Ты что тут расшумелся, постреленок? Какого-такого барона мне привел? Вот этого, что ли? — и она спустилась со ступенек, чтобы рас-

смотреть нового постояльца. — Ах ты, сорванец, все бы тебе шутить да зубоскалить! Барона! Нет, мало тебя твой кузнец колотит, еще и я уши надеру, чтобы поуменел! Где у тебя глаза, ведь это же... — Но, увидев, как гость недовольно нахмурился, Фирена мгновенно умолкла и, почти-точно поклонившись, распахнула дверь харчевни, жестом приглашая Соню войти. Бросив монетку расплывшемуся в довольной улыбке мальчишке, девушка переступила порог. Да, смывленный подмастерье привел ее как раз в такое место, о котором она и говорила: чисто, опрятно, не слишком людно. Соня обернулась и сказала хозяйке:

— Ужин подашь мне в комнату. Вина совсем немного... Есть у тебя хорошее вино? Если нет — то лучше не носи совсем...

— Есть, есть, прекрасное вино! А что молодой господин, — хозяйка с лукавой улыбкой взглянула на Соню, — пожелает на ужин?

— Что принесешь — то и ладно. да, и не забудь сладости, есть у тебя засахаренные фрукты, орехи в меду или... — Соня не успела договорить, как хозяйка всплеснула руками:

— Конечно, есть! Да в этом со мной никто во всем Керсисе не сравнится! Мои засахаренные фрукты покупает сам главный повар наместника! — Она хотела было добавить что-то еще, но Соня утомленно махнула рукой:

— Ну, хорошо, хорошо! Проводи меня, я хочу отдохнуть, — и достала из пояса несколько монет.

Хозяйка, подобрав юбки, быстро затопала вверх по широкой дубовой лестнице. Там, на галерее, она подошла к одной из дверей и распахнула ее:

— Вот моя лучшая комната, хотя и остальные тоже хороши! Но эта — самая просторная и прохладная, здесь всегда останавливаются именитые гости... Сейчас я принесу светильник и займусь ужином!

Дверь за ней закрылась, и Соня устало опустилась в небольшое кресло с гладкими подлокотниками. Да, видно, и впрямь хозяйка отвела ей лучшее помещение! Девушка сняла шляпу и потрясла головой. Волосы густой волной рассыпались по плечам, несколько непокорных завитков упали на лицо, щекоча щеки и лоб. Она блаженно откинулась на спинку кресла, вытянула ноги и прикрыла глаза. Опять... Опять они здесь, перед ней, отец, мать, сестра, братья... Скоро, теперь уже совсем скоро она узнает все!

Тихо скрипнули дверные петли. Соня вздрогнула и открыла глаза. Хозяйка медленно вплыла в комнату и поставила на стол красивый бронзовый светильник. Длинный язычок пламени осветил широкое с ярким одеялом ложе, чисто выбеленные стены, обшитые по низу темными дубовыми панелями, большое квадратное зеркало и низкий столик на резных ножках. Да, лучшего и желать нельзя!

Хозяйка стояла рядом, не торопясь уходить. Она с улыбкой смотрела на девушку, сложив на животе полные руки. Еще не старая, в самом соку, с румяным круглым лицом и темными живыми

глазами, она понравилась Соне сразу. Вишневое платье с широкими, закатанными до локтей рукавами, блестящие черные волосы, подхваченные жгутом из пестрого шелка, чистый холщовый передник — от ее облика веяло чем-то уютным, домашним, и Соня, почувствовав к ней доверие, молча показала рукой на второе кресло.

— А я сразу догадалась... — начала было хозяйка, но Соня нетерпеливо прервала ее:

— Ну и что?! Не первый раз, наверно, ты видишь женщин в мужских штанах и шляпе? Согласись, для дальней дороги это самый удобный наряд... Слушай, Фирена, — ведь тебя так зовут? — хочу у тебя спросить... Наверное, ты знаешь...

Хозяйка, не скрывая любопытства, ждала, что скажет девушка. Соня немного помолчала, запустив пальцы в густые волосы, потом заговорила, не глядя на нее: — Я слышала, что здесь, в Керсисе, живет гадалщик по имени Адзир-Кам...

Услышав это имя, хозяйка вздрогнула и отвела взгляд. Соня, ничего не замечая, продолжала:

— Мне нужен, мне очень нужен этот человек, я хочу с ним встретиться. Фирена, тебе наверняка известно, где его найти, ведь слава о нем дошла даже до Шадизара. Я заплачу тебе, а ты расскажешь мне про него и покажешь дорогу к его дому.

Хозяйка вскочила и, потупив глаза, стала суетливо разглаживать складки на переднике:

— Я... Я сейчас сбегаю, принесу ужин. Ты устала с дороги и думаю очень голодна. А потом... потом поговорим... — и поспешно вышла.

Соня удивленно посмотрела ей вслед, покачала головой и задумалась, наматывая на палец длинную прядь. Гадальщик... Интересно, какой он? Наверное, такой же, как все эти предсказатели в Аките, Аренджуне, Шадизаре — худые или толстые, с одинаково мрачными глазами, они, облапошивая простаков, разводят руками с растопыренными пальцами, читают непонятные письма в толстых растрепанных свитках, а потом многозначительно говорят нечто невнятное, что можно истолковать и так, и эдак.

Раньше подобные прорицатели всегда ее забавляли, она не понимала людей, стремящихся узнать будущее или прошлое. Зачем спрашивать? Что было — то прошло и не вернется, а что будет — случится и так. А вот теперь... Теперь она сама ищет ответа, ищет и не находит. Так какой же он, этот знаменитый гадальщик, чье имя в Шадизаре произносят испуганным шепотом, с опаской оглядываясь по сторонам? Может, и впрямь, как поговаривают, демон? Тем лучше! Соня отбросила волосы за спину, встала с кресла и медленно прошла по комнате.

За дверью послышались мягкие шаги, и Фирена внесла в комнату большой поднос. Ноздри девушки затрепетали, вдыхая аромат пряного мяса с черносливом, свежего хлеба и душистой зелени.

— Ого, какое угощение! — сказала Соня, присаживаясь к столу, — Да только ради этого стоило потратить четыре дня и приехать в Керсис! У тебя на постоялом дворе, наверное, отбою нет от постояльцев, а харчевня никогда не бывает пус-

той? — Она налила немного вина в изящный серебряный кубок. — Знаешь, Фирена, я хочу, чтобы ты посидела со мной подольше. Сбегай-ка за кубком для себя и возвращаясь, глоток хорошего вина сделает наш разговор более приятным! — И на стол легли еще три серебряные монеты.

Хозяйка вздохнула, покосившись на деньги, потом махнула рукой:

— Эх, хоть и не хочется мне говорить об этом колдуне, но раз ты настаиваешь, расскажу... Подожди немного, я принесу кубок. — И она, прихватив монеты, выбежала вон.

Соня, нетерпеливо принохиваясь, отломилла большой кусок пышного хлеба и обмакнула в густой соус. Да, Фирена знает толк в приправах! И вино у нее превосходное, явно не один год протомившееся в бочке.

Вернулась хозяйка с большим глиняным кувшином, двумя кружками и маленьким оловянным кубком для себя.

— А что это ты несешь в таком огромном кувшине? Я же сказала — дешевого вина не надо! — Соня недовольно посмотрела на Фирену.

Хозяйка улыбнулась:

— Здесь холодный напиток из свежих фруктов и ягод. Ну, и как тебе мое вино? — Она взяла узкогорлый кувшинчик и наполнила свой кубок. — По-моему, оно не уступит пуантенскому! Так откуда же ты, девушка, знаешь об Адзир-Каме?

— Зови меня Соней... Я услышала о вашем гадальщике в Шадизаре, там говорят, что только

он может видеть прошлое и говорить с умершими... И я должна у него спросить...— Девушка замолчала, сжав губы и нахмурившись.

Фирена посмотрела на нее с материнским сочувствием и, не удержавшись, ласково погладила тонкую руку. Соня до боли закусил губу, но слезы, целый год не находившие выхода, вдруг неудержимым потоком хлынули наружу.

Она зарыдала, уронив голову на сомкнутые ладони, а хозяйка, подсев поближе, легонько поглаживала ее растрепавшиеся волосы.

— Поплачь, девочка, поплачь! Я вижу, у тебя большое горе, если ты из Шадизара примчалась к этому Адзир-Каму... Сама бы я ни за что к нему не сунулась... Но люди приходят сюда, приходят издалека, чтобы, как и ты, задать свой вопрос...— Голос Фирены журчал, как ручей, и Соня, постепенно успокаивалась, изредка судорожно всхлипывая. Мягкая рука хозяйки гладила Сонины волосы, вздрагивающие плечи, совсем как когда-то в детстве гладила ее мать.

— Я вот боюсь его до смерти, да и все в Керсисе боятся Адзир-Кама. Спросишь, почему? Сама не знаю. Вроде никогда он ничего плохого жителям не сделал, но вот страшатся — и все. Даже дом его стороной обходят. При нем всего двое слуг — старуха, которая ему стряпает, и огромный такой, черный, то ли человек, то ли зверь, то ли демон... Бр-р-р, вот сказала, и даже мурашки по спине побежали. Я этого черного видала всего два раза, один раз еще девчонкой, а второй раз совсем недавно — знаешь, милая, кол-

дун есть колдун, годы идут, люди стареют, а слуги его какими были, такими и остаются. Говорят, и он сам нисколько не изменился. Но уж об этом не мне судить, я его лица ни разу не видела, он всегда появляется в плаще с капюшоном, только борода седая торчит...— Хозяйка ненадолго замолкла, осушив для храбрости полный кубок вина.

Соня подняла голову. Глаза и щеки были еще мокрыми от слез, губы припухли. Хозяйка отставила кубок, подперла рукой голову и стала рассказывать дальше:

— Он ведь не всем гадает, случается, что и прогонит прочь да еще начнет выкрикивать такие страшные слова — ужас! Сразу поднимается ветер и забрасывает неугодного колдуну человека неведомо куда!

— Так ты отведешь меня к нему? — нетерпеливо спросила Соня, наполняя свой кубок.

— Отведу, раз уж обещала... Идти к нему надо ранним утром, еще до восхода. Войдешь во двор и станешь ждать, а он появится на пороге, посмотрит на тебя и скажет, когда прийти для гадания... или прогонит прочь. Ох, мне что-то не по себе! Может, передумаешь, ты еще так молодая, горе твое когда-нибудь смягчится... А вдруг он и тебя тоже забросит куда-нибудь в горы, как проезжего купца прошлым летом? — Хозяйка снова потянулась к кувшинчику.

— Ну нет, если я что-то решила, то так оно и будет! Значит, завтра утром? — И Соня, окончательно придя в себя, придвинула к себе плещ-

ку с остывшим мясом, принялась есть, продолжая внимательно слушать неторопливую речь Фирены:

— ...С кого-то Адзир-Кам требует большие деньги, а с кого-то ничего не берет. Зато велит принести что-нибудь совсем несуразное — или красный камень с берега ручья, или кривую ветку, похожую на рога оленя, или ящерку зеленую... Тьфу! — Хозяйка, выпив еще кубок, совсем разругалась и стала говорливой. — А что же ты сладости-то мои не попробуешь? Забудь до завтра свои печали, поешь, а я налью тебе еще из этого кувшина!

Снизу, из харчевни, послышался звон посуды, визг, и пронзительный мальчишеский голос закричал:

— Фирена! Фирена, иди скорей сюда! К нам опять толстый Орлук ввалился! А-а-а! Отпусти мое ухо!

— Ах ты, напасть, надо бежать, а то опять этот негодяй всю посуду перебьет! — Фирена вскочила и бросилась из комнаты. На пороге она обернулась и ласково посмотрела на девушку:

— Ложись-ка спать, не мучай себя напрасными думами! Мне кажется, все будет хорошо... Завтра я рано утром тебя разбужу! — И она выскользнула за дверь. Вскоре внизу послышался ее сердитый голос:

— Это что еще такое! Приходишь сюда без единой монетки и устраиваешь разгром! Я еще в прошлый раз обещала тебя проучить, негодяй! Ну, теперь держись! Эй, Шори, Рамад! Быстро сюда,

связать его и посадить в погреб! Поутру оттащим его к судье, пусть велит всыпать безобразнику плетей!

Раздался пьяный рев рассерженного Орлука, крики гонявшихся за ним слуг, треск скамей и звон разбитой посуды.

Соня с легкой улыбкой прислушивалась к переполоху в харчевне, с удовольствием лакомясь засахаренными ягодами. Да, здесь, у Фирены, не скучно!

Было еще совсем темно, когда что-то словно мягко толкнуло ее в самое сердце. Сон мгновенно слетел, и девушка села на ложе. Все, рассказанное Фиреной, мгновенно ожило в памяти, и Соня вскочила, откинув покрывало. Открыв окно, она выглянула в сад. Свежий запах раннего утра был, как глоток вина, или скорее как прохладный напиток из душистых ягод. Девушка зажгла свечник, сунула в рот вяленую сливу, начиненную орехами, и присела около большой дорожной сумы. Там лежало ее единственное платье и кое-какие безделушки, которыми она дорожила. Когда хозяйка пришла ее будить, Соня, уже одетая, сидела в кресле, доедая сладости. Фирена, переступив порог, удивленно попяtilась, потом всплеснула руками и негромко рассмеялась:

— Ну, королева, настоящая королева! Я поначалу даже не признала, подумала, кто ж это? Ну, что, пошли, и пусть помогут тебе боги!

Соня поднялась, задула лампу и, мягко ступая, вышла вслед за хозяйкой. Давно, не припом-

нить как давно, не надевала она шелкового платья и изящных башмачков с серебряными пряжками, не убирала волосы в замысловатую прическу. Медленно спускаясь по лестнице, девушка чувствовала себя легкой, почти невесомой, словно пушинка, подхваченная ветром...

Глава вторая

Птица крылом задела меня,
Дурная примета недоброго дня.
Дорога предательски вьется, маня,
И листья шуршат под копытом коня...

Утро. Прохладное, свежее. Хункар и Эйдан сражаются на коротких мечях. Отец почти каждый день поднимает их на рассвете и здесь, на утоптанной площадке за конюшнями, учит тому, что должен знать и уметь каждый мужчина. И всякий раз за ними вслед увязывается Рыжая Соня — это давно уже стало для нее привычкой. Вот Хункар, уверенно перекинув меч из правой руки в левую, на скакивает на пытящего неповоротливого Эйдана и теснит его к стене конюшни. Отец стоит рядом с Соней и сердито покрикивает, хмурые брови:

— Не отступай, не отступай! Перехват отражай немедийским ударом! Ты что, все забыл, бездельник?!

Соня нетерпеливо топчется рядом, одетая так же, как братья, в легкие кожаные доспехи, с волосами, убранными под маленький боевой шлем. Она с обожанием поглядывает на отца, такого красивого даже в гнев:

— Отец, видишь, Эйдан выдохся, можно, теперь я попробую?

— Ладно, дочка, иди! Вот увалень, прижался к самой стене и машет мечом без всякого толку! Если бы он бился с настоящим противником, то давно бы валялся в луже крови с распоротым животом... Эх, не тебе, а ему следовало родиться женщиной! Ну, иди, проказница, подразни немного старшего братца!

Келемет свистнул, и братья опустили мечи. Эйдан с облегчением отошел в сторону, шумно отдуваясь. Соня выскочила на середину двора и стала подзадоривать Хункара:

— Что, загонял тебя Эйдан? Берегись, с тобой будет сражаться предводительница разбойничьей шайки, дочь знаменитого Келемета! Сейчас ты лишишься и жизни, и кошелька!

— Эй, болтушка, не трепи языком попусту!.. Так, правильно, встала спиной к солнцу, пусть лучи слепят противника! Обходи его, ноги присогни в коленках, перебегай быстрее! Хункар, что зеваешь, она опять тебя перехитрила! Ах-х, ну и девчонка!

Соня, краем уха слыша отцовские слова, улыбнулась, сверкнув зубами:

— А теперь повтори прием — перехвати меч! Я попробую немедийский удар!

— Ха, она попробует! Да твой клинок сейчас улетит в дальний конец двора! Ну, смотри, сама напросилась! — И Хункар, слегка разозленный, молниеносно перекинул меч в другую руку, заранее торжествуя победу. Но, неожиданно для него, сестра пружинисто увернулась и неулови-

мо быстрым движением ударила по его мечу снизу, у самой рукояти. И Хункар не сразу сообразил, что случилось: его пустая ладонь судорожно продолжала хватать воздух, а Соня прыгала рядом, повизгивая от восторга:

— Получилось! Получилось! Ну, чей клинок улетел в конец двора?! Я — Соня, главарь шайки, а вы будете меня слушаться!

Келемет, улыбаясь, подошел к дочери и обнял ее за плечи:

— Молодец, девочка! Только это ведь был не немедийский удар. Я даже не уследил, каким образом тебе удалось выбить меч? Мужчины так не сражаются!

— Значит, так сражаются женщины! Я придумала, как это сделать, когда Эйдан отбивался у стены. Понимаешь, если проскользнуть клинком под клинок, а потом резко вбок и вверх... — быстро объясняла Соня, разгоряченная победой.

— Ты научи Хункара этой хитрости, а Эйдан... Эйдан пойдет со мной. Поможешь мне в делах, раз уж ты не в ладах с оружием. А вы пока займитесь вашей новой уловкой! — И Келемет, еще раз с нежностью взглянув на дочь, пошел к дому. Эйдан, не оглядываясь, поплелся следом...

Снова зазвенела сталь, и Хункар наконец-то поквитался с сестрой за унижение: он ловко подставил ей ножку, и нахальная девчонка, возомнившая о себе невесть что, во весь рост растянулась на траве.

— В следующий раз еще хуже будет! — сердито сказал он, тяжело дыша. — Ну ладно, ладно,

не злился, ты неплохо дерешься, но не вздумай еще раз выставить меня перед отцом полным болваном — разукрашу без всякой жалости, не посмотрю, что ты моя сестра!

Соня сидела на траве, глядя на разошедшегося юношу виноватыми глазами. Но в душе она смеялась и торжествовала: подумаешь, подножка! Зато это она, Соня, придумала такой удар, получше немедийского!

Многое изменилось с тех пор, как они уехали из Майрана. Соня ничуть не жалела о городке, где прошли ее детские годы, хотя ей и довелось пережить там немало захватывающих приключений. Там ее кинжал впервые отведал крови. Там Но что толку вспоминать!

Да и Салафра стоила любых жертв! Жаль только, бывать здесь ей доводилось не часто. И, словно в ответ невысказанным мыслям, Хункар вздохнул:

— Без тебя здесь совсем не то, сестричка. Почему отец не позволяет тебе приезжать почаще? Или ты сама не хочешь? Столичная жизнь затянула? — Он засмеялся, и Соня усмехнулась. К жизни в Хауране она и впрямь понемногу привыкла, но домом он ей так и не стал.

— Сегодня вечером опять уеду. — Она вздохнула. Возвращаться к строгим наставникам совсем не тянуло. Ах, если бы можно было остаться здесь, в чудной, привольной Салафре! Остаться навсегда.

— Неожиданно Хункар нахмурился.

— Сегодня, говоришь? Странное дело!

— Что такое? — Девочка мгновенно насторожилась.

— Всякий раз отец тебя отсылает, когда должны приехать эти его гости.

О таинственных посетителях, с которыми Келемет каждый раз запирался надолго в своих покоях и вел долгие беседы, Соня уже была наслышана и от Хункара, и от Эйдана, и ей не терпелось хоть одним глазком взглянуть на загадочных незнакомцев. И вот опять ничего не выйдет! От досады она сжала кулачки.

— Когда-нибудь я подсмострую, чем отец с ними занимается — воскликнула она. — Уж во всяком случае, не торговыми сделками!

— Помолчи! — шикнул на нее брат. — Не хватало еще, чтобы отец услышал. Всыплет — позабудешь, как сидеть! Даром что принцесса хауранская! Поехали лучше верхом прокатимся! — Оба рассмеялись и бросились к конюшне. Уныние и тревогу как рукой сняло.

Дети! Они не умели подолгу грустить и подолгу задумываться.

Тогда еще не умели. Но Хункару уже не суждено этому научиться.

* * *

Похлопав кобылу по крутой шее, Соня грустно улыбнулась: опять картины прошлого встают перед ее внутренним взором, и многое, что тогда казалось таинственным и непостижимым, теперь видится ясно и отчетливо. Нет, гадалщик здесь ни при чем, просто она стала старше и, видимо, умнее.

О, этот прорицатель, ему все-таки удалось напугать ее вчера! Соня зябко поежилась: правду

говорила Фирена, Адзир-Кам — настоящий колдун! Девушка вдруг почувствовала настоящую потребность усесться где-нибудь в спокойном месте и неторопливо припомнить все, что произошло в Керсисе. Она повернула лошадь направо, к небольшой рощице низких развесистых деревьев. Там, в прохладной тишине, Соня мысленно пройдет тем же путем вновь, вспомнит каждый шаг и каждое слово...

В рассветной тишине они с Фиреной торопливо шли по тихим улочкам Керсиса. Город еще спал, и лишь кое-где за высокими заборами слышалось хлопанье крыльев и неуверенный лай собак.

Хозяйка постоялого двора, зябко поеживаясь под цветастой туранской шалью, сворачивала то в один, то в другой проулок, изредка оглядываясь на поспевавшую сзади Соню. Наконец дома расступились, и они вышли на большую пустынную площадь. На другом краю ее виднелась высокая стена, возвышавшаяся над густыми кустами орешника.

— Здесь... — остановилась у расщепленного молнией дерева Фирена и показала пальцем куда-то вбок.

Сначала Соня ничего не могла разглядеть среди кустов и невысоких деревьев, но, подойдя ближе, увидела странный, ни на что не похожий дом за низким плетеным забором. Сложенный из необтесанных красноватых камней, он и сам напоминал огромную глыбу. С той стороны, где остановилась Соня, виднелись три узких зарешеченных окна, плоскую крышу окружал высокий парапет

с щелями-бойницами, а посередине возвышалась башня, увенчанная массивным куполом. Время покрыло зеленым налетом листы меди на его обшивке, отчего весь дом казался невероятно древним, старше даже, чем сам город Керсис.

— Обойди забор справа, там ворота и калитка, — послышался из-за спины девушки торопливый шепот Фирены. — Я дальше не пойду; но, если хочешь, подожду тебя здесь!

— Нет, лучше возвращайся обратно! — негромко ответила Соня, оценив мужество женщины, — Присмотри там за моей кобылой, а я все узнаю и вернусь! Не думаю, что Адзир-Каму вздумается вышвырнуть меня из города. Успокойся и ступай домой!

Фирена кивнула и не сдвинулась с места. Соня отвернулась и, не оглядываясь, решительно пошла вдоль забора. Узкая, еле заметная тропинка привела ее к полуразвалившимся воротам, через которые уже много лет никто не въезжал во двор. Калитка из потемневших досок с грубо вырезанным орнаментом была приоткрыта, и девушка, преодолев мгновенное замешательство, взялась за изогнутую медную ручку. Протяжно заскрипели петли, и Соня, сделав несколько шагов, оказалась во дворе.

Если б не страх Фирены перед этим пустынным обиталищем, Соня подумала бы, что здесь давным-давно никто не живет: двор, буйно заросший травой, покосившийся навес над входом, проломанные ступени... Она разглядывала это запустение, и в ее сердце закрадывались разоча-

рование и досада. Нет, совсем не этого она ожидала, покидая Шадизар и торопясь на север по пустынной дороге. Знаменитый гадалщик, прорицатель или колдун, как его называла Фирена, мог себе позволить жить, по представлениям девушки, в мраморном дворце с просторной галереей, а по ухоженному двору должны были бродить свирепые пятнистые псы, что, рыча, охраняли бы окованные железом ворота. Соня сделала еще несколько шагов, собираясь подняться на шаткое крыльцо, как вдруг совсем рядом с ней раздался голос:

— Стой, где стоишь! Еще шаг — и зашвырну в горы! Повернись ко мне лицом!

Соня вздрогнула и огляделась — вокруг никого не было видно. Но голос, странный и страшный, от которого замерло сердце и похолодели пальцы, звучал где-то здесь, совсем рядом. Ее испуг вдруг разозлил девушку, и, сжав повлажневшие ладони в кулаки, девушка сдвинула брови и сердито спросила:

— Откуда я знаю, где ты, чтобы повернуться к тебе лицом?! Ты — Адзир-Кам? Если нет, оставь меня. Мне нужен только он!

— Ха-ха-ха, да ты, я вижу, смелая девушка, смелая и безрассудная! Стой лицом к двери, я хочу тебя рассмотреть! Ты хороша, очень хороша и обещаешь стать еще красивей...

Сжав губы, Соня уставилась на запертую дверь, а неведомый голос, то приближаясь, то удаляясь, продолжал звучать и, казалось, заполнил собой весь мир:

— Медно-рыжие волосы, дерзкие серые глаза, упрямый рот... Очертания лба говорят о том, что ты умна, пожалуй, не по-женски умна. А линия подбородка... да, я отчетливо вижу, что ты обладаешь неукротимой волей, редкой среди смертных...

Соня с интересом слушала вкрадчивый голос, переставший быть для нее чуждым и страшным. Глаза девушки заблестели, щеки разругались. А незримый хозяин добавил:

— Ты прекрасна в этом зеленом платье, золотое шитье подчеркивает цвет твоих волос. Но все же ты предпочитаешь мужской наряд, ты с ним свыклась, как с собственной кожей!

— Да, это так, Адзир-Кам! Ведь я с тобой говорю, великий гадалщик?

Соня глядела прямо перед собой, словно надеялась сквозь старые доски разглядеть таинственного собеседника. И правда, темное полотно двери вдруг покрылось светлой дымкой, заколыхалось, превратившись в неясно очерченную фигуру. Девушка изо всех сил старалась рассмотреть колдуна, но туманный силуэт все время менял свои очертания: то становился высоким, доходя почти до балок навеса, то съеживался, превращаясь в бесформенный шар.

— Ты хочешь задать мне вопрос, и я отвечу на него, отвечу в той мере, в какой позволят мне боги и демоны. А готова ли ты заплатить за гадание? — Голос перешел в сладострастный шепот, и Соне показалось, что горячее дыхание коснулось ее губ, — Я не возьму с тебя денег, ты заплатишь тем, чем может заплатить любая женщина — собой! Ну, что, согласна?

Девушка невольно попятилась:

— Нет! Как ты смеешь гадалщик! — Ее рука судорожно нащупала увесистый кошель. — Вот я принесла тебе золото, его с лихвой хватит за твою ворожбу.

— Ха-ха-ха, золото, от него ни тепла, ни радости! Будешь упрямится уйдешь ни с чем, а ответ, возможно, так близок... Ну о чем тут думать... Плата совсем не высока.

— Негодяй, наглец, старый распутник! — вдруг взъярилась Соня. — Все вы мужчины одинаковые, как увидите женщину помоложе, ничего больше на ум не идет. Если тебе не нужно золото, то мне — твоё гадание. Подумаешь, всесильный маг, найду кого-нибудь могущественней тебя.

— Я сомневаюсь, что найдешь. Так, так — дом, счастливая семья... Где все это теперь? Увы, увя огонь и смерть уносят все. Уносят все! Ну, что ж, иди ищи другого, что поможет тебе за золото. Ха-ха-ха!

Тень на крыльце снова заколыхалась. Соня прикусила губу, рыдания сдавили её горло, похоже, что выбора не было. Жизнь достаточно гнусная штука, в этом девушка убеждалась не раз. Никогда, ради себя самой, ради власти или денег, даже ради спасения жизни она не согласилась бы на подобное предложение. Но разве её родные не стоили жертвы? Разве они, принявшие мученическую смерть от рук негодяев-наемников, не заслужили, чтобы ради них она поступилась хоть чем-то даже тем, что для неё всего дороже?! Она изо всех сил сжала руки и прерывающимся голосом ответила:

— Да, Адзир-Кам, я согласна.

Ужас и отвращение сдавили её горло, пробежали ледяной волной по спине, липкой дрожью коснулись живота и скатились вниз, заставив сжаться колени. Но Соня была готова ко всему, и подобное требование не было для неё полной неожиданностью. Она провела ладонью по запылавшему лбу и прерывающимся голосом повторила:

— Да, Адзир-Кам, я согласна...

В тот же миг неясная фигура перед её глазами рассеялась, словно дым, унесенный ветром, и огромная тяжелая дверь стала медленно отворяться. Створки расходились, в черном проеме замелькали чьи-то руки, лица, края ярких одежд, огромные пестрые крылья. Наконец, они распахнулись, и Соня увидела широкий коридор, плавным изгибом уходящий влево. Стены его переливались мерцающим светом, потолок терялся в вышине. Ноги вдруг сами понесли девушку вперед — по скрипучим ступеням, гнилым доскам крыльца, через высокий каменный порог, туда, в таинственную глубину.

— Соня! Соня... — неожиданно раздался до боли знакомый голос.

Девушка вскрикнула и рванулась по коридору — это мать звала её, она была здесь, где-то совсем рядом. Кровь забилась в висках, а Соня бежала, вытянув вперед руки. Она чуть не упала, с разбегу наткнувшись на мраморную ступень. Перед ней вилась широкая лестница, заделанная в грубую кладку высокой башни. Соня кинулась на

середину и подняла голову: ей почудилось, что башня уходит вершиной в самое небо, и там, далеко-далеко, сверкает крошечная звезда. Это оттуда, сверху, доносились обрывки слов, тихий смех, щебет флейт и перезвон туго натянутых струн:

— Эй, Рыжая, не догонишь!..

— Слушай, что я тебе скажу, но это секрет...

— Ложись спать, девочка моя, Боги, ты опять вся исцарапалась!..

— Ха-ха-ха, дочка, я знал, что ты с ним сладишь! Крепче натяни поводья, приподнимись в стременах! Вот так!...

Соня, задыхаясь, помчалась наверх, высоко подобрав юбку и перескакивая через две ступени. Где-то над ней ржали лошади, звенела сталь, властный окрик отца переплетался с нежными уговорами матери, братья перекидывались шутками, а сестра лепетала что-то совсем невнятное...

— Отец! Мама! Где вы? Я иду, я бегу к вам! Хункар, Эйдан, я вас слышу! Ална! Ах, когда же кончится эта проклятая лестница!

А ступени между тем становились все уже, и ей приходилось прижиматься к шершавой стене, чтобы не оказаться на самом краю. Родные голоса звали все громче и настойчивей, не давая ни мгновения передышки. Наконец, когда Соне показалось, что еще несколько шагов — и сердце ее разорвется от напряжения или она, пошатнувшись, рухнет вниз, невидимые сильные руки подхватили девушку и бережно поставили на ковер. Почувствовав, что ноги больше не держат ее, она без сил опустилась на мягкую шерсть.

— Я вижу, ты устала, Рыжая Соня! Выпей, это подкрепит тебя!

Участливые слова прозвучали совсем рядом. Она подняла голову и огляделась. Больше всего это было похоже на сон, который хочется поскорее забыть: под ней — огромный ковер, испещренный то ли узорами, то ли письменами, вместо стен — клубящийся перламутровый туман, и изредка в его дымке проступает то высокая дверь с легким блеском позолоты, то окно с ажурным переплетом, то огромные клетки с пестрыми птицами... А через мгновение на том же месте возникает кусок грубой стены с одиноким факелом или каменная ваза с черными цветами. Сама Соня сидела около большого круглого бассейна. Черная вода пузырилась в центре его, разбегаясь к краям легкими волнами. Около ее ладони стоял кубок из белого металла, наполненный густой багряной жидкостью.

— Ну, что же ты? Время уходит, а твой вопрос еще не задан! А может быть, тебе страшно, девушка? Еще не поздно, вино не выпито, ты можешь уйти! — Станный голос звучал чуть насмешливо.

Слова колдуна подействовали на Соню как удар хлыста, она взяла тяжелый кубок, с трудом поднялась и, не отрываясь, выпила до дна терпкий напиток.

Грохот, подобный обвалу в горах, обрушился на нее. Загремел гром. Оглушительный вой урагана смешался с жалобными воплями людей, криками неведомых существ и визгом животных.

Внезапно все стихло. Соня крепко стояла на ногах, колени больше не дрожали, все тело наполнило ощущение молодой бурлящей силы. Рядом лежал оброненный кубок.

А перед девушкой, опираясь на причудливый посох, возвышался худощавый мужчина в черном до пят плаще с откинутым капюшоном. Соня взглянула ему в лицо и невольно попятилась: нет, это все-таки не человек, это демон, у людей не бывает таких глаз! Но звонкая птичья трель на мгновение отвлекла ее, и девушка покосилась на посох, откуда раздавался щебет. Птица сидела на самом навершии и крутилась там, как на ветке. Зеленовато-желтая, не больше воробья, с черными крапинками на грудке, она была так же непоседлива: то взмахивала крылышками, словно собираясь взлететь, то дергала длинным хвостом и время от времени звонко щебетала.

Соня глубоко вздохнула, успокаиваясь, и снова обратила взор на Адзир-Кама. А тот стоял, словно древнее каменное изваяние: тяжелые складки плаща, рука в черной перчатке, сжавшая посох, напоминавший кривой толстый ствол самшита, и это лицо... Неподвижное и бесстрастное, оно было похоже на маску, грубо вырезанную из темного дерева: впадины висков, горбатый нос с широкими ноздрями, узкая щель жесткого рта, уши с длинными свисающими мочками, редкие седоватые волосы, высокий купол смуглого лба, и глаза... Совершенно белые, будто скрытые бельмами, они в упор уставились на Соню. Она замерла, не в силах двинуться с места.

Но вот складки плаща зашевелились, и колдун протянул к девушке правую руку с растопыренными пальцами. Птица вспорхнула и с коротким писком устремилась куда-то. Соня задрожала, у нее появилась уверенность: Адзир-Кам сейчас, прямо здесь, потребует платы за гадание. Девушка сделала шаг назад и наткнулась на препятствие; это оказался поребрик бассейна с черной бурлящей водой. Еще немного — и она бы свалилась туда, в его бездонную глубину.

— Остановись, неразумная! — раздался властный голос, совсем непохожий на тот, что она слышала во дворе, — Остановись! Если ты упадешь в воды Зеркала Снов, обратного пути не будет! Я знаю, чего ты испугалась, отчего дрожат твои губы и холодеют руки! Успокойся и задай свой вопрос, ведь за гадание уже заплачено — твое согласие и было той платой, что я от тебя хотел! Ничего больше мне не нужно.

Тонкие бескровные губы едва шевелились, но в глазах появился легкий стальной блеск, слегка ожививший черты бесстрастного лица колдуна.

— Лучше будет, если ты сядешь, Рыжая Соня! Я не желаю тебе зла. К тому же твой путь долг — так рассудили Боги — и он не должен прерваться в самом начале! — Глаза чародея становились все темнее, появились черные точки зрачков, и тяжелые веки медленно опустились, приглушая пронзительный взгляд.

Соня глубоко вздохнула и тоже опустила глаза. Совсем рядом с ней, прикасаясь бархатным подлокотником к подолу платья, стояло удобное

кресло с высокой спинкой. Она села и несколько раз мысленно произнесла: *«Ханну! Ханну, ханну!»* Как когда-то учил ее отец.

Келемет говорил: «Если случится что-то непредвиденное, а ты растеряешься или потеряешь голову от страха, если покажется, что надежд больше нет,— повторяй это древнее слово. Я не могу поведать тебе его смысла, человеческий язык бессилен сделать это, но повторяй, не сомневаясь — и выход найдется, мысли снова обретут ясность, а страхи рассеются!» Соня подняла голову и смело взглянула в лицо гадалщика: *«Ханну, ханну, ханну!»*

— Вот так-то лучше! — сказал Адзир-Кам, усаживаясь в точно такое же кресло, невесть откуда возникшее позади него. Голос прорицателя заметно потеплел, в нем слышались вполне человеческие нотки сочувствия и усмешки.

— Я вижу, тебе еще не пришлось встречаться с подобными мне, с Хранителями! И ты испугалась, ты, храбрая и отчаянная девушка! Но знай — все, кто хранит Великие Тайны, изменяют свой облик, каждый по-своему. Я часто заглядываю в Зеркало Снов, и глаза мои видят совсем не так, как видели раньше. Мое лицо иссушили ветры чужих судеб, тело стало крепким, как ствол карагача, теперь оно почти не подвластно времени. Но все же пробьет и мой час. Я уйду, оставив Зеркало Снов своему сыну, который родится через двести лет. Таков мой путь... Но сердце мое бьется все так же, как билось когда-то в юности, и поэтому каждый день поет для меня моя

птица... — Он поднял руку, туго обтянутую кожаной перчаткой, и сбоку, из распахнутого окна, влетела зеленовато-желтая пичуга. Она села чародею на подставленный палец, наклонила голову, рассматривая девушку бусинками глаз, и залилась раскатистой трелью.

Соня только сейчас заметила, что сидит в просторной круглой комнате с высокими раскрытыми окнами. Легкий ветер чуть заметно колыхал полупрозрачные занавеси, за ними проглядывались розоватые облака, плывущие в чистом голубом небе, покачивались ветки странных, никогда не виданных Соней деревьев, где среди багряно-красных листьев цвели иссиня-черные цветы.

— Я пришла спросить... — начала Соня. — Мне необходимо знать...

— Ты хочешь узнать, отчего погибла твоя семья? Кто и почему совершил злодеяние? — пришел ей на помощь гадалщик.

— Да...

— Месть... Ты желаешь мести? Да, каждый стремится отомстить за причиненное горе. И ты права, девочка: скитальцам Серых Равнин становится легче, когда их убийцы падут от руки того, кто помнит о них и любит. Но это требует силы не только духа, но и тела. А ты — женщина... Подумай, может быть, лучше, если ты просто сохранишь в своем сердце память и любовь к погибшим?

— Нет! Для них это не лучше, я знаю! О, зачем я родилась женщиной! Раз так, значит, мой удел — прясть, ткать, вышивать, ублажать муж-

чин своей красотой, рожать детей — и все, больше ничего?!

— Я вижу, тебе этого мало!

— Мне подобные радости не нужны совсем! — Соня порывисто вскочила и подошла к чародею вплотную. Глядя на него сверху вниз, она медленно и раздельно произнесла, пытаясь сдержать переполнявшие ее гнев и ярость:

— Знаю, чувствую, я смогу отомстить! Сюда я пришла, чтобы знать — кто подослал к ним убийц? Хватит пустой болтовни, гадалщик, я задала свой вопрос!

Адзир-Кам поднялся с кресла:

— Вот оно — Зеркало Снов, вопрошай его! Но хочу предупредить тебя: не все получают ответы! — И он медленно подошел к краю бассейна.

— Что значат твои слова, Адзир-Кам?! Я слышала, что лишь ты способен заглянуть в прошлое и беседовать с мертвыми... — Соня остановилась в двух шагах от мраморного поребрика, не решаясь подойти ближе.

— Да, могу! Но не я — ты сама сейчас заговоришь с ними! А вот будет ли ответом то, что услышишь, — не знаю. В жизни смертных есть такие тайны, раскрыть которые подвластно только Времени... Смотри внимательно: когда вода успокоится и станет гладкой, как металл, я брошу на середину этот шар, — гадалщик вытянул вперед руку с большим, как персик, круглым кристаллом, — и ты призовешь тех, кого желаешь спросить. Но будь осторожна, не подходи к краю, не наклоняйся над зеркалом, не прикасайся к нему!

Встав на колени, Адзир-Кам положил посох и, скрестив над головой руки, тягуче забормотал заклинания на гортанном языке.

Черная вода забурилась сильнее, превратив бассейн в подобие кипящего котла. На поверхности возникали и лопались большие радужные пузыри, их становилось все больше и больше, они, потрескивая, сливались друг с другом, пока не превратились в один, огромный. Он возвышался над бассейном, словно купол, отливая то зеленым, то розовым, то лиловым цветом. Адзир-Кам поднялся с колен и взял в руки посох.

Раздался короткий хриплый вскрик — и он с силой проткнул древком сияющий пузырь. Соня вздрогнула: ей показалось, что сейчас раздастся ужасный грохот, подобный тому, что обрушился на нее, когда она уронила кубок, но вместо этого прозрачный купол рассыпался на тысячи сверкающих искр. Они, словно капли дождя, упали на черную неподвижную поверхность, взволновав ее множеством маленьких кругов. Через мгновение вода снова успокоилась, и колдун подошел вплотную к мраморному краю бассейна:

— Иди сюда. Встань рядом, я бросаю шар. Дай мне руку. Зеркало Снов может позвать тебя, и ты, с твоей неокрепшей душой, сделаешь непоправимый шаг!

Соня почувствовала, как ее горячие пальцы сжала рука Адзир-Кама. Даже сквозь перчатку девушка ощутила холод и тут же забыла об этом: хрустальный шар упал на середину бассейна и с тихим звоном покатился по ставшей твердой глади

воды, описывая круги — сначала маленькие, потом все больше, больше, больше.

Откуда-то снизу, из неимоверной глубины, послышалась отдаленная мелодия, казалось, что кто-то тихо наигрывает на флейте. Звуки приближались, становились громче, отчетливей, музыка звала и торопила, манила и отталкивала. Ледяные пальцы прорицателя сильнее сжали ее ладонь, и Соня, слегка наклонившись вперед, позвала:

— Отец, ты здесь? Мама, где ты? Братья, отзовитесь, это я, Соня, пришла спросить вас!

Ее голос звучал тревожно и глухо:

— Я хочу узнать, кто ваши убийцы! Меня пытались уверить, что это была просто шайка наемников. Будто они оказались в Салафре случайно. Но я не верю этому! Это ложь, а я должна знать правду! Отец, отец, я призываю тебя — ответь! — Теперь уже Соня изо всех сил сжимала руку Хранителя, напряженно всматриваясь в блестящую черную поверхность.

Завораживающая мелодия звучала совсем близко, переплетаясь с неясными отзвуками голосов — мужских, женских, детских. Хрустальный шар медленно катился у самого края бассейна, изредка задевая гранями полированный мрамор. Докатившись до того места, где стоял гадалщик, шар остановился.

Адзир-Кам взял его, и в то же мгновение черная гладь исчезла, уступив место до боли родному видению: там, внизу, простиралась Салафра, любимый и прекрасный Гранатовый Сад. Соня

даже поняла, откуда смотрит — с толстой ветки старого платана, возвышавшегося, как господин и хозяин, над всеми другими деревьями усадьбы. Вдалеке мелькали фигурки, но девушка не могла разглядеть лиц. Она вскрикнула, рванувшись вперед:

— Отец, братья, я здесь, подойдите ко мне! Мама, Ална, где вы?!

Словно в бегущей воде, очертания дома потеряли ясность, зыбко задрожали, и вот перед ней замелькали знакомые образы, вернее, смутные тени. В такт колдовской мелодии из темноты выступали то высокий лоб с нахмуренными бровями, то нежная рука со светильником, а отблеск огня падал на румяные смеющиеся губы или на щеку и прядь черных вьющихся волос...

До рези в глазах Соня всматривалась в Зеркало Снов, пытаясь разглядеть лица тех, кто ушел навсегда. Но они, появляясь вновь, исчезали в глубокой тени, и снова выхваченные из мрака нездешним светом, мелькали перед глазами девушки призрачным хороводом.

— Ты должна не смотреть, а слушать! — вывел ее из оцепенения негромкий приказ Адзир-Кама. — Слушай, а то, что нужно увидеть, — само тебе покажется! Слушай, девочка!

— Я слышу... слышу музыку, это звуки флейты и еще чей-то шепот, но слов я не понимаю...

— Вслушивайся, а тени пусть пляшут! Не смотри на них так пристально, это всего лишь твои воспоминания! Слушай! *Арнуф, тигха, хардгаман!* — Чародей, произнеся заклинание, поднял

руку с посохом. Мелодия флейты замедлилась, стала тише, а невнятный лепет, сначала больше похожий на шелест листьев, начал складываться в тихие слова:

— Не здесь, не здесь, ответ не здесь! Соня, Соня! Обвалы и кручи, черные тучи, пламя и дождь, иди — и дойдешь! Соня, Соня! По Белой Тропе навстречу судьбе! Отказавшийся — обретает, познавший — теряет! Соня, Соня, Соня! Рыжая Соня!

Голоса, родные и в то же время чужие, умолкли; вновь зазвучала нежная мелодия флейты, убаюкивая и тревожа. Соня почувствовала, что ее настойчиво тянут за руку назад, послушно отступила от края и обернулась.

— Все... Зеркало Снов ответило на твой вопрос, — сказал гадалщик, бросив в бассейн горсть красноватого порошка.

— Как?! Ничего мне не сказала твое зеркало! — Соня сердито вырвала руку из холодных пальцев. — Я спрашивала — кто погубил мою семью, и что же я услышала и увидела?! Там мелькали какие-то лица, мне даже не удалось их рассмотреть! Правда, они были так похожи... И руки... Конечно, это руки отца... и я узнала мамин перстень... — Соня до крови закусил губу. — Прости меня, гадалщик, сама не понимаю, что говорю! Да, я видела Салафру и мою семью, они мне что-то пытались сказать! Но что... Тропа, обвал... Куда мне идти, куда мне теперь идти?!

— Я предупреждал, ты можешь получить не тот ответ, которого ждешь! Но Зеркало указало

на Белую Тропу Времени. — Адзир-Кам смотрел на девушку светло-серыми глазами с крошечными точками зрачков, губы его чуть заметно улыбались. — Эта Тропа — самый опасный путь из всех, что я знаю, страшней его только дорога на Серые Равнины. Вернись домой, девочка, и не ищуй судьбу! Твои родные сказали: познавший — теряет! Прислушайся к совету тех, кто смотрит с той стороны Зеркала!

— Вернуться домой?! Что ты говоришь, прощатель! Где мой дом, где то место, куда я могу вернуться! — гневно воскликнула Соня и даже ногой притопнула от досады. — Нет, мой поиск еще не окончен. Скажи, как добраться до Белой Тропы?

Гадалщик с сомнением оглядел девушку с ног до головы и покачал головой.

— Да, ты отчаянно смела и безрассудна, но есть в тебе что-то, чего не было в других, отправившихся по Тропе Времени... Ну что ж, ты хочешь знать — и ты узнаешь! Белая Тропа начинается неподалеку от Кезанкийских Гор, за большой древней Хариффой. Это в дне пути к северу от Керсиса. Если найдешь начало тропы, может, тебе удастся дойти до ее конца, до самой пещеры... Больше этого я не могу тебе сказать ничего. А теперь ступай, тебе пора! — Голос гадалщика зазвучал бесстрастно, глаза подернулись белой пленкой, лицо превратилось в неподвижную маску. — Садись верхом, он доставит тебя!

Адзир-Кам указал посохом поверх плеча девушки, и Соня, обернувшись, увидела массивное ка-

менное изваяние, отдаленно похожее на коня. Толстые короткие ноги, огромный круп, широкая грудь, бесформенная голова. На ней, подобно праздничному украшению, важно восседала большая серая ворона. Девушка была уверена, что еще несколько мгновений назад на этом месте ничего не находилось — но и вся комната теперь выглядела совсем не так, как во время гадания.

Ни распахнутых окон, ни синего неба, ни деревьев с красной листвой; Соню окружали высокие каменные стены, кое-где украшенные блестящими золотыми масками полузверей-полулюдей, с глазами из сверкающих камней. Они словно смотрели на девушку со всех сторон, готовые в следующее мгновение завывать, зарычать, заблеять. И мрачный каменный конь казался среди них самым безобидным. Взглянув в последний раз на Адзир-Кама, Соня подняла руку в прощальном жесте:

— Я ухожу, оказавшись от цели еще дальше, чем в начале! Пусть будет Белая Тропа Времени или что угодно — я, Рыжая Соня, доберусь до проклятой пещеры, где скрыты все тайны, и узнаю то, что хочу знать! Прощай, Адзир-Кам!

Колдун ничего не ответил, по-прежнему указывая посохом на каменное изваяние. Ворона встряхнула крыльями и, скосив на Соню умный глаз, хрипло каркнула. Обойдя Зеркало Снов, где опять слабо бурлила темная вода, девушка решительно уселась на широкую спину странного животного. В тот же миг птица взлетела, хлопая крыльями, а холодный камень зашевелился под

всадницей. Чтобы не упасть, Соня ухватила за голову коня.

Пальцы судорожно вцепились в жесткую шерсть, и девушка с ужасом поняла, что сидит верхом на черном огромном существе. Она видела только оттопыренные волосатые уши с тяжелыми серьгами, руки, покрытые короткой шерстью, с когтями, как у ягуара, и одеяние из коричневого бархата, явно слишком тесное для такой могучей твари. Чудовище, следуя за летящей вороной, обожало пару раз вокруг бурлящего бассейна, на мгновение замедлило шаг и, подняв тучу брызг, с воем и хохотом обрушилось прямо в черные воды Зеркала Снов.

Соня зажмурилась, изо всех сил вцепившись тонкими пальцами в косматую гриву веселящегося демона, и крепко сжала коленями его жирные бока, а тот, то подвывая, то заходясь жутким смехом, несясь вниз, делая в воздухе невообразимые зигзаги и круги.

Что-то задело ее платье, и ткань с треском разорвалась, обнажив ногу до самого бедра. Соня, вздрогнув, приоткрыла глаза, ожидая увидеть вокруг себя огонь бездны и чудовищ, готовых вцепиться в нее и стащить со спины вопящего скакуна. Но никаких чудовищ не оказалось и в помине: хохочущая тварь мчалась вслед за вороной, которая металась от стены к стене той самой башни, где недавно вилась узкая лестница. Только сейчас не было видно ни единой ступени; вместо них из темной кладки торчали острые металлические прутья, один из которых и порвал ей подол.

Птица, как шальная, устремилась вниз, выделявая в воздухе немыслимые пируэты, и то же самое проделывал тот, на чьей спине сидела бледная от ужаса Соня. Вот и еще один острый прут зацепил ее за платье, оголив вторую ногу. Горячая струйка крови потекла из глубокой ссадины, шелковая сетка слетела с волос, от бешеной тряски вылетели из прически драгоценные заколки, а они все неслись и неслись во тьме, как камни, брошенные в бездонный колодец.

Соня тихонько вскрикивала, видя, как ворона разворачивается на очередной виток, а демон снова и снова раздражался зловещим смехом. Сердце в ее груди то делало несколько быстрых ударов, то замирало совсем. Девушке хотелось поджать ноги, съежиться и превратиться в крошечный комочек, чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать ничего... Раздалось хриплое карканье, и сумасшедший полет стал замедляться.

Теперь птица спокойно летела вдоль стены, не приближаясь к опасным прутьям. Демон, то ли ворча, то ли напевая, тоже поубавил прыти и плавно спускался, следуя за ней.

Ворона и последний раз мелькнула перед глазами и скрылась в полумраке. Соня вдруг почувствовала, что ее скакун стоит на месте и отчаянно мотает головой, пытаясь высвободить спутанные космы из цепких пальцев девушки. С тихим стоном она сползла с широченной спины и, пошатываясь, встала на ноги. О, какое это счастье — просто стоять на твердом камне, а не мотаться, подобно сухому листу, гонимому ветром, от стены к стене!

— Госпоже угодно покинуть наш дом? — раздался за ее спиной дребезжащий голос.

Соня резко обернулась. Сзади, придерживая сморщенной рукой приоткрытую створку двери, стояла тощая старуха в сером балахоне, с крючковатым носом, и, ехидно улыбаясь, смотрела на Соню умными вороньими глазами.

— Я провожу госпожу до ворот, Гила! Хозяин не простит, если с гостьей что-нибудь случится! Вдруг она споткнется или не сможет открыть калитку! — И у порога возник рослый чернокожий раб в бархатном коричневом кафтане, туго обтягивавшем могучую грудь. В улыбке хищно сверкнули крупные белые зубы, глаза его горели диким огнем. Пригладив огромными ручищами встрепанные волосы, он окинул девушку жадным взглядом и распахнул вторую створку.

На негнущихся ногах Соня вышла из обители колдуна, пробралась по узкой тропинке вдоль забора и неожиданно оказалась в объятиях Фирены.

— Ах, ласточка моя, что он с тобой сделал, проклятый колдун?! Неужели... — Слова застряли у нее в горле. — Неужели он посмел...

— Нет, Фирена, нет, со мной все в порядке, — устало ответила Соня, опираясь на плечо дородной трактирщицы. — А ты что ждала меня так долго? Ведь, наверное, уже вечер...

— Да что ты говоришь, детка?! Какой вечер? Солнце еще и не всходило! Я решила чуть-чуть постоять за забором, послушать, что там в доме творится, а тут вдруг вижу — ты идешь обратно!

Всесильные боги, что же он с тобой сотворил, негодяй! Дождется, что правитель прикажет сровнять с землей его мерзкое жилище, а его самого велит сжечь живьем! — причитала Фирена, бережно поддерживая Соню.

Дойдя до конца проулка, девушка немного пришла в себя и ускорила шаги: ей совсем не хотелось попасться на глаза прохожим в таком виде. Наконец они кое-как добрались до постоялого двора, и Соня, как была в разодранном платье, так и рухнула на широкое ложе, предоставив Фирене заботливо снимать с нее башмаки, поправлять рассыпавшиеся волосы и укрывать ее мягким одеялом.

Глава третья

Забуть не могу — и помнить
не в силах...

О, что это было?
Тоска мою душу огнем опалила...
О, что это было?!

Высокочитимый Джергес, ближайший советник хауранского наместника, был очень, очень недоволен. Он, аристократ до мозга костей, воспитанный в изысканной и полной неги обстановке родовитой и богатой семьи, даже представить себе не мог, что почтенный купец и старинный друг подкиннет ему такое сокровище — своенравную девицу. О юные дочери благородных родителей! Ну, положим, гирканец никогда не претендовал на благородное происхождение... Однако вельможа был ему обязан жизнью — а это не тот долг, на который можно запросто махнуть рукой.

Но его дочь! О, Светлые Боги!

Соня фыркнула, покачиваясь в седле: да, наверняка именно так и рассуждал высокочитимый Джергес, или дядюшка Джергес, как привыкла она называть вельможного приятеля отца, поближе познакомившись с ним. Ах, Зеркало Снов! Загадав новую загадку, оно разбередило душу, и прошлое опять встает из небытия, как будто только

и ждало мгновения, чтобы вернуться привычной болью...

Лошадь, потряхивая светлой шелковистой гривой, не спеша шла вперед по мягкой немощенной дороге. Соня, подставляя лицо свежему утреннему ветру отпустила поводья и с улыбкой вспоминала сердитое лицо Джергеса, впервые увидевшего ее в мужском наряде.

— Эт-то что еще такое?! — словно наяву услышала Соня его голос. — Так вот какая... — он осекся, не желая ронять свое достоинство грубыми выражениями, — дочь выросла у почтенного Келемета! Да, он прав, тебе, дитя, нужно хорошее воспитание, а то так и останешься неотесанной дикаркой! Подумать только — вырядиться в холщовые штаны и залезть на смоковницу! Неслыханно!

Сердито взмахнув широкими рукавами расшитого халата, он круто повернулся и пошел к дому, то и дело встряхивая головой. Тщательно завитые кудри подпрыгивали на узорном воротнике, забавляя Соню, так и оставшуюся сидеть на ветке с полным ртом сладкой смоквы. Девочка забралась на дерево вовсе не желая подразнить сановного аристократа, нет, она разозлилась на его старшую дочь, гордячку Югиту.

Когда Соня в сопровождении верных слуг покидала Майран, где в ту пору проживало ее семейство, она была даже рада перемене обстановки. Да, тогда они с Хункаром здорово влипли в одной из ночных вылазок.... Отец долго не мог простить парню того, что он впутал в свои проделки Соню.

«Глупая девчонка! — кричал отец, сверкая глазами и в ярости меряя огромными шагами комнату, — Чем ты думала, когда таскалась повсюду с этим болваном?! Ну, с ним у меня разговор будет особый... Но ты, мое любимое дитя! Нет, я никак не ожидал от тебя подобной дури!» Келемет изо всех сил сдерживался, чтобы не разразиться простонародной бранью. Вот тогда-то ему и пришла в голову отличная мысль — отправить дочь в Хауран, где аристократ Джергес постарается превратить несносную девчонку в образованную и утонченную даму. А иначе эту резвую кобылку и замуж не пристроишь!

И вот она прибыла из Турана в Хауран, где ей предстояло обучиться всему необходимому для богатой девицы. И засверкать, подобно искусно ограненному алмазу. Именно так и сказал на прощание Келемет, целуя притихшую дочь.

А Югита... Ох, уж эта Югита! В первый же день она, увидев Соню, высоко подняла тонкие бровки и высокомерно промолвила:

— Это и есть дочь богатого туранца? О, Иштар, ей и впрямь надо многому научиться — и для начала хотя бы изящно убирать волосы или выбирать платье! — Надменная девица обошла вокруг Сони, потерявшей дар речи от такого приема и замершей в растерянности, как деревянная кукла. — Посмотрите на ее рукава! Такие нравятся только простолюдинкам, даже мои служанки не наденут ничего подобного!

Соня вспыхнула гневным румянцем: это было ее самое лучшее платье, и волосы лежали на за-

тылке красивым пышным узлом, заколотые роговыми гребнями. Она хотела было повернуться и убежать обратно во двор, где слуги распрягали лошадей, но стоящий рядом Джергес, положил ей на плечо большую мягкую руку и резко осадил дочь:

— Югита, ты забываешься! Соня — наша гостя, а твой прием не отличается ни любезностью, ни изысканностью! Тебе самой стоит припомнить уроки достойного поведения, а для этого поменьше вертись перед зеркалом!

Гордо подняв темноволосую головку, Югита изящно приподняла юбки и, бросив на Соню насмешливый взгляд, спустилась по широкой лестнице к цветникам.

— Иди отдохни с дороги, служанки покажут тебе твою комнату. Она как раз рядом со спальней моей дочери. Я думаю, вы поладите! — И дядюшка Джергес слегка сжал ее плечо.

Еще чего! Ладить с такой гордячкой, с заносчивой вертушкой! Рукава, прическа! Плевать она хотела на все это!

Оставшись одна, Соня, вытерев злые слезы, сбросила платье, ставшее в один миг ненавистной синей тряпкой, натянула потихоньку прихваченные из дома старые штаны брата и, выскользнув в сад, взобралась на высокое дерево...

...Дорога плавно поворачивала то вправо, то влево, петляя между огромными валунами, предвестниками теперь уже недалеких Карпашских гор. Соня видела и эти красновато-серые глыбы, и редкие рощицы низких деревьев, склонивших

ветви почти до самой земли, и узкие трещины оврагов, змеившихся справа от дороги. Но на эту картину накладывалась и другая, не менее отчетливая, живая картина прошлого.

...Здесь, в Хауране, правители всегда любили приближать к себе знатных чужеземцев, вот и отец Югиты, почти не приложив усилий, если не считать, конечно, его женитьбы на прекрасной турчанке Адалане, быстро попал в милость при дворе. Всегда ровно приветливый со всеми, сдержанный в словах и расчетливый в поступках, ловкий вельможа, не нажив сколько-нибудь серьезных врагов, вскоре стал главным советником хауранского наместника.

Высокоцитимый Джергес не меньше сиятельно-го владыки любил музыку, поэзию, сложные игры восточных мудрецов, делавшие разум гибким, как лоза, и острым, как кинжал. К своим детям он пригласил лучших учителей, поселив в отдельном флигеле, и они жили там, благословляя удачу и щедрость хозяина.

Отпрыски многих именитых вельмож ежедневно приходили в его широко раскинувшийся сад, чтобы в просторных павильонах обучаться наукам и искусствам вместе с собственными сыновьями и дочерьми Джергеса.

Сначала Соне было очень не по себе в этом роскошном доме, где не разрешалось бегать по коридорам, кричать и громко смеяться. Но тот первый день, когда она назло Югите и ее важному папаше залезла на дерево, не прошел для нее даром. Она не терпела над собой никакого пре-

восходства, если только не признавала его добровольно. А тем же вечером ей пришлось пережить еще одно унижение, когда Югита, восседая, словно владычица, среди юных дочерей хауранской знати, вздумала вызвать свою гостью на поэтический поединок.

Они сидели в беседке, увитой виноградом, а прислужницы разливали в чаши прохладный пенный напиток. Огромные вазы с фруктами стояли на столиках, инкрустированных перламутром и слоновой костью. Волосы гордой дочери почтенного Джергеса, заплетенные на висках в несколько мелких косичек, были уложены сзади причудливым валиком и перевиты жемчужной нитью. Большие овальные жемчужины свисали с мочек маленьких ушей, а синее платье — подумать только, почти такого же цвета, как ее собственное! — делало легкую фигурку девушки почти невесомой. Плотнo облекая маленькую крепкую грудь, подхваченное драгоценным поясом, оно спускалось вниз мягкими пышными складками.

А рукава, проклятые рукава! Соня сразу впилась в них глазами и поняла, что болтливая девчонка, оказывается, права. Пышные от плеча до локтя, они в двух местах были перетянуты голубыми лентами с золотым шитьем, а от локтя до запястья плотно охватывали руку. Соня имела мужество признаться себе, что платье Югиты, как и платья остальных девушек, сидевших вокруг нее, были гораздо красивее ее собственного.

— Ах, какие дивные плоды дарит нам изобильное лето! — томно проворковала одна из дев, беря

в руку золотисто-румяный персик. — Это чудо достойно целой поэмы!

— Да, Эфиль, ты права! Так давайте же по кругу прославим щедрость Богов, даровавших нам это благо! Может быть, наша новая гостья начнет? — И Югита метнула лукавый взгляд в сторону Соңи, потянувшейся к груше.

Девушка, словно обжегшись, отдернула руку и, круто развернувшись, бросилась прочь из беседки. Вслед ей раздался тихий смех, и мелодичный голос нараспев начал читать стихи.

Соня зажмурилась и потрясла головой, отгоняя видение. Нет, она совсем не хотела вспоминать те дни в доме хауранского аристократа! Первые месяцы ей больше всего хотелось выкрасть лошадь в его конюшне и сломя голову броситься в Халафру, где к тому времени обосновалась, уехав из Майрана, ее семья! Но мудрый Джергес читал в ее душе, как в открытой книге. Он потратил немало времени, убеждая маленькую упрямыцу не обращать внимания на насмешки и приступать к занятиям.

Конечно, кое-что она знала и умела. Келемет и сам приглашал учителей к своим детям, но это была лишь грубая почва, на которой должны были расцвести прекрасные цветы истинной образованности. И вот теперь, спустя годы с того дня, Соня, превзошедшая всех подруг в искусстве стихосложения, в игре на всевозможных музыкальных инструментах, изучившая придворный этикет и хитрое искусство оболъщения, трясется по пыльной дороге в жалкую деревушку у подножия

диких гор, чтобы еще раз задать свой вопрос... Только кому?!

* * *

Солнце уже касалось верхушек деревьев, когда впереди замаячили две высокие башни. Вот она, Хариффа, откуда начнется ее путь по Белой Тропе Времени! Гадальщик сказал, что именно здесь ей должны указать дорогу... Соня толкнула Подружку пятками и поскакала к воротам.

Хариффа была обнесена внушительной каменной стеной, не такой мощной, как в Керсисе, но все же достаточно высокой, чтобы жители деревни чувствовали себя в безопасности. Справа от стены змеился глубокий овраг, склоны которого заросли серовато-сизыми побегами курая. Неподалеку паслись крупные белые козы с великолепной волнистой шерстью. Они неторопливо объедали листья и тонкие ветви с чахлах кустов, не брезгуя и жесткими стеблями горькой травы — зара.

Из зарослей вынырнул немолодой мужчина в серой холщовой рубаше и закатанных до колена штанах. Он нес на плече большую охапку зеленых прутьев. Следом за ним на дорогу выбежали три козы, подгоняемые лохматым мальчишкой. Поравнявшись с мужчиной, Соня осадил лошадь и поехала шагом. Покосившись на девушку, поселянин поправил вязанку и хрипло спросил:

— Далеко едешь-то? Здесь, парень, в одиночку нельзя, места опасные! Если собрался через перевал, придется ждать каравана!

— Нет, хозяин, мне не туда, мне гораздо ближе, — ответила Соня, надвинув шляпу поглубже.

— А-а-а, значит, у тебя здесь родня? Ну и к кому же ты пожаловал, путник? Скажи, я провожу! Может, к старому Цирсу? У него как раз три племянника в Керсисе. Или к ткачихе Тайре, ее одеяла даже в Аренджуне знают!

— Нет, нет, я не племянник старого Цирса, и одеяла мне не нужны! Я здесь только переночую и отправлюсь дальше! Скажи только, где можно остановиться?

Попутчик Сони сразу умолк, всю его разговорчивость словно ветром сдуло. Он сплюнул себе под ноги и до самых ворот больше не проронил ни слова.

Войдя в селение, он повернул налево, а Соня, непонятно почему разозлившись, направила лошадь прямо.

— Эй! — раздался ей вслед знакомый хриловатый голос. — Поезжай к источнику, там постоялый двор. Дом с голубятней, это он самый и есть! — И, окинув девушку на прощание мрачным взглядом, хмурый попутчик скрылся за щелястой калиткой.

Где-то рядом брякнула щеколда, и высокая женщина с большим глиняным кувшином пошла вперед, метнув на девушку быстрый взгляд из-под темного покрывала. Соня медленно поехала следом. Ей навстречу попадались женщины, молодые и старые, одетые в невзрачные платья, с такими же темными покрывалами, скрывающими волосы. Они шли, придерживая на плече тя-

желые посудины и неприветливо поглядывая на одинокого всадника. «Ну и местечко! — подумала Соня, невольно поторопив лошадь. — Что это они все на меня косятся, будто заранее видят во мне врага?! Ладно, переночую здесь, спрошу дорогу, и — прощай, Хариффа!»

Она больше не обращала внимания на недобрые лица поселянок, направляясь к небольшой площади в центре селения, откуда слышались громкие голоса и бляенье коз. Животные сгруппировались у желоба, наполненного водой, и этот край площади казался покрытым шевелящимся белым ковром.

Хариффа, Хариффа! Да ведь это название Соня не раз слышала в доме отца, и как она могла забыть! Знаменитая харифская шерсть! Так вот откуда привозили тюки тончайшей, легкой, как пух, белой шерсти, которую отец с большой выгодой для себя продавал потом заезжим купцам!

Поймав себя на том, что опять унеслась мыслями в прошлое, Соня спешила и, взяв Подружку под узды, пошла к источнику. Селянки, только что со смехом судачившие у края большого шестигранного колодца, почти доверху наполненного прозрачной водой, тут же начали поспешно расходиться. Мальчишки, присматривавшие за козами, сбились в испуганную стайку и отошли подальше. Сердясь и недоумевая, Соня напоила лошадь, напилась сама и оглянувшись, ища глазами дом с голубятней.

Все дома вокруг были похожими, как братья-близнецы или как эти козы, что столпились у

желоба. Сложенные из серых плит ноздреватого камня, крытые простыми глиняными плитками, отдаленно напоминавшими черепицу, они, казалось, выглядывали из-за низких каменных оград с истинно деревенским любопытством и простодушием. И только один дом, полускрытый пышной кроной раскидистого вяза, несколько отличался от остальных. Такой же приземистый, он был по меньшей мере втрое длиннее любого из них. На широких деревянных воротах виднелась прибитая старая подкова и болтался клочок белой шерсти, стянутый пестрым витым шнуром, — знак ночлега и торговых сделок.

Обойдя коз, глазевших на нее значительно приветливее, чем мальчишки, стоявшие поодаль, Соня подошла к воротам. Теперь она видела и голубятню: невысокую башенку с деревянным верхом, прилепившуюся в углу двора. Стайка голубей, золотисто-розовых в лучах заходящего солнца, делала круги над Хариффой, испуганно шарахаясь от длинного шеста с развевающимися полосками ткани, которым размахивал, стоя на крыше, долговязый подросток.

Девушка толкнула приоткрытую створку и вошла. Солнце еще освещало коньки крыш и невысокие трубы дымоходов, зато здесь, во дворе, окруженном хозяйственными постройками и хлевами, было уже по-вечернему прохладно. Немолодой слуга, увидев гостя, поспешно загнал в сарай последних коз и закрыл щеколду. Прихрамывая, он подошел к Соне и молча взял повод. Покосившись на притороченный к седлу гиркан-

ский лук и колчан со стрелами, мужчина повел лошадь к конюшне. Девушка легонько шлепнула Подружку по темно-коричневому крупу и направилась к крыльцу. Несколько жирных голубей отбежали от ступенек и вспорхнули на крышу, откуда их сразу же согнал пронзительный свист длинноногого мальчишки. Он с упоением размахивал своим шестом, не давая птицам опуститься. Хромой прислужник вышел из конюшни и, задрав голову, зычно крикнул:

— Эй, шалопай, хватит! Погонял, и довольно! Солнце уже садится, оставь голубей в покое! Кому говорю, положи шест! Ну ты у меня схлопочешь, только спустись во двор!

Свист тут же прекратился, вместо него послышался скрип открываемой дверцы. Соня на мгновение задержалась у крыльца, с улыбкой глядя на легкокрылых птиц, сразу устремившихся вниз, в родную голубятню. Предвкушая пирог с начинкой из нежного птичьего мяса, она толкнула дверь и вошла в просторный коридор, тускло освещенный одним маленьким окошком. Справа началась крутая лестница, упиравшаяся в открытый лаз на крышу.

Снаружи доносилось блеяние коз и неразборчивое бормотание. Из-за кожного занавеса прямо перед ней слышались позвякивание посуды, мужские голоса и шарканье ног. Девушка переступила порог и оказалась в небольшом зале с тремя широкими столами. В самом углу, под ярко горящим светильником, сидели трое торговцев и вели оживленный разговор. Повернув головы в

ее сторону, они на какое-то время умолкли, но потом, потребовав новый кувшин вина, снова продолжили прерванную беседу.

Соня села неподалеку, у окна, выходившего во двор, и громко постучала рукояткой кинжала по доскам стола. Шустрый мальчишка с круглыми вытаращенными глазами, который только что приносил вино, выглянул из-за тяжелого полотнища, прикрывавшего проем, и шмыгнул обратно, что-то отрывисто крикнув. Тут же появился дородный хозяин, вытирая руки куском чистого холста, перекинутого через плечо. Он сразу заметил нового гостя, оглядел его оценивающим взглядом и, улыбаясь одними губами, подошел ближе:

— Чем господин пожелает утолить голод и жажду? — Его маленькие быстрые глазки, словно ощупывая, скользнули по безрукавке, по белой стройной шее, выглядывавшей из распахнутого ворота, и остановились на войлочной шапке. Пряча усмешку, трактирщик добавил: — Я хотел сказать — что прикажет прекрасная госпожа подать себе на ужин?

Купцы, сразу забыв о ценах на шерсть, примолкли и повернули головы в их сторону, с интересом прислушиваясь. Соня, глядя на хозяина спокойным, слегка надменным взглядом, медленно сняла свой головной убор и положила на стол. Рыжие волосы, едва подхваченные заколкой, тяжелой волной сползли с затылка и заструились по плечам. Хозяин продолжал улыбаться, но на лице его уже не было и тени прежней приветливости.

— Принесешь пирог с голубями, только не вздумай сказать, что его у тебя нет! Ну, еще жаркое из козленка, немного вина, слышишь, совсем немного! И сластей. А потом приготовишь мне на ночь комнату!

— Госпожа пробудет здесь только одну ночь? А позволено ли мне будет осведомиться, куда она отправится дальше? — Улыбка совсем сползла с его губ, лоб покрылся мелкими капельками пота, руки комкали край полотенца.

— Куда? Это скорее я должна у тебя «осведомиться»... — Соня насмешливо произнесла последнее слово, столь непривычное в устах деревенского трактирщика. — И, думаю, ты укажешь мне дорогу...

— Дорогу?! Какую дорогу? Я ничего не знаю, и ничего тебе не подскажу! — неожиданно по-бабьи взвизгнул хозяин, отступая в глубину зала и размахивая пухлыми ладошками. Соня смотрела на него широко раскрытыми глазами, не понимая причины столь внезапной перемены.

— Но ведь ты даже не знаешь, о чем я хочу спросить! — сказала она, стараясь сохранить спокойствие. Девушка чувствовала, что еще немного — и ее захлестнет волна неудержимой ярости: подумать только, ну и в отвратительное место она попала. Эта Хариффа — деревня сумасшедших!

— Знаю, знаю, я все прекрасно знаю! Убирайся отсюда, рыжая потаскуха, ничего ты здесь не получишь! Ишь чего захотела: подай, приготовь да еще дорогу укажи! Чтоб мой постоялый двор молния спалила, да?! Иди, иди отсюда! — И он,

грозно уперев руки в бока, пошел вокруг стола, явно намереваясь вышвырнуть ее за дверь.

Соня за свою короткую жизнь успела повидать всякого, и хорошего, и плохого, но с подобным приемом в захолустной харчевне сталкивалась впервые. Кровь горячей волной прилила к щекам, и гнев, уже давно просившийся наружу, наконец-то вырвался на волю. Чтобы какой-то ничтожный содержатель паршивого постоялого двора посмел назвать ее потаскухой! Да еще полез напролом, желая выкинуть ее на улицу! Гордость дочери отважного Келемета, взыграла в ней, не позволяя спустить наглецу.

— Как ты посмел, мерзавец?! — Она вскочила с лавки, подавшись вперед и грозно сверкая глазами. — Я — потаскуха?! А кто же тогда ты, смердящая падаля, паршивая куча дерьма, раз ты смеешь набрасываться на дорожного человека с оскорблениями?! И не размахивай кулаками, жирный боров, а то из тебя самого придется готовить жаркое! — И Соня выхватила из-за пояса кинжал.

Купцы в углу испуганно вскочили и, опрокидывая лавки, бросились к двери. Хозяин, не ожидавший такого отпора, невольно попятился, но и в нем клокотала злоба, от которой румяные щеки налились малиновой кровью:

— Ах ты, дрянь! Еще и клинком размахивает. Я сказал — убирайся вон, и все тут! Сейчас кликну слуг, они тебе живо покажут дорогу, выплюют по заднице, сразу смекнешь, куда тебе надо!

На его крик из-за полога выскочила костлявая хозяйка в пестрой холщовой юбке, поспеш-

но вытирая перепачканные мукой руки. Следом за ней выглянул мальчишка с круглыми испуганными глазами; а с улицы, гремя тяжелыми сапогами, ввалился длинный подросток в драной рубахе, тот, что гонял голубей. Увидев подкрепление, трактирщик завопил с новой силой:

— Нет, вы только посмотрите! Заявилась красotka, в мужских штанах, и требует — пирог ей с голубями, да еще дорогу покажи!

При этих словах хозяйка и слуги испуганно переглянулись. Женщина что-то шепнула на ухо мальчишке, и тот стрелой вылетел за дверь. А толстяк, еще немного отступил и снова завел свою песню:

— Ишь, еще не нравится, когда ей правду в глаза говорят! Кинжалом размахивает, стерва! Подумаешь, проезжий человек! Дорога ей нужна! Так поезжай вперед, здесь всего одна дорога, и пусть тебя там барсы растерзают или разбойнички потешатся! Ха-ха-ха, уж ты-то для них будешь лакомым кусочком.

Не говоря ни слова, Соня подхватила шляпу и стала медленно выходить из-за стола. Клинок по-прежнему угрожающе сверкал в ее руке, и было видно, что она не замедлит им воспользоваться.

— Нет, старая образина, я просто так не уйду! — Соня шипела, как рассерженная гадюка. — Теперь, навозный червь, ты или ответишь на мой вопрос, да еще с подобающими извинениями, или распрощаешься с жизнью! Не думай, что я спущу тебе оскорбления! — Она метнулась к двери, отрезая хозяину путь к отступлению.

Ее лицо исказилось от гнева, глаза сузились, верхняя губа приподнялась, как у волчицы, обнажив оскаленные зубы. Трактирщик наконец понял, что попал в нешуточную переделку, и кинулся назад, к внутренней двери. Хозяйка не успела прошмыгнуть за полог раньше него, и они столкнулись в дверях, истошно вопя:

— Ты, колода, чего встала, пусти!

— Нет, сначала я, видишь, она совсем взбесилась!

Парочка сцепилась, отпихивая один другого и беспрерывно переругиваясь. Соня, в два прыжка очутившись рядом, приставила острие кинжала к жирному горлу хозяина. Он дернулся, пытаясь высвободиться, но девушка крепко ухватила его за ворот рубахи:

— А теперь, ублюдок, быстро отвечай, где Тропа!

— Что... Что госпоже угодно... все скажу, все... Только не убивай... я не хотел... молния дом спалит! Ой, не надо, не надо, погоди сейчас все расскажу!

— Давно бы так, помесь ослицы с шакалом! Где здесь начинается Белая Тропа Времени? Ты должен знать, раз держишь постоянный двор! Ну, говори, или я пушу тебе кровь!

Хозяин упал на колени, глядя на Соню вытаращенными от ужаса глазами. Его жена тихонько подвывала сзади, выглядывая из-за замызанной занавеси.

— Какая... какая Белая Тропа?! Ничего о ней не ведаю, прекрасная госпожа, нету здесь ника-

кой тропы, только дорога... дорога на перевал! Ай, убери кинжал, убери, ничего больше мне не известно!

Он дрожал и лязгал зубами, пот крупными каплями катился по жирному лицу, растопыренные пальцы судорожно ловили воздух. Но Соня видела, что хозяин лжет, его глаза старательно избегали ее взгляда, и она, потеряв терпение, слегка кольнула кинжалом трясущиеся складки его шеи. Трактирщик взвыл, стараясь подальше отвести голову, и в этот миг девушка услышала за спиной крики и топот множества ног. Орущая толпа ворвалась в харчевню, и у хозяина снова прорезался голос:

— Спасите! Убивают!

Соня с отвращением толкнула его обмякшую тушу и, напружинив ноги, резко повернулась навстречу опасности.

Похоже, вся Хариффа с воплями высыпала на улицы и устремилась к постоялому двору. В распахнутую дверь вбежало десятка полтора мужчин, вооруженных чем попало: боевыми топориками, длинными кинжалами, увесистыми дубинами. Можно было подумать, что поселяне собрались отразить нападение целой шайки разбойников. Соня в первый момент их самих приняла за грабителей, не предполагая, что весь этот переполох поднялся именно из-за нее.

Она видела страх и злобу на лицах притихшей на какой-то миг толпы, заметила краем глаза и хозяйку, подкрадывающуюся сбоку с огромным вертелом в руках, а по харчевне раз-

несся торжествующий визг хозяина: «Хватай ее! Тащи на площадь!» И она наконец поняла, в чем дело.

Значит, так встречают здесь всякого, кто захочет узнать дорогу к Белой Тропе! Похоже, ее ожидает на этом пути еще немало подобных неожиданностей! И надо быть ко всему готовой. Хозяин, конечно, дерьмо, неотесанная дубина, но, должно быть, по-своему он прав. Ну, что ж, надо поскорее выбираться из этого гостеприимного дома и искать дорогу самой!

Покосившись на хозяйку с острым вертелом в трясущихся руках, Соня сделала осторожный шаг в сторону двери. Она ясно видела, что сила не на ее стороне, но гнев все еще бушевал в крови, не позволяя признать поражение.

— Эй, вы, отойдите от двери, я сама не желаю оставаться в вашей деревне! Или кое-кто из вас отправится вместе со мной на Серые Равнины! — Ее голос, твердый и негромкий, не оставлял сомнений, что она непременно осуществит свою угрозу. Костяшки пальцев, сжимавших рукоять кинжала, побелели от напряжения; толпа, загородившая дверь, невольно попятилась, ощерившись остриями топоров и кинжалов, раздались испуганные возгласы:

— Пустите меня, не тычь в спину! Видишь, она сейчас прыгнет, как взбесившаяся кошка! Ой, ногу отдавили, болваны, куда претесь?

Соня сделала еще один шаг, но, услышав за спиной предательский шорох, мгновенно обернулась: хозяин, придя в себя, подкрадывался к ней,

подняв над головой тяжелую жаровню с длинной ручкой.

— Ага, вот это мне и нужно! — Соня расхохоталась и отскочила в сторону.

Пока хозяин хлопал глазами, бестолково топчась на месте, она ястребом налетела на него, толкнула и подставила ножку. Толстяк с грохотом растянулся на глинобитном полу. Жаровня выпала из его потных рук, и девушка, перекинув кинжал в левую руку, схватила новое, так кстати подоспевшее оружие.

— Ну, теперь вы у меня попляшете! — Ее голос торжествующе зазвенел — Вы узнаете, как надо принимать гостей, пусть даже и нежеланных! А ты, старая кляча, лучше брось свой вертел, если не хочешь остаться вдовой! Ну, вот, сразу поняла! И проваливай отсюда, борова своего потом заберешь!

Соня перевела взгляд на дверь. Да, эти мужланьки быстро сообразили, что к чему! В проеме осталось лишь трое самых молодых и безрассудных, они выставили перед собой топоры, считая ниже своего достоинства отступить перед женщиной.

— Ну, погоди, рыжая, сейчас мы тебя скрутим! Эй, хозяин, чего развалился, быстро тащи веревку!

Широкая жаровня в тот же миг со звоном опустилась на голову хозяина.

— Полегче, полегче! Кто-нибудь из вас сделает еще шаг — и я вышибу из этого скота его вонючие мозги! А потом и из вас, славные воины!

Ну-ка, марш во двор! — И она стремительно налетела на растерявшихся парней, одного полоснула кинжалом, другому поддала коленом в низ живота, а третий, попятившись, наткнулся на собственный топорик. Еще два-три полновесных удара жаровней — и смельчаки вылетели во двор, где возле крыльца столпились перепуганные жители Хариффы.

Возбужденная первой победой, девушка выскочила следом за ними. Злобный ропот мужчин и разноголосый вой женщин встретили ее на пороге, но никто не сделал ни шага ей навстречу: с окровавленным кинжалом в одной руке, погнутой жаровней в другой, с растрепавшимися рыжими волосами и глазами, горящими от гнева, Соня сейчас действительно была похожа на разъяренную хищную кошку. Как видно, здешним обитателям еще не приходилось сталкиваться с женщиной, такой отважной и опасной.

Шумно дыша, Соня стояла на крыльце, готовая в любой миг отразить нападение. Селяне мрачно глядели на нее, выставив перед собой свое разномастное оружие и тоже ожидая атаки. На какое-то мгновение стало тихо, и эта обманчивая тишина вдруг прервалась скрипом дверей и мягким топотом копыт.

Поверх голов Соня увидела, что хромой слуга, не глядя ни на нее, ни на столпившихся односельчан, вывел ее лошадь из конюшни и направился к воротам. Подружка скосила встревоженный глаз в сторону хозяйки и негромко заржала.

Соня встряхнула головой. Гнев потихоньку утихал, сменяясь какой-то детской обидой. Ведь она ничего не сделала этим непонятным людям! А на нее ополчилась целая деревня, и каждый готов ее убить! Гнусное место!

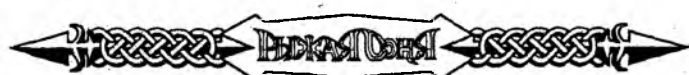
Кобыла снова заржала, пытаясь встать на дыбы, и Соня почувствовала, что не может больше здесь оставаться, что еще миг — и ярость снова накатит багровой волной, заставив ее врезаться в эту молчащую толпу, и рубить, колоть, кромсать, кусаться, пока все не кончится.

Словно почувствовав эту резкую перемену в ее настроении, мужчины, глухо ворча, расступились, пропуская ее к воротам. За их спинами снова завывали и заорали женщины. В этих нестройных воплях вдруг стало различимо чье-то имя, выкрикиваемое со злорадной угрозой:

— Гартах! Гартах! Гартах!

Медленно, в любое мгновение готовая к броску, Соня спустилась с крыльца и двинулась к воротам, стараясь не упустить ни единого движения в толпе.

Вдруг сзади послышался тяжелый топот и невнятные ругательства. Девушка тут же развернулась, готовая встретить опасность лицом к лицу. То, что она увидела, в другое время заставило бы ее расхохотаться: дородный хозяин, размазывая рукавом кровь, текущую из разбитого носа, другой рукой потрясал длинным вертелом, как боевым копьем, целясь в ненавистную гостью. Собрав все силы, он-таки метнул свое оружие, вонзившееся в землю у самых Сониных ног, и

кубарем покатился вниз по ступеням. Его сухопарая жена, тут же выскочив на крыльцо, бесильно погрозила кулаком и с помощью слуг кинулась поднимать тяжелое тело своего отважного супруга, жалобно причитая.

Но Соня не стала досматривать эту сцену семейной идиллии. Отвернувшись, она быстро зашагала к воротам, грозно поглядывая на явно робевших мужчин. А женщины, успевшие выскочить на площадь, орали там истощенными головами:

— Гартах! Прокляни ее! Гартах! Прокляни ее! Гартах! Гартах!!!

Шепотом призывая на головы селян всевозможные напасти, Соня подошла к воротам. Ей пришлось пару раз угрожающе взмахнуть кинжалом и выбить жаровней топорик из рук расхрабренного юнца, чтобы выбраться на площадь. У колодца стоял, держа за повод кобылу, хромой прислужник постоялого двора. Он единственный из всех смотрел на девушку безо всякой вражды, даже в какой-то жалостью, как смотрят взрослые на заупрямившихся детей.

Не глядя на орущих поселянок, лишь краем глаза поглядывая в сторону ворот, откуда высыпали вооруженные мужчины, Соня уронила под ноги жаровню, взяла из рук слуги повод и чуть заметно улыбнулась. Улыбка получилась вымученной и горькой. Хромой еще раз сочувственно взглянул на нее и еле слышно прошептал почти не разжимая губ:

— Скорее уезжай отсюда, не дожидайся Гартах!

Он круто повернулся и, не оглядываясь, пошел к воротам. Подружка беспокойно прядала ушами, испуганно пританцовывая на месте. Эта визжащая толпа пугала ее, и только присутствие хозяйки сдерживало благородное животное. Соня, успокаивая, погладила ее морду, похлопала по крутой шее и хотела было уже вскочить в седло, как вдруг раздавшийся в наступившей тишине вскрик словно пригвоздил ее к месту. Лошадь тоже словно окаменела.

Странный звук, то ли крик, то ли стон, повторился снова. Люди напротив Сони расступились, и прямо перед собой девушка увидела непонятное существо, которое в равной мере могло оказаться как мужчиной, так и женщиной. Оно приближалось, взмахивая длинными рукавами бесформенного одеяния с висящими на них бубенчиками, и хрипло выкрикивало высоким ломающимся голосом:

— *Хрита! Хрита мафра шул! Хрита, хрита!*

Слова и голос завораживали, лишали сил. Соня почувствовала, что не может сдвинуться с места, и кобыла рядом с ней тоже застыла, как изваяние. Девушка не могла пошевелить даже пальцем, только глаза оставались подвижны и следили за каждым движением странного человека. Он приближался все ближе, и теперь уже Соня хорошо видела висящие на его шее волчьи клыки и сушеный корень мандрагоры.

«Знахарь! Знахарь и колдун!» — молнией пронеслось у нее в голове, и холодные мурашки побежали по спине девушки. Она живо помнила

тот страх, что испытала у гадалщика в Керсисе, а теперь еще один колдун, здесь, в Хариффе...

Соня зажмурилась, огромным напряжением воли пытаясь стряхнуть наваждение, но вместо этого ощутила, как безвольно разжались пальцы, до этого сжатые в кулаки. Ей оставалось только злиться, сознавая, что совершенно беззащитна перед этим существом.

Гартах между тем потрянул длинными прядями грязных нечесаных волос, выпростал пальцы из широких рукавов и тонким голосом завел протяжную песню, пританцовывая в пыли босыми ногами. Откуда-то из-за его спины показались два мальчугана в длинных рубахах, подпоясанных грубыми конопляными веревками.

Один из них, черноволосый, с двумя волчьими клыками на недлинном шнурке, радостно скалил в улыбке крупные белые зубы. Он держал большую глиняную чашу, доверху наполненную алой дымящейся кровью. Шкура молодого козленка была зажата у него под мышкой. Второй, белобрысый веснушчатый мальчишка, смотрел напряженно и испуганно, и чаша, наполненная молоком, дрожала в его худеньких руках. Соня успела рассмотреть на его груди крупный волчий клык и небольшой кусок корня мандрагоры.

Гартах меж тем подошел совсем близко, впившись острыми черными глазами в ее лицо. Брызгая слюной, он спросил свистящим шепотом:

— Что ищешь? Белую Тропу? Отвечай, или они убьют тебя!

В душе у девушки при звуках его голоса поднялась настоящая буря гнева и ненависти, но ее лицо оставалось неподвижным, только ноздри тонкого носа затрепетали. Губы дрогнули, с усилием раскрываясь, и Соня с изумлением услышала собственный голос:

— Да, могучий Гартах, я ищу Белую Тропу Времени! Прошу, укажи мне начало пути!

Колдун закурился на месте, и складки его пестрого одеяния раздулись широким колоколом. Бубенчики, зашитые в полах, зазвенели, перекликаясь с теми, что болтались на рукавах.

Он вдруг остановился на полусогнутых ногах и, не сводя с Сони пронзительного взора, протянул назад правую руку. Черноволосый ученик подал ему чашу с кровью и накрыл сверху шкуркой козленка. Гартах окунул шкуру в кровь, и та закапала вниз, пачкая его одеяние и босые ноги.

— Кто прислал тебя в Хариффу?! Кто сказал, что здесь начинается Тропа?! — снова визгливо заголосил колдун.

Соня, еле шевеля губами, послушно ответила:

— Гадальщик из Керсиса, Адзир-Кам...

При звуке этого имени колдун вдруг пошатнулся и уронил себе на ноги чашу с кровью. Он запрыгал, крича и воя, будто ожегся горячими угольями. И тут же Соня почувствовала, что вновь может шевелиться, и лошадь рядом с ней тревожно всхрапнула, переступив ногами.

По притихшей толпе пронесся испуганный вздох. Соня смотрела на Гартаху, размышляя, что сейчас самое время уносить ноги, но почему-то

медлила. А он вдруг снова замер и протянул вбок левую руку.

Светловолосый ученик подал ему чашу с молоком, и колдун, хмурясь, словно нехотя, выплеснул его девушке на ноги. Вздвогнув, как будто невидимые путы свалились с нее, Соня кинулась к лошади и в тот же миг оказалась в седле.

Она ровным счетом ничего не поняла в этом странном действе, но чувство, что опасность позади и путь свободен, переполнило ее грудь. Девушка толкнула пятками кобылу и, не глядя на угрюмо молчащих селян, медленно двинулась к северным воротам.

Сумерки сгущались незаметно. Еще немного — и совсем стемнеет. Пора было подумать о ночлеге, но Соня, покинув Хариффу, ехала какое-то время, не понукая Подружку. Постепенно возбужденное сознание успокоилось, мысли обрели ясность, и все случившееся отодвинулось в прошлое, позволив ей задуматься о насущном.

Соня огляделась. В густом полумраке темнели огромные бесформенные валуны, тихонько колыхались под вечерним ветром невысокие кусты боярышника. Выбрав место близ дороги, где скалистый обломок и несколько кустов образовали уютный полукруг, Соня спешила и расседлала лошадь.

Вскоре возле большого камня весело запылал костер, и Соня села, прислонившись спиной к шершавой поверхности и блаженно вытянув ноги. Сапоги, облитые молоком, сушились у огня, и от них поднимался прозрачный пар. Сумка с остат-

ками жаркого тетки Фирены лежала у нее на коленях, и девушка с сожалением думала, что этим как следует не наешься. Да и запить нечем...

Вдруг ее ухо уловило легкий шорох. Она мгновенно насторожилась, отложив припасы и выхватив из ножен кинжал. Но кобыла мирно щипала траву, даже не повернувшись в сторону подозрительного звука. «Какая-нибудь ночная зверюшка» — подумала Соня, успокаиваясь. И тут из кустов раздался громкий шепот:

— Рыжая! Эй, Рыжая!

Глава четвертая

Сердце гулко стучит в груди.
Если шел куда-то — иди!
Звезды тихо горят в ночи.
Если что-то узнал — молчи!

Д а расскажи мне все толком и по порядку! — велела Соня, поглядывая на мальчишку.

Он сидел напротив нее, подкладывая в костер сухие ветки. Светлые волосы упали на лоб, подбородок уперся в худые коленки. Ему было лет двенадцать, не больше. Когда паренек, некоторое время назад, окликнул ее из гущи кустов, Соня чуть не метнула в него кинжал — слишком свежи были впечатления от гостеприимной Хариффы. Но когда тот вылез на свет, ломая ветки, и девушка с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться, — тощий, нескладный, с двумя большими сумами через плечо, он показался девушке смешным и нелепым зверьком, попавшим в силки незадачливого охотника.

Конечно, она его сразу узнала: волчий клык, болтавшийся на шее рядом с куском мандрагоры, лишь подтвердил, что перед ней — белообрый ученик Гартаха. Не сводя глаз с кинжала, мальчишка стал что-то быстро и путано объяс-

нять. Соня поняла только, что его зовут Луми и что он сбежал от своего ненавистного покровителя, чтобы показать ей путь к Белой Тропе.

Это ее обрадовало — кто знает, сколько времени она потеряла бы, разыскивая эту неведомую дорогу. К тому же попутчик, особенно такой щедушный и безобидный, как Луми, — всегда пригодится. Кажется, мальчишка лепетал еще и о том, что хочет вместе с ней попасть в таинственную пещеру...

Подкрепившись тем, что принес с собой запасливый мальчуган, Соня напилась холодной воды из большой кожаной фляги и спросила:

— Значит, ты навсегда ушел из Хариффы? Расскажи мне все толком и по порядку! Для начала я хочу знать, почему меня чуть не убили на постоялом дворе? Что я им сделала?! И что за представление устроил этот ваш колдун или знахарь, как его? Гартах! Ему-то какая разница, куда я иду?!

— Ты думаешь, Рыжая, что твое появление ничего для жителей деревни не значит? — Луми поднял на нее задумчивые глаза. — погоди, а как тебя зовут? Я только сейчас рассмотрел, какая ты красивая... У нас таких не встретишь, все смуглые, черноволосые и очень крикливые...

Девушка улыбнулась: ей все больше нравился этот мальчишка, такой по-взрослому серьезный и в то же время по-детски наивный.

— Соня... Зови меня Соня. Значит, я им все-таки крепко насолила своим вопросом о Белой Тропе? Но что же тут недозволенного?! Дорож-

ный человек вправе спросить дорогу у трактирщика, да и вообще у кого угодно. Если он не хотел отвечать — так бы сразу и сказал, зачем кидаться-то? Теперь долго будет меня вспоминать, боров неповоротливый!

— Да, хозяин нашего постоянного двора больно вспыльчивый, чуть что — сразу в драку. Только жена его и может утихомирить. Ну, а с Белой Тропой все очень просто: если кто-то соблазнится деньгами или по простоте душевной укажет прохожему дорогу, с ним самим, с его домом, скотом или семьей обязательно случится большое несчастье: случится пожар, а то и волки растерзают всех коз, либо еще что похуже... — Мальчик неотрывно смотрел на огонь, словно видя перед собой страшные картины чужих бед — Знаешь, что случилось с верзилой Рассом, нашим кузнецом, в прошлом году? До этого много лет никто не решался показать дорогу, всех пришлых или забивали камнями, или выгоняли, как тебя, через северные ворота. А верзила Расс встретил незнакомца за деревней и решил, что если проговорится вдали от дома, то с ним ничего не случится... Ну, тот, который спрашивал, ушел и не вернулся, ведь оттуда этим путем никто не возвращается, так говорит Гартах, а вот Расс... Я видел, какой кошель золота ему отвалил прохожий, во! — И мальчик показал руками что-то совсем необъемное.

Девушка негромко засмеялась:

— Ну, это уж слишком! За такой кошель легко купить весь Керсис, да еще и вашу Хариффу в придачу!

— Значит, вот такой! — Мальчик немного убавил размеры воображаемой платы. — Да что в этом проку, если в ту же ночь они все умерли — и сам Расс, и его молодая жена, и годовалая дочка! Да еще два подмастерья, и весь скот! Утром их нашли почерневшими, как головешки, словно все они сгорели в пламени. А постройки остались целы... Вот что такое разговоры о Белой Тропе Времени! Нет, они не злы, они просто боятся. Проклятое место эта Хариффа, так сюда и лезут те, кому надо узнать... А тебе что нужно в той пещере?

Соня не ответила, медленно помешивая угли длинной палкой, и молча глядя на вспыхивающие звездочки искр. Луми вздохнул и подбросил в костер еще несколько веток. Огонь сначала робко лизнул сухие прутья, потом полез вверх золотыми ящерками, пламя взвилось, освещая теплым красноватым светом задумчивые лица собеседников.

— А почему ты удрал из Хариффы? Ведь этот знахарь и колдун Гартах был твоим учителем, верно? Значит, когда-нибудь и ты стал бы таким, все бы тебя боялись...

Соня говорила лениво, усталость целого дня пути и прием, оказанный ей в деревне, давали о себе знать. Она с удовольствием завернулась бы сейчас в плащ и уснула, но, похоже вопрос задел больнее место в душе мальчишки. Он резко поднял голову и отбросил со лба светлые волосы. Серые глаза, красноватые в отблесках огня, вдруг засверкали гневом и обидой. Сжав кулаки, он

заговорил горячо и сбивчиво — наверно, первый раз в жизни у него был слушатель, доброжелательный и молчаливый:

— Нет... И не хочу быть знахарем или колдуном! И я никогда не стал бы подобием Гартаха! Мне не нужно людского страха, я не хочу насылать порчу и смерть! Отогнать болезнь, облегчить муки, унять кровь — это еще куда ни шло, но и это не по мне!

Позабыв о сне, Соня с изумлением смотрела на Луми, а он, вперив взгляд в темноту, продолжал, торопясь выговориться:

— Гартах знал, что из меня не выйдет ни знахаря, ни колдуна. Его место должен был занять Зарди, его сын. О, как хорошо сидеть здесь, у костра, и знать, что я никогда, слышишь, никогда больше не увижу этих двоих!

Соня не вытерпела:

— Луми, я не понимаю, почему же тогда колдун держал тебя в учении? Ты ведь мог бы заняться каким-нибудь ремеслом или пасти коз! А как же твои отец и мать, зачем они отдали тебя именно Гартаху? Если бы ты был моим сыном, я ни за что бы этого не сделала — по-моему, он очень злобный, этот ваш знахарь!

— Да, Рыжая, ты права! — ответил Луми. — Он охотнее насылает порчу, чем излечивает болезнь. Потому его все так боятся. А его сын Зарди еще хуже, поверь мне, это настоящий демон! Я при нем боялся даже думать, мне казалось, что он слышит все мои мысли и рассказывает отцу... Им обоим доставляло удовольствие мучить меня.

Гартах часто заставлял меня заклинанием призывать летучих мышей, а потом живых нанизывать на тонкие веревки, чтобы они сначала пострадали, а потом издохли. Только тогда он их сушил, чтобы растолочь в приворотный порошок. А я больше всего боюсь как раз этих тварей, но даже им я не желаю зла! Нет, не хочу вспоминать! — воскликнул мальчик и заплакал, уткнувшись лицом в коленки.

Соне захотелось присесть рядом с ним и погладить вздрагивающие плечи, утешить, прижав к груди, как когда-то давно в детстве делала ее мать. Но Луми поднял голову и, не обращая внимания на текущие из глаз слезы, заговорил:

— Ты спросила про моих родителей? О, если бы у меня они были, конечно, я не стал бы учеником Гартаха! Никто из жителей Хариффы не согласился отдать своего сына ему в учение, а для ворожбы нужны два ученика... Гартах мечтает стать могущественным магом, сильнее даже самого Адзир-Кама! Как он его ненавидит и как боится! Но это может случиться только тогда, когда у меня и у Зарди будет по три клыка на шнурке, не раньше... — прошептал Луми, вытирая рукавом щеки.

Они надолго замолчали, думая каждый о своем. Потрескивали сучья в костре, плясали, извиваясь, узкие язычки пламени, а вокруг, в траве и кустах, шла своя ночная жизнь. Около камня, в густой траве, шныряли туда и обратно то ли ящерицы, то ли мыши. Конечно, это могли быть и змеи, но Соня упорно гнала от себя эту мысль. Пусть уж лучше ящерицы!

Ночные бабочки густым облачком мелькали вокруг костра, их легкие крылышки то и дело вспыхивали в жадном пламени. Но остальным до этого не было дела, они, ничего не видя, кроме чудесного света, упрямо танцевали свой вечный танец жизни и смерти.

— Послушай, Луми, а этот ваш Гартах не хватится тебя сегодня ночью? — поинтересовалась Соня, настороженно вслушиваясь в ночные шорохи.

— О, нет, только не сегодня и даже не завтра! — усмехнулся мальчик, подбрасывая в костер последние ветки. — Сейчас по всей деревне идет такая гульба, какой не бывает даже в Праздник Осенней Стрижки! Увидела б ты сейчас нашу тихую Хариффу — подумала бы, что глаза тебя обманывают! Ха-ха, хватится он меня, как же! — Мальчик снова задумался и умолк.

Но Соня не могла успокоиться:

— Я ведь тебя попросила, рассказывай все, и по порядку! Вытри слезы, ты ведь мужчина, да еще и почти колдун! — Она хотела подбодрить раскисшего Луми, чтобы тот отвлекся от грустных мыслей и вернулся, наконец, к рассказу о Белой Тропе.

Воспоминания, воспоминания!.. Соня прекрасно знала, как они расслабляют, уводя дорогами прошлого, вынуждая забыть о насущном. Она открыла рот, собираясь сказать что-то еще, но тихий короткий свист заставил ее встать и привычно схватиться за рукоять кинжала. Девушка напряженно всматривалась в темноту. Из кустов

напротив раздался ответный свист, и длинная узкая тень метнулась к валуну. Мгновение — и узкое, как лента, светло-коричневое животное, блеснув глазками, побежало прочь, сжав в зубах желтую ящерицу.

— Ласка! — засмеялся мальчик. — Их здесь много, гляди, как бы в мешок с припасами не залезли! В деревне от них просто спасу нет, воруют все — и цыплят, и сласти... Вон, смотри, еще одна выскочила!

И правда, на засохшей коряге появился изящный зверек, вытянув мордочку в сторону костра. Приподнявшись на передних лапках, он без всякого страха смотрел на людей. В конце концов, он был у себя дома, а под большим камнем водились аппетитные ящерицы, да и около костра валялись обглоданные кости...

Люди не шевелились, и ласка осмелела: косточки от жаркого соблазняли его больше, чем приевшиеся мыши и корешки. Быстрый бросок — в траве мелькнула золотисто-песочная спинка — и вот уже шустрый воришка скрылся в кустах с желанной добычей.

— Да, у нас в Салафре они тоже частенько шкодили в птичниках и кладовках... — задумчиво сказала Соня. — Так что за гульба у вас в деревне? Смотри, скоро костер прогорит, а ты все топчешься на одном месте. Если не праздник, то почему они веселятся?

— Потому, что ты убралась, а им не пришлось проливать кровь! — воскликнул Луми, от недавних слез не осталось и следа, он, не от-

рываясь, смотрел на девушку. — Я был так рад, что Гартах не смог справиться с тобой! Значит, ты побывала у самого Адзир-Кама и видела Зеркало Снов? И оно не ответило на твой вопрос, да?

— Не ответило... — Соня нахмурилась, вспомнив головокружительный спуск на спине у черного демона и ехидное лицо старухи. Может быть, зря она все это затеяла? Адзир-Кам, Зеркало Снов, беснующийся Гартах, толстяк с вертелом... а впереди еще Белая Тропа Времени... Как-то сразу, неожиданно, ее втянул настоящий водоворот чудес, колдовства и ненависти...

— Они всегда веселятся, когда отправляют прохожего самого искать Белую Тропу. Ты уже не сможешь вернуться обратно, пока не набредешь на нее сама, или пока тебя не растерзают барсы!

— Почему это я не смогу вернуться?! — сердито спросила Соня. — Вот подумаю, да и отправлюсь назад! Невелика хитрость — деревню обойти!

— А что, по-твоему, сделал Гартах? — показал мальчик на сохнувшие сапоги. — Вот это и не даст тебе вернуться!

— Что?! Какое-то козье молоко, выплеснутое на мои сапоги, не даст мне вернуться?! Да ты шутишь, ученик колдуна! — воскликнула девушка, не на шутку разозлившись. Она терпеть не могла делать что-то по принуждению, и упрямство часто ставило ее в опасные ситуации, но Соня, сознавая это, все-же не могла пересилить

себя.— Если твой мерзкий Гартах заколдовал мои сапоги, то я и босиком уйду отсюда!

— Сапоги тут ни при чем, ты можешь их хоть сжечь, но к деревне не приблизишься! Ты все время будешь идти на север, и лошадь твоя все время будет поворачивать в ту сторону. Но мне показалось,— мальчик тревожно взглянул на Соню,— что ты на самом деле ищешь Белую Тропу Времени? Иначе я не пошел бы за тобой...

— Ладно, это я так... сгоряча,— буркнула Соня,— и хватит об этом! Ты лучше рассказывай дальше! Почему колдуну не придет в голову разыскивать тебя?

— Ну, он будет сегодня всю ночь ходить из дома в дом, и везде его примут с вином и угощением. А он повоет, попляшет, призывая богов и впредь охранять Хариффу от одиноких пришельцев, ищущих Тропу Времени... А завтра целый день проспит, как мертвый. Ну, Зарди, конечно, хватится, но мне на него наплевать! Я должен раскрыть свою тайну!

Голос мальчика напряженно зазвенел в ночной тишине, и Соня только сейчас поняла, как он сам не похож на черноволосых и хмурых жителей Хариффы. Горячий свет костра дрожал на лице Луми, отчего его черты казались суровой и мужественней. Упрямые глаза, брови, сошедшиеся у переносицы, горькая складочка у красиво очерченных губ — нет, он не так уж мягок и нерешителен, как ей показалось вначале. И у парнишки тоже есть боль в душе, что мучит его и гонит вперед, неведомо куда, быть может, навстре-

чу с Серыми Равнинами. Но что такое смерть, если сердцу не успокоиться, пока оно не получит ответа?!

— Луми, расскажи мне, что ты хочешь узнать? — мягко спросила Соня.— Смотри, как странно: мы говорим, говорим, а костер все не прогорит. Сухие ветки уже кончились, а новых ты не подкладывал?

— Он будет гореть до утра, а может, и целый год, если я этого захочу.— Мальчик досадливо отмахнулся от ее последних слов.— Ты спрашивала: как я оказался в учениках у колдуна и как и на это пошли мои родители? Вот что я и должен узнать! Гартаху все известно, но он никогда мне этого не откроет. А к Адзир-Каму я не пойду — Зеркало Снов не всесильно. Так? Только Белая Тропа может привести в пещеру Времени, только там скрыты ответы на все вопросы...— Он задумался и некоторое время молча сидел, понурив голову. Потом тяжело вздохнул и продолжил:

— О себе я знаю совсем немного, но по ночам мне снятся удивительные сны. Ладно, сначала я расскажу, как я появился в Хариффе. Расс, тот кузнец, который так страшно умер в прошлом году, хорошо ко мне относился, иногда даже зазывал к себе в дом. Он любил поболтать о том о сем, а я всегда внимательно его слушал. Ну, и однажды кузнец сказал мне, что я — по меньшей мере герцогский сын, украденный из колыбели. Знаешь, это было как удар грома: я засмеялся, думая, что он шутит, а сердце сжалось, и в ушах

зашумело. Я так побледнел, что бедный Расс даже испугался, а потом сказал: «Я думал, ты знаешь как оказался в Хариффе! Неужели Гартах или кто-нибудь другой тебе не рассказывал?!» Нет, мне никто ничего не говорил, а уж Гартах-то и давно! Он всю жизнь меня ненавидел — и учил своему проклятому колдовству. Здесь, в деревне, меня не любили. Женщины смотрели со страхом, а дети убегали подальше. Только Расс иногда поболтает, а теперь и его нет...

— Так что же ты узнал от кузнеца? — поторопила мальчика Соня. Небо на востоке начало слегка светлеть, а Луми, похоже, еще долго не доберется до конца своей истории. Девушке было жаль его, но ей хотелось побыстрее все разузнать и тронуться в путь. — Оказалось, что ты и в самом деле герцогский сын?! Вот это да!

— Не знаю, может, герцогский, может, баронский, а, может, и королевский. — Луми грустно усмехнулся. — Давно, двенадцать лет назад, так сказал мне Расс, на вечерней заре прискакал в Хариффу запыленный всадник. Его взмыленная лошадь рухнула, едва он остановил ее у источника, а сам он вскочил, бережно держа что-то в дрожащих руках. Вся деревня собралась вокруг него, но никто не решался подойти близко. Приезжий был одет, как воин: черный плащ с алой подкладкой, кольчуга, легкий шлем, щит с гербом, большой меч в ножнах и кривой кинжал на поясе. Все столпились и молча смотрели на него — ты же знаешь, как в Хариффе любят одиноких путников. Незнакомец пытался что-то сказать, но с пе-

ресохших губ срывался только хрип. И вдруг сверток в его руках шевельнулся, и раздался слабый младенческий плач. В толпе испуганно зашептались. Рассу было тогда столько же, сколько мне сейчас, он стоял рядом и хорошо все запомнил. Он рассказал, что в этот момент раздался звон бубенчиков, и к воину подошел Гартах. Он внимательно осмотрел всадника и что-то спросил на незнакомом языке. Тот едва вымолвил несколько тихих слов. Гартах кивнул, повернулся и пошел к своему дому. Чужестранец, шатаясь, побрел за ним, а в его руках надрывался от крика ребенок, это был я...

— А почему кузнец решил, что ты герцогский сын? — Сонино любопытство разгорелось, как сухая трава, ей не терпелось поскорее узнать все подробности.

— Я тебе уже говорил, что он стоял рядом и хорошо все разглядел. Расс никогда до того не видел, чтобы младенцев пеленали в парчовые, расшитые золотом покрывала, а на пальце незнакомца воина блестело кольцо с огромным сапфиром. Сбруя его коня была богато украшена чеканным серебром и самоцветами. Незнакомец пошел вслед за колдуном, и с тех пор его никто никогда больше не видел. А ребенок, то есть я, остался у Гартаха.

— Значит, ты ему вроде как приемный сын? — задумчиво проговорила девушка.

— Сын?! Не говори так! — гневно воскликнул Луми и даже вскочил на ноги. — Меня вскормила вдова-соседка, а его жена, мать Зарди, никог-

да не сказала мне доброго слова, только лупила, если я подходил слишком близко к ней или к ее обожаемому отпрыску. Сколько я себя помню, мне хотелось поскорее умереть, и только тогда, когда я узнал от Расса эту историю, мне захотелось жить. Жить, чтобы узнать!

Словно отзываясь на его возглас, костер ярко вспыхнул и, треща, рассыпался искрами. Лошадь испуганно всхрапнула и зазвенела уздечкой. Луми, ничего не замечая, подошел к валуну и уткнулся лбом в шершавую поверхность камня.

— Ну, ты узнаешь, и что дальше? Пойдешь искать своих родных?

— Да! Я так хочу их найти, что отправлюсь на встречу с ними хоть на край света! Подумать только, где-то у меня есть мать, отец, может быть, братья и сестры... Нет, Рыжая, мне теперь совсем не хочется умирать! — Луми повернулся к Соне и присел рядом с ней на корточки. — А если мне не суждено обрести семью, я знаешь что сделаю? Пойду искать страну Серебряных Вод! Я слышал о ней, когда Гартах разговаривал со своим сыном Зарди.

— Что это еще за страна Серебряных Вод? — недоверчиво спросила Соня, глядя на алую полосу восхода.

— Я подслушал совсем немного, но понял, что там нет старости и смерти, и еще в той земле нет горя. Оказывается не всем уготован путь на Серые Равнины, и я тоже хочу попасть в край Бессмертных! — его губы снова задрожали, но он сдержался, перехватив Сонин взгляд и сказал: —

Ты думаешь, что как только станет светло, мы и тронемся в путь? Нет. Нам нужно дождаться полудня. Вот солнце замрет над головой — тогда и пойдем. Время еще есть, поспи немного, а я посижу. Мне сегодня не до сна.

— Нет-нет, я тоже не хочу спать, расскажи лучше, далеко ли придется идти?

Но дремота сомкнула ее веки, и, прислонившись затылком к камню, Соня мгновенно уснула.

Она хотела было устроиться по удобнее, но почувствовала, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Открыв глаза, девушка увидела, что стоит на краю небольшой поляны. И не просто стоит, а крепко привязана к толстому дереву. Веревки больно впивались в кожу, глаза слезились от дыма. Где-то совсем рядом горели и рушились невысокие постройки. Вдруг послышалось громкое хлопанье множества крыльев, и над поляной закружилась стая отвратительных чудовищ. Их было много, не меньше десятка. Каждая тварь несла в когтях трепещущую жертву.

Девушке никогда не доводилось видеть ничего подобного этим существам: оскаленные львиные морды на жестких чешуйчатых телах, черные перепончатые крылья, длинные хвосты с острыми шипами и огромные когтистые лапы. Вопль ужаса застыл у Сони в горле, и она, не в силах отвести глаза от страшного зрелища, крепче прижалась спиной к бугристой коре. А демоны, иначе нельзя было назвать этих тварей, тем временем принялись терзать свою добычу. Подгоняемое порывами ветра пламя по-

добралось ближе, с треском вспыхнули ветки над головой девушки. Задыхаясь от дыма, Соня все еще пыталась разглядеть: кого пожирают чудовища на поляне.

— Проснись! Проснись, скоро полдень! — слышался над самым ухом девушки знакомый голос.

Ужасная картина вдруг покрылась сеткой трещин, словно разбитое зеркало, осколки закрутило смерчем и понесло вверх, вместе с отчаянно сопротивляющейся Соней. Она пыталась ухватиться за траву, за ветки, но вихрь подхватил ее, закружил, а острые кусочки стекла впились в кожу, терзая тело тысячами ран.

— Да проснись же! — проревел ветер, и девушка камнем полетела вниз. Чья-то когтистая лапа вцепилась ей в плечо и нещадно трясла его, причиняя мучительную боль.

— Ну, что же это с тобой?! Соня, очнись! Рыжая, не покидай меня! — отчаянно звенел над ухом мальчишеский голос.

Соня открыла глаза, боясь снова увидеть перед собой хоровод сверкающих осколков, но вместо этого зажмурилась от яркого солнечного света. Ее плечо крепко сжимали сильные пальцы, а голос Луми — она сразу вспомнила, чей это голос! — продолжал настойчиво будить ее:

— Хвала богам, ты жива! Я уж испугался, что ты заснула навсегда! Ну, давай приходи в себя, вот тебе фляга, ополосни лицо водой — и пошли! Времени у нас мало. Если пропустим этот час — придется ждать до завтра!

— Чего придется ждать? — вяло переспросила Соня, отхлебывая прохладную влагу.

— Да ты что — запятовала, куда идешь?! Белая Тропа Времени показывается только в полдень, совсем ненадолго, и вскоре исчезает до следующего дня!

— А-а-а, Белая Тропа! Конечно, помню. Я ничего не забыла... Но этот сон... Я перепутала его с явью, а эти осколки... Боги, они изрезали мне все руки и лицо.

Соня вытянула перед собой ладони, словно ожидая увидеть кровоточащие раны. Но кожа была по-прежнему чистой и гладкой, только мышцы еще хранили слабое воспоминание о перенесенной боли.

Девушка встала и осмотрелась. Справа, совсем рядом, мирно светлела дорога к перевалу. Она терялась вдаль, среди редких кустов и красноватых камней. Впереди темнели высокие отроги Карпашских гор, а слева тянулись небольшие скалистые гряды.

— Куда теперь? — спросила девушка, привычно седлая лошадь. Мальчик стоял рядом, глядя на нее с какой-то нерешительностью.

— Ну, что ты так смотришь? Пошли, сам же говорил, что нужно поторопиться! — И Соня, проверив подпругу, собралась вскочить на спину Подружке.

— Постой, постой! — Луми схватил ее за полу безрукавки. — На лошади туда нельзя!

— А ты откуда знаешь?! — недоверчиво спросила Соня. — Я кобылу здесь не оставлю! Кто сказал, что верхами нельзя?

— Гартах говорил... Он много чего знает о Белой Тропе, но обычно помалкивает. Только иногда на него находит — и он вдруг начинает выбалтывать свои секреты. И всегда самого главного не договаривает. Даже Зарди, его родной сын, несколько раз попадал в переделки, пытаюсь проверить то, о чем рассказывал колдун... Так и с Белой Тропой — мне известно только, что лошадь не может на нее ступить, а почему — этого я не знаю.

Соня зябко поежилась; Подружка, красавица Подружка, последняя память о доме, об отце, и вдруг ее придется бросить здесь, в диком краю, где жители враждебны, а горы кишат барсами...

— Так что же теперь делать?! Я не могу повернуть назад и не хочу лишиться кобылы! Ты не представляешь, как много она для меня значит! — в отчаянии воскликнула девушка, прижимаясь щекой к теплой лошадиной морде.

— Какая ты горячая, Рыжая Соня! Почти как твоя кобылка! — с улыбкой ответил Луми.

Его глаза смотрели на нее мягко и загадочно, лицо потеряло выражение детской наивности и простоты. Девушка с изумлением поняла — перед ней стоял не робкий вчерашний мальчишка, а совсем другой человек, очень молодой, но уже умудренный знанием, тем знанием, которое доступно очень и очень немногим.

— Ты, наверно, подумала ночью у костра: «И чего это он за мной потащился, будет только обузой!» Нет, я не буду тебе в тягость, а, может, в чем-нибудь даже смогу помочь. Один я бы ни за

что не решился ступить на Белую Тропу. Но, когда увидел тебя там, в деревне, злую и лохматую, сразу понял: если ей удастся выбраться из переделки живой — мы пойдем вместе!

— Пойдем-то пойдем, но моя лошадь... — неуверенно проговорила девушка, с сомнением глядя на странного попутчика. Пожалуй, хорошо, что он за ней увязался, но что будет с Подружкой?!

А мальчик тем временем снял притороченные к седлу мешки, лук и колчан со стрелами. Сложив все это в сторонке, он взялся было за поводья.

— Постой, что это ты задумал?! Не пушу! — закричала Соня, хватаясь за узду с другой стороны. В ее сознании вспыхнула страшная картина: Подружка, бьющаяся в предсмертных судорогах.

— Ничего с твоей красавицей не случится! Только не она понесет тебя по Белой Тропе, а ты ее! На, держи шнурок, потом проденешь его в дырку! — И Луми вытащил из своей сумы тонкую веревочку, свитую из красных и белых нитей.

Соня отпустила повод, и мальчик медленно повел лошадь к кустам. Девушка неотрывно глядела на них, но тут налетел порыв ветра, закрутил мелкую пыль, и мелкий песок запорошил ей глаза. Проморгавшись и вытерев невольные слезы, Соня опять взглянула в ту сторону. Громкий крик боли и ярости вырвался из ее груди. Она одним прыжком подскочила к мальчишке и отчаянно вцепилась в его рубаху:

— Что ты с ней сделал, щенок?! Где моя Подружка, говори! Я прибью тебя, если не скажешь! — Она трясла Луми, а он, вырываясь, пытался ей что-то показать. Наконец Соня отбросила мальчишку в сторону. Он не удержался на ногах и упал на колени. Но тут же вскочил и, подбежав к девушке, бережно поднял с земли небольшой плоский голыш.

— Вот твоя Подружка, держи! — проговорил он, тяжело дыша. — Продень веревочку в эту дырку, завяжи и повесь на шею. Когда мы выберемся из пещеры, — если выберемся, Гартах говорил, что не все возвращаются оттуда! — брось камень на землю, и он снова превратится в лошадь. Только не забудь сначала снять шнурок!

Соня протянула руку и взяла камешек. Темно-коричневый, со светлыми прожилками и небольшой аккуратной дыркой у края, он был теплым, почти горячим. Дрожащими пальцами она вдела сплетенные нити и повесила голыш на шею. «Подружка, славная моя, побудь пока здесь, а потом мы с тобой еще поскачем по свету!» — подумала девушка.

Перекинув через плечо лук и колчан, она подхватила мешки и вопросительно посмотрела на Луми. Не говоря ни слова, мальчик повернулся и пошел в сторону от дороги. Соня двинулась следом. Вскоре они приблизились к россыпи острых скалистых обломков. Здесь уже не росли кусты, только высокая жесткая трава редкими пучками торчала кое-где среди валунов.

Мальчик уверенно шел по одному ему знакомому пути, солнце, замерев над головой, поли-

вало землю сияющим жаром. На мгновение остановившись, Соня подобрала повыше волосы и надела шляпу. Серая рубаша Луми замелькала далеко впереди, он шел, не оглядываясь и не замедляя шага. Шепотом выругавшись, девушка поправила на плече мешки и, как коза, запрыгала по каменистой осыпи, догоняя мальчишку.

Желтопузые ящерицы, разомлевшие на солнце, с тихим шорохом разбегались по сторонам. Иногда вспархивали, резко вскрикивая, пестрые дрозды и долго стрекотали за спиной, выражая свое недовольство бесцеремонными пришельцами.

Вдруг Луми остановился и предостерегающе поднял руку. Соня, чуть не налетев на него, ухватилась за шершавый валун и впилась глазами туда, куда смотрел мальчик. Но ничего, кроме серых и красноватых скал, она не увидела.

— Что там такое? — шепотом спросила девушка.

— Дай мне руку, сейчас будет темно. Иди осторожно, там полно острых обломков, — ответил мальчик.

Взявшись за руки, они обогнули большой камень. И тут земля словно провалилась у них под сапогами — и путники скатились по крутому склону куда-то вниз, в глубокую темную нору. Мешки с дорожным одеялом и остатками провизии слетели с плеча девушки, и Соня вырвала руку, нащупывая их в беспросветном мраке.

— Я же сказал — держись за меня, а то ты здесь в два счета потеряешься! — раздался недовольный

шепот.— Вот твоя поклажа, у меня под ногами! Да где ты там, руку давай!

Его пальцы наконец наткнулись на ее ладонь. Соня присела на корточки и, кляня проклятую темень, подняла мешки. Кто знает, сколько придется идти по этой тропе, а лишний кусок хлеба, пусть даже черствого, и теплое одеяло никогда не помешают!

— Ну, все, теперь пошли, и больше не отпускай мою руку! Время идет, неужели ты хочешь торчать тут до завтра?

— Ладно, не сердись, сам же потом будешь рад и сухой корке! — примирительно ответила Соня, улыбаясь его горячности.

Как он сейчас напоминал ей Хункара, вспыльчивого и нетерпеливого! Она крепко сжала ладонь Луми и осторожно пошла вперед, стараясь не наступать на острые камни. А их тут было полным-полно. Спутники шли очень медленно, и каждый шаг становился настоящим мучением — Соне иногда казалось, что она пробирается по утыканной острыми копий и кинжалов поверхности, так трудно порой было найти место, чтобы поставить ногу.

— Похоже, что от наших сапог вскоре ничего не останется, придется идти дальше босиком, — негромко сказала Соня, словно разговаривая сама с собой.

— Получше выбирай дорогу, тогда, может, и обувка останется целой, — все еще сердито ответил Луми, уверенно пробираясь вперед.

Вдруг он резко потянул девушку вбок, и она снова чуть не упала. Вытянув перед собой руку,

Соня нащупала сырую гладкую стену и поняла, что чудом не врезалась в нее лбом.

— Предупреждать надо! — прошипела она, тоже обозлившись, — Взялся вести, так веди как следует! Тоже мне, проводник нашелся! А если бы я сейчас лоб себе расшибла?!

— Тише ты, ведь не расшибла же! погоди, скоро выберемся на свет!

И впрямь, там, куда тянул ее Луми, показался слабый отблеск солнечных лучей. Мальчик отпустил ее руку и пошел вперед. Теперь уже можно было рассмотреть и острые каменистые обломки на полу, и грубо вырубленный в скале коридор с одной идеально гладкой стеной — как раз той, на которую чуть не налетела Соня.

Они прошли еще немного и оказались в глухом тупике, куда падал свет из круглого отверстия в потолке. Соня подошла ближе и задрала голову: в вышине ослепительно сияло безоблачное небо, а лаз располагался слишком высоко, чтобы до него дотянуться или допрыгнуть.

Она собралась было ехидно поинтересоваться у Луми, как он собирается карабкаться по отвесной скале, но мальчик, не обращая на нее внимания, достал из своей сумы длинный жгут с разлапистым крюком на конце. Бросок — и крюк зацепился за край отверстия. Сильно подергав тонкую веревку, мальчик едва заметно шевельнул губами, и она вдруг превратилась в довольно толстый канат с навязанными на нем узлами.

— Ну что, сможешь залезть по такой лестнице? — спросил он, улыбнувшись.

— Вот, здорово! Да, похоже, я бы без тебя просто пропала!

— Так сможешь взобраться? — повторил вопрос Луми, казалось не обратив внимания на извиняющиеся нотки в голосе девушки. — Ничего другого у меня нет!

— И не надо. Такими узлами я столько раз пользовалась в Шадизаре!

— Ну, тогда я полез, а ты за мной, и не мешкай! Время идет! — И он проворно вскарабкался по канату. Вот изодранные подошвы его сапог мелькнули в отверстии, и через мгновение вниз свесилась голова: — Бросай мне мешки, без них будет легче!

Вскоре и Соня оказалась рядом с ним на краю дыры. Взглянув вниз, на острые камни, она отошла в сторону и села на плоскую глыбу. Луми поспешно смотал опять ставший тоненьким жгут и засунул поглубже в суму:

— Мы почти что пришли. Солнце еще высоко, как раз успеем. Иди за мной и не вздумай обгонять!

Да, иначе, как выбравшись из-под земли или свалившись с неба, сюда было не попасть: путники стояли посередине узкого колодца, со всех сторон окруженного не очень высокими, но совершенно отвесными скалами. Соня приостановилась, соображая, куда же тут можно идти, а Луми уверенно двинулся вперед. Там, где каменная стена с первого взгляда выглядела монолитной, оказалась щель, такая узкая, что в нее с трудом мог протиснуться один человек.

Луми, худенький и юркий, без труда пролез меж острыми гранями. Соне же пришлось сначала отдать ему мешки, а потом протискиваться самой.

Она вылезла из расщелины и огляделась: ну и местечко, очередная западня! Скалы окружали со всех сторон круглую площадку, заросшую посередине корявыми кустиками. Солнце освещало ярким светом эти чахлые растения гор, и именно туда напряженно всматривался Луми.

— Вот она — Белая Тропа Времени, видишь? — хриплым шепотом спросил мальчик, показывая на кусты.

— Какая еще тропа?! Ничего не вижу, кроме жалких кустов! Куда ты меня завел, приятель?! Мы в каменном мешке, а ты говоришь — Тропа! Ну, обманщик, ты у меня сейчас попляшешь! — В гневе Соня схватилась за рукоять кинжала.

— Ш-ш-ш! Не кричи, здесь не то место, где можно орать во весь голос! Ты что, совсем ослепла?! Да убери же свой клинок и раскрой глаза пошире! Смотри в самую гущу зарослей, не ужели ничего не видишь?!

Она подошла чуть ближе, и Луми крепко схватил ее за руку, словно боясь, что девушка очертя голову полезет напролом в колючие кусты. Соня всмотрелась в причудливое переплетение ветвей: там, внизу, и впрямь белела гладкая полоса длиной всего в несколько локтей. Так это и есть Белая Тропа?! И куда же она ведет, если вон ее начало, а вот конец?! Проклятое колдовство! И этот самоуверенный мальчишка! Он совсем

заморочил ей голову, и Соня уже не знала, верить ему или нет, друг он или враг, заманивший ее сюда по велению злобного Гартаха...

Пока она так стояла, соображая, на что решиться, солнце немного сместилось вправо. И тут произошло нечто странное: кусты зашевелились, как живые, распрямляя свои узловатые ветки и отгибая их в стороны. Колючие стражи расступались, освобождая проход к серебристо-белой полоске. Луми до боли сжал Сонины пальцы:

— Пора! Идем!

Они сделали несколько шагов, помедлили какой-то миг, а потом одновременно ступили на белесую дорожку — и исчезли.

Ветки с тихим шорохом снова сомкнулись над Белой Тропой.

Глава пятая

Тропа уходит из-под ног,
Глаза запорошил песок,
Огонь и дым встают стеной,
Чтоб разлучить меня — со мной...

Хис, ты слышишь, они ступили на Тропу! Они идут! Почему ты молчишь, Хис, повелительница Земли?! — Голос, подобный приглушенному рокоту грома, гулко разнесся под высоким сводом пещеры. Голубые блики на стенах пещеры и потолке вспыхнули ярче и тревожно затрепетали.

— Я вслушиваюсь, Владычица Морта, я всматриваюсь! — ответил голос, шуршащий, как песок под ногами. Постепенно он становился громче, подобно набирающему силы обвалу. — Путников двое, Мать Времени, их двое, и они молодые, так молоды...

Голубые сполохи холодным огнем заплясали на грубо обтесанных каменных столбах, окруживших невысокое возвышение в середине пещеры.

— Они горячи и безрассудны, желание узнать горит в их душах! Я чувствую это пламя!

— Да, Гара, этот огонь обычно утихает с годами, но иногда даже время не может его погасить! Уж ты-то, Повелительница Огня, знаешь это лучше всех!

— Огонь! Огонь, бегущий по сухой траве, пожирающий леса и жалкие домишки, огонь, бующий в сердцах, что может быть прекраснее! — Третий голос взревел, как разбушевавшееся пламя, раздуваемое порывами ветра. — Они ступили на Тропу, и я поиграю с ними в свою игру! О-о-о, Мать Времени, я люблю горячие головы и пыльные сердца! А-а-ах!!!

— Полно, охладись, огонь от огня не потухнет! — прожурчал голосок, нежный и звонкий, как лепет ручья. — Вода, лишь вода, потоки дождя или слез способны загасить твоё пламя, пожирающее дрова или души, все равно!

Словно подчиняясь нежным звукам журчащего голоса, голубые отблески замерцали на черных стенах, как быстрые струи бегучей воды.

— Ты, Эсса, Повелительница Вод, затушишь любой пожар, остудишь любой пыл! И ты желаешь сыграть с ними в свою игру? — Грозный голос Мортты зазвучал тихо и вкрадчиво.

— Да, Мать Времени, я тоже хочу еще раз встретиться с людьми! — Теперь уже не лепечущий голосок ручья, а грохот водопада заполнил пещеру, и каменные стены содрогнулись, словно удерживая напор взбесившихся вод. — Это каждый раз по-новому, и каждый раз, когда я побеждаю, я делаюсь еще сильнее, еще неукротимей!

— А ты почему молчишь, Ароя, Повелительница Воздуха? Или тебе наскучила наша вечная игра с человеком? — В голосе Мортты, обманчиво тихом, явственно слышались насмешка и угроза.

— О, Мать Времени, я слушаю их, я хочу их увидеть... Это мальчишка и девчонка, а может, юноша и девушка, жалкие муравьи на опасной Тропе. Ха-ха-ха, как они еще молоды и глупы! Ничтожные вопросы заслоняют им все, весь мир, всю жизнь! У-у-у, я сдую этих букашек прочь, я выпью их силу, я, могучая Ароя, засыпающая песком города, вырывающая с корнем деревья, вздымающая морские валы! У-у-у, лечу, лечу-у-у!!! — ревом урагана отдалось по всей пещере, и блики, словно потревоженные огни факелов, испуганно заматались по стенам, ища и не находя спасения.

— Нет, Ароя, утихни, ты в прошлый раз была первой! Ты могуча, но у тебя ветер в голове, ха-ха-ха! Ты самая ветреная из нас и всегда порываешься улететь первой! И всякий раз забываешь, кому это решать! Чаша, таящая все ответы, сейчас укажет, кому начать игру смерти!

Один из столбов, шевельнувшись, вдруг превратился в старуху. Одета во все черное, она величественно стояла у возвышения. Лицо ее, изборожденное морщинами, казалось вырезанным из куска древесной коры. Нос хищным клювом нависал над узкими губами, глубоко посаженные глаза горели неукротимым огнем. Она подняла руки, и складки одеяния распахнулись, как крылья огромной птицы:

— Гара!

Столб напротив нее дрогнул и взвился вверх ослепительным гудящим пламенем. Голубой свет померк, и пещера озарилась красноватыми отблес-

ками беснующегося огня. Через мгновение языки пламени обрели форму человеческой фигуры, и вот уже у возвышения стоит вторая старуха с таким же точно лицом. Ее широкие одежды отливают то золотом, то пурпуром, то темнеют, подобно угасающим углям. Пепельно-седые волосы закручены в тугой узел и перевиты черно-золотистой лентой.

Мать Времени снова взмахнула руками:

— Хис!

Третий столб покрылся сеткой тончайших трещин. Их становилось все больше и больше. Мелкие камешки и песок с шорохом посыпались на пол, освобождая то, что было внутри,— старую, очень старую женщину, словно высеченную из куска песчаника.

Узкое изможденное лицо, две глубокие морщины у губ, три борозды поперек лба и складка между бровей — казалось, мастер, который изваял эту фигуру, меньше всего заботился о лице, так грубо оно было сделано. Резкая щель беззубого рта, крючковатый нос, упрямый подбородок — и все же это было то же самое лицо, что и у двух других старух. Из темных впадин пронзительно и живо смотрели черные агатовые глаза, отражая блики голубоватого света. Она приподняла голову и чуть заметно улыбнулась.

— Эсса! — негромко прошелестело третье имя, и Морта протянула левую руку, указывая на столб рядом с собой. Тут же струя воды с шипением взметнулась к потолку и обрушилась вниз грохочущим водопадом. Крутя и перекидывая голубо-

ватые кристаллы, излучающие мягкий свет, поток устремился вокруг возвышения и исчез под ногами Повелительницы Вод, стоявшей теперь слева от Матери Времени.

Зеленые, словно морская трава, волосы жесткими прядями падали на плечи, обрамляя темное лицо с прозрачными светлыми глазами. Те же самые черты, что и у других старух, но с выражением надменной холодности и насмешки. Эсса откинула назад волосы и расправила складки широкого бирюзового одеяния, сверкающего, как вода глубокого моря в ясный вечер. Она обвела взглядом остальных и замерла, глядя на последний столб.

— Ароя!

Черный рукав взлетел вверх, и Мать Времени протянула к столбу правую руку. И тут же с воем и стоном на его месте закрутился высокий смерч, поднимая к самому своду камни, песок, сияющие кристаллы. Его воронка раскачивалась в стороны, словно собираясь сорваться с места и улететь прочь. Морта нахмурилась и снова взмахнула рукой. На этот раз от ее голоса содрогнулись стены пещеры, и сверху посыпались черные камни:

— Ароя!

В тот же миг смерч, словно потеряв всю силу, стал уменьшаться, пока не превратился в беловолосую старуху. Ее космы растрепались, губы в хищной усмешке приоткрывали мелкие крепкие зубы. Одеяние, больше похожее на клочья плотного тумана, клубилось, скрывая очертания худощавой фигуры. Темно-серые глаза смотрели

остро и ясно, отчего ее лицо, иссеченное морщинами, казалось моложе, чем у остальных.

Морта больше не глядела на Повелительниц Стихий, ее взгляд был прикован к небольшой черной чаше, стоявшей посреди возвышения. Она была сделана из обсидиана в форме человеческого черепа. Тусклые багрово-красные рубины, вставленные в искусно высеченные глазные впадины, не оживляли этого каменного лика смерти. А содержимое светилось тем же голубоватым светом, что и кристаллы, разбросанные по всей пещере.

Десять рук одновременно протянулись к чаше, и губы каждой из старух зашевелились, задавая вопрос. Пещера наполнилась тихими звуками, напоминающими то ли свист ветра в голых ветвях, то ли треск горящих сучьев, а то плеск прибрежной волны и шум каменной осыпи. Одни становились громче, другие затихали и вновь набирали силу, но вот все звуки умолкли, заглушенные торжествующим гудением огня. Чаша медленно повернулась на месте, и глаза, вспыхнув алыми искрами, остановились на Гаре, Повелительнице Огня.

Она удовлетворенно вскрикнула и закружилась на месте, взметая песок и мелкие камни подолом сверкающего балахона. Мгновение — и она превратилась в ослепительно-белый огненный шар, рассыпающий во все стороны шипящие снопы искр. С треском и хохотом облетев вокруг пещеры, шар устремился вверх, в зияющую черноту, где неизменно высоко сходились

блестящие стены пещеры. В последний раз сверкнула белая искра, раздался отголосок хриплого смеха, и все стихло. Опять лишь нежные голубые блики играли на гранях стен, и около возвышения безмолвно стояли четыре каменных столба...

* * *

Тропинка светлой змейкой убегала вперед, и не было в ней ничего особенного. Они шли уже довольно долго, рыжеволосая девушка и мальчик в серой холщовой рубахе. Горячий воздух дрожал и колыхался над серой потрескавшейся землей без единого кустика и травинки. Голая, мертвая равнина, и только извилистая нить тропы устремлялась вперед, к недостижимому горизонту.

— И долго мы еще будем брести по этой пустоши?! — спросила Соня, вглядываясь в бесконечную даль. — Идем, идем, и хоть бы какая-нибудь скала или засохшее дерево! Куда мы с тобой попали, ума не приложу! Я в таких местах сроду не бывала...

— Думаешь, я бывал? — ответил Луми, пытаясь улыбнуться пересохшими губами. — Но ведь мы сами выбрали этот путь, и раз Адзир-Кам сказал тебе, что там, — он махнул рукой в сторону, где сливались безжизненная земля и ослепительно синее небо, — там скрыты все ответы, значит, человеку по силам дойти туда! Отпей глоток из фляги, и тебе станет легче! И солнце уже не так высоко, наступит вечер, можно будет отдохнуть...

— На, глотни сначала ты, у тебя уже губы совсем потрескались.— Девушка протянула ему флягу с остатками воды.— Знала бы, сколько придется идти, прихватила бы всего побольше!

— Нет, Рыжая, это не так! — ответил Луми, заметно прибодрился от глотка живительной влаги.— Белая Тропа — место непростое! Здесь все не так, как у нас, в мире людей. Гартах говорил...

— Опять Гартах! Я вижу, он много чего говорил, да ты вспоминаешь об этом изредка и совсем не тогда, когда требуется! Нет чтобы рассказать все, что знаешь, еще вчера ночью! Ну, опять нахмурился, ученик колдуна. А разве я не права? Так что на этот раз поведал Гартах?

Сердито глядя себе под ноги, Луми ответил:

— Ничего особенного... Просто — какого пути ждешь, такой и пройдешь. И еще: среди огня легко промочить ноги...

— Да-а, велеречив был у тебя учитель! Ну и что же за смысл в этих многомудрых изречениях? — Соне совсем не хотелось разговаривать, но она продолжала поддевать мальчишку, чтобы не раскиснуть самой. Если не разозлиться как следует здесь, в этой пышущей жаром пустыне, легко пасть духом. Она уже чувствовала легкий звон в ушах и противную дрожь в коленях.

— И ты бы поняла, если б дала себе труд подумать — чем больше возьмешь с собой припасов, тем дальше проходишь. А вот насчет... Эй, Рыжая, что ты там увидела? — воскликнул мальчик, всматриваясь, как и Соня, в колеблющуюся дымку над горизонтом.

— Мне показалось... нет, нет, не показалось! Там что-то виднеется, по-моему небольшой холм! Пошли быстрее, а то я тоже растрескаюсь, как эта земля!

Губы у девушки запеклись от жары, тонкая рубашка прилипла к потному телу, тяжелые мешки и лук оттягивали плечи, но мысль о том, что впереди их ждет островок тени, мгновенно придала ей сил. Она ускорила шаги, устремляясь к темному возвышению, уже отчетливо видневшемуся прямо перед ними.

— Это дом, Луми, клянусь Священной Ящерицей Востока, это настоящий дом! — вдруг вскричала Соня, приставив руку ко лбу и напряженно всматриваясь вдаль.

Мальчик недоверчиво покосился на нее:

— Дом?! Здесь?! Не может быть! Хотя что я говорю, тут может встретиться все что угодно! Только где ты видишь дом? Это просто куча камней, только очень большая!

— Были бы мы в Арэнджуне или хотя бы в твоей мерзкой Хариффе, я поспорила бы с тобой на золотую монету или на пару тумачков, упрямый мальчишка! Ну-ка, давай, шевели ногами, и ты сам убедишься, что я права! Правда, кажется, дом без крыши...

Они некоторое время шли молча, не сводя глаз с темнеющей громадины, что вырастала перед ними, загородив тропу. Луми досадливо поморщился — Рыжая не ошиблась, это и впрямь дом, старый и с просевшей кровлей. Теперь было понятно, почему издали он казался грудой камней — огром-

ные валуны окружали его со всех сторон, возвышаясь над ним и наваливаясь на стены. Тропа вела прямо к двери и обрывалась у порога.

— Значит, мы уже пришли? — удивленно присвистнула Соня. — Так это и есть пещера, о которой ты говорил?! Нет, чует мое сердце, что-то здесь не так! Надо обойти дом и посмотреть, что там сзади! — И девушка уже собралась было ступить на серую землю.

— Нет!!! Не делай этого! С Тропы нельзя сходить, а то... — Луми запнулся, не зная, что сказать дальше.

— Ну, договаривай, почему нельзя! Ведь ты мой проводник и тебе все заранее известно! — Соня не на шутку разозлилась. Еще бы, мальчишка никак не мог вспомнить толком то, что слышал от колдуна. Вот и сейчас, девушка была уверена, что ничего вразумительного он не расскажет. Так оно и получилось.

— Можешь сердиться на меня сколько угодно, но я знаю лишь это: с Тропы нельзя сворачивать ни вправо, ни влево, и вернуться назад по ней тоже нельзя. И нам придется войти в этот дом, хотя пещерой его не назовешь... И он мне очень не нравится...

— Еще чего! Не нравится! — Соня пинком распахнула створку и, сжав в кулаке рукоять кинжала, осторожно заглянула внутрь. — Смотри, тут никого нет! Да не бойся ты, заходи, здесь даже спрятаться негде — одни голые стены!

Опасливо оглядываясь, они переступили порог. Косые лучи вечернего солнца, врываясь в

пустые дыры окон, яркими пятнами лежали на гудах черепков и полу истлевшего мусора. Пахло пылью и еще чем-то отвратительно-тошнотворным.

— Похоже, где-то здесь гниет дохлая крыса, — сморщилась Соня, — но все равно хоть какие-то остатки крыши над головой, и не так жарко, как снаружи. Смотри, Луми, как странно — еще одна дверь, как раз напротив той, в которую мы вошли!

Луми тоже во все глаза смотрел на вторую дверь, такую добротную, с блестящей бронзовой ручкой. Среди грязи и запустения она, как будто только что сделанная умелым мастером, выглядела странно и даже пугающе. Мальчик подошел ближе, рассматривая странную резьбу в центре створки. Осторожно проводя пальцем по незатейливому орнаменту, он что-то еле слышно бормотал.

— Ну, что ты там шепчешь? Лучше давай открывай! Я уверена, тропа продолжается как раз за ее порогом! — И Соня, не церемонясь, оттолкнула мальчишку. Она сильно дернула за ручку — дверь не поддавалась. Тогда девушка изо всех сил толкнула ее плечом, но та даже не дрогнула.

— Ну и местечко! Ладно, сейчас я хочу отдохнуть, но потом я все равно займусь этой проклятой дверью. Жаль, с этой стороны нет окон, мне бы очень хотелось взглянуть, что там дальше... Слушай, а что ты бормотал, ощупывая узор? — Теперь уже Соня заинтересовалась странным изображением на створке.

— Когда-то я видел нечто похожее в свитках Гартыха, но ты знаешь, как я отношусь к колдовству... А сейчас пытаюсь вспомнить — и не могу. Венки из узких листьев тамариска означают нерушимый запор, это я точно знаю. И можешь хоть голову разбить об эту дверь — она не откроется. А вот это — переплетение трех кругов, что оно означает?! Нет, не помню... И какая здесь вонь! Погоди, сейчас будет лучше! — Луми отошел в сторону и стал торопливо рыться в своей суме: — Не то... Связка высушенных лягушек — пока не нужна, тьфу, опять этот острый крючок все время попадает под руку... Ну, где же она, не мог я забыть, точно ведь брал! А, наконец-то! — И мальчик вытащил с самого дна пучок сухой травы.

— Что ты собираешься делать с этим клочком сена? — насмешливо спросила Соня, отгребая ногой мусор. — Лучше помоги мне расчистить место, чтобы было где сесть! Я ни за что не усядусь на эти черепки и тряпки! Боги, откуда здесь взялась вся эта дрянь?!

Между тем Луми, не говоря ни слова, достал из мешка небольшую расщепленную на конце палочку и вставил в щель свой пучок. Соня с недоверчивой улыбкой наблюдала за его неспешными действиями.

— И что у тебя получилось, ученик колдуна?! Ха-ха, настоящий ослиный хвост! Ах, ты его еще и поджигаешь?! Недурной факел для этого дворца! Ой, что это?! — Девушка перестала смеяться и отскочила в сторону: трава вспыхнула холод-

ным зеленоватым огнем, и белые искры, шипя, посыпались на пол.

Мальчик медленно пошел вдоль стены, стараясь не наступать на полу-истлевшие ткани и острые черепки. Соня пригнулась — отвратительная вонь сменилась запахом прохлады и свежести. Как будто гроза пронеслась над землей, оставив после себя душистый, напоенный ароматом цветов воздух.

— Не нравится мне этот дом, Рыжая, очень не нравится! — бормотал тем временем Луми, двигаясь от стены к стене.

Там, где он проходил, исчезали завалы трухи и мусора, обнажая гладкий мозаичный пол. В конце концов только в середине осталась небольшая кучка мелких камней, черепков и гнилого дерева. Мальчик помахал над ней своим шипящим факелом, и она бесследно растаяла, открыв их взорам орнамент, почти такой же, как на двери. Но тут вместо веток тамариска сплетенные кольца окружали хоровод красных ящериц.

— Вспомнил! Вспомнил, что означает этот рисунок! Три кольца — это знак Огня, а Ящерицы — саламандры, его порождение! Ох, и в дурное же место мы забрели! Пошли-ка лучше во двор, там под стеной заночуем!

— Сам говорил, что нельзя сходить с Тропы и нельзя по ней возвращаться! Но я тоже что-то не хочу здесь оставаться на ночь... Послушай, а когда ты успел прикрыть дверь, через которую мы вошли?! И она была совсем не такой! Я хорошо помню: в ней были щели и доски потемнели от

времени... Эгей, да она тоже заперта! Клянусь хвостом дикой кобылицы, мне надоели все эти чародейские штучки! — И Соня бешено заколотила по створке, пытаясь ее открыть.

— Оставь, все равно не откроешь! Мое колдовство тут ни при чем! Смотри, тут тот же знак — листья тамариска. Похоже, мы попали в ловушку! Недаром дом этот мне сразу не приглянулся.

— Ну, заладил, приглянулся — не приглянулся! А что, у нас был выбор? Послушай, а если выпрыгнуть в окно? — И девушка подбежала к пустому проему. На мгновение выглянув, она тут же отшатнулась. С испугом глядя на ее побледневшее лицо, Луми подошел и тоже высунулся наружу. Там, откуда они пришли, ничего не было. Отвесная стена уходила вниз, в бездонную глубину, теряясь в клубах белесого тумана.

Палочка с горящей травой выпала из ослабевших пальцев мальчика и, кувыркаясь, полетела вниз. Вот она вспыхнула в последний раз и скрылась в туманной бездне. Луми, пошатываясь, отошел от окна и без сил опустился на пол. Соня, стараясь не глядеть в ту сторону, бросила к ногам мешки, бережно положила на мозаичный пол лук и колчан и стала доставать дорожное одеяло:

— Знаешь, что бы там ни было, а я не люблю сидеть на голых камнях... Пока еще с нами ничего не случилось, давай отдохнем. Вот был бы у нас хворост, я с удовольствием разожгла бы здесь костерок! Как раз там, где сплетаются

эти кольца... О, Луми, посмотри, что я нашла! Как я про нее забыла! — И Соня бережно вытащила из мешка маленькую флейту. Она прихватила ее, унося ноги из Шадизара, и теперь везде таскала с собой, то ли как талисман, то ли как воспоминание.

— Дудка! У нас в такие дудят на свадьбах, — засмеялся Луми, — А ты что, тоже умеешь?

— Эх ты, деревенщина! Сказанул — дудка! Это флейта, запомни: флей-та, ее звуки любят короли и нобили, князья и бароны, а тебе, герцогский сын, тоже не мешает знать, что это такое! Слушай!

Девушка села поудобнее, подвернув под себя ногу, и, словно целуя, прикоснулась к флейте губами. Легкая трель, как голос проснувшейся птицы, раздалась в пустынном доме, и сразу тревога будто растаяла, уступив место привычной тоске. Звуки сплетались в нежной гармонии, и Соня с изумлением поняла, что наигрывает ту самую мелодию, которую она услышала, склонившись над Зеркалом Снов в башне Адзир-Кама...

Она играла, забыв обо всем на свете, и снова ей слышались зовущие родные голоса:

— Соня, Соня, Рыжая Соня! Навстречу судьбе по Белой Тропе! Соня, Соня, Соня!

Девушку вел бесхитростный мотив, и она прикрыла глаза, отдавшись своим воспоминаниям. Луми застыл напротив нее, не сводя с флейты и тонких Сониных пальцев замороженного взгляда, что-то смутно знакомое вдруг почудилось ему

в этих сладких печальных звуках, и мальчик улыбнулся, вспоминая.

Конечно, он слышал музыку флейты, и слышал не один раз — в этом Луми готов был поклясться. Но где?! Он потерял лоб, и тут же мелодия властно напомнила о самом дорогом и заветном, что у него было — о его снах. О, как он любил их, свои волшебные сны, и как ненавидел пробуждение! Наяву его окружали лишь злобные лица: Гартах, его сварливая жена, толстощекий змееныш Зарди, пыльная Хариффа, радующаяся богатым караванам и проклинающая одиноких путников... Флейта журчала, помогая забыть все это и снова вернуться в царство снов, столь прекрасное, зовущее и... ставшее для белобрысого мальчишки реальнее, чем сама ненавистная жизнь...

Соня играла, мечтательно глядя куда-то вверх, под потолок, и тоже видела что-то свое. А Луми сидел, закрыв лицо руками, неподвижный, как камень. Но в этот самый миг он чувствовал себя всадником на горячем коне, скачущим во весь опор, не разбирая дороги, за кем-то, кто был ему бесконечно дорог, за тем, кого он в мыслях называл отцом.

Всадник остановился и развернул могучего вороного жеребца, поджидая Луми. И мальчик с восторгом в который раз впился взглядом в его прекрасное и мужественное лицо. Светлые волосы незнакомца спадали до самых плеч, голубые глаза смотрели на Луми с ласковой усмешкой. Уголки губ тоже приподнялись в улыбке, слегка топорща золотистые усы:

— Ну что, мой мальчик, устал? Смотри, мы опередили их всех, пусть теперь догоняют!

Он поправил вышитый алым темно-зеленый берет и натянул кожаную перчатку — к ним уже приближалась свита. Мальчик знал, что идет соколиная охота, но не видел ни сокольников, ни птиц. И кони куда-то исчезли, и трава под ногами превратилась в мраморный пол. Отец по-прежнему рядом, но они теперь стоят на высокой террасе дворца, и кругом до самого горизонта расстилаются возделанные поля, зеленые холмы, тенистые рощи...

Рядом зашуршало платье, и Луми, еще не повернув головы, догадался, кого увидит мгновение спустя — конечно, ее, свою мать, всегда такую ласковую и приветливую, с голосом, нежным, как пение флейты... той самой флейты... Луми хотел было обернуться, шагнуть навстречу, но в этот миг мелодия внезапно оборвалась. Лица, яркие одежды, голубое небо, зеленые поля — все смешалось в пестрый вихрь и исчезло. Вдохнув, он открыл глаза и натолкнулся на тревожный взгляд Сони. Уронив флейту на одеяло, она напрыгала, как дикая кошка, и чуть слышно прошептала:

— Ты слышал? Там, за дверью?!

Луми покачал головой и повернулся к двери.

— Да не за этой, за другой! Ш-ш-ш, вот опять! Неужели не слышишь?!

Теперь уже и мальчик различал тихие скребущиеся звуки, словно кто-то царапал створку ногтями. Это была дверь в глухой стене без окон, та

самая, через которую им предстояло идти дальше. Соня стремительно поднялась и выхватила из ножен кинжал. Луми встал рядом с ней. Его нога наткнулась на флейту, и он быстро, как величайшую драгоценность, поднял ее и засунул в свою суму.

— Смотри! Она открывается! — раздался у него над ухом взволнованный шепот, и Соня потянула мальчишку к противоположной стене. А он и сам уже видел узкую черную щель. Кто-то снаружи сильно толкнул створку, и она, до сих пор крепко запертая, послушно приоткрылась.

Соня метнулась к одеялу и подхватила лук и колчан. Теперь, перекинув лук через плечо и сжимая длинный кинжал, она чувствовала себя готовой встретить неведомую опасность. А Луми стоял позади девушки, прижавшись спиной к стене, и в голове его назойливо вертелись слова, произнесенные совсем недавно им же самим: «Среди огня легко промочить ноги, легко промочить ноги, промочить ноги!».

Дверь открывалась медленно, очень медленно, словно испытывая терпение людей. Соне захотелось броситься вперед и распахнуть тяжелую створку, чтобы наконец оказаться лицом к лицу с таинственным противником. Девушка каким-то звериным чутьем ощущала таившуюся в двух шагах угрозу, и она давно знала, что нападать всегда лучше первой, но врожденная осторожность все же удержала ее от этого безрассудного поступка.

Сзади топтался Луми, бормоча свою чепуху: «В огне легко промочить ноги, промочить ноги...» Эти малопонятные слова окончательно разозлили Соню, и она двинулась вперед.

В тот же миг створка глухо стукнула о стену, а в проеме неподвижно, опустив голову, стояла медноволосая женщина в мужских холщовых штанах, белой рубаше из тонкого полотна и узорной безрукавке. Ее лица не было видно — вьющиеся пышные пряди закрывали его.

— Боги! — раздался за спиной девушки испуганный возглас. — Рыжая, да ведь это — ты!

Женщина на пороге взмахнула рукой, отбрасывая со лба растрепанные волосы. Соня тихо вскрикнула и невольно попятилась — на лице незваной гостьи, точной копии ее собственного, сверкали черные, обжигающие, словно уголья, глаза. Она была совсем безоружна, эта женщина, казавшаяся зеркальным отражением Сони, но и девушка, и Луми, еще крепче вжавшийся в стену, почувствовали, что ни кинжал, ни стрела ей не страшны.

— Это не человек, это Сила! — прошептал мальчик. — Если она заговорит, не отвечай, а то сразу окажешься в ее власти! Поняла, Рыжая?!

Соня чуть заметно кивнула, не сводя глаз с незнакомки. Та, переступив порог, окинула их горящим взглядом и медленно вышла на середину комнаты. Дверь за ее спиной тихо закрылась.

— О, я вижу, вы тут прибались к моему приходу! — молвила она, удивленно приподняв брови. — Я рада, что мне не придется это делать са-

мой! Ну, раз уж вы пожаловали в мое жилище, давайте поговорим!

Женщина еле заметно шевельнула губами, и там, где сплетались мозаичные кольца, появилось кресло из черного дерева. Она села, испытующе глядя на Соню:

— Я — Гара, хозяйка этого прекрасного двorca, а вы кто, юные путешественники по опасной Тропе? — Ее голос звучал сочувственно, и он не был голосом Сони. — Расскажите мне, и, быть может, я отведу вас туда, куда вы направляетесь! Говори ты, отважная девочка! Можешь убрать свой кинжал, а то у тебя уже пальцы побелели! Ха-ха-ха, да еще и лук в придачу! Нет-нет, я не смеюсь над тобой, я жду ответа! Так кто же ты и чего ищешь в моих владениях?

Она говорила вкрадчиво, впившись властным взглядом в растерянные глаза Сони. Губы девушки дрогнули, ей внезапно захотелось все рассказать этой странной женщине, принявшей ее облик. Но тут Луми так сильно вцепился в ее локоть, что Соня чуть не вскрикнула. И сразу же прикусила язык, вспомнив его предупреждение.

Проклятая колдунья! Никому не под силу заставить ее, Соню, заговорить, если она сама того не пожелает! И гирканское упрямство, доставшееся девушке от отца, горячей волной ударило в голову. Щеки ее вспыхнули, губы искривились в надменной усмешке, глаза злобно сверкнули.

Соня небрежно засунула в ножны бесполезный кинжал и молча уставилась на Гару. А та нетер-

пеливо подалась вперед, желая услышать хоть слово, хоть невнятный шепот. Заметив внезапную перемену, преобразившую лицо девушки, она резко выпрямилась в кресле и протянула вперед руку:

— Я вижу, ты мне почему-то не доверяешь, девочка... И напрасно! А кто это прячется за твоей спиной? Подойди-ка сюда, чтобы я могла как следует рассмотреть тебя, мальчик! — В ее голосе послышались нежные, зовущие нотки, — Иди, иди, ведь ты не такой сердитый, как твоя подружка?

Луми разжал пальцы, вцепившиеся в рукав Сониной рубахи, и неуверенно шагнул вперед. Девушка повернула голову и не поверила своим глазам: мальчик приветливо улыбался, улыбался этой хитрой рыжей колдунье, забыв собственные предостережения!

— О, как ты еще молод, дитя мое! А душа твоя уже полна горечи и неразрешимых вопросов, да? Ну, поведай мне, зачем ты ступил на Тропу? Расскажи, и я помогу вам обоим!

Девушка видела, что Луми готов заговорить — он смотрел на женщину, сидевшую в черном кресле, с любовью и обожанием, и только Боги знали, какой он ее видел. Соня вцепилась в руку мальчишки, изо всех сил вонзив ногти в его ладонь. Больше всего она боялась, что Луми вскрикнет — но он только удивленно посмотрел в ее сторону, поднял руку и уставился на капли крови, выступившие из глубоких ранок. Словно что-то вспоминая, мальчик перевел глаза на Гару и,

зажав ладонью рот, отшатнулся назад, за спасительную Соңину спину.

— Куда же ты, малыш?! Ну и злобная у тебя подружка! Так ты и впрямь не собираешься со мной поговорить? — нежно проворковала Гара и повернулась к Соне:

— А ты, упрямец, отчего смотришь на меня, как на врага? Ведь я, погляди-ка, нарочно приняла твой облик, до того ты пришлась мне по душе... Молчишь? Ну, молчи... И ты, малыш, не хочешь говорить с могучей Гарой? Что ж... Вы сами виноваты, глупые, неразумные людишки! Ответь вы мне — игра продлилась бы дольше, на несколько вдохов дольше... А теперь я, Гара, Повелительница Огня, начну свою Пляску Смерти! А-а-а-а!!! — Она встала, воздев руки, и запела голосом, от которого содрогнулись стены; ящерицы из красной мозаики на полу, окружившие знак Огня, вдруг ожили и побежали в разные стороны. Вскарабкавшись на стены, они замерли, и вокруг каждой из них заплесало желтое яркое пламя.

Женщина, стоявшая посередине комнаты, на глазах преображалась. Глядя на нее, Соня снова схватилась за кинжал. Она прекрасно понимала, что это бесполезно, но прикосновение к гладкой костяной ручке придавало ей мужества, ибо то, что предстало ее глазам, было поистине устрашающим: пышные рыжие волосы отдельными прядями отваливались от головы и падали на пол. Лицо, еще мгновение тому назад свежее и нежное, сморщилось, как печеное яблоко, и засты-

ло коричневой злобной маской. Костлявые руки с хищными тонкими пальцами торчали вверх, как корявые сучья сухого дерева, а милые сердцу Соня рубаха, безрукавка и штаны превратились в багровое с оранжевыми отблесками причудливое одеяние.

И Гара пела, все время пела... Голос ее, вначале пронзительный, перешел в тоскливый вой, и Соня почувствовала, как дрожит за ее спиной Луми, уцепившись двумя руками за безрукавку.

Ящерицы, замершие было на стенах, вдруг заметались, и везде, где они пробегали, вспыхивали дорожки шипящего пламени. Некоторые из них вскарабкались на потолок, и тут же трухлявые балки загорелись, роняя на пол россыпи искр.

— Ха-ха-ха, это моя Игра, мое торжество! Еще немного — и вы превратитесь в черные головешки, вы, дерзнувшие прийти сюда! А пока я посмотрю, как вы мечетесь из угла в угол, послушаю, как вопите и воете от страха и боли! Ну, девчонка, попляши, а я допою свою песню! А-а-а-о-у-у-у! — Она закружилась на месте, и ее голос загудел, как пламя лесного пожара.

Над головой Соня угрожающе затрещала балка, грозя обрушиться на людей. Девушка отскочила в сторону и услышала зловещий хохот Гары:

— О-о-о-ха-ха-ха! Вот так, вот так! А теперь ты, щенок, попрыгай немножко!

Но Луми, казалось, не слышал ни ее воя, ни треска огня. Он лихорадочно искал что-то в своей бездонной суме и не мог найти.

— О, Светлые Боги! Где же оно? Куда я его засунул?! — расслышала Соня и подумала, что мальчишка с перепугу, видимо, повредился в уме. Она хотела было броситься к нему и оттащить с опасного места, как вдруг балка с треском обрушилась вниз, обдав их обоих жаром огня и осыпав горячими искрами. Соня отскочила назад, а Луми, словно бы ничего не заметив, еще быстрее стал шарить в суме.

— Вот! Нашел! — раздался его радостный вскрик, заглушивший на мгновение треск горящих балок и вой Повелительницы Огня. — Иди скорей ко мне! Прыгай через огонь, сюда, и давай мне руку!

Не раздумывая, Соня перескочила через пылающие обломки и ухватила за его рукав. Луми торжествуя улыбался, держа на ладони небольшое круглое зеркало в простой серебряной оправе. Он разжал пальцы, и зеркало упало прямо им под ноги. Гара, размахивая руками, самозабвенно кружилась посередине своего дворца, не сомневаясь, что добыча, жалкие слабые людишки, мечутся сейчас вдоль стен, спасаясь от пылающих балок.

— Ой, что это?! — воскликнула Соня, не веря своим глазам.

У нее под сапогами растекалась лужа. Вода подобралась к ее ступням, просочившись в дыры изодранной обуви. Горящая балка, через которую она только что перепрыгнула, зашипела и погасла. Густой дым поднялся к потолку, на мгновение заслонив от путников беснующуюся Гару.

Огонь полыхал повсюду. Воздух накалился так, что почти невозможно стало дышать. Дым разжедал глаза, и не видно было, где находится та дверь, за которой продолжалась Тропа.

— Кажется, она там! — кашляя, прохрипела Соня, потянув мальчика вправо.

Но он, задыхаясь в дыму, потряс головой и решительно толкнул ее назад. Девушка чуть не упала, но, не раздумывая, повернула туда, куда двинулся Луми, лишь покрепче сжала его ладонь. Холодная влага поднялась им до щиколоток, когда раздался вой, от которого пламя запылало еще жарче:

— А-а-ай-я-а-а! Вода, проклятье, здесь вода! А-а-а, ноги мои, ноги! — И ослепительный столб белого пламени, прорвавшись даже сквозь завесу густого дыма, огненным смерчем взвился там, где только что бушевала Гара. Взметнувшись к небесам, он с треском пробил горящую кровлю. Обломки стропил, пылая, обрушились вниз, и сквозь завывание огня до Сони и Луми долетел голос, полный нечеловеческой боли и ненависти:

— О-о-оу! Все равно сгорите! Вы здесь сгорите! У-у-у-у, слуги мои, добавьте огня! Ха-ха-ха, вы мои, вы все равно мои!

Луми, пробираясь к двери вслед за Соней, вдруг споткнулся обо что-то мягкое и чуть не упал. Прикрывая волосы от сыплющихся головешек, он, озаренный спасительной догадкой, наклонился и схватил край промокшего Сониного одеяла.

— Рыжая, отойди, ты на нем стоишь! — прокричал он, толкая Соню.

Девушка мгновенно поняла, что он задумал, и быстро помогла Луми поднять тяжелую мокрую ткань. Они накинули его на головы, и Соня, целиком доверившись чутью мальчишки, спросила, еле переводя дух:

— А теперь куда?

— Прямо! Держись за меня, все равно ничего не видно, и пошли!

Они медленно брели, прикрытые одеялом, перешагивая через обгорелые балки, пока наконец не уперлись в каменную кладку. Да, это была она, глухая стена со спасительной дверью, но она оказалась наглухо запертой, так же, как и недавно, до прихода Повелительницы Огня. По обе стороны от створки сидели саламандры и злобно шипели, разбрасывая пламя.

— Что же нам делать?! — пробормотала Соня, изо всех сил дергая ручку. — Луми, у тебя ничего нет в запасе, что поможет открыть ее?!

— Нет, похоже, мы попались, и заговоренное зеркало Гартаха нас не спасло... Против тамариска я бессилён... О-о-о, как я рассчитывал на этот выход!

— Да провались он к Нергалу в пасть, этот твой тамариск! — внезапно разозлившись, закричала Соня, — Я не собираюсь здесь изжариться, как какая-нибудь утка! Вот тебе, вот тебе, вот тебе! — И девушка, выхватив кинжал, стала яростно крушить колдовской орнамент.

От плотно пригнанных твердых досок полетели щепки, а Соня все колотила кинжалом ненавистные резные листья. Вскоре вся середина

створки, изуродованная стальным клинком, превратилась в сплошное крошево, где ничто больше не напоминало ни о венке из веток тамариска, ни о знаке Огня... Саламандры исчезли...

— Эй, может, хватит? Я совсем задыхаюсь в дыму... Рыжая, дай мне руку, я сейчас упаду! И вода уже до колен! Нет, мы погибли!

— Держись за стену, не падай! Еще чего, погибли! Да я эту дверь в щепки разнесу! — уверенно бросила Соня, чувствуя в глубине души, что сама близка к отчаянию. Но лучше умереть, отчаянно врубаясь кинжалом в ненавистную дверь, чем покорно стоять и ждать, когда рухнет следующая балка.

Девушка пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась за ручку. В первый момент она решила, что все, силы кончились и ноги ее больше не держат. Но тут порыв свежего воздуха, ворвавшегося снаружи, коснулся ее лица, и рев пламени, с новой силой вспыхнувшего над головой, вернули ее к действительности.

— Луми! Мы спасены! Она открылась! Дай руку, скорее, сейчас рухнет крыша! — заорала Соня и почти волоком потащила мальчика за собой.

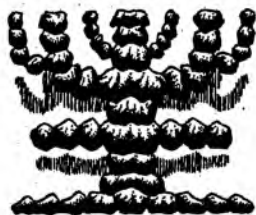
Они протиснулись в полуоткрытую дверь и, не чуя под собой ног, пробежали несколько шагов. Тлеющее одеяло свалилось с их плеч, сапоги хлюпали по воде, вырвавшейся наружу, но гудения и треска пламени больше не было слышно. Спутники, обессиленные пережитым, пошли медленнее.

— В огне промочишь ноги... В огне промочишь ноги...— продолжал твердить Луми, неуверенно ступая вслед за девушкой.

Соня огляделась. Кругом в тусклом свете раннего утра мирно расстилались зеленые луга, а Тропа, начинаясь как раз под их ногами, манила дальше.

— Постой, Луми, сначала просушим сапоги! — с облегчением сказала Соня, садясь прямо на белый песок.

Глава шестая

Вода, ты потоком печаль мою смой,
Огонь погаси, подари мне покой...
Капают капли, и не поймешь,
Что это? Слезы?
А может быть, дождь?

Они оказались не так уж просты, эти юные путники.— Морта говорила бесстрастно, не тревожа голубых бликов на стенах.— На этот раз ты проиграла, Повелительница Огня!

Мать Времени стояла у возвышения, скрестив на груди морщинистые руки и смотрела вниз, на чашу. Повелительницы Стихий тоже не сводили глаз с голубоватого сияния, исходившего оттуда. Наконец Гара подняла глаза и заговорила. Голос ее клокотал и гудел, как пламя в печной трубе:

— Да, Мать Времени, на этот раз я проиграла, и сила моя уменьшилась! И все это из-за нее, из-за Эссы! — взвизгнула она, резко взмахнув рукой в сторону Повелительницы Вод.— Она помогла людишкам, она испортила мою игру, это она виновата в моем поражении!

— Ты забываешься, сестра! — прожурчала Эсса, загадочно улынувшись.— Даже здесь, на Белой Тропе, властвуют те же законы, что и в человеческом мире! Кремень и кресало высекают искры,

сталь крушит дерево, из кувшина выливается вода... А ведь это был не кувшин, сестра, а магическое зеркало! Посмотрела бы я на тебя, если бы ты отказалась поджечь хворост иди вылететь пучком пламени из красной трубки Гартаха! Кстати, может, и ты послужишь им свою службу — только Морта знает, прихватил ли мальчишка с собой изделие своего наставника! Ха-ха-ха! — Повелительница Вод с нескрываемой насмешкой смотрела на Гару, гневно разбрасывающую вокруг себя трескучие искры.

— Эсса права, — снова заговорила Мать Времени, — у вас у всех двойственная природа, человек — и ваше дитя, и вечный враг. Вы его и любите, и ненавидите, так играйте с ним как можете. И никого не вините в поражении! Здесь нет недозволенных средств, вы могущественны, но и люди сильны! Утихни, Гара, попридержи огонь ненависти, ты проиграла, и я подтверждаю твоё поражение!

Морта подняла вверх сомкнутые руки, черная чаша медленно повернулась в сторону Повелительницы Огня, и та с воплем взметнулась вверх ярким чистым пламенем. Через мгновение пламя опало, оставив после себя грудку черных камней.

Повелительницы Земли и Воздуха все это время стояли неподвижно, не отводя глаз от Напитка Времени. Эсса, отвернувшись от того места, где только что пылал огонь, тоже впилась глазами в голубое сияние. Восемь рук медленно протянулись вперед, и снова пещеру наполнили рокочущие звуки, вопрошая о жребии.

— Эсса! — торжественно возгласила Владычица Морта, когда красные камни повернулась в сторону Повелительницы Вод. — Я предчувствовала, что теперь именно ты отправишься на встречу дерзнувшему ступить на Тропу, продолжать Игру, Игру Стихий!

Вода, грозно зарокотав, устремилась к сводам пещеры зеленоватым потоком. Брызги рассыпались по стенам и гладкому полу, осев мелкими каплями на трех столбах.

* * *

Песчинки тихо поскрипывали под подошвами путников, над ними плыли легкие облака, слабый ветерок трепал волосы, качал тонкие ветки кустов и затихал в густых кронах деревьев. Ручей кристально-чистым потоком бежал справа от Тропы, и дно его устилал все тот же белый песок вперемешку с темными гладкими камешками. Осока склонялась к самой воде; ярко-синие стрекозы взлетали и снова садились на узкие побеги, ненадолго замирая над прозрачной струей.

— Как хорошо! — воскликнула Соня, с наслаждением вдыхая воздух, напоенный запахами трав, всевозможных цветов и прохладной влаги. — Вот так бы идти до самой пещеры... О, смотри, смотри, там, в зарослях, по-моему, мелькнул олень! — И Соня, не раздумывая, сдернула с плеча лук.

При виде близкой добычи охотничий азарт заставил ее забыть, куда она идет и где находится. Стрела послушно легла на тетиву, и девушка, кра-

дучись, пошла вдоль кустов, всматриваясь в про-светы между ветвями.

— Рыжая, да ты с ума сошла! — Луми резко дернул ее за безрукавку.

Девушка, успевшая за считанные мгновения начисто забыть о его существовании, вздрогнула. Лук опустился, и она сердито обернулась:

— Ну вот, недотепа, спугнул! А он был почти рядом, совсем молоденький пятнистый олень! Дичь, достойная короля! Нет, Луми, ты дождешься, что я тебя как следует проучу, хоть ты и ученик колдуна! Подумать только, лишились такого жаркого! — Соня просто кипела от досады.

Но легкий шорох снова привлек ее внимание. Девушка насторожилась и, неслышно переступая мягкими сапогами, подошла к самому краю тропы. Дальше начиналась густая трава, отделявшая их от высоких зарослей. Лук снова начал медленно подниматься.

— Нет, ты не будешь здесь стрелять! — закричал Луми и изо всех сил потянул спутницу за руку.

Стрела сорвалась и со свистом умчалась в густую листву, а Соня в бешенстве круто развернулась, собираясь как следует отделать дерзкого мальчишку. Но он стоял напротив нее, так же гневно сверкая глазами и крепко сжав кулаки.

— Ого, да ты с характером, малыш! — буркнула Соня, медленно обходя паренька и примериваясь, как бы доловчее сбить его с ног. То, что он не умел драться, было видно сразу — по неловой позе, по неуклюже выставленным кулакам,

открытой для удара груди. Но глаза его смотрели на девушку с такой яростью и отчаянием, что она невольно остановилась.

«Ну и попутчик мне достался!» — усмехнулась Соня, закидывая лук через плечо.

— Объясни-ка, приятель, зачем тебе понадобилось мешать моей охоте? Смотри, вон на дереве сидит горлица, такая толстенькая, упитанная и нисколько не боится! А ведь все наши припасы остались там, в огне! И что у нас есть, кроме воды? — Девушка махнула рукой в сторону ручья.

Луми перевел дух и опустил руки. Все еще мрачно поглядывая на девушку, он спросил:

— А ты очень проголодалась? Ну-ка, ответь мне, Рыжая, хочешь ли ты есть?

Его вопрос застал Соню врасплох. В самом деле, а голодна ли она? Девушка представила себе аппетитный кусок зажаренного на костре мяса — и тут же сплонула: нет, ей совсем не хотелось попробовать его, сама эта мысль вызвала у нее отвращение. Приоткрыв в растерянности рот, Соня изумленно взглянула на Луми:

— Послушай, как же так... Столько времени прошло, а мне не до еды... И тебе тоже? — недоверчиво протянула девушка.

— Не удивляйся, Рыжая, ведь это колдовское место — Белая Тропа! И здесь все не совсем так, как там, в привычном нам мире! Знаешь, а я начинаю жалеть, что не пошел один. Ты со своей горячностью и неукротимостью натворишь таких дел, представить страшно! Ведь я же тебе сказал — не сходи с Тропы ни вправо, ни влево! А если

бы ты все-таки подстрелила оленя, что бы было? Конечно, сразу бы кинулась туда, в кусты! — Мальчик говорил поучительно, совсем как умудренный жизнью старик. — Ну, что молчишь? Разве я не прав? Да пусть эти горлицы хоть на плечи садятся, если они не мешают идти вперед — не обращай на них внимания!

Соня хмурилась: очень неприятно выслушивать поучения мальчишки, но в то же время она понимала, что Луми прав. И угораздило ее так забыться!

— Сама не понимаю, что это на меня нашло, — примирительно сказала Соня, глядя в сторону. — Мне вдруг показалось, что нет ничего важнее, чем подстрелить этого оленя! Ты не ошибся, я совершенно забыла обо всем — и о том, зачем я здесь, и о твоих словах, маленький колдун!

— Не называй меня так! — снова вскипел Луми, и его руки опять сжались в кулаки. — Я не маленький и тем более не колдун! И мне вовсе не хочется ссориться с тобой на каждом шагу. Ты, по-моему, догадывалась, куда шла, и раз Боги допустили тебя на Тропу, возможно, ты сумеешь дойти до конца! И я вместе с тобой! Но для этого необходимо каждый миг помнить, где мы находимся! Пойдем дальше, и поменьше смотри по сторонам, разве что заметишь или услышишь что-то опасное!

Поправив суму, мальчик выжидательно взглянул на Соню. Девушка молча кивнула и зашагала вперед, не обращая больше внимания на птиц, беспечно порхавших с ветки на ветку. Она шла и удивлялась самой себе: куда подевались ее осторожность и осмотрительность?!

Здесь, за чертой привычного мира, похоже, изменилось все, а она сама превратилась в глупую девчонку, поддающуюся необдуманному порыву. А Луми, нерешительный, робкий Луми, показавшийся именно таким, когда они коротали ночь у костра, здесь вел себя как мудрый учитель, проводник, который уже не первый раз ходит по колдовским тропам...

Наконец лес с его щебетом и таинственными шорохами остался позади, и путники вышли на холмистую зеленую равнину. Тропа бежала рядом с ручьем, послушно повторяя все его изгибы и повороты. Голода Соня по-прежнему не чувствовала, но усталость и жажда давали себя знать.

Больше всего девушке хотелось встать на колени, напиться холодной воды и, ни о чем не думая, растянуться на траве. Но Луми, шедший немного приотстав, продолжал упорно двигаться вперед, грозя наступить спутнице на пятки. Он шагал молча, и Соня решила сама его ни о чем не расспрашивать — ей не хотелось в очередной раз выслушивать длинное поучение.

Словно угадав ее мысли, Луми поравнялся с ней и, как ни в чем не бывало, заговорил:

— Видишь, вон там, где Тропа огибает холм, растет большое дерево? Под ним можно будет отдохнуть и напиться...

Они к тому времени прошли мимо десятка таких деревьев, и Соня недоумевала, чем же это, указанное мальчишкой, лучше других, но не стала допытываться — ей просто захотелось поскорее добраться до него и упасть, все равно на что — хоть

на траву, хоть на песок... Да и Луми тоже дышал тяжело и, похоже, еле переставлял ноги. С жадностью поглядывая на быструю воду, журчащую между камнями Соня прибавила шаг. Дерево, к которому она так стремилась, почему-то совсем не приближалось, и она вполголоса выругалась:

«Проклятие! Что все это значит?! Опять какое-то колдовство?! Почему нельзя отдохнуть прямо здесь или хотя бы сделать глоток из ручья? О, Боги, этот Луми просто сводит меня с ума! Может говорить что угодно, а я напьюсь, и напьюсь прямо сейчас!»

Спотыкаясь, девушка сделала пару шагов к манящему влагой потоку, но Луми, не говоря ни слова, отпихнул ее обратно на середину Тропы.

— Что ты себе позволяешь, щенок! Думаешь, нацепил на шею собачий клык, так и все на свете знаешь?! — закричала Соня, вырываясь.

Вода журчала, искрясь под солнцем, она была так близко, стоило только руку протянуть, а этот несносный мальчишка опять мешал ей сделать по-своему! Похоже, он вообразил себя хозяином Белой Тропы! И Соня, вспыхнув, вновь схватилась за кинжал.

Но Луми, не обращая внимания на ее крики и гнев, тащил ее за собой, словно упрямого ребенка, и бормотал успокаивающе:

— Сейчас... Сейчас отдохнем... Еще немного! Не вырывайся, скоро напьешься! Иди помедленнее, вот так, еле переставляя ноги, и не смотри на дерево... Представь себе хоть на миг, что ты не хочешь воды и не собираешься здесь отдыхать! Ну, Рыжая, попробуй, ведь ты сможешь! — И он сильно встряхнул девушку за плечо.

Соня остановилась, прикрыла глаза и, стиснув зубы, попыталась вообразить себя легко идущей вперед по Тропе... Будь проклят этот ручей! Нет, она не хочет пить, не хочет ничего, кроме самого главного — дойти до пещеры и узнать... Что узнать?..

— Что я должна узнать? — прошептала она, делая неуверенные шаги вперед, туда, куда толкал ее Луми. — Что я хочу спросить? Зачем я здесь? Где мы, Луми?

— Открывай глаза. Рыжая, вот оно, дерево! А теперь можешь пить! Ох, я-то как сейчас напьюсь! — Мальчик отпустил ее руку и нагнулся к журчащему потоку. Соня опустилась на колени рядом с ним и зачерпнула двумя горстями холодную воду. Еще никогда, утоляя жажду, она не испытывала такого наслаждения — казалось, влага тонкими струйками растекается по всему телу, даря прохладу и облегчение.

Ничего не видя и не слыша, они пили и пили, как усталые лошади. Наконец Соня почувствовала, что еще один глоток — и она лопнет. Ополоснув разгоряченное лицо, девушка поднялась с колен.

Действительно, они с Луми дошли до поворота, где росло дерево. Только что оно виднелось вдалеке, казалось недостижимым — и вот всего за несколько шагов, пройденных с закрытыми глазами, они до него добрались...

Нет, те деревья, мимо которых они шли так долго и мучительно, совсем им не подходили! Они стояли в стороне от Тропы, и, чтобы укрыться под их сенью, путникам пришлось бы ступить на

траву. А это дерево, огромное, в три обхвата, не меньше, росло прямо посередине Тропы, вздымаясь мощным стволом из белого песка. Дорога с двух сторон огибала его, образуя большую круглую площадку.

Соня смотрела ни дерево и недоумевала — почему она опять взбунтовалась?! Почему уже в который раз хотела сделать по-своему, наперекор словам Луми? Опять колдовство! Так все же зачем она здесь? Куда идет? Что хочет узнать? Соня села на песок и прислонилась спиной к шершавой коре.

Подняв голову, принялась разглядывать ветки. Дуб? Нет, не дуб... И не платан, это уж точно. Листья, круглые, как монеты, дрожа, трепетали на тонких черешках, ловя малейшее дуновение ветра.

— Луми! — позвала Соня, повернув голову в сторону ручья, — Луми, иди сюда, я хочу тебя спросить!

Мальчик подошел и уселся рядом, отбросив со лба мокрые волосы.

— Ну, зачем я тебе понадобился, Рыжая?

— Куда мы идем? И зачем? И вообще, как мы здесь очутились?! Ничего не помню... В голове совершенно пусто, и даже немного звенит. Ты-то хоть помнишь что-нибудь? И почему ты все время мне мешаешь: не пустил в лес за оленем, не дал напиться тогда, когда я захотела, зачем-то тянул к этому дереву. — Голос девушки звучал обиженно. — Я совсем запуталась, ничего не понимаю, а ты все-таки ученик колдуна!

— Вот видишь, вовсе не все ты еще забыла, раз припомнила, что я ученик колдуна! — усмехнулся Луми, запустив руку в суму.

Он снова принялся что-то там нащупывать, не торопясь отвечать на вопросы.

— Что же ты замолчал? Говори, мне нужно знать, куда я иду! Я знаю, что это очень важно, и больше ничего... И это дерево...

— Висела б у тебя на шее мандрагора, как у меня, ты бы издали чужая недоброе! — ответил Луми, косясь на шнурок с волчьим клыком и кусочком волшебного корня. — Здесь все такое красивое, мирное, но попробуй сойди с Тропы — и пропадешь!

— Как пропадешь?

— Откуда я знаю! Я здесь впервые, как и ты! Пропадешь — и все! А Повелительницу Огня ты тоже забыла, и как кромсала дверь кинжалом, не помнишь?

Напряженно глядя в землю перед собой, Соня вслушивалась в слова мальчика. Рыжеволосая женщина... резной узор на неподатливой створке... И тут она, словно наяву, услышала рев и треск пламени, увидела пляшущую в языках огня старуху и дверь, изрезанную кинжалом. Да, это было, и было совсем недавно!

— Помню! — воскликнула Соня, хлопнув себя по колену. — Гара, ее звали Гара, и мы еле унесли от нее ноги! И куда мы идем сейчас? — Она пристально смотрела на Луми, ожидая немедленного ответа.

А тот все искал что-то на дне своей сумы.

— Ну, что же ты молчишь? — не отставала девушка, теряя терпение. — Говори, ведь я уже в который раз тебя спрашиваю!

Вместо этого Луми протянул ей флейту, Соня взяла ее, покрутила в руках:

— Ну, и что это значит?

— Играй... Играй, и что-нибудь вспомнишь!

Пожав плечами, девушка поднесла трубочку к губам, тонкие пальцы проворно пробежалось по отверстиям, и звонкая трель разорвала тишину. Старинная песенка, которую она столько раз слышала в детстве, странным образом успокоила встревоженную душу девушки. Соня опять почувствовала себя сильной и уверенной, недавняя растерянность растаяла, как дым. Она идет по Белой Тропе, идет, чтобы узнать нечто важное... Только что?

Флейта, звеневшая звонко и весело, вдруг умолкла. Луми хотел было что-то сказать, но в этот миг девушка заиграла снова. Это была опять она, странная печальная мелодия, которая доносилась из Зеркала Снов, та самая, которую Соня наигрывала вчера в доме с саламандрами... И ее звуки нашептывали о прошлом, таинственным образом вызывая в памяти картины, которые девушка сейчас же узнавала. Да, конечно, это Хауран, давно знакомый и привычный, вдоль и поперек исхоженный за годы, что она провела в доме высокочтимого Джергеса.

Дядюшка Джергес! Даже он, несмотря на свой проницательный ум и глаза, что, казалось, заглядывали прямо в душу, не мог догадаться обо всем, что вытворяла непоседливая девчонка за его спи-

ной! Конечно, Келемет предупреждал его о своенравии своей любимицы, но после двух-трех сумасбродных выходов Соня явно присмирела, и владетель Джергес совершенно успокоился, удивляясь в глубине души, почему его друг, отважный и крутой на расправу Келемет, не смог сладить с дочерью.

«Свобода! Слишком много свободы он давал своей дикарке!» — К такому выводу пришел вельможа, с удовольствием наблюдая за успехами новой питомицы. Действительно, здесь, в его доме, у Сони совершенно не оставалось времени на всякие безумные проказы — вернее, так казалось и самому дядюшке Джергесу, и его почтенной супруге.

Но слуги, всегда все замечающие и о многом осведомленные гораздо лучше своих хозяев, могли порассказать немало интересного об этой отчаянной девице. Да и хозяйская дочь, «гордячка Югита», как поначалу мысленно называла ее Соня, тоже знала достаточно много о проделках рыжей выдумщицы. Хотя что там знала! Во многих из них юная аристократка сама с величайшей охотой участвовала и даже под пыткой она бы не проронила ни слова о том, что вытворяла Рыжая Соня, когда с облегчением сбрасывала с себя маску покорности и послушания. А слуги благоразумно помалкивали, получая за свое молчание отнюдь не символическую плату.

Югита была на год старше, но, когда дело касалось какой-нибудь рискованной проделки, тут верховодила Соня. Утонченная дочь вельможи оказалась способной ученицей — прожив всю жизнь в

неге и покое, среди цветов и изящных безделушек, она, как обжора, пресыщенный редкими яствами, с жадностью набросилась на пряную пищу риска и приключений — в ней проснулся тот маленький демон, что жил в Соне с самого рождения.

С каким восторгом впервые примерила Югита мужской наряд и, не веря глазам, уставилась на свое отражение в большом серебряном зеркале:

— Ах! Неужели это я?! Не может быть! Мне все говорят, что я прекрасна, я и сама это знаю, но теперь... Теперь я готова влюбиться в саму себя! Ха-ха-ха! Какая прелесть! Этот юноша, в зеркале, заставил восторгнуться мое сердце, клянусь Предвечным небом! А ты! Как мгновенно изменилось твое лицо! О, Митра всевидящий, до чего приятно чувствовать себя не собой, а кем-то другим! Что ты смеешься, или я сказала какую-нибудь глупость?! — вдруг нахмурилась Югита.

Соня подошла ближе и с улыбкой заправила черную непослушную прядь под бархатный берет:

— Вот так будет лучше! Хмурься, хмурься, а руку положи на кинжал, словно хочешь ударить! А теперь пусть Светлые Боги благословят свою дочь, и — вперед! Хватит сидеть взаперти, как цесаркам в клетке. Давно пора посмотреть поближе, что такое Хауран!

* * *

Флейта, будто сама по себе продолжала наигрывать мелодию, а перед глазами девушки встала следующая картина: четыре дюжих черных раба не-

сут по шумным улицам богатые носилки, и из-за легких тканей Соня с любопытством поглядывает на пеструю толпу, расступившуюся перед свитой могущественного советника. Это — праздник Весенней Луны, а направляются они не куда-нибудь, а во дворец сиятельного властителя Хаурана.

Соня к тому времени появляется при дворе не в первый раз. Высокочитимый Джергес, довольный быстрыми успехами своей юной воспитанницы, решил, что, представив ее правителю, он окажет немалую услугу Келемету, ее отцу, да и для девочки, такой живой и умной, это будет очень полезно. Красота и обаяние Сони были благосклонно замечены, и теперь редко какое празднество при дворе обходилось без дочери советника и ее подруги.

Югита много рассказывала Соне, как великолепны праздники в Хауране, особенно этот — ночной, Весенней Луны. Когда темнота опускалась на город и в небесах появлялась полная луна, жемчужина цветущего месяца Шаргиза, перед маленьким храмом Лунной Девы жрецы совершали обильное жертвоприношение. На алтарь возлагались гирлянды цветов, связанные парами птицы, пучки проросших злаков.

Если после песнопений служителей серебряный диск луны не затягивали облака, значит, можно было быть уверенными — Лунная Дева не допустит засухи и голода. Уже много лет в ночь Весенней Луны ни одно облачко не заслоняло жемчужного сияния ночного светила, и праздник, длившийся всю ночь, гремел как в узких улоч-

ках и на площадях Хаурана, так и во дворце могущественного наместника.

Югита прожужжала подруге все уши о шествиях с факелами, придворных увеселениях, роскошном дворцовом пире, что устраивается в эту ночь, и Соня с нетерпением предвкушала новые удовольствия.

...Носилки плавно проплыли мимо рослых гвардейцев, в два ряда выстроившихся перед воротами дворца. Вечерний ветерок трепал алые плюмажи из пышных перьев, украшавшие их легкие шлемы, играл складками изумрудно-зеленых плащей. Соня тихонько засмеялась от удовольствия: ей очень нравилось праздничное убранство дворца правителя, яркие одежды слуг и сверкающие латы гвардейцев.

Трубы взвыли в приветствии, и советник Джергес со свитой торжественно въехал в ворота. Впереди величественной громадой возвышался старинный замок, поначалу поразивший пылкое воображение девушки своей мощью и величием. Но сейчас процессия свернула вправо, направляясь к обширному саду с многочисленными прудами. Здесь гости проведут время до жертвоприношения, слушая музыку и угощаясь.

Больше всего Югите нравилось в дворцовых праздниках то, что пришло сюда из Аквилонии, — парадные танцы. Когда-то давно развлечения заморийцев представляли собой лишь пиры, где гости сидели за столами, наслаждаясь винами и тонкими яствами, слушая музыкантов, любуясь полунагими танцовщицами.

Ну, конечно, бывали еще и фокусники... Но настоящее веселье началось тогда, когда один из правителей Хаурана смело завел при дворе аквилонскую моду на наряды и танцы — теперь гости изящно двигались под музыку привезенных издалека музыкантов, дамы и кавалеры беспрепятственно обменивались пылкими взглядами (да, немало ветвистых рогов выросло на головах недогадливых хауранских вельмож)... Короче говоря, все любили эти широкие праздники при дворе просвещенного правителя...

Тягучая мелодия доносилась из сада, где, скрытые за ветвями раскидистых кустов, громко играли музыканты, развлекая прибывающих гостей. Сам наместник в роскошном парчовом камзоле, и узких обтягивающих ноги темно-вишневых штанах, с массивной золотой цепью на груди, в каждое звено которой был продет живой цветок, встал, приветствуя гостя — многомудрого советника Джергеса...

Здесь, на празднике Весенней Луны, пренебрегали многими из обязательных придворных церемоний, и гости чувствовали себя свободней, чем обычно. То тут, то там в уголках сада раздавались взрывы смеха, радостные возгласы. Но происходящее сейчас являлось только вступлением. Главное же, чего с таким нетерпением ожидали Соня, Югита и остальные приглашенные, должно было начаться лишь ночью, когда жрецы принесут положенные жертвы и пропоют священный гимн. Если, конечно, облака не закроют луну, суля дурные предзнаменования.

Соня никогда особенно не любила смотреть на медленные выходы жрецов во время праздничных шествий, ее раздражала их многозначительность и важность. Вот и на этот раз она с большим удовольствием улизнула бы куда-нибудь подальше, чтобы не принимать участия в торжественном жертвоприношении. Но это не Туран, где подобные выходки обычно сходили ей с рук, это — столица Хаурана, и не стоило искушать судьбу.

Толпы народа, запрудившие площадь перед храмом, громкими воплями встретили появление правителя и его придворной свиты. Огни тысяч факелов ярко освещали площадь, и полная луна, безмятежно сиявшая в небесах, казалась здесь случайной гостьей. Соня, не желая смотреть на этих людей, в восторге орущих и размахивающих своими горящими палками, стояла у самой стены, спрятавшись за спинами возбужденных гостей. Если жрецы наводили на нее тоску, то толпа вызывала в ней настоящее презрение.

Чтобы отвлечься, девушка подняла глаза к небу — луна равнодушно смотрела вниз, и ей было совершенно безразлично, что там сожгут на каком-то жертвеннике эти людишки, копошащиеся днем в жалкой суете, покупающие и продающие, размахивающие мечами или пьющие вино... И так было понятно, что ни одно облачко не появится этой ночью — яркие россыпи звезд усеяли черные небеса, а ветер стих, не тревожа листву цветущих деревьев...

Наконец, когда Соня уже устала от напряжения и ей окончательно надоело разглядывать спины придворных и задыхаться от густого аромата всевозможных притираний под гнусавое пение жрецов, народ взревел, радуясь ясной ночи и светящимися ручейками стал растекаться по улицам, чтобы пить и гулять до утра.

Сиятельный правитель и его гости вернулись во дворец, чтобы здесь, на просторных террасах и лужайках великолепного сада, тоже повеселиться вволю — ибо это был самый любимый праздник года, праздник, вслед за которым заключались счастливые браки.

Ночное пиршество началось не сразу: сначала гости разошлись в заранее приготовленные комнаты, где их ожидали слуги с ворохами причудливых одежд, головных уборов и грудями всевозможных масок. Эта забава привилась здесь совсем недавно, привезенная молодым аквилонским послом, месьором Дагритосом.

Большой щеголь и знаток придворного этикета, он пользовался при заморийском дворе огромным успехом. Югита сочла необходимым показать его Соне еще в тот раз, когда дядюшка Джергес вывез свою воспитанницу на ее первый дворцовый прием. Высокий, черноволосый, с вечной усмешкой на красивом лице, он сразу не понравился Соне. Водянисто-серые, немного навывкате глаза его, в отличие от губ, никогда не смеялись, и это несоответствие вызвало у девушки недоверие и неприязнь. Но Югита, да и многие другие девицы, были в восторге от этого вездесущего вы-

думщика. Похоже, он здесь находился лишь для того, чтобы изобретать все новые и новые забавы для пресыщенного двора.

Всем очень нравилась эта игра — пиршество в нелепых нарядах и уродливых масках, — и теперь вельможи радостно надевали на себя то, что казалось им самым подходящим. Грубая холстина соседствовала с сияющей парчой, великолепные плюмажи прикреплялись драгоценными пряжками к войлочным шапкам погонщиков мулов. А драгоценные ожерелья дам сверкали на домотканых платьях простолюдинок.

Югита и Соня торопливо накинули то, что подвернулось под руку: Соня выбрала длинный, почти до пят, плащ, усеянный мелкими блестящими, и странный головной убор из серебристой парчи, скрывший ее пышные кудри. Не раздумывая долго, она надела небольшую белую маску с раскосыми прорезями для глаз. Теперь ее не узнала бы и родная мать.

— Ну, как я тебе нравлюсь? — слышался рядом смеющийся голос.

Соня обернулась и удивленно вскрикнула:

— О, Югита, неужели это ты?!

И впрямь было чему удивляться: вместо красавицы в бледно-голубом, расшитом шелками платье перед Соней стояла крестьянка в грубой полосатой юбке, широкой безрукавке, отороченной белой овчиной, и в нелепой шляпе, украшенной петушиными перьями. Из-под зеленой маски весело глядели лукавые черные глаза:

— Ха-ха-ха, не узнала, не узнала! А ты-то вырядилась, ну просто колдунья с Дальних Гор! Пошли скорее, танцы начались!

Они выскользнули за дверь и, взявшись за руки, побежали в сад. Там уже вовсю кипело веселье, слуги сбились с ног, поднося новые блюда изысканных сластей и наполняя высокие кубки выдержанными винами из огромных чеканных кувшинов. Девушки не успели добежать до столов, как их разлучили и потащили танцевать. Для Сони подобное обращение было в диковинку — она знала, что так веселится простонародье, но это оказалось совсем неплохо, не хуже бешеной скачки на горячем коне...

— Я буду ждать тебя в башне, как всегда! — вдруг раздался над самым ее ухом нежный шепот.

Высокая женщина в красном широком платье, золотом тюрбане и черной бархатной маске обращалась к мужчине, державшему ее за руку. Соня скользнула взглядом по его стройной фигуре и вздрогнула, узнав ноги, обутые в башмаки с круто загнутыми носами. Огромные пряжки, усыпанные алмазами, сверкали, отражая свет многочисленных факелов. Эта вычурная обувь могла принадлежать только одному человеку — тому, кто затеял всю эту кутерьму, аквилонскому послу Дагритосу.

Дама в красном скрылась в аллее, ведущей к замку. Немного погодя месьер двинулся за ней. Не в силах совладать с любопытством, толкавшим ее на самые отчаянные поступки, Соня улизнула от своего кавалера и побежала следом...

* * *

...Флейта давно уже валялась на песке, а девушка все сидела, прикрыв глаза и заново переживая давешние события. Луми терпеливо ждал, не сводя с нее взгляда. Девушка словно спала наяву — она то улыбалась, то хмурилась, испуганно приоткрывая рот. Наконец она тряхнула головой, отгоняя видения, и огляделась.

— Ну что, вспомнила, куда идешь? — спросил Луми, бережно поднимая флейту. Он приложил ее к губам и нерешительно дунул. Раздался жалобный писк, и Соня, не выдержав, расхохоталась:

— Вспомнила, вспомнила! А ты не терзай ее понапрасну, это ведь искусство — играть на флейте, ему и за год не выучишься!

Девушка смотрела на Луми, который нежно поглаживал тоненькую трубочку кончиками пальцев, словно она была крошечным живым существом, и улыбка медленно сползала с ее лица. Этот кусочек дерева с просверленными в нем дырками, оживший благодаря ее дыханию, разбудил в душе девушки самые болезненные воспоминания.

Веселый праздник, смех, пестрые маски, таинственный шепот... Могла ли тогда Соня предположить, что скоро вся ее жизнь разлетится вдребезги, как сосуд из резного хрусталя? И чем была вызвана та лавина бедствий, что обрушилась на нее вскоре после той ночи?! Но то, что корень зла таится там, в далекой и ненавистой Аквилонии, девушка несколько не сомневалась. Да, ей

пришлось покинуть Хауран, и покинуть в ужасной спешке, спасаясь от неведомых убийц.

Это ей удалось, но судьба распорядилась иначе — примчавшись домой, в родную и казавшуюся такой безопасной Салафру, Соня попала из огня да в полымя. Имение было захвачено. Отряд аквилонских наемников, внезапно нагрянув, свершил свое гнусное злодейство. Не спасся никто... Ни отец, ни мать, ни братья... Алма, по счастью, была далеко — в таинственном горном храме Айнсор, куда родители отправили ее два года назад. Она, единственная, уцелела, если не считать самой Сони, которая чудом вырвалась из рук схвативших ее бандитов.

...И вот теперь она здесь, на Белой Тропе, идет неведомо куда, чтобы узнать: кто, кто это сделал, чья рука направила убийц в прекрасную Салафру, и что именно послужило тем камнем, который вызвал этот страшный обвал смертей и горя...

— Пора двигаться дальше! — вывел ее из задумчивости мальчишеский голос. — Ты отдохнула, Рыжая? Тогда напейся еще раз — и пойдем. Кто знает, что там будет впереди, а флаги у нас нет...

Все еще во власти своих печальных дум, Соня нехотя сделала несколько глотков, отвязала от пояса костяной гребень и попыталась слегка расчесать спутанные волосы. Почувствовав нетерпеливый взгляд Луми, девушка отказалась от этой затеи и просто перевязала тяжелую гриву лентой. Ей захотелось побыстрее продолжить путь,

и она мысленно поклялась себе не поддаваться больше ни на какие колдовские чары.

Хотя что значили здесь ее жалкие клятвы! Хорошо еще, что рядом Луми! Благодарность теплой волной согрела ей сердце, но она, ничем не выдав своих чувств, решительно вскинула на плечо лук и молча пошла вперед.

Идти было легко, теплый воздух чуть заметно колыхался над зелеными просторами, и ни голод, ни жажда не мучили двух путников, затерявшихся в этом бескрайнем мире полей и холмов. Ручей, казавшийся Соне второй половиной Тропы, незаметно становился все шире и шире, теперь он был похож скорее на мелководную речушку. Белые песчинки по-прежнему устилали дно, и узкие ленты зеленых водорослей извивались вдоль берегов, колеблемые быстрым течением.

Соня шла, ни на чем не задерживаясь взглядом, но вдруг какое-то едва заметное движение привлекло ее внимание. Что-то серебристое трепыхалось на узкой песчаной полосе, в двух шагах от кромки воды.

— Что это?! — удивленно воскликнула девушка, позабыв про все запреты, — Луми, смотри, какая рыбка! Или нет, это не рыбка!

Она присела на корточки, разглядывая странное существо, отчаянно бившееся неподалеку на горячем песке, да, серебристое чешуйчатое тело и красные плавники были, как у настоящей рыбы, а вот голова... Беловато-серая, мягкая и почти бесформенная, сначала она показалась девушке отвратительной, но, всмотревшись, Соня чуть не

вскрикнула от удивления: да это головка крошечной лошадки на крутой изогнутой шее, а вместо гривы на ней торчит красноватый мягкий гребень, похожий на спинной плавник...

— Водяной конь... — хрипло прошептал за ее спиной Луми, — не трогай его, это очень опасная тварь! Они водятся в морях и вызывают страшные бури!

— Такие маленькие? — изумилась Соня и, повинуясь внезапно вспыхнувшей жалости, осторожно взяла в руки трепыхающееся беззащитное тельце.

— Что ты делаешь?! — завопил Луми, пытаясь выбить из ее рук крошечное существо, — Брось сейчас же! Опять ты за свое, Рыжая!

Но Соня, сомкнув руки, чтобы не уронить водяного конька, не раздумывая шагнула к воде и бросила его подальше от берега. Тихий всплеск — и ничего больше не напоминало о диковинном существе, чуть не погибшем на горячем песке.

— Зачем ты бросила его в воду? Пусть бы издох здесь, на берегу! А теперь кто знает, какие силы ополчатся на нас? — кричал мальчик, размахивая руками, и злые слезы блестели в его глазах. — Взгляни туда, Рыжая, это наверняка дело твоих рук! Что я говорил, вот оно, началось!

Там, впереди, куда показывал Луми, действительно творилось что-то странное: воздух колебался, размазывая очертания холмов, Тропа зашевелилась, словно оживая, а ручей, будто упершись в невидимую преграду, стремительно стал растекаться в стороны, затопляя низкие берега.

— Ты думаешь, это из-за меня?! — взвилась Соня. — Из-за того, что я бросила в воду эту несчастную умирающую рыбешку? Нет, Луми, хоть ты и почти что колдун, но я тебе не верю! Не верю, не верю! Или ты решил, что мы так и будем брести по зеленым лужайкам, пока не дойдем до этой пещеры? Ну, и где же она? По мне, пусть уж лучше случится что-то определенное, чем тащиться вот так и ждать подвоха от каждой травинки или лягушки. Что ты встал как вкопанный?! Тропа уходит вперед, значит, надо по ней идти. Во всяком случае, я уверена, что в огне мы уже не сгорим!

Ее сердитые слова несколько остудили гнев Луми, и он двинулся вперед, продолжая недовольно бурчать себе под нос. Вдруг он остановился и уже в который раз полез в свою суму, что-то там нащупывая:

— Лягушки, лягушки... А взял ли я лягушек?!

— Ну вот, заладил, теперь ему эти твари понадобились! Да были, были они у тебя сушененькие, ты еще там, в огненном доме, о них бормотал. А сейчас-то зачем тебе нужны лягушки? Пойдем лучше поскорее, смотри, какой туман поднимается, еще немного — и ничего не будет видно!

Теперь уже Соня подталкивала мальчика, пытаясь заставить его идти побыстрее. Но тот шел, спотыкаясь на каждом шагу, и все рылся в своей суме. Наконец Луми с облегчением вздохнул, вытаскивая маленький холщовый мешочек, и бережно его ощупал:

— Вот они, здесь! Я так торопился, что хватал все подряд, но, если бы я их забыл, это было бы плохо, очень плохо... — Луми положил обратно свою находку и пошел рядом с Соней. Он старался не смотреть вперед, туда, где клубилась туманная пелена, становясь с каждым мгновением все гуще. Чувствовалось, что мальчишке не по себе, и поэтому он говорит без остановки:

— Гартах всегда твердил — если какое-то слово или знак тебе о чем-то напомнили, остановись, подумай и проверь, есть ли это у тебя... Если одна и та же мысль упорно бьется в голове, как птица в клетке, — это тоже знак, не пренебрегай им, иначе отвергнешь помощь богов... Вот ты сказала -лягушки, и я сразу о них вспомнил. Меня даже в жар бросило от мысли — а вдруг я их оставил!

— Ну, и что они могут, эти твои сушеные амулеты? — спросила Соня, довольная, что мальчишка наконец-то перестал ее упрекать и, не упираясь, идет рядом.

Ей тоже не нравился туман, разлившийся до самого горизонта, скрыв от глаз и холмы, и ручей, и саму Тропу. Можно было подумать, что облака укрыли землю мягким влажным одеялом. А сверху над ними, как и прежде, сияло ослепительное солнце и голубело чистое небо.

— Что могут, то и сделают, когда придется просить их о помощи! — загадочно ответил Луми.

Они стояли уже у самой кромки туманной пелены, доходившей им до колен. Мальчик присел, ощупывая тропу под ногами, а Соня напряженно вглядывалась вдаль: ей показалось, что в

разрывах молочно-белой дымки мелькает что-то большое и темное, покачиваясь с боку на бок.

— Смотри, Луми, там, по-моему, кто-то шевелится! — прошептала она, по привычке схватившись за кинжал.

Луми поднял голову и тоже стал всматриваться.

— Да, Рыжая, там точно что-то есть, — так же тихо ответил он, поднимаясь на ноги. — Пойдем, посмотрим! Кажется, оно не живое!

— Как не живое? Луми, не будь болваном, куда ты лезешь! Сам говорил — нельзя сходить с Тропы! — Теперь уже Соня испугалась не на шутку, видя, как мальчишка, словно зачарованный, двинулся прямо в туманное облако, не разбирая дороги.

— Стой, не пущу! Не смей, тебе говорят! — Она изо всех сил вцепилась в его рубаху, пытается остановить, но Луми резко рванулся, и она, невольно шагнула вслед за ним, оказавшись по колено в сгустившемся влажном воздухе.

Соня разжала руки и хотела было попятиться, но ее потянула какая-то неведомая сила, не давая остановиться. Меж тем туманная пелена начала рассеиваться, становясь все более прозрачной, и медленно подниматься вверх, задерживая солнце легкой завесой. Путники сделали еще несколько шагов, и под сапогами явственно захлопала вода. То темное, к чему они пробирались сквозь туман, покачивалось совсем рядом. Луми остановился и уверенно сказал:

— Лодка! Рыжая, это же лодка! Для того, чтобы плавать по воде! Я узнал ее!

— Ты прав, конечно, лодка. А ты, похоже, в первый раз ее видишь? Да и впрямь: откуда взяться лодкам в твоей забытой Богами Хариффе! Но ты-то сразу догадался, что это такое! Опять Гартах поведал? — Девушка ухватила рукой за крепкий деревянный борт и с интересом разглядывала небольшое суденышко, — Я вижу, колдун все-таки научил тебя кое-чему! Смотри, тут и весла, и черпак! Выходит, нам теперь придется пуститься в плавание. Хотелось бы только знать: куда! Туман хоть и стал пореже, но все равно дальше пяти шагов ничего не видно... Тьфу, проклятие, ручей-то как разлился! К Нергалу такие штуки, ведь в воде Тропы не разберешь! Что же нам делать дальше?

— Ждать, Рыжая, просто ждать! — ответил Луми, вглядываясь вдаль. — Разъяснится, тогда и поймем, куда плыть. А пока давай залезем в лодку, раз она нас здесь дожидается!

— А ты уверен, что это не ловушка? — с сомнением спросила Соня, усаживаясь на одну из скамей и вставляя весла в уключины.

— Смотри, кругом только вода. Назад хода нет, так что ничего другого нам и не остается. Помнишь, и дом Гары оказался западней, но мы выбрались, правда? Ну ладно, Рыжая, подождем еще немного, пока ветер не разгонит дымку, а ты мне пока объяснишь, как обращаться с этими штуками... Как там они называются?

— Какие штуки? Ты про что? Ах, весла! Ха-ха-ха! Да, твой Гартах мастер недоговаривать! А с какой стати он рассказывал тебе про лодку?

— Ну, на него иногда находило... То молчит, молчит целыми днями, то вдруг посадит нас рядом и начинает рассказывать про все подряд. Такого наговорит, что и не знаешь — верить или не верить! Шея, бывало, занемет, ноги затекут, а шевельнуться не смеешь, сидишь и слушаешь... Про огромные моря, широкие реки он особенно любил поговорить, только всегда чего-нибудь да не доскажет...

— И про водяных коней он тебе поведал?

— Да... это, по его словам, очень опасные существа, и против них бессильны любые заклинания. Поэтому я так испугался, когда ты спасла того, маленького...

— А почему против них нет заклятий? По-моему, колдовство на то и колдовство, чтобы совладать со всякой тварью, с демоном или мороком!

— Ого, вот ты, оказывается, как думаешь! Нет, об иного демона и могущественный чародей себе зубы обломает! А водяной конь — существо самое своенравное из всех, как и вода, его породившая... Гартах говорил, что ни один колдун не сможет укротить такую лошадку.

Луми сел на весла и неуверенно попытался грести. Лопасты тут же зарылись глубоко в воду, и лодка накренилась, грозя перевернуться.

— Хватит, хватит, попробовал — и довольно! — закричала Соня, прогоняя мальчишку на корму. — Ты лучше смотри на меня, хотя я и сама не очень-то умею! Да говори, куда плыть! Похоже, нам предстоит совсем небольшая прогулка — пересечь целое море!

Соня пыталась говорить весело, но чувствовала, что уныние заползает холодной змеей в самое сердце: кругом, куда ни кинь взгляд, играли невысокие волны, и только там, откуда они пришли, зеленели поля и невысокие холмы. Светлая лента дорожки убегала прямо в воду, и сквозь прозрачную толщу еще виднелся белый песок Тропы Времени.

— Смотри, Рыжая, вон, впереди! — вдруг заорал Луми, вскочив на ноги и размахивая руками, чтобы удержать равновесие. Лодка резко качнулась, и он поспешил снова опуститься на узкую доску, ухватившись за борта.

— Смотри, Соня, по волнам идет беловатая дорожка! Значит, нам туда! Ого-го, так это и есть море?! Вот здорово! И мы его переплывем на этой лодке!

Похоже, бескрайнее водное пространство совсем ошеломило мальчишку, не видавшего в своей короткой жизни ничего, кроме камней, песка и коз. Его глаза восторженно блестили, он крутил головой, вглядываясь в далекий горизонт. Соня, усмехнувшись, налегла на весла: пройдет совсем немного времени, и птенчик запоет совсем по-другому! Одно дело — идти, посвистывая, по гладкой дороге, и совсем другое — в поте лица, подобно галерному рабу, толкать вперед неуклюжую посудину, да еще и следить за этой светлой полоской... Кстати, на что она там похожа, эта полоска?

Соня опустила на воду весла и оглянулась: зеленоватую гладь, окружившую их, действительно пересекала Тропа, только теперь она пролегла

ла по волнам. Мутный белесый поток уходил далеко, к самому горизонту, не смешиваясь с остальной водой, маня вперед, к неведомой цели.

— Зря радуешься, ученик колдуна! Чтобы переплыть море, нужна не утлая лодчонка и не две пары рук, а огромный корабль с парусами и по меньшей мере две дюжины гребцов! — сказала Соня, с трудом справляясь с тяжелыми непослушными веслами.

Да, это тебе не изящная прогулочная галера, медленно скользящая по глади пруда в саду дядюшки Джергеса! Хорошо еще, что из любопытства Соня пару раз бралась за весла, иначе сейчас бы пришлось совсем худо...

— Лучше бери черпак и вычерпывай воду! Видишь, лодка совсем ветхая, и в щели сочится вода! О, Боги, и кто это нам подсунил такое корыто! — в сердцах воскликнула Соня, борясь с волной.

Море, вначале такое обманчиво-спокойное, теперь, когда суденышко удалилось от берега, закурчавилось легкими барашками, и волны норовили вырвать весла из Сониных рук. Но девушка, стиснув зубы, упрямо продолжала грести, не желая сдаваться так скоро. Однако резкая боль вскоре заставила ее на мгновение разжать руки. Взглянув на ладони Соня чуть не расплакалась от досады: огромные пузыри кровавых мозолей вспухли под пальцами, и каждое прикосновение причиняло невыносимую боль.

Ветер, подгоняя лодку вперед, задул сильнее. Небо как-то незаметно затянулось серыми низ-

кими тучами, и они быстро мчались вперед, обгоняя лодку.

— Проклятие! — яростно воскликнула Соня, не в силах взяться за весла. — Нам бы парус, тогда можно было бы хоть на что-то надеяться! А так, мы просто утонем здесь, как слепые щенята!

— Ну, давай теперь я сяду на весла и попробую грести! — дрожащим голосом предложил Луми, но девушка отлично видела, что ему страшно даже приподняться со своей скамьи, а не то что поменяться с ней местами. К тому же толку от него будет еще меньше, чем от нее — Соня не сомневалась, что мальчик, деревенский житель, тут же перевернет подпрыгивающее на волне суденышко, еще не добравшись до весел.

— Нет уж, сиди, где сидишь! Похоже, все равно у нас нет никакого выбора. Ну-ка, Луми, поройся еще разок в своем мешке, может, найдется что-нибудь подходящее? Хотя, с другой стороны, что за вещица из твоих припасов поможет нам переплыть через море?

— Переплыть через море... Погоди, погоди... Соня, у тебя не рыжая, а золотая голова! Кажется, мы спасены! Ох, как качает лодку! Сейчас я их достану, и тогда... — И мальчик принялся копаться в своей суме. На этот раз он довольно быстро нашел то, что искал, и с радостным возгласом вытащил маленький мешочек, уже знакомый Соне.

— Что?! Сушеные лягушки?! — Соня чуть не задохнулась от внезапного приступа смеха. Нет, определенно этот колдун-недоучка совсем спятил,

если рассчитывает переплыть море с помощью каких-то дохлых тварей!

— Ты лучше поищи что-либо другое, а зелененьких оставь на потом! — съязвила девушка, изо всех сил вцепившись в весла и стараясь направить лодку так, чтобы она не зачерпнула бортом, — Или ищи, или хватай черпак, а то мы скоро пойдем ко дну!

Не вытерпев, девушка одной рукой прижала рукоятки весел к груди, а другой попыталась дотянуться до черпака. Луми же, бережно достав из мешочка своих драгоценных лягушек, по одной снимал их с тонкого шнура, подносил к губам и что-то тихонько приговаривал. Соню передернуло от отвращения, и она, стараясь не смотреть в его сторону, принялась неловко вычерпывать воду.

Лодка беспомощно плясала на волнах, представленная самой себе, а девушка продолжала с трудом орудовать черпаком. Луми же, словно забавляясь, одну за другой бросал лягушек в волны.

— Да хватит тебе! — закричала Соня, потеряв терпение.

В раздражении она была готова запустить в мальчишку черпаком, но вдруг почувствовала: весла, до этого свободно болтавшиеся по волнам, наткнулись на что-то твердое. Лодка заходила ходуном, и девушке показалось, что поднывающие из глубины морские чудовища сейчас разнесут ее в щепки. Вода вокруг кипела и бурлила, и время от времени то справа, то слева мелькали желто-зеленые спины каких-то тварей. Соня покрепче вцепилась в борта и завопила:

— Луми! Ну, сделай же что-нибудь! Смотри, они вдребезги разнесут лодку! Мы погибнем! Ты, колдун, вспомни подходящее заклинание, или эти нергалы отродья нас сожрут! О-о-о, какие жуткие морды!

Как и Соня, крепко ухватившись за края лодочки, Луми, вытаращив глаза, смотрел на выплывающих из глубины страшилищ. Но, взглядевшись получше, он, забыв об осторожности, вдруг вскочил на ноги и заорал диким голосом, нелепо размахивая руками:

— Нет, не погибнем! Мы не утонем, Рыжая, и они не собираются нас есть! Вот это да! Я и не думал, что так здорово получится! И не смотри на меня так, я не сошел с ума. Это же лягушки, мои милые, хорошие сушеные лягушечки!!!

Он приплясывал, окатывая девушку солеными брызгами, и Соня с удивлением заметила, что их лодка больше не качается, грозя перевернуться: она словно села на мель, и мелью этой оказались зеленовато-пятнистые спины громадных чудовищ с уродливыми пучеглазыми мордами... Конечно, это были лягушки, но какие громадные! Каждая из них — размером не меньше быка, и все они окружили лодку плотным кольцом, неся ее вперед на своих скользких спинах. В этот миг они показали Соне самым прекрасным, что только может быть на свете, и, не в силах сдержать радость, она тоже вскочила на ноги и запрыгала по щиколотку в воде:

— Луми, ты настоящий колдун! Ого-го, чудные, прекрасные замечательные твари! Смотри,

смотри, как они быстро плывут! И волна им ни-почем! О, Луми, я до конца своих дней буду любить и уважать лягушек, особенно сушеных!

— Да, Рыжая, да, я знал, что они нам понадобятся! Но только теперь вижу, на что зеленые способны! А-а-ах, как здорово, мы все-таки переплывем это море! Рыжая, кинь-ка мне черпак, я сейчас выберу воду! Эгей, лягушечки, вперед, вперед!

Он схватил черпак и, все еще смеясь от счастья, стал с бешеной скоростью работать им. Соня тем временем сложила вдоль бортов ненужные теперь весла и перебралась на нос, чтобы смотреть вперед, туда, куда уходила светлая полоска.

Ветер крепчал. Темные тучи заволокли все небо, и было трудно понять — день это или уже приближается ночь. Съежившись на влажных досках, Соня чувствовала себя такой одинокой, затерянной песчинкой посреди разбушевавшегося моря, и только чудовищные лягушки, невозмутимо плывущие вперед, казались крошечным безопасным островком среди хаоса накатывающих морских валов.

Ослепительно сверкнула молния, и тут же небесным обвалом загрохотал гром. Черные облака неслись совсем низко, почти задевая пенные гребни высоких волн, и Соня решила, что через пару мгновений хлынет дождь. Ей уже было все равно — она и так давно промокла от летящих отовсюду брызг, и только одна мысль испуганной птицей билась в сознании: хоть бы их странные помощники не подвели, хоть бы выдержали напор стихии...

Молнии сверкающими змеями с шипением обрушивались с небес в бушующие воды, оглушительные удары грома раздавались один за другим, но Соня, с детства не боявшаяся грозы, сидела на дне лодки, крепко вцепившись в доску сиденья, и не отрываясь смотрела вперед. Сейчас, в призрачном свете молний, она, наконец, заметила то, что давно уже почувствовало ее тело: их суденышко, зажатое спинами исполинских лягушек, совсем не являлось игрушкой бури: волны плясали вокруг, окатывая людей тучами брызг, но там, где двигались огромные зеленоватые твари, вода словно успокаивалась, не мешая продвижению вперед.

За спиной Сони раздался крик, едва различимый в грохоте волн и свисте ветра. «Луми! — вдруг испугалась девушка. — С ним что-то случилось!» Она резко повернулась и с тревогой взглянула на корму, ожидая самого худшего. Но нет, мальчишка, крепко держась одной рукой за качающийся борт, что-то кричал ей, показывая свободной рукой влево. Соня взглянула туда, но сначала ничего не рассмотрела. А Луми все вопил, размахивая рукой, и не сводил круглых от ужаса глаз с пенистых волн.

— Смотри-и-и! — донеслось до Сони сквозь рев бури. — Там ко-о-онь, водяно-о-ой ко-онь!!!

Действительно, среди пляшущих валов мелькало что-то серебристое, но Соня никак не могла разглядеть, что же это такое. Может, мальчишке с перепугу померещилось? А если нет, то все напрасно, и нелегкое путешествие, и его колдов-

ство... Сердце на миг сжалось от мысли, что вот как глупо им придется погибнуть, ничего так и не узнав. Но в следующий миг она, наконец увидела то, на что показывал Луми, и вскрикнула, не в силах сдержать изумления:

— Всемогушие Боги! Кто это?! Луми, кто это?!

Мальчик не расслышал ни слова, но, похоже, понял ее вопрос, он что-то прокричал ей в ответ, а что — Соня не разобрала. Она только махнула рукой и отвернулась от спутника, уставившись на фигуру, мелькавшую среди воды.

Это была женщина, восседавшая верхом на чудовищном коне. Ее ослепительно-белое, словно высеченное из алебаstra тело, едва прикрытое короткой синеватой туникой, сияло, испуская вокруг себя неяркий серебристый свет. Стройные сильные ноги уверенно сжимали чешуйчатые бока огромного водяного жеребца, который, не обращая внимания на высокие волны, легко удерживался на поверхности, загребая могучими красными плавниками, заменявшими ему передние ноги, и взмахами сильного хвоста направляя свой бег.

Соня привстала в лодке, не в силах оторвать глаз от прекрасной всадницы. Ничего более величественного ей не приходилось встречать за всю свою жизнь. Что-то невразумительное кричал на корме Луми, но Соня не вслушивалась в его слова, поглощенная и зачарованная чудесным видением.

Зеленые, как водоросли, волосы женщины развевались на ветру, бледные губы торжествую-

ще улыбались, правая рука сжимала золотой жезл с большим зеленым камнем на конце. Всадница нетерпеливо толкнула коленями своего скакуна, и тот заржал, резко взмахнув плавниками. От этого мощного звука, способного заглушить добрую сотню трубачей, содрогнулся их крошечный плавающий островок, созданный чарами колдуна-недоучки.

Сам Луми, в ужасе прикрыв голову руками, повалился на дно лодки, ожидая скорой смерти, но Соня, глядя прямо перед собой, неожиданно рассмеялась: ни капли страха не осталось в ее сердце! Если смерть — то пусть будет смерть! В этот миг Соня встретила глазами с той, которая неслала им гибель, и девушка с изумлением увидела в них не угрозу, а мягкость и дружелюбие.

Внезапно почувствовав дрожь в ногах, Соня опустила на узкое сиденье. Зеленоволосая наездница взмахнула жезлом, прозрачный камень, сверкнув, зазмеился трескучими молниями, и девушке, чтобы не ослепнуть, пришлось прикрыть глаза ладонями.

Соня была уверена, что еще мгновение — и волна с грохотом обрушится на лодчонку, разметав бесполезных теперь лягушек, а их самих отправив на дно, кормить морских чудовищ. Но вместо воя ветра и грозного рокота волн на нее вдруг навалилась тишина. Такая неожиданная и полная, что стало слышно, как бьется сердце и кровь пульсирует в висках. Ничего не понимая, девушка опустила руки и медленно приоткрыла глаза.

— О, Светлые Боги! Не может быть! — только и смогла прошептать Соня, изумленно вглядываясь в зеленоватую гладь спокойного моря. Лягушки, их верные провожатые, невозмутимо плыли вперед, как будто превратности путешествия были для них самым привычным делом. Девушка откинула со лба спутанные пряди мокрых волос, по-прежнему напряженно всматриваясь в прозрачную даль. Она искала хоть точку, хоть пенный след, напоминавший о той, которая недавно гарцевала среди волн на серебристом жеребце с могучим рыбьим хвостом.

— Луми, где же она?! — воскликнула девушка, все еще не поворачивая головы. — Только что была вот здесь, меньше чем в десятке локтей, когда сверкали молнии!

Испуганный вскрик Луми слился со звонким смехом, раздавшимся за спиной у Сони, и девушка обернулась, по привычке схватившись за кинжал. Да, неподалеку виднелась всадница, повелевавшая волнами. Еще несколько мгновений назад в ее власти было отнять у них жизнь, а теперь, одним взмахом руки укротив бурю, она безмятежно покачивалась на мелких волнах, и заливалась смехом:

— Ха-ха-ха! Такого я еще не видела! Ради одного этого стоит отпустить вас живыми! Ну, и кто же из вас оказался способен рассмешить меня, Эссу, Повелительницу Вод! Ха-ха-ха, я никогда так не смеялась! Ну, ответьте мне, и я помогу вам поскорее добраться до суши! Ведь это ты, рыжая плутовка, да? По глазам вижу, что тебе дано

многое! Надо же, додуматься до такой уловки! Ха-ха-ха-ха! — Всадница, изнемогая от смеха, пригнулась к самой гриве водяного коня, не сводя лукавого взгляда с Сони.

Забыв об осторожности, девушка улыбнулась ей в ответ и хотела было уже что-то сказать, как вдруг черпак, пущенный уверенной рукой, больно стукнул ее по колену. Повернув голову, Соня встретила отчаянный взгляд Луми, беззвучно шевелившего губами. Обостренным чутьем девушка сразу поняла, что он хотел ей сказать: «Молчи! Молчи!» Молнией пронеслось в ее мозгу воспоминание о Гаре, Повелительнице Огня, и ее вкрадчивый голос: «Скажи! Ответь!» Ох, как хорошо, что этот мальчишка здесь, вместе с ней! Соня стиснула зубы и, нахмурившись, уставилась на могучего жеребца, словно не слыша коварного смеха Повелительницы Вод.

— Молодец, девочка, сдержалась, ха-ха-ха! Еще одна капля в твою пользу! Да и ты, малыш, не оплошал! Молчи, не отвечай, я и так знаю, что лягушки — это твое чародейство! Ох, ну и твари! Пожалуй, когда они довезут вас до берега, я заберу их в свою свиту! Ведь должна же я что-то получить за свое поражение! Ха-ха-ха!

Оглушительное ржание вдруг всколыхнуло успокоившееся было море, и серебристый конь, вскинув голову, забил по воде плавниками, поднимая фонтаны брызг. В который раз мысленно простившись с жизнью, Луми съезжился на дне, боясь поднять глаза. Соне тоже стало не по себе, противная тошнота неожиданно подкатила к гор-

лу, но она продолжала сидеть на скамье по-прежнему прямо, крепко ухватившись руками за борта.

— Нет-нет, мой скакун, я ничего не забыла! — Голос Эссы зазвучал повелительно, и жеребец, в последний раз взмахнув ярко-красными плавниками, затих. — Да, она сделала так, как нужно, и одного этого достаточно, чтобы отпустить их живыми. Но мне хотелось позабавиться! Эй, Соня, Рыжая Соня, получай свою награду! — И Повелительница Вод бросила девушке какой-то небольшой предмет.

Соня подставила руки и на лету поймала обыкновенную кожаную флягу. Когда она снова взглянула туда, где только что, сжимая коленями бока серебристого жеребца, веселилась Эсса, там ничего уже не напоминало о могучей хозяйке моря, лишь белая пена легким кружевом колыхалась на спокойной поверхности.

— Мы спасены! Рыжая, мы спасены! Земля! Я вижу землю! — вдруг раздался с кормы восторженный вопль, и Луми, мгновенно позабыв все свои страхи, храбро вскочил на ноги. — Смотри, она приближается! О, лягушечки, скорее, скорее вперед!

Соня, уронив на дно флягу, круто повернулась и тоже не удержалась от радостного возгласа: полоска берега была совсем рядом, и там, впереди, белела Тропа, обещая жизнь или смерть, ответ или вечное забвение...

Глава седьмая

Камень любви,
Камень печали,
Камень в конце
И камень в начале.
Камень, лежащий
на сердце моем,
Тяжкая ноша,
Рассыпся песком!

Ты нарочно уступила людям! Эсса, ты проиграла, хотя могла и выиграть! — Голос Морт-ты гулко звучал, замирая раскатистым эхом под сводом пещеры. — Сколько у тебя было возможностей их погубить, но ты не воспользовалась ни одной! И это ты, Эсса, могучая Повелительница Вод! Я, Мать Времени, не узнавала тебя сегодня: ты играла с ними, как сытая кошка с парой мышат, и в конце концов отпустила!

— Всесильная Морта, я ушам своим не верю! — дерзко и звонко ответила Эсса, выставив вперед открытую до середины бедра ногу. Она стояла напротив Владычицы Времени в том самом обличье, в котором обычно являлась людям. Пышные волосы обрамляли юное лицо с упрямыми светло-голубыми глазами и капризно изогнутым ртом: обнаженные руки спокойно расправляли складки короткой туники, не скрывавшей красоты ее ослепительно-белого тела.

— Так ты недовольна мною, Мать Морта? — вкрадчиво проворковала Повелительница Вод,

вытаскивая из-за пояса свой жезл с прозрачным зеленым камнем. — Клянусь Изумрудом Бездны, я не понимаю тебя! Игра есть игра, и, получая власть над людьми, я делаю то, что хочу! — Эсса подняла над головой руку, и самоцвет засверкал ослепительными молниями, похожими на крошечных извивающихся змеек. — Моя сила всегда со мной, и двумя каплями больше, двумя меньше — значения не имеет! К тому же конец всегда один... Нет, Морта, твой гнев мне непонятен! К тому же, раз ты видела все, ты видела и этих... ха-ха-ха, этих тварей, которые тащили скорлупку мальчишки и девчонки! О, Владычица, я и от победы редко получаю такое удовольствие! Пусть теперь Хис и Ароя позабавятся с ними — я не люблю жадничать, ха-ха-ха, это будет забавно, поверь мне, Морта!

— Ты всегда была своенравна, Эсса, и даже Арое трудно в этом с тобой соперничать! — сказала Мать Времени, и на ее неподвижном лице мелькнуло слабое подобие улыбки, — Да, игра есть игра, ты права, но я признаю твое поражение! Ты добровольно уступила людям и, значит, проиграла!

Повелительница Вод с хохотом взметнулась вверх упругой струей и тут же опала вниз грудой рассыпавшихся черных камней, еще недавно возвышавшихся над чашей в виде столба. Повелительницы Земли и Воздуха, молча стоявшие все это время на своих местах, протянули к Напитку Времени руки, ожидая знака.

— Хис! Повелительница Земли, теперь твоя Игра!

* * *

...Скребнув килем по песку, лодка замерла. Мелкие волны лениво шлепали ее по бокам, будто прощались. Соня с облегчением разжала руки, отпуская весла. Последние несколько гребков ей все-таки пришлось сделать самой: лягушки, не доплыв до берега совсем немного, вдруг погрузились в воду и вынырнули на поверхность довольно далеко позади от потрепанного бурей суденышка. словно повинувшись неслышному для человеческого уха зову, они резво двинулись прочь, их пучеглазые морды еще некоторое время мелькали, удаляясь, но вскоре пропали и они.

Выбравшись на берег, Соня сделала несколько шагов и, не в силах бороться с противной дрожью в коленках, опустилась на песок. Луми выпрыгнул из лодки следом за ней. Одной рукой он прижимал к бедру свою драгоценную суму, а в другой держал флягу: Соня впопыхах совершенно забыла о странном подарке, она слишком спешила поскорее оказаться на твердой земле.

— Фу, какая гадость это море! — воскликнула она, глядя на безбрежную сияющую гладь. — И что хорошего находили в подобных путешествиях мой отец и дядюшка Джергес! Луми, ты не поверишь, я всю жизнь завидовала им и мечтала очутиться на морских просторах, плывя на большом корабле... Ну нет, эти забавы не для меня!

Девушка в последний раз взглянула вдаль и, отвернувшись, села так, чтобы видеть только Тропу и то, что ждет впереди. А там, насколько это было доступно глазам, протянулась унылая

каменистая равнина, как две капли воды похожая на окрестности Хариффы. А на самом горизонте синели гребни далеких гор.

Луми подошел и уселся рядом, задумчиво глядя вперед. Фляга выпала из его руки и соскользнула на песок, заманчиво булькнув.

— О, как славно, что ты ее прихватил! Я так торопилась выбраться из этой проклятой лодки, что совсем забыла про нее! — радостно воскликнула Соня, облизывая пересохшие губы. Она хотела было открыть пробку, как вдруг вспомнила все упреки и наставления маленького колдуна. — Тьфу, опять я, кажется, делаю что-то не то! На, посмотри сам, что там во фляге, и можно ли это пить. Хотя, если ты решишь утопить этот подарочек в море, я, наверное, очень рассержусь!

— Да уж сердиться ты умеешь! — усмехнулся мальчик, беря у нее из рук кожаный сосуд. — Нет, Рыжая, я не собираюсь выбрасывать такую бесценную вещь! Ведь это дар Стихии, заслуженный дар... Только за что ты его получила, ума не приложу, — Он вытащил пробку и вылил на ладонь немного жидкости.

Соня, жадно облизывая губы, с нетерпением следила за его действиями, моля в душе всех богов, чтобы эта влага оказалась обыкновенной водой. Но не той, что обрушивалась на них совсем недавно, оставляя на губах тошнотворный горько-соленый привкус, а обычной, пресной, из какой-нибудь речки или родника...

Зажав двумя пальцами шнурок, на котором болтались клык и кусок чудесного корня, Луми

стал водить им в разные стороны над сложенной ковшиком кистью, где блестела таинственная жидкость. Губы его беззвучно что-то шептали, а лицо с каждым мгновением все больше прояснялось. Наконец мальчик осторожно прикоснулся к влаге на ладони кончиком языка, посидел немного с закрытыми глазами и вдруг одним глотком выпил все, что там было. Соня охнула, но Луми открыл глаза и засмеялся:

— На, пей, это действительно вода, самая обыкновенная вода! Пей, только и мне оставь, я умираю от жажды!

Прильнув к горлышку фляги пересохшим ртом, девушка жадно пила прохладную свежую влагу, и каждый глоток восстанавливал силы, прогоняя усталость, словно доброе вино из старой дубовой бочки.

— Уф-ф! Хорошо! — Она протянула Луми подарок Владычицы Вод, нетерпеливо ожидавшему своей очереди. — На, пей! Эта морская всадница, Эсса подарила нам несколько глотков жизни! Жаль только, что фляжка такая маленькая, лучше бы она оказалась размером с кожаный мех для вина или масла!

Луми странно посмотрел на девушку. Мальчик держал сосуд с драгоценной влагой у самых губ, но не торопился пить. Наконец он слегка наклонил горлышко, и ему на колени полилась тонкая струйка воды.

— Смотри-ка, Рыжая, фляга как была полна, так полной и осталась! — Казалось, мальчик нисколько не удивился подобному обстоятельству, но у Сони от неожиданности широко раскрылись глаза.

Желая убедиться в его правоте, она схватила флягу и легонько встряхнула. Послышалось глухое бульканье, и немного воды выплеснулось на песок. Да, сомнений быть не могло — воды не убавилось. Девушка рассмеялась, отдавая кожаную вещьцу Луми:

— Ха-ха-ха, вот бы так и дальше — стоит пожелать, и тут же все исполнится! Пей, сколько хочешь, ведь в этой крошечной посудинке воды, похоже, не меньше, чем в море за нашей спиной! — И она оглянулась, желая еще раз посмотреть на безбрежные зеленоватые воды.

— Не может быть! Клянусь Священной Пастью Зирты, этого не может быть! — закричала девушка, уставившись на то, что оказалось у них за спиной.

Чуть не поперхнувшись третьим глотком, Луми обернулся, напуганный ее воплем, и, уронив флягу, вскочил на ноги. Он смотрел, беззвучно хлопая губами, как рыба, вытасненная на берег. Наконец он встряхнул головой и хрипло сказал:

— Да... Вот она. Белая Тропа и ее обманы... Здесь все, все не так, как там, откуда мы пришли... И это — море, через которое мы еле переплыли!

Они стояли рядом на белом песке, а в нескольких шагах от них зеленело ряской зацветшее озерцо. Оно было немного больше знаменитого Круглого Пруда в саду правителя Хаурана, и даже на такой щелястой лодчонке, как та, что оказалась у них, переплыть его не стоило большого труда.

Топкие берега заросли желтоватой осокой и камышами. Полусгнившая деревяшка с неболь-

шим углублением посередине валялась неподалеку у самой кромки воды, источавшей тошнотворный запах. Соне вдруг захотелось подойти поближе и рассмотреть то, что так недавно служило им суденышком, но природная осторожность уже не покидала ее: уроки Луми не пропали даром. Она еще раз окинула взглядом зловонное озерко и с отвращением отвернулась:

— Одно не лучше другого... Тьфу, гадость! Зато твои лягушки — спасибо им за помощь! — будут здесь чувствовать себя, как дома!

Ничего не ответив, Луми лишь покачал головой. Вдруг его взгляд упал на флягу, из которой тонким ручейком вытекала вода:

— Рыжая! Что я наделал! Она же вся вытечет! — Мальчик подхватил ее с песка и опасливо потряс, словно ожидая худшего. Но она по-прежнему глухо булькала, и Луми облегченно рассмеялся:

— Ну и дурак же я! Конечно, она все время будет полной — ведь это дар Повелительницы Вод! Рыжая, теперь и у тебя есть свой талисман! Ладно, давай забудем об этом болоте, и пошли вперед! Кстати, ты хоть догадываешься, за что получила такую бесценную вещь?

— Конечно, догадываюсь! — Соня усмехнулась, обретая былую уверенность в своих силах. — Выходит, ты зря злился на меня из-за задыхающегося на земле крошечного водяного конька! А если бы он издох, потому что мы ему не помогли? Как ты думаешь, где бы мы с тобой сейчас были? — Девушка с удовольствием вспомнила трепет маленького тельца в сомкнутых ладонях.

Теперь, когда бурные волны остались позади, когда Тропа убегала вдаль, суля новые испытания, оказалось даже приятно вспомнить об этом пустяке, почувствовать, что она в чем-то утерла нос мальчишке, воображившему, что он знает все о колдовских силах.

— Но я же хотел как лучше... Значит, Боги на самом деле не забывают о тебе! — Луми шел рядом, и видно было, что какая-то мысль не дает ему покоя. — Слушай, а что это за Священная Пасть, про которую ты упомянула? Я слышан о многих божествах, да и о злобных демонах довелось узнать, но про Зирту мне ничего не известно...

Девушка недовольно нахмурилась: ох, уж этот ее несдержанный язык! Почаще бы вспоминать фразу, что она слышала и от отца, и от почтенного Джергеса: лучше тысячу раз промолчать, чем один — проболтаться! Хоть они и очутились здесь вместе, но все равно не следовало смущать мальчишку неосторожно вырвавшимися словами!

— Ты это о чем, Луми? — с самым невинным видом спросила Соня, искусно разыгрывая удивление. — Какая еще Пасть?! Разве я могла сказать такое? Что за глупости тебе мерещатся! Может быть, я клялась Оком Митры? Не помню, Луми, не помню! — И желая поскорее уйти от опасной темы, девушка поправила за плечом лук и провела рукой по мокрой безрукавке. — Знаешь, нам надо где-то обсушиться. Одежда так противно липнет к телу, а в сапогах хлюпает. Давай попробуем развести костер, вон там как раз у самой тропы торчит большой камень, а рядом с ним какие-то сухие кусты...

Видно было, что и Луми не прочь погреться у огня. Тут же забыв о неосторожных Сониных словах, он кивнул головой и прибавил шагу. Выругав себя еще раз за слишком длинный язык, девушка поспешила следом, мечтая поскорее сбросить с себя хотя бы мокрые сапоги.

— М-да, из этих прутьев костра не разожжешь! — разочарованно протянул Луми, подходя к огромному валуну, возвышавшемуся на самом краю Тропы. Его поверхность, за день нагретая солнцем, казалась почти горячей, но, чтобы просушить одежду, этого тепла было недостаточно.

— Бр-р, как противно сидеть во всем мокром! И ветер поддувает! Ох, откуда бы немного того жара, которым нас угостила Повелительница Огня, только совсем чуть-чуть! — Зубы у Сони постукивали, но она все-таки пыталась шутить. — Нам бы хватило одной из ее огненных ящериц! Мы бы посадили ее на песок, и пусть себе полыхает! Главное, никаких дров не надо!

Услышав ее слова, Луми чуть не подпрыгнул от радости:

— Соня, какая же ты умная! А я, бестолковый ученик колдуна, определенно поглупел, испугавшись в этой луже! Не дрожи, сейчас мы с тобой живо согреемся и обсохнем! — И он в который раз торопливо полез в свою суму.

— Что там еще у тебя? Доставай скорее! — с любопытством спросила Соня, уже не испытывая недоверия к своему попугайчику. Все-таки он кое-что знает и умеет, этот чародей-недоучка! Девушку давно не раздражало и его бормотание, но к

такой несносной медлительности она привыкнуть никак не могла. — Можно подумать, в твоём мешке хранятся все талисманы и колдовские штучки отвратительного Гартаха! Только вот как они там помещаются — не пойму! — Её голос опять зазвучал язвительно. — По-моему, совсем нетрудно найти нужную вещь в небольшой суме, если, конечно, знаешь, что ищешь!

По тому, как обиженно засопел мальчишка, Соня поняла, что стрела попала в цель, и тут же пожалела о сказанном. В конце концов, почему ей доставляет удовольствие все время шпынять Луми за его рассеянность и неторопливость? Не всем же быть такими порывистыми и горячими, как она сама! К тому же эти качества далеко не всегда приносили ей пользу, напротив, она на собственной шкуре не раз убеждалась, что лучше действовать не спеша, хорошенько подумав, а не поддаваться первому побуждению. И, может, Луми прав, что не торопится вывалить на землю драгоценное содержимое своего мешка, как это сделала бы она, Рыжая Соня...

— Не сердись, просто очень противно и холодно сидеть тут во всем мокром! — примирительно сказала девушка, стаскивая сапоги.

Косые лучи заходящего солнца не приносили желанного тепла и Соня зябко поежилась. Она отставила в сторонку пропитанную соленой водой обувь и с наслаждением пошевелила пальцами босых ног. Девушка положила рядом с собой ненужный сейчас лук, колчан со стрелами и насквозь мокрую безрукавку. Тонкая рубаха об-

лепила тело и Соня опять всей кожей почувствовала тоску по живительному жару огня.

Тем временем Луми перестал бормотать и достал со дна сумы две очень похожие трубочки, он держал их в руках и негромко смеялся.

— А ну-ка. Рыжая, угадай, что это такое?

На короткое мгновение забыв о мокрой рубашке, Соня с недоумением уставилась на мальчишку:

— Это моя флейта... И это — тоже флейта... Слушай, что ты мне голову морочил, если у тебя самого в мешке была точно такая же?! Хотя постой, постой, вот эта, что в левой руке... — И она растерянно умолкла.

— Правильно, Рыжая, ты сразу все поняла! Ну, может, не все, но кое-что! — Похоже, Луми был рад возможности немного отыграться за обиду и слегка помучить озябшую девушку. Его голос снова зазвучал покровительственно, как будто он разговаривал с маленьким ребенком. — В правой руке — твоя флейта, и если ты не собираешься сейчас на ней играть, я уберу ее обратно. А это, — он помедлил, торжествуя глядя на Соню, — это — великолепная штука, лишившись которой, Гартах наверняка выдрал с горя все волосы на своей голове! Ха-ха-ха! Это — жезл Красного Огня! Вот что это такое!

— Ну и что? — разочарованно спросила Соня. Трудно сказать, чего она ожидала от Луми, но эта трубочка, так похожая на привычную флейту, не внушила ей никакого доверия. — Ты думаешь, что эта красная палочка согреет нас и просушит нашу одежду?! Ну, лягушки — это я ещё понимаю, из маленького сделать большое

ты можешь, но чем нам поможет эта штуковина?!

— Слушай, Рыжая, пройдя с тобой совсем немного по Белой Тропе, я окончательно убедился, что некоторым женщинам магия совершенно неподвластна. Тебе, например! Ты даже не хочешь дослушать, что я говорю! Ведь это — жезл Красного Огня, великий талисман!

— Заладил — жезл Красного Огня, жезл Красного Огня! — Девушка всерьез обиделась, услышав, что неспособна к магическому искусству.

Странное дело, еще совсем недавно она не питала к колдунам и предсказателям никакой симпатии, испытывая только суеверный страх, смешанный с уверенностью, что за определенную плату они могут помочь в трудных случаях жизни, а теперь... Похоже, теперь, насмотревшись на чудеса маленького Луми, она всерьез почувствовала, что и сама могла бы попробовать сотворить парочку чудес... Ведь не глупее же она, чем этот смешной мальчишка!

— Ну, так кончай разговоры и разводи обещанный костер! Я совсем продрогла, слушая твои рассуждения и глядя, как ты роешься в своем мешке!

Луми вздохнул. Последнее слово все равно всегда остается за ней, за этой упрямой рыжей девчонкой! Ему и самому не хотелось продолжать хвастаться своими познаниями, озябшее тело жаждало только одного — тепла.

— Дай-ка мне твой кинжал, я только ямку выкопаю! — миролюбиво сказал он, протягивая руку.

Соня молча вытащила клинок из ножен и подала ему. Мальчик стал ковырять песок, а девушка осторожно потянула на себя зажатую в его кулаке трубку. Луми покосился на нее и неохотно разжал ладонь. И ничего в жезле не было особенного, в этой простой трубочке из легкого холодноватого металла, покрытого блестящим красным лаком. Поэтому-то Соня и спутала ее со своей флейтой — они оказались почти одинакового цвета и размера. Правда, этим сходство и ограничивалось. Тем не менее девушка бессознательно поднесла ее к губам, словно собираясь что-то сыграть.

Соня не успела понять, в чем дело, как Луми, отбросив кинжал, с отчаянным воплем набросился на нее, пытаясь отнять свое сокровище, и они покатались по песку. Мальчишка просто задышался от ярости, пытаясь выхватить трубочку, а Соня, в которой проснулся маленький демон злого упрямства, ни в какую не хотела ему уступать.

Ей не стоило большого труда опрокинуть Луми на спину. Придавив грудь мальчишки коленом, она прижала его руки к песку.

— Ты совсем спятил, маленький колдун! — зашипела девушка, как рассерженная кошка. — Похоже, с таким попутчиком я не доберусь и до половины пути!

— Безмозглая девчонка! — сдавленно закричал Луми, отчаянно пытаясь вырваться. — Да без меня ты и трех шагов не прошла бы по Белой Тропе! Сумасшедшая! А я тупой осел — позволил тебе прикоснуться к жезлу! Не держи меня! Где он?! Куда дела?! Ох, что я с тобой сотворю, если ты его

забросила в сторону от Тропы! Отпусти меня сейчас же, кому говорю, и ищи жезл, но не смей к нему прикасаться! Ох, какой я глупец!

Нехотя разжав руки, Соня поднялась на ноги. Луми тут же вскочил и стал шарить по песку, разыскивая свою трубку.

— Что встала! Ищи и ты! Только не прикасайся к ней, заклинаю тебя Подателем Жизни! Ведь это не какая-то дудка, это жезл Красного Огня! Нет, женщин нельзя подпускать к волшебным предметам!

— Эту истину тебе тоже Гартах поведал? — сердито спросила Соня, оглядываясь по сторонам. Ну куда же она отбросила этот кусочек металла? Неужели мальчишка прав, и он отлетела далеко от Тропы?

— Нет, Рыжая, я сам додумался, и очень жалую, что только сейчас! — ответил мальчик, все еще кипя от негодования, — Надо же, чуть не дунула в отверстия! Да ты хоть догадываешься, что я тебе жизнь спас? И где теперь искать жезл? Все из-за тебя, Рыжая, но я и сам — порядочный тупица!

— Ладно, ладно, не причитай, вот она, твоя игрушка, смотри, торчит из моего сапога! — чуть не рассмеялась Соня и протянула ладонь, собираясь достать трубочку. Но Луми одним прыжком подскочил к девушке и, оттолкнув, сам схватил свой драгоценный жезл.

— Ну, нет, теперь я буду умнее! Садись к камню и больше не тани руки, куда не надо! Или, может, ты уже согрелась? — И его голос зазвучал язвительно.

Проглотив ответную колкость, Соня уселась в сторонке. Пусть мальчишка делает что хочет. Она еще отыграется, когда он не сумеет сотворить костерка из этой никчемной трубки! Она еще посмеется над нахальным недоучкой! А Луми, словно позабыв о спутнице, сосредоточенно ковырял слежавшийся песок острым кинжалом. Наконец, выкопав довольно глубокую ямку, он, не глядя на Соню, отложил клинок в сторону и принялся внимательно разглядывать трубку, которую он гордо именовал жезлом Красного Огня.

«Опять будет бормотать свои заклинания!» — подумала девушка, ежась под порывами прохладного ветра. Действительно, Луми поднес трубочку к самым губам и, словно прося у нее помощи, почти беззвучно зашептал какие-то непонятные слова.

Усталость тяжелой волной накатилась на Соню, мозоли, вздувшиеся на ладонях, снова напомнили о себе ноющей болью. Прислонившись спиной к теплой поверхности камня, она прикрыла глаза. Спать... Хорошо бы уснуть... Где-нибудь в тепле, под плотным верблюжьим одеялом, или, еще лучше, под пятнистой шкурой барса, такой, какая была у нее в Салафре... Или около большого очага, где, пожирая толстые кипарисовые поленья, весело гудит огонь, согревая тело и душу...

Живительный поток тепла внезапно захлестнул ее, охватывая босые ноги, руки, сцепленные на коленях, лаская запрокинутое лицо. Не открывая глаз, девушка улыбалась своим мыслям: сейчас она пребывала не здесь, в голой каменистой

пустыне под неприветливым небом, а дома, перед пылающим очагом.

Раздавшееся рядом сопение вернуло ее к действительности, не меняя позы, девушка сразу вспомнила, где она находится. Шкура барса, шелковые подушки — все мгновенно исчезло, как сон, но тепло, блаженное тепло и мягкий красноватый свет, проникающий сквозь сомкнутые веки, остались.

Соня подалась вперед и широко раскрытыми глазами впиалась в яркий пучок огня, плясавший прямо на белом песке. Языки пламени подыхали всего в нескольких шагах от нее, как раз там, где Луми выкопал свою ямку. Ни сучьев, ни хвороста не потребовалось колдовскому костру, он беззвучно пылал, одаривая их своим жаром.

— Луми! Неужели... Неужели это та самая штука, так похожая на мою флейту?! — не выдержала Соня. — Ох, как хорошо! А долго он будет гореть так, без дров?

Расстилая на песке поближе к огню мокрую рубаху, мальчик небрежно ответил:

— Сколько угодно... Пока я не скажу слова, от которых пламя погаснет. Ну, Рыжая, суши свои сапоги и грейся сама, только не подходи слишком близко! Ведь это не простой огонь — хватит одной искры, чтобы превратить тебя в головешку!

Соня пододвинула немного поближе к костру безрукавку и обувь. Ее лицо разрумянилось, улыбка снова заиграла на губах. Как немного надо человеку, чтобы снова почувствовать себя счастливым — или почти счастливым! Всего-навсего выбраться живым из опасной передраги, глотнуть

воды и согреться! Какое золото или драгоценности могут заменить удачу! А пока что ее удачей был Луми, напрасно она все время изводит мальчишку насмешками и упрямыми выходками.

Соня усмехнулась: она прекрасно понимала, что все эти здравые мысли и благие намерения мгновенно забудутся, как только Луми начнет бормотать что-нибудь нудно-поучительное или девушка снова захочется поступить по-своему.

«Ладно, что будет, то и будет», — подумала она, развязывая мокрую ленту, стягивавшую слипшиеся пряди волос. Давно надо было привести их в порядок, и Соня взялась за гребень. Боль в руках снова дала о себе знать, и девушка невольно застонала. Луми, молча сидевший поодаль, не сводя задумчивых глаз с языков пламени, тут же встревожено поднял голову:

— Что с тобой, Рыжая?

— Да вот, проклятые мозоли... Теперь не могу даже волосы расчесать, гребень взять больно...

— Почему же ты сразу не сказала?! А ну-ка, покажи! — Луми подхватил свою мешок и перебрался поближе. — Ого-го, и ты, Рыжая, терпела? Наверное, очень больно! Подожди, я попробую кое-что найти!

Соня сразу догадалась, что последует дальше: долгие поиски и какая-нибудь полезная находка, с торжеством извлеченная из сумы. Но продолжала молча, спокойно сидеть, наслаждаясь теплом, и чувствуя, что тонкая рубаха совсем просохла. Она посмотрела на мальчика почти с умилением. Нет, он все-таки очень славный и добрый, это она, Соня,

все время нарывается на неприятности. А Луми сосредоточенно роется в своем мешке, забыв обо всем, и ищет что-то, желая облегчить ее боль. Интересно, что он извлечет на этот раз?

— Вот, смотри, это — замечательное снадобье! — Мальчик держал крошечный красновато-бурый флакончик с серебряной крышечкой. — Одной капли достаточно, чтобы залечить любую рану. Давай руку и не кричи, если будет щипать!

— Подумаешь, пощиплет немного! — усмехнулась Соня. — Я потерплю, лишь бы зажило поскорей! Наверное, больнее не будет!

— Ну хорошо, тогда терпи! — и Луми осторожно капнул чуть-чуть золотисто-желтой жидкости сначала на одну ладонь, потом на другую.

Девушке показалось, что в ее кожу впилась раскаленные гвозди. Она изо всех сил стиснула зубы, стараясь не заорать во весь голос, и крепко зажмурила глаза.

Жгучая боль растеклась по ладоням, норовя перекинуться выше, охватив все тело. Сдавленный стон вырвался из горла девушки, лоб покрылся испариной, спина судорожно выгнулась назад. Соня решила, еще немного — и боль пронзит ей сердце, но в этот миг ее руки словно погрузились в холодную воду, стало легко и приятно. Девушка медленно открыла глаза. На ресницах дрожали слезы, невольные рыдания сжимали горло.

— Все, Рыжая, все! Ух, какая ты сильная! Даже не вскрикнула! Я видел, как Гартах лечил этим снадобьем крепких мужчин, охотников на барсов — они выли и катались по земле, как бещеные! Нет,

я все-таки рад, что пошел с тобой, ты не похожа на других, ты такая...

— Какая? — спросила девушка с любопытством. Она уже пришла в себя и убедилась, что на ладонях не осталось и следа от кровавых мозолей. — Какая не такая?

— Ну... Я не думал, что встречаются подобные женщины... Ты очень красивая, а держишься и поступаешь, как самый отчаянный мужчина...

— Мне и отец то же самое говорил, — задумчиво сказала Соня. — Характер у меня не сахар, я и сама это знаю. Ладно, не обращай внимания! Спасибо за снадобье, лишь бы не пришлось еще раз им воспользоваться! Зато теперь я могу, наконец, заняться своей гривой, она, наверное, спуталась, как войлок!

Это было не простое расчесывание волос, а некое священнодействие, и Луми, до этого заворожено смотревший на пляску огня, теперь не сводил взгляда с Сониных рук, бережно распутывавших рыжие пряди. Конечно, он не раз видел, как сварливая жена Гартах запускала редкий гребень в свои седоватые космы и безжалостно дергала их, шипя и ругаясь. Наблюдая за ней, мальчик в конце концов пришел к убеждению, что длинные волосы даны женщинам как наказание за скверный характер и злобный язык.

Но только сейчас, глядя на тонкие пальцы, ласкавшие каждую прядку, он понял, почему ему так понравилась эта отчаянная рыжая девчонка: она не прятала свои кудри ни под скромный головной убор из накрахмаленного полотна, не зак-

ручивала их в тугой узел; напротив, она позволяла им свободно рассыпаться по плечам, обрамляя лицо. Впервые Луми понял, что волосы даны женщине как бесценное украшение, и сердце в его груди неожиданно гулко забилося.

Он поспешил отвести глаза, как будто смотрел на нечто недозволенное, не предназначенное для посторонних. И все же, не вытерпев, бросал время от времени быстрые взгляды на ее руки и костяной гребень, медленно пробиравшийся по густым волнам бронзово-рыжих волос.

— Ну, вот и все, хвала Богам! Ах, Луми, насколько легче живется вам, мужчинам! — В голосе Сони звучало неосознанное кокетство. — Раз-два, и все в порядке! А тут руки занемеют, пока приведешь голову в порядок! Как видно, придется на этот раз заплести косу, хотя я терпеть не могу эту гадкую прическу служанок! Ну, да ничего не поделаешь... Кто знает, что нас ждет впереди, правда?

Не сводя зачарованных глаз с бликов огня, сверкавших в рыжих кудрях, мальчик пробурчал нечто маловразумительное.

— Ха-ха-ха, какие круглые у тебя глаза! Я что, такая лохматая? У вас в Хариффе, надо сказать, поселянки сами себя уродуют: какие-то невысказанные темные платки, надвинутые на самый лоб, можно подумать, что они все плешивые!

Ее быстрые пальцы заплели тугую косу и перевязали зеленой лентой.

Но и с гладкой прической она все равно не походила на тех женщин, которых Луми привык видеть с детства: непокорные завитки пушились

на висках и на шее, подчеркивая красоту подвижного лица.

Девушка ощупала безрукавку и сапоги. За то время, что она возилась с гребнем, они совсем просохли. Потом взгляд ее поднялся выше, туда, где солнце тускло светило сквозь редкие перья облаков.

— Ничего не понимаю... — недоуменно пробормотала девушка. — Слушай, Луми, мы сидим здесь довольно долго, вот и одежда успела высохнуть, а солнце не сдвинулось ни на волос... Я хорошо помню, оно стояло как раз над тем острым камнем, когда ты достал свою трубку, и сейчас оно там же!

— Значит, здесь все время вечер! — произнес Луми голосом человека, привыкшего ничему не удивляться. — Ну и хорошо! Больше всего мне не хотелось очутиться в крошечной тьме... Я не люблю ночь, — прошептал мальчик. — Я боюсь темноты. Рыжая, очень боюсь! Во мраке царят такие божества и демоны бездны, против которых я совершенно бессилен!

— В самом деле? — Соня опять не удержалась от искушения подразнить мальчишку. — Неужели Гартах не научил тебя ничему подходящему для такого случая? Или ты сам пропустил слова колдуна мимо ушей?!

— У него, пожалуй, пропустишь... Нет, с демонами ночи Гартах управлялся сам, без нашей помощи, и они ему повиновались. Фу, у меня даже в горле пересохло, дай-ка лучше флягу и не будем больше про них вспоминать... Вот отдохнем и пойдем дальше.

— Странно, Луми, а ведь я совершенно не чувствую ни усталости, ни голода. Могу идти хоть сейчас!

— Ну, так пошли! — сказал Луми, натягивая высохшую рубаху. — Здесь не то место, где можно рассиживаться для собственного удовольствия! Того и гляди, попадешься в какую-нибудь ловушку!

— А что ты собираешься делать с этим... — спросила Соня, показывая на беззвучно полыхающий костер. — Ведь не оставишь же его тут?

— Ну нет, Рыжая, не для того я его брал, чтобы лишь обсушить штаны и рубаху! Жезл Красного Огня такое может! — И Луми встал перед ним на колени, повернувшись к девушке спиной.

Соне было очень любопытно услышать, какими словами ученик колдуна погасит пламя, но мальчишка, словно почувствовав затылком ее пристальный взгляд, бормотал свои заклинания почти беззвучно. Он пару раз взмахнул руками и наконец сцепил их над головой. Ладони стали медленно опускаться, и одновременно с ними все ниже, все меньше становился красноватый пучок огня. Наконец последняя искра вспыхнула на конце трубки, зарытой в песок, и погасла. Мальчик вытащил свой жезл из ямки, бережно стряхнул песчинки и спрятал в суму.

— Все. Можно идти, — сказал он, поднявшись с колен. — Похоже, теперь нам придется карабкаться по горам!

— Где горы — там и пещера! — рассудительно ответила Соня, в глубине души надеясь, что цель близка.

Закинув через плечо лук, она осмотрелась, по старой привычке проверяя, не забыто ли что на месте стоянки. Луми за это время успел немного уйти вперед, и девушка быстрыми шагами нагнала нетерпеливого мальчишку. Они молча пошли рядом, не сводя глаз с синевато-серых отрогов гор.

В этом странном безмолвном мире все было, как во сне: горы словно сами двигались им навстречу, сухая почва по обе стороны Тропы приобрела красновато-бурый оттенок, как будто на ней запеклась давно пролитая кровь. И из этой растрескавшейся земли, словно вежи, отмерявшие путь, торчали огромные каменные глыбы. Стояли, как застывшие в карауле часовые, и Соне казалось, что они смотрят на них, неслышно переговариваясь на своем колдовском языке.

Луми, до этого бодро шедший чуть впереди, вдруг замедлил шаги, а потом и вовсе остановился. Девушка хотела было толкнуть его в плечо и спросить, в чем дело, но, взглянув на валуны, уходившие вдаль, к совсем уже близким скалам, невольно вскрикнула: словно вытесанные исполинским резцом сумасшедшего великана-каменотеса, перед ней устрашающим частоколом высились огромные каменные головы с глубокими провалами вместо глаз.

Высотой не меньше чем в три человеческих роста, со странно искаженными чертами, с торчащими носами, похожими на клювы невиданных птиц, с криво усмехающимися щелями узкогубых ртов, они казались не менее живыми, чем люди, попавшие в их безмолвное царство. Одни изваяния от-

клонились слегка назад, словно готовясь расхохотаться, другие, вглядываясь черными дырами глаз, наклонились вперед, третьи торчали косо, будто перешептываясь.

— Луми, пойдем быстрее! — чуть слышно сказала Соня, боясь, что ее слова подхватит шальное эхо. — По-моему, эти истуканы разговаривают, они живые, могу поклясться чем угодно! Шагай, не задерживайся, не разглядывай их так долго! — И девушка решительно потянула за собой растерянного мальчишку. Он шел, еле переставляя ноги, и ей приходилось толкать его в спину, чтобы он пошевеливался.

— Да что это с тобой?! — не выдержав, воскликнула Соня, как следует встряхнув спутника за плечи. — Тоже мне, великий колдун с клыком и мандрагорой! Похоже, ты спишь на ходу! Я не собираюсь тащить тебя на собственных плечах, или иди побыстрее, или... — Она замолчала.

Внезапная мысль пришла ей в голову. Девушка крепко ущипнула Луми за бок, так, что мальчишка взвыл и растерянно обернулся.

— Вот так-то лучше, а то я было решила, что тебя ничем не проймешь! Ты хоть слышишь, что я говорю?

— Слышу... Но они не велят идти дальше. Все шепчут, шепчут... Там, впереди, смерть! Вперед — смерть... Я не хочу умирать, Рыжая, я хочу только узнать!

— Хвала Богам, что я ничего не смыслю в магии и не слышу голосов этих отвратительных каменных морд! Вот что, Луми, двигайся вперед, смотри только под ноги, на песок, и старайся шагать

порезвее! Может, тогда мы и добредем до пещеры! Ха, кажется, мне пришла в голову неплохая мысль!

За месяцы, проведенные в трущобах Шадизара, в компании таких же, как она, сорвиголов, девушка насмотрелась и наслушалась всякого. И теперь ей вспоминалась одна песенка, любимая песенка гуляк, просаживавших последние гроши в веселых заведении. Они-то всегда ухитрялись получить за свои жалкие монетки столько удовольствий, сколько не могло и присниться иному толстопузому купцу с полным кошельком золота! И, расхохотавшись во весь голос, что-бы отогнать призрачную тревогу, девушка громко запела эту песню.

С первых же слов у Луми запылали уши. Он на мгновение остановился, пытаясь что-то спросить, но, повинувшись крепкому толчку пониже спины, невольно прибавил шагу. Соня выкрикивала непристойные куплеты, и шла все быстрее и быстрее, и Луми, больше не сопротивляясь, почти бежал рядом, время от времени фыркая в кулак. Когда девушка допела песенку до конца и собиралась начать другую, не менее игривую, Луми не выдержал и расхохотался:

— Ха-ха-ха, Рыжая, ну и куплеты! Ох, уморила! Как там он сказал... Ха-ха-ха! А она ему... Ах-ха-ха-ха! Нет, не могу больше!

Теперь его не надо было подталкивать, он двигался так же споро, как и Соня, не глядя по сторонам и наверняка не слыша больше колдовского шепота статуй.

— Молодец, наконец-то заторопился, что и требовалось, не так ли? Если хочешь, могу спеть

про лысого монаха и толстую Кларину, тоже обхохочешься! А может, эту еще разок повторить? Или ты уже пришел в себя?

— Хватит, не надо больше, а то у меня живот заболит от смеха! Ну и ну! Чтобы девчонка пела такое! Откуда ты только взялась, Рыжая?!

— Откуда взялась, оттуда и взялась. Поменьше спрашивай, целее будешь! О чем сам догадаешься — то и твое! Это я тебе даю ценный совет на будущее, запомни, пригодится! Смотри, этих каменных болванов осталось совсем немного, а дальше... Нет, не может быть! Проклятие, или это мне показалось?!

Отпустив руку Луми, который, спотыкаясь, шел вперед, все еще фыркая от смеха, Соня понеслась по светлому песку. Она не могла поверить своим глазам — Белая Тропа, похоже, упиралась в почти отвесную скалу. Девушка не сомневалась в своей догадке: там, у гранитной стены, торчали, густо переплетаясь ветвями, кустики с серовато-зелеными листьями и в эти заросли убегала песчаная дорожка. А что ждало путников дальше — про то знали только Боги... Да еще те, кто прошел здесь до них.

— Ну, и что мы будем делать, если там, за кустами, просто упрямся в скалу? — спросила Соня, не в силах скрыть разочарование. — Проклятие! Выбраться из таких передряг, чтобы уткнуться носом в холодный камень!

— Слушай, как ты там пела?.. И зад у нее, как бочка?.. Ха-ха-ха, здорово! Ну что ты вдруг скисла? Надо просто забраться в кусты, вот так, — Луми, не долго думая, раздвинул жесткие ветки, — и посмот-

реть, что там такое! Ого-го, ну и заросли! Всю рубашку изорвешь, пока пролезешь! Тьфу, как плотно растут, ногу некуда поставить. Рыжая, двигайся за мной, там, по-моему, какой-то лаз... Или нора... Что бы это ни было, нам туда! Поцелуй ее покрепче и винца ей подноси! Тра-ла-ла! За мной, не отставай!

Соня не выдержала и рассмеялась; похоже было, что мальчишке, только что едва переставлявшему ноги от страха, поднесли кружку доброго вина, так смело он теперь ломился напролом через густые заросли, только ветки трещали. Стараясь не цепляться луком за торчащие сучья, девушка медленно пробиралась за ним. Острые обломки ветвей так и норовили проткнуть глаза, и она с трудом отводила их в сторону. Луми, худенький и юркий, гораздо уверенней, чем Соня, пробирался вперед.

— Все! Вот она! Неужели это и есть та самая пещера? Больше похоже на старую звериную нору... Но Тропа ведет туда... Бр-р-р, какая там темнотища! Я темноты не люблю. Рыжая, а вот чего не любит темнота?!

— Слушай, приятель, что-то ты уж очень расхрабрился! Дай-ка лучше я погляжу, что там за дыра такая, а ты постой рядом! То ты дрожишь, как овечий хвост, то готов лезть к Нергалу в пасть — тебя не поймешь! — И она, не церемонясь, оттащила мальчишку в сторону.

— Действительно, темень! И еще эти проклятые кусты, весь свет загородили! На три шага — и то не видно... На четвереньках туда еще можно пролезть, а вот что там дальше... Эх, сюда бы несколько смоляных факелов!

— Да, так чего боится темнота? Видишь, ты догадалась! Огня, огня она боится! А что у нас есть? — Луми привычным жестом засунул руку в суму и стал ощупывать свои сокровища. — Правильно, Рыжая, по глазам вижу, что поняла! Жезл Красного Огня!

Глядя на него, такого расхорохорившегося перед черным провалом, ведущим в сердцевину горы, Соня не могла не улыбнуться. Пусть уж лучше петушится, чем дрожит.

— Так это будет не факел, а настоящий костер! — промолвила девушка, на всякий случай отходя от Луми подальше. — Я не хочу, чтобы ты опалил меня, как заколотую свинью!

— Не бойся, Рыжая, ведь ты со мной! — Мальчик наконец достал свою трубку и осторожно поднес к губам. Невнятно произнеся три тихих слова, он слегка дунул в отверстие. Тут же на другом конце трубки возникла ослепительная белая искра и с шипением стала раздуваться, как шар, сотканный из света. Когда светящаяся окружность достигла размеров крупного граната, мальчик снова пробормотал какую-то фразу и торжественно воскликнул:

— Ну вот, факел готов! Здорово, правда?! До сегодняшнего дня я никогда не держал в руках этот жезл, но до чего приятно чувствовать, что он послушно выполняет мою волю!

Встав на колени перед отверстием, Луми осторожно засунул в темную дыру свой факел:

— Вот это да! Рыжая, там внутри высоченная пещера и коридор! Тропа идет дальше, как раз по

коридору... Ну, что, полезли? — И он проскользнул в лаз.

Теперь уже Соня, стоя на четвереньках, заглядывала внутрь, не торопясь следовать за ним. Она с трудом расставалась со слабой надеждой, что это именно то место, которое они искали и здесь наконец дадут ответ на мучившую ее загадку. Но похоже, что — нет, и путь еще далеко не пройден... Вдохнув, девушка пролезла под низким сводом и оказалась в пещере, ярко освещенной белым факелом.

Мальчик стоял на самой середине и с любопытством разглядывал барельефы, украшавшие стены. Пышные листья растений причудливо переплетались с изображениями ящериц и змей, переходя в непонятные символы и таинственные письмена.

Соня не смогла отвести глаз от искусно вырезанных в камне изображений. Она почувствовала: так можно простоять всю жизнь, скользя взглядом по магическим знакам и непостижимым образом впитывая древнюю мудрость, скрытую в них. Ей показалось, еще немного — и она постигнет самое главное, самую суть мироздания, ту, что ищут и не находят мудрецы и маги, чародеи и священнослужители... Взор девушки поднялся выше, к огромной каменной маске над темной дырой коридора. Повинуясь безотчетному желанию, девушка взяла факел из руки замершего Луми и сделала несколько шагов вперед, подняв повыше светящийся шар. словно очнувшись, мальчик медленно пошел следом и остановился за ее спиной, тоже подняв глаза вверх.

— Рыжая, мне не хочется отсюда уходить! — заговорил он монотонным, безжизненным голосом. — Здесь покой... тишина... мудрость. А это лицо наверху! Как оно прекрасно! Ты как хочешь, а я останусь здесь, ведь это храм могущественной Богини, и она желает, чтобы я стал ее жрецом!

Наверху, словно венчая замком свод коридора, светлела высеченная из желтоватого мрамора громадная маска. Это ее и пыталась рассмотреть Соня, подняв повыше факел. Искусный резец изобразил лицо очень старой женщины, но хищное выражение губ, властная складка между сведенных бровей, глубоко прорезанные морщины делали его почти живым. В сиянии белого пламени еле заметные тени пробегали по мраморному лицу, и казалось, что узкие губы вот-вот произнесут какое-то слово. Глаза в черных провалах, такие же, как у каменных истуканов, торчавших вдоль дороги, определенно видевшие и замечавшие все, что происходило по ту и по эту сторону Серых Равнин, сейчас наблюдали за ними, не упуская ни малейшего движения путников.

Ледяные мурашки пробежали по Сониной спине, ей вдруг стало страшно, как в детстве, когда старуха-кормилица рассказывала им древние легенды о демонах и духах-оборотнях. Девушке захотелось больше ни мгновения не оставаться в этом мрачном месте, она чувствовала необходимость поскорее стряхнуть с себя наваждение и идти дальше. Но Луми, что за глупости он бормочет? Какая Богиня, какой жрец?! А мальчик тем временем говорил все громче, словно в бреду:

— Я погашу этот слепящий свет и останусь во мраке храма Великой Богини Хис, Повелительницы Земли! Ибо такова ее воля! Она ждала меня, ничтожного смертного, чтобы осчастливить мудростью и знанием! Отныне я стану служить ей, своей единственной повелительнице, сменю облик и имя и принесу ей на алтарь Священную Жертву!

Он стоял, раскачиваясь, подняв над головой руки с растопыренными пальцами и запрокинув безжизненное лицо с широко раскрытыми глазами. На его губах появилась пена, голос возвысился почти до визга. Девушка, испуганная происшедшей в нем переменой, опасливо отошла на пару шагов в сторону, лихорадочно соображая, что делать.

Она только что испытала на себе силу морока, что, казалось, исходил от самих стен пещеры, и теперь удивлялась, как ей удалось стряхнуть дурманящие чары. И вдруг до нее дошло: конечно же, все дело в маске! В этом отвратительном изображении злобной ухмыляющейся старухи! Луми, бедный околдованный мальчишка, стосковавшийся по материнской любви, увидел в ее чертах то, чего так жаждала его душа — красоту и нежность...

Обман, опять обман! Но как ему помочь? Драгоценные мгновения уходили, как вода меж пальцев, и скоро им не будет пути ни вперед, ни назад!

Стараясь держать подальше от себя сверкающий факел, Соня решительно подошла к Луми, самозабвенно уставившемуся вверх, на страшную маску, и запустила руку в его суму. На миг ей почудилось, что рука провалилась в бездонный мешок, и она, точно так же, как мальчик, при-

нялась лихорадочно в нем шарить, пытаясь нащупать то, что казалось ей сейчас последней надеждой на спасение. Шепотом проклиная пещеру и ее каменные талисманы, девушка дергала суму, а Луми, словно не замечая ее попыток, продолжал выкрикивать:

— Жертва! Богине нужна жертва! Могучая Хис желает, чтобы я, будущий жрец, обагрил ее алтарь кровью девственницы! Да воздвигнется он, да вложит Повелительница в мою руку черный обсидиановый нож, ибо девственница здесь и ждет избавления от страданий земного пути! Для этого и ступила она на Тропу, для того и течет в ее жилах горячая кровь!

Раздался грохот, и прямо перед ними, почти загородив темную дыру коридора, возник квадратный иссиня-черный камень с углублением посередине. На краю поблескивал серебряной рукояткой жертвенный нож из полированного обсидиана. Чуть не плача, девушка запустила руку поглубже в суму и нащупала наконец свою флейту.

Она уже сомневалась в затее, мгновение назад казавшейся единственным выходом из положения, силы почти оставили ее, и странная покорность судьбе почти сковала члены девушки. Сейчас Луми возьмет нож и прирежет ее тут, как овцу! Нет... Он принесет ее в жертву... И не надо будет искать никаких ответов на вопросы, что жгут огнем, испепеляя сердце... Пусть... Пусть...

«Нет! Ни за что! — гулкими толчками забилося сердце в груди девушки. — Только не это! Проклятое колдовство!» Слабеющей рукой Соня под-

несла к губам флейту и, с трудом соображая, что делает, наклонилась, чтобы воткнуть факел в рыхлый песок.

Тут же забыв о нем, она зажмурилась и заиграла мелодию, услышанную когда-то очень давно, сто лет назад, в башне предсказателя, склонившись над Зеркалом Снов... Флейта послушно запела, и девушка, слегка расслабившись, нашла в себе силы приоткрыла веки. Она не желала видеть ни маску над входом в коридор, ни черный жертвенник, ожидавший ее крови, ни нож, зажатый в руке Луми. Она хотела лишь встретиться с ним взглядом, убедиться, что он слышит нехитрый мотив.

Гримаса страдания внезапно исказила запрокинутое лицо мальчика, глаза, словно разглядев нечто ужасное, закрылись, и слезы градом покатились по его щекам. Каменный нож отлетел в сторону, к самой стене, и тут же исчез, сверкнув голубыми искрами. Жертвенный камень, теряя очертания, покрылся россыпью искр и бесследно растаял. Луми стоял на коленях и, закрыв лицо ладонями, рыдал. Его худенькие плечи судорожно вздрагивали, изпод рук невидятно раздавались отрывистые слова:

— Играй! Рыжая, играй еще! О-о-о, я чуть не убил тебя! Какая боль... Ах, как жжет в груди! Я сейчас умру, Рыжая!

Опустившись рядом с ним, девушка продолжала наигрывать зовущую мелодию, не сводя с Луми встревоженного взгляда. Неподалеку торчал факел, освещая пещеру ровным светом. Соня не помнила, когда она воткнула его в песок, ей казалось, что

пальцы уже целую вечность порхают по отверстиям флейты, извлекая спасительные звуки.

Постепенно Луми начал успокаиваться, плечи вздрагивали все реже, бормотание почти затихло. Боясь поднять глаза, но всем своим существом чувствуя тяжелый взор той, что охраняла вход в темный коридор, Соня решилась все-таки опустить флейту:

— Все...Все... Успокойся, я жива, и с тобой тоже все в порядке... Поднимайся, пошли дальше, здесь нельзя оставаться! Ну, давай, давай же!

Она тянула его за руку, помогая подняться. Поспешно сунув трубочку за пазуху, девушка схватила факел и подтолкнула Луми вперед.

— Стой, дерзкая! — вдруг раздался громоподобный голос, от которого задрожала земля под ногами. — Ты осмелилась не покориться моей воле, и ты умрешь, умрешь мучительно, тысячу раз проклиная себя за то, что отказалась от милосердного жертвенного ножа!

— Это мы еще посмотрим... — еле слышно буркнула девушка сквозь стиснутые зубы.

Соня, даже не глядя на мраморную маску, совершенно отчетливо представляла, как шевелятся губы каменного лица, как злобно вздрагивают ноздри.

— Ты уйдешь... да, ты сейчас уйдешь туда, на встречу смерти, но он, мой юный жрец, останется здесь! — Голос, от которого содрогались своды пещеры, стал тише и зашуршал, подобно песчаному оползнию. — Луми! Луми, мой мальчик! Владычица Хис зовет тебя! Оттолкни девчонку, сой-

ди с Тропы, и недра Земли откроются тебе! Ты, единственный из смертных, будешь хозяином всех богатств! Золото, драгоценные камни — твои, обвалы, землетрясения — все будет в твоей власти! Ты будешь исполнять мою волю и получишь в дар могущество, которое не снилось ни одному из магов! Что твой Гартах! Ничтожество! Ты сотрешь его в пыль! Луми, остановись, не ходи туда, я приказываю тебе остаться! Я, Хис! А-а-а, будьте прокляты оба, вам не выйти из моих владений! Я раздавлю вас, как жуков! А-а-а-а! — Вкрадчивый шепот перешел в жуткий рев, и ручейки песка заструились по резным изображениям.

Соня потянула растерянного Луми, и он покорно, но все-таки очень медленно пошел за ней, зажмурив глаза и трясая головой.

— Рыжая, не оставляй меня! Рыжая, уведи, уведи меня отсюда! Если ты не сделаешь этого, я пойду туда... к ней... Я не хочу, не хочу, не хочу!

— Так пошевеливайся, хвост Нергала тебе в глотку! Скорее, скорее, видишь, что творится!

Свод пещеры угрожающе трещал, вниз сыпался уже не песок, а мелкие камешки. Некоторые из них чувствительно стукнули Соню по голове и плечам. Сомневаться не приходилось — очень скоро на людей обрушатся целые глыбы и прихлопнут их, как жалких муравьев. Соня волокла за собой мальчишку, словно упрямого шадизарского осла, и каждый шаг стал для нее сущей пыткой: она видела, что темный зев коридора, в глубину которого уходила Белая Тропа, не приближался, а отдалялся. И тут мгновенно, как

вспышка молнии, в памяти возникло видение: огромное развесистое дерево, к которому она спешила так недавно...

Закрыв глаза и не обращая внимания на град мелких камней, шуршавших по стенам и падавших под ноги, девушка замедлила шаги и, прикрыв глаза, с усилием вообразила, что ей совсем не хочется добраться до проклятого коридора, что ей и здесь, среди грохота обвала, совсем неплохо... Ха, очень даже неплохо! Наверно, уже раскачалась и вот-вот обвалится та глыба, которая и станет ее могильной плитой! Нет, они никуда не спешат, им ничего не надо, здесь, в храме Хис, путники останутся навеки...

Еле передвигая ноги, девушка неуверенно двигалась вперед. Веки ее были плотно сомкнуты, и она не сразу сообразила, что камешки больше не сыплются на голову. Луми вдруг остановился и выдернул свою руку из ладони Сони:

— Ох, Рыжая, ты меня, кажется, спасла! Она...— Мальчик не успел договорить: оглушительный грохот раздался у них за спиной, заглушив его слова и взметнув облако пыли.

Оказалось, они довольно далеко отошли от пещеры. Факел освещал бледным светом широкий коридор, плавно изгибающийся влево. А там, позади, валялись груды бесформенных обломков и, как сполохи, пробегали голубоватые искры...

Небольшой кусок грязно-желтого мрамора вдруг подкатился Соне под ноги, и она явственно услышала свистящий шепот:

— С-с-смерть! Вез-зде с-с-смерть!!!

Глава восьмая

Вдох — дуновение, взмах — дуновение,
Шаг между жизнью и смертью — мгновение!
Ветер, уймись, не толкай меня в грудь,
Это мой путь, бесконечный мой путь...

Каждый раз одно и то же, одно и то же! — воскликнула Морта, в голосе ее послышался сарказм, и, как бы вторя ее словам, прозрачные кристаллы, горами лежащие вокруг возвышения и возле стен, потускнели, а на сводах пещеры заиграли блики зеленовато-голубого света.— Сколько ты играла с людьми, Хис, и все время это была одна и та же игра!

— Я не люблю менять свои привычки, Мать Морта! Вспомни, достаточно предложить людям власть и могущество, и они согласятся, мгновенно забыв, зачем ступили ни Тропу и что ищут там, впереди... Зачем рисковать, когда есть простой и надежный способ остановить людишек, сующихся куда не следует? К тому же я всегда получаю от этого удовольствие! Что может быть лучше неизблемых правил и неизменной победы!

— Ха-ха-ха! Ты говоришь о победе, Повелительница Земли, ты, упустившая двух неоперившихся птенцов! — загрохотал издевательский голос Морти, и кристаллы, отзываясь, сверкнули

ядовито-синим.— Определенно, ты упряма и тверда, как камень!

— В этом ты права, Мать Морта! Твердость — моя сила и суть!

— И в этом же твоя слабость, Хис! Смотри, нежные побеги травы, мягкие корни кустов и деревьев пролезают в малейшие трещинки твоей силы и твердости, легчайший ветер и текучая, безобидная вода подтачивают острые грани твоего могущества, превращая его в песок! Сколько раз я повторяла тебе это, и сколько раз ты не слышала моих слов! Твердолобая Хис, ты проиграла на этот раз, проиграла мягким, беззащитным червячкам, чья сила лишь в гибкости и изменчивости! Я признаю твое поражение!

— Но ведь они,— Хис резко взмахнула рукой в сторону двух пирамидок из обломков черного камня,— ведь они, о Владычица Времени, тоже проиграли! А они переменчивы и каждый раз играют по-новому. Но ты видела сама — слабые людишки способны заставить их служить себе, заключив в талисманы! А я, Хис, почти всегда побеждаю!

Ее землисто-серое лицо исказилось от гнева, глаза пронзительно сверкали, пальцы хищно сжимались в кулаки. О, как невыносимо было Повелительнице Земли чувствовать свое унижение!

— Ха, Гара злилась на Эссу за зеркало, а сама... Сама, как миленькая, сушила их рубахи и штаны и освещала путь! Да, я проиграла, но меня они запомнят надолго! Ха-ха-ха! Ароя, будь мне благодарна, я облегчила тебе задачу! Хотя какой бла-

годарности можно ждать от ветра, гоняющего по небу табуны облаков или дерзко завывающего в узких ущельях!

— Ах, как ты не любишь проигрывать, Хис! — сказала Морта почти ласково и чуть заметно склонила голову. В тот же миг Повелительница Земли со стоном осыпалась вниз грудой темных камней.— И не ты ли, желая взрастить злаки для тех же людей, молишь Арою, чтобы она пригнала дождевые тучи, и благословляешь Эссу, пролившуюся тебе на грудь теплым дождем?! Не будь слишком сурова и серьезна, тогда в следующий раз не проиграешь!

Мать Времени простерла руки над чашей. Таинственным светом сиял напиток, ее наполнявший, и красные сверкающие глаза в упор смотрели на безмолвную фигуру с белыми, словно облако, волосами.

— Ароя! Лети! Твоя Игра!

* * *

Золотые лучи утреннего солнца сияющими копьями пронизывали лес, напоенный запахами распускающихся цветов, влажных листьев и земли, пропитанной дождем. С веток, нависающих над самой Тропой, то и дело падали крупные капли, алмазами сверкая на солнце. Диковинные птицы, с интересом поглядывая на двух молчаливых путников, быстро шагавших по белому песку, перепархивали с дерева на дерево.

Они были похожи на ожившие цветы, эти пичуги, и в другое время Соня не удержалась бы от

искушения полюбоваться их красотой и послушать залиvistые трели. Но сейчас она лишь досадливо морщилась, когда какая-нибудь из них, взмахнув радужными крыльями, вспархивала с ветки, обдавая их целым водопадом холодных брызг.

— Кажется, я вижу просвет... По-моему, лес скоро кончится! — сказала девушка, встряхивая головой.

Луми что-то пробормотал в ответ: ему явно не хотелось разговаривать. Он шел чуть позади, понурился голову. Брови его сердито хмурились, а губы кривились, как у готового заплакать ребенка. Ему и впрямь хотелось расплакаться, гнев и досада переполняли его сердце, он чувствовал себя слабым и беспомощным.

Проклятый коридор! Он ожидал чего угодно, только не этого! Как они теперь доберутся до цели? А эта рыжая девчонка, — и Луми исподлобья взглянул на спину быстро шагавшей впереди Сони, — эта девчонка идет себе, как ни в чем не бывало! Хорошо хоть на птиц не заглядывается! Похоже, она уверена, что оставшийся путь будет легким...

— Луми, смотри, что это такое? — удивленно воскликнула девушка, внезапно остановившись.

Белый песок, по которому они шли, дальше переходил в неширокую дорогу, мощенную гладким светлым камнем. Лес расступился, и перед путники открылась широкая долина, заросшая высокой голубоватой травой, волнами колыхавшейся под порывами теплого ветра. Дорога — или Тропа? — белоснежной стрелой уходила вдаль,

маня к чему-то туманно-пестрому, похожему на огромный город, скрытый сизой дымкой.

— Стой, Рыжая, не ходи пока дальше, — сказал Луми, подходя к первым плиткам мостовой. — Давай сядем, отдохнем немного...

— Но я совсем не устала! — запротестовала Соня. — Ты только посмотри: она вдруг изменила вид, эта Белая Тропа. Опять странности! Пойдем, Луми. Время уходит, а конца пути еще не видно!

— Ты же не хочешь, Рыжая, чтобы конец наступил прямо сейчас? — спросил ее спутник, усаживаясь на песок. — Я чувствую, что мне надо немного подумать, прежде чем двигаться дальше. Особенно теперь когда... — И он выразительно похлопал по опустевшей суме.

Вздохнув, Соня села рядом. Да, Луми прав, идти дальше, не имея под рукой ни одного из магических талисманов старого Гартха, было опасно... Однако она не представляла, о чем тут размышлять: ну, не повезло, они лишились всех этих колдовских штучек, значит, надо рассчитывать лишь на свои силы да еще на удачу...

Но удача — это самый ненадежный дар из всех, что посылают людям Боги. И там, в мрачном коридоре, куда путники попали, едва спасшись от страшного обвала, она им явно изменила... Сначала Луми и Соня обрадовались, оставив позади ужасный Храм Хис, превратившийся в груду развалин.

Мальчик, окончательно стряхнувший в себя оцепенение, взял факел из Сониных рук и ре-

шительно двинулся дальше, освещая дорогу. А она все забирала вправо, и спутникам через некоторое время начало казаться, что они идут по огромному замкнутому кругу. Возможно, так оно и было на самом деле — ведь Хис, коварная Хис, все еще не оставила их в покое, готовя новую ловушку...

Соня первая ощутила тяжелый запах: тошнотворную вонь разлагающейся плоти и какой-то кислятины. Она схватила мальчика за рукав, и они медленно пошли рядом, стараясь угадать, что за новая напасть ждет их там, за поворотом.

— Постой! Я слышу странные звуки! — прошептала девушка, замерев на месте.

Луми стоял рядом и напряженно вслушивался: ему показалось, что он тоже различает близкую возню, шорох и тихое попискивание.

— Похоже, там какие-то твари. Как бы они на нас с тобой не набросились! — тихо сказал мальчик, чувствуя, как тошнота отвратительным комом подкатывает к горлу.

— А на что тогда твой хваленый жезл Красного Огня?! Ты вроде не раз упоминал о его могуществе! — прошипела Соня. Она терпеть не могла, когда кто-то рядом с ней начинал трусить, толком не узнав в чем дело и еще не столкнувшись с опасностью лицом к лицу. — И чему только Гартах учил тебя столько лет! Для начала ему следовало...

Но девушка не успела договорить: мерзкое серовато-коричневое животное вдруг выскочило из-за поворота на середину Тропы и замерло, уви-

дев пришельцев. Его глаза злобно вспыхнули красными огоньками, шерсть на загривке поднялась дыбом. Тварь приподнялась, пригнувшись, на задние лапы и с отчаянным визгом бросилась назад.

Это оказалась крыса, огромная, не меньше кошки, и, судя по переполоху, поднявшемуся там, откуда она появилась, растерявшихся путников ожидала встреча с целыми полчищами подобных существ.

— Сейчас... Сейчас я вспомню! Ты не думай, Рыжая, я не боюсь, совсем не боюсь! — говорил Луми, слегка постукивая зубами. — Стой, не ходи, мне надо вспомнить заклинание. О Боги, как ужасно они пищат! Ненавижу крыс и летучих мышей! *Омра, омра, кафе...* Нет, не то... *Кифа, одус, фаро...*

— Ну, ты долго будешь стоять и бормотать? Сейчас они накинутся на нас! Слышишь, что творится?

За поворотом действительно происходило нечто невообразимое. Похоже, оттуда готовилась выкатиться целая лавина бурых ощерившихся тварей с горящими красными глазами. Соня на миг представила, как крысы с визгом вцепляются ей в горло, и острые мелкие зубы рвут кожу и мышцы. Девушка вдруг почувствовала себя маленькой и беспомощной.

Но тут раздался победный вопль Луми:

— Вспомнил! Пошли! Затыкай нос — сейчас так завоняет паленым, не продохнуть!

Воспрянув духом, девушка на всякий случай выхватила кинжал и встала рядом, приготовив-

шись отразить атаку. Но крысы не спешили навстречу людям, вынуждая их самих сделать первые шаги.

— Не лезь вперед, держись немного сзади, а то как бы тебя вместе с ними не поджарить! — прокричал Луми, заглушая визг множества крысиных глоток.

Факел по-прежнему пылал в его руке ослепительным белым шаром. Мальчик выставил его вперед, как боевой меч, и воскликнул:

— *Омра! Кафе! Фаро!* За мной, Рыжая!

Начисто позабыв свои недавние страхи, он резко бросился по коридору, а огненный шар, сорвавшись с трубки, зашипел и метнулся за поворот, туда, где бесновались поджидавшие путников злобные существа. И тут же на конце жезла возник новый огненный шар. Быстро увеличиваясь в размерах, он угрожающе потрескивал, разбрасывая белые искры. Меж каменных стен творилось нечто невообразимое. А Соня до этого не могла даже вообразить, что крысы способны издавать такие жуткие вопли — или им встретились вовсе не крысы?

— Поторопись! — через плечо бросил Луми, метнув в глубину коридора второй огненный шар.

Судорожно сжав рукоять кинжала, девушка бегом догнала юного колдуна. То, что она увидела, поравнявшись с ним, больше всего напоминало кошмарное сновидение. С трудом сдержав крик ужаса и отвращения, Соня быстро шагала вслед за Луми, а он все посылал и посылал вперед смертоносные сгустки огня.

Тропы не было видно: впереди, насколько видел глаз, шевелился сплошной ковер из рыжеватобурых спин. Сверкали бессильной яростью глаза, мелькали оскаленные морды. А вдоль стен высились груды бесформенных обгорелых трупов. Задыхаясь от невыносимого смрада горелой плоти, кашляя от дыма, раздражающего легкие, люди упорно продвигались вперед. Крысы, словно хорошо обученное войско, посланное на смерть, не собирались отступать и с пронзительным визгом бросались навстречу испепеляющему пламени.

Один за другим срывались с жезла ослепительные шары, прожигая дорогу в визжащей массе мохнатых тел. Там, где пролетал огненный сгусток, оставалась чистая полоса Белой Тропы, а обугленные смердящие тела горячий вихрь отбрасывал к стенам, размазывая по грубой кладке. Соня старалась не смотреть на дымящееся месиво, ей легче было идти, глядя на оскаленные морды тварей. «Нет, это не крысы, крысы не могут так вопить!» — с содроганием подумала девушка, слыша этот получеловеческий-полузвериный крик, сотрясавший своды широкого коридора. В воздухе, словно черные бабочки, носились жирные хлопья сажи.

Вдруг что-то изменилось: леденящий душу вопль смолк, и крысы, тысячи, десятки тысяч огромных крыс, бросились вперед, подминая слабых, забираясь на спины друг друга, словно какая-то сила толкала животных навстречу смерти, чтобы хоть некоторые из них прорвались и заг-

рызли пришельцев, дерзнувших проникнуть в их владения...

Дыхание со свистом вырывалось у Луми из груди, воздуха не хватало, рука, сжимавшая жезл, из последних сил поднималась вверх, посылая огненные шары. Они с треском слетали с конца трубки, прожигая дорогу в шевелящейся массе, но на смену убитым прибывали все новые и новые полчища живых кровожадных тварей...

Вот одной крысе удалось проскочить вперед, и Луми пришлось отмахнуться жезлом, чтобы она не вцепилась ему в ляжку. Обугленный труп зверя тут же отбросило к стене потоком горячего ветра, и мальчик снова поднял свое оружие, расчищая дорогу.

— Когда же... Когда наступит конец этому кошмару? — раздался у него за спиной хриплый голос Сони. — Я... я не могу больше! Я сейчас задохнусь! — И девушка отчаянно закашлялась.

Еще одна тварь ухитрилась прошмыгнуть под опаляющим огнем, за ней другая, третья... Соня почувствовала, как острые зубы вцепились в тело, насквозь прокусив мягкую кожу сапожного голенища. Вскрикнув, девушка взмахнула кинжалом. На белый песок и сапоги брызнула кровь. Крыса с раскроенным черепом билась у ее ног, все еще пытаясь укусь. Быстро перешагнув через нее, Соня бросилась вперед, догоняя мальчика, который шел, как во сне, все взмахивал и взмахивал рукой, прожигая дорогу среди полчищ злобных существ.

Две крысы кружились вокруг него, пытаясь вцепиться в ладонь, сжимавшую жезл. С отчаян-

ным криком Соня рванулась к товарищу. Кинжал разил мгновенно. Одно окровавленное тело, корчась, отлетело к стене, за ним другое. Теперь девушка зорко смотрела по сторонам, защищая себя и Луми от тварей, проскочивших под колдовским пламенем. Ей пришлось еще не раз поработать клинком, поэтому она не сразу поняла, что Тропа больше не погибается вправо, а идет прямо, к светлеющему невдалеке пятну выхода.

— Рыжая, все, кажется, выбрались! — каким-то чужим, осипшим голосом воскликнул Луми.

Пqxоже, свет в конце коридора прибавил ему сил, и он ускорил шаги, подзывая Соню:

— Быстро за мной! Там, снаружи, их нет!

Они оба почувствовали, что дышать стало легче — воздух, проникавший в пещеру, был для них как живительная вода для погибающих от жажды. Хрипло выкрикивая свои заклинания, Луми остервенело размахивал трубкой Гартаха, и огонь бешено метался по коридору, выжигая крыс, сгрудившихся у выхода. Как будто прозрачная стена преграждала им путь — животные, визжа, карабкались друг другу на спины, цеплялись за шершавые стены, падали чуть ли не к самым ногам Сони и Луми, но ни одно из них так и не пересекло невидимой границы, отделявшей пещеру от того, что было снаружи.

Огненные шары один за другим срывались с конца жезла, но крыс было так много... Некоторым все же удавалось прорваться к людям, и Соня, потеряв им счет, только успевала опускать кинжал, разделяясь с обезумевшими от ужаса тварями.

Когда Луми и Соня наконец пересекли невидимую черту, девушка не сразу поняла, где находится. Оттуда, из темного коридора, прорубленного в скале, ей виделось что-то неопределенное: Тропа, казалось, и дальше пролегла по серой безжизненной равнине. А на самом деле перед путниками раскинулся огромный лес, с деревьями, вознесшими кроны высоко в небеса, с цветущими побегами, качавшимися возле самых глаз, с птичьим щебетом и шорохом ветра.

— Ох! Неужели все закончилось! Луми, я больше не могу идти! — прошептала Соня и, сделав несколько шагов, без сил опустилась на песок.

Мальчик, тяжело дыша, ничком повалился на Тропу и замер, прикрыв глаза. Спустя некоторое время он пробормотал, не размыкая век:

— Посмотри... Рыжая, посмотри, они за нами не гонятся? Там осталось еще много живых...

Девушка повернулась, готовая вновь увидеть оскаленные морды, — но там, позади, не было заметно ничего похожего на выход из пещеры: Тропа терялась вдали, в густых зарослях девственного леса. Уже ничему не удивляясь, Соня хлопала мальчика по плечу и успокаивающе прошептала:

— Нет... Там, сзади, никого нет... Только лес. Ах, как я сейчас отдохну! — И она с наслаждением растянулась на песке, закрыв глаза.

Но перед ее внутренним взором продолжали мелькать зловонные пасти, крючковые когти и сверкающие бусины злобных глаз. В ушах снова зазвучал визг и сводящие с ума вопли. Застонав,

девушка надела на веки кулаками, стараясь отогнать видение. Замелькали красные круги, потом заплясали языки желтого пламени, и она, сраженная усталостью, забылась беспокойным сном.

Ее разбудил душераздирающий вопль. «Крысы!» — молнией пронеслось у нее в голове, и Соня мгновенно вскочила на ноги. Рука привычным движением метнулась к ножнам — но они были пусты. Хрипло выругавшись, девушка подхватила с земли лук и потянулась за стрелой, ища взглядом Луми. А он стоял на коленях, в нескольких шагах от нее, и горестно раскачивался взад-вперед, прижимая к груди свою драгоценную суму.

— Что случилось? Где крысы? Это ты кричал? — Она отрывисто задавала вопросы и в то же время настороженно вглядывалась в заросли, пытаясь понять, откуда исходит неведомая опасность. Вдруг Луми вновь испустил жалостный громкий стон, уткнувшись лицом в грубую ткань. Столько отчаяния и бессильной ярости было в его голосе, что у Сони невольно дрогнула рука, сжимавшая лук. Она ослабила тетиву и, все еще косясь на густо переплетенные ветки кустарников, осторожно подошла к мальчишке поближе.

— Что с тобой? Тут никого нет! Может, тебе приснилась эта проклятая пещера? Ну, погляди-те-ка: вытаращился как безумный! Очнись, парень, — это я, Соня. Да перестань ты раскачиваться, говори, что стряслось!

— Крысы... Это крысы! Мы пропали! Рыжая, у нас ничего не осталось, ничего! А-а-а, все на-

прасно, мы никогда не дойдем до конца Тропы! Никогда!

Его колотила дрожь, он глухо зарыдал и в отчаянии повалился на песок.

Отложив лук, Соня присела рядом и осторожно потянула к себе холщовый мешок. Луми разжал руки, и сума, хранительница всевозможных чудес, впервые оказалась у девушки. Не успев заглянуть в нее, Соня все поняла: на ткани виднелась большая дыра и растрепанные концы нитей,— здесь явно поработали крысиные зубы.

Когда же эти твари ухитрились прогрызть мешок! Вроде бы она разделалась со всеми, кому удалось прошмыгнуть к ним, уцелев в пламени... Но теперь поздно вспоминать, надо что-то делать. Не желая расставаться со смутной надеждой, Соня откинула холщовый верх и заглянула в суму. Она действительно оказалась пуста, и колдун-недоучка не зря пришел в отчаяние... Хотя... Что-то все-таки уцелело, но утешительного в этом было мало: моток тонкого шнура с разлапистым крючком на конце, тот самый, благодаря которому они вскарабкались на поверхность в самом начале путешествия. Соня даже покачала головой: так давно все это случилось.

Но жизнь не кончалась из-за дыры в суме, и девушка решительно встряхнула рыжей гривой. Она давно привыкла не горевать, обнаружив потерю вещей, денег, мимолетное сожаление вызывало лишь расставание с полюбившимся оружием. А все эти колдовские штучки, хоть и не один раз спасали их в пути, не представлялись Соне столь

ценными, чтобы, стелая, кататься тут по песку, на полпути к цели. Да проливать бессильные слезы... К тому же Луми не укладывал обратно в мешок свой жезл. И хотя бы он-то должен был остаться!

— Где она? — Соня, зажав под мышкой суму, озиралась вокруг, отыскивая взглядом металлическую трубочку. — Где жезл Гартаха, посылающий огонь? Он оставался у тебя в руках!

— Не ищи, Рыжая! — глухо пробормотал Луми, прижав лоб к коленям. — Я не знаю, где он, но здесь его нет... Что я теперь смогу без предметов, лежащих в суме! Пропал и Гребень Демонов, и твоя флейта, и еще много всего! Эх, да что говорить!

— Успокойся, кое-что осталось. Смотри, вот шнур с крючком! Он так крепко зацепился за холстину, что его так сразу и не вытащишь! Возможно, он-то нам и пригодится! Да не унывай ты так, словно тебя уже приговорили к смерти! Я тоже лишилась своего кинжала, а это, считай, половина моих богатств! И то я не собираюсь хоронить себя раньше времени! Я ступила на Тропу, чтобы дойти до конца и получить ответ. И получу! Все! Хватит об этом! Держи свою суму и не раскисай! На вот, хлебни-ка водички, после жаркой битвы неплохо и освежиться!

Луми послушно взял флагу и жадно припал к ее горлышку. Вода струйками стекала по подбородку, текла за ворот рубахи, а мальчик все пил и пил. Потом стал плескать прохладную влагу горстями в лицо, словно смывая последние сле-

ды отчаяния. Вдруг какая-то мысль, промелькнувшая в его голове, заставила Луми забыть про воду. Он снова уселся на песок и стал со всех сторон разглядывать кожаный сосуд, как будто искал на нем какие-то знаки.

— Ну, что ты там разглядываешь? Фляжка как фляжка! Если напился — дай мне, я тоже хочу пить. И я не собираюсь оставаться здесь всю оставшуюся жизнь, надо идти вперед! Или нечего было и пускаться в эту затею!

— Да, Рыжая, на ней действительно нет никаких знаков, — разочарованно ответил Луми, протягивая девушке флягу. — Я думал, может, найду какие-нибудь руны или хотя бы магический символ... Тогда попробовал бы...

— Хватит и того, что есть! — перебила его Соня. — Постыдись, из подарка Эссы вода течет, не иссякая, это ли не магия? А ему, видишь, еще и руны подавай! Нет, Луми, ты, похоже, совсем помешался на колдовских оберегах. Хочешь не хочешь, но теперь придется обходиться только тем, что есть, — руками, ногами и головой! И вот этим! — добавила она, вскидывая на плечо свой верный лук.

... И вот, пройдя через бесконечный лес со сказочно красивыми цветами и щебечущими птицами, путники снова остановились перед чем-то неизвестным, поджидающим их впереди.

Луми задумчиво рисовал на песке какие-то знаки, потом стирал их и снова начинал водить пальцем, выводя квадраты, круги и треугольники. Девушка подвинулась ближе и, не желая ме-

шать, молча следила за его действиями. Не все, но кое-что ей было понятно — за годы, проведенные в Хауране, она многому научилась, и это касалось не только сложения изящных стихов и искусной игры на флейте. Например, Соня узнала символ Солнца, символ Луны... Но мальчик तो ропливо разровнял песок, и сейчас под его рукой возникали совсем незнакомые девушке странные закорючки.

Ей вдруг стало скучно, она зевнула и отвернулась, терпеливо ожидая, пока юный чародей покончит со своим серьезным занятием. Как хорошо и тихо было здесь, на опушке леса. Она медленно поворачивала голову то в одну, то в другую сторону: позади виднелась густая зеленая стена деревьев с огромными влажными листьями, прохладой и тенью, а впереди — дорога, мощенная гладкими белыми плитами, голубоватые волны диковинных трав и призрачное марево далекого города.

Девушка почему-то была уверена, что это именно город, и ее начинало томить любопытство: хотелось наконец взглянуть на все вблизи, а не рассматривать высокие строения издали. Почувствовав, что терпение иссякает, она покосилась на Луми, склоняясь к мысли, что придется все-таки его поторопить. Но в этот миг мальчик снова провел ладонью по песку, стирая свои рисунки, и поднялся на ноги, отряхивая колени.

— Пошли, Рыжая, кажется, я кое-что понял. Если я прав, то нам осталось всего одно испыта-

ние. Конечно, хотелось бы знать — какое... Сможем ли мы обойтись тем, что имеем?

Теперь он говорил спокойным уверенным голосом. Как будто и не была пустой его сума, а сам он почти точно определил, что их ждет там, в туманной дымке. Не удержавшись, девушка спросила:

— А все-таки до чего ты додумался, чертя свои закорючки? Почему ты решил, что осталось только одно препятствие, а не три и не десять? Расскажи, я не могу этого понять!

— Хм, поживи ты с мое под одной крышей с Гартахом, послушай его наставления да почитай древние свитки — тоже научилась бы кое в чем разбираться... Да тебе и так многое дано, только ты пока не осознаешь этого! — Мальчик вновь заговорил с интонациями взрослого человека, умудренного жизненным опытом. Соне даже показалось, что за него говорит кто-то другой, и ей стало слегка не по себе. А Луми меж тем продолжал, не замечая замешательства собеседницы:

— И как я сразу не сообразил, мог бы додуматься еще там, в горящем доме Гары. Огонь! Повелительница Огня! А что было потом — помнишь? Вода! Эсса, Повелительница Вод! — Луми возбужденно ходил по песку возле белых плит, размахивая руками и улыбаясь во весь рот. Он снова превратился в обыкновенного мальчишку, гордящегося своей смекалкой. — Ну, а дальше? Рыжая, скажи теперь ты — что было дальше?!

Соня быстро поняла, в чем дело. И как это она сама не догадалась! Так все просто! Улыбнувшись, она подошла к Луми и похлопала его по плечу:

— Я восхищаюсь тобой, умудренный знаниями ученик колдуна! Конечно, ты прав, и с нами играют Силы Стихий! После Эссы была Хис — Повелительница Земли. Бр-р-р, я содрогаюсь, вспоминая ее жуткий Храм, а уж про крыс и говорить не хочу... Омерзительные твари! Значит, нас ждет...

— Да, нас ждет Стихия воздуха! — нетерпеливо закончил за нее Луми. Его глаза блеснули, с надеждой глядя вперед. — И это, клянусь тебе, Рыжая, всеми пропавшими талисманами, наверняка последняя преграда! Потому что у магии свои законы, и их ничто и никто не смеет нарушить!

— Ну хорошо, ты очень умный, Луми, и догадался, какая Сила будет теперь с нами бороться. И все-таки объясни, отчего ты вдруг так обрадовался! Какая разница — Огонь, Вода, Земля или Воздух? Чем одно лучше другого? Ведь пока мы избегали опасности с помощью твоих колдовских штучек, а сейчас у нас их нет. Так чему ты улыбаешься, ученик колдуна?

— Поверь, я тебя не понимаю, Рыжая! Только что ты была готова бежать вперед, не имея ничего, кроме своего лука, а через мгновение снова стала сомневаться в наших силах! — И он, хитро улыбнувшись, посмотрел на Соню. — Воздух — это та стихия, которая всегда меня слуша-

лась. Может быть, не так хорошо, как Гартеха, но многое и у меня получалось... И здесь самое главное — не сушеные лягушки или Огненный Жезл, а кое-что другое, то, что всегда со мной... Пошли, эти камни нам пока ничем не угрожают!

В последний раз взглянув на густую зелень прохладного леса, единственного места на Белой Тропе, где их не подстерегали никакие опасности и ловушки, Соня ступила на гладкие плиты. Она шла, постаравшись отбросить грустные мысли и тягостные предчувствия. Сейчас для нее существовал лишь этот неведомый город вдалеке, непрерывно менявший очертания и цвета.

* * *

Города, эти огромные пестрые скопища людей и построек, всегда привлекали и завораживали Соню. Каждый из них имел свой характер, свое лицо. Хауран, например, представлялся ей важным вельможей с пухлыми руками, униженными драгоценными кольцами, в халате из переливающейся вендийской парчи; он всегда сохранял вид, исполненный достоинства, но в его узких прищуренных глазах таились хитрость и насмешка. О, эта неприступность была лишь маской, а настоящее его естество как раз и смотрело на мир плутовским взглядом корыстного торговца.

Хауран, прекрасный Хауран, он был в ее воображении неотделим от дядюшки Джергеса, остепенившегося пройдохи и блистательного арис-

тократа, чувствовавшего себя одинаково вольготно и во дворце правителя, и в самой затрапезной харчевне...

А Шадизар! О, Шадизар — это, конечно, толстый крикливый купец, до невозможности запывший жиром, торгующийся из-за каждого гроша и надувающий своих покупателей с ловкостью истинного чародея! А если ты даже поймешь, что обманут, — на него все равно невозможно сердиться: с лукавой улыбкой он смотрит в глаза, толстый живот колышется от добродушного смеха, и обманутый, расхохотавшись в ответ, тут же принимает приглашение закрепить сделку кубком доброго вина...

Ну а маленькие городишки, стоило Соне как следует осмотреться, тоже начинали будоражить ее живое воображение, и вскоре возникал образ, навсегда связанный с таким местом. Вот и Керсис — мрачноватый, окруженный высокой крепостной стеной, — сначала показался девушке похожим на воина, одетого в латы и до зубов вооруженного. А потом... Фирена, Адзир-Кам, демон в колоде и старуха, напоминающая ворону... Нет, этот город, такой маленький, больше всего походил на свою тайну, заключенную в башне гадальщика, — на многоликое Зеркало Снов...

Но, как только Соня вспоминала о нем, в ушах опять начинала звучать тихая мелодия флейты, переплетаясь с зовущими голосами: «Соня, Соня, Рыжая Соня!» Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и стала внимательно всматриваться в приближающиеся контуры неведомого города.

— Луми, смотри, как это может быть — мгновение назад торчала высоченная старая башня, а теперь ничего нет... Только стена! О, и там тоже — гляди, вместо голубого купола возвышается красный шпиль! Невероятно! Пошли скорей, я хочу увидеть все это поближе! — И она, сгорая от любопытства, прибавила шаг.

Город был огромен. Наверное, никак не меньше Шадизара — крепостная стена, его окружавшая, убегала в стороны, охватывая возвышавшиеся над ней острые шпили, полукруглые купола, зеленые кроны могучих деревьев. Сама стена все время колыхалась перед глазами, как будто путники смотрели на ее отражение в зыбкой воде. А то, что виднелось за ней, непрерывно меняло свой цвет и форму — пышные дворцы исчезали, а на их месте в мгновение ока возникали новые, еще более прекрасные.

— Будет лучше, Рыжая, если ты перестанешь таращиться на все эти превращения и вспомнишь, куда и зачем мы идем, — неожиданно сердито заявил Луми. — Гляди прямо перед собой, никуда не сворачивай, ни с кем не говори. Кажется, за то время, что мы идем по Белой Тропе, ты насмотрелась в достаточной мере на всякие чудеса! Запомни, Рыжая: Воздух — самая обманчивая из всех стихий. Из него можно создать все что угодно: и города, и замки, и даже людей. Да ты хоть понимаешь, о чем я говорю? Опять задрала голову и любитесь башнями! Эй, Рыжая! Смотри только вперед и слушай только меня! — И он наградил Соню весьма ощутимым тумаком под ребра.

Девушка вскрикнула от неожиданности:

— Как ты смеешь! Луми, ты с ума сошел! Да я тебя сейчас...

— Еще не хватало нам с тобой тут сцепиться! Рыжая, опомнись: это не город, это ловушка! — Луми снова ткнул ее в бок кулаком. — Хочешь уцелеть — послушайся меня! Дай-ка руку, иди и не вздумай вырываться! Ворота уже рядом. Молчи и продолжай спокойно шагать, как будто ничего не видишь!

Рослые хмурые стражники стояли у широких ворот, преграждая путь. Грозно сверкали острые секиры, неприветливы были слова воинов:

— Зачем путники пожаловали в город? Нищим оборванцам здесь не место! Где ваши дары могучей повелительнице Арое? Может, вы прячете дивные сокровища в поясах? Или под рубашками? — И стражники издевательски расхохотались, выставив вперед отточенные наверхи секир.

У Сони от гнева и возмущения кровь бросилась в голову. Она собралась достойно ответить наглецам, но в этот миг Луми изо всех сил наступил ей на ногу и решительно потянул вперед. Сверкающая сталь была совсем рядом, еще немного — и их проткнут, как букашек. Но мальчик, не останавливаясь, шел прямо на свирепых воинов и тащил за собой упирающуюся Соню.

Безуспешно пытаясь выдернуть руку, девушка на мгновение зажмурила глаза, а когда она их открыла — ни стражи, ни ворот не оказалось и в помине. Они стояли посреди неширокой улицы, мощенной белым камнем, а со всех сторон раз-

давался гвалт большого торгового города: ревели ослы, визжали детишки, сновали уличные торговцы водой и сладостями; громко расхваливая свой товар, со всех сторон слышались заманчивые призывы лавочников, аппетитно пахло жареным мясом и горячим хлебом.

— Ни слова. Рыжая, иди и не смотри по сторонам! — прошипел Луми, двумя руками вцепившись в Сонину ладонь. Он держал ее, словно норовистую лошадь, в любой момент ожидая от девушки какой-нибудь неожиданной выходки.

Соне и впрямь невыносимо хотелось рассмотреть все поближе, хоть одним глазком заглянуть в богатые торговые ряды, купить свежую лепешку и пахнущий дымом сочный кусок мяса... Ее рука уже нащупывала болтавшийся на поясе кошель, но Луми упорно тащил ее дальше, не позволяя задерживаться.

Вдруг далеко впереди раздался рев множества труб и зычные крики охранников. Улица мгновенно опустела: лавки закрылись одна за другой, как под землю провалились чумазные ребята и уличные торговцы, даже ослы с тележками скрылись неизвестно куда. Соня и Луми оказались в одиночестве на середине притихшей улицы, и все ближе раздавались громкие окрики и оглушительный рев труб.

Девушка напряженно всматривалась в открытое пространство меж домами, но никак не могла понять, что же надвигается с таким ужасным шумом. Луми стоял рядом и, не сводя глаз с колыхающегося пестрого марева, приближающего-

ся к ним, беззвучно шевелил губами. На мгновение он повернулся к Соне и торопливо прошептал:

— Хоть медленно, но все же иди вперед. Не закрывай глаза. Молчи и ничего не бойся. Все. Пошли.

Он опять потянул ее за руку, и девушка послушно двинулась за ним. Клубящаяся дымка впереди вдруг приобрела четкие очертания, и на них, заполнив всю улицу, понесся отряд вооруженных всадников на могучих вороных конях. Следом неспешно выступали слоны, чуть не задевая боками стены домов.

Соне просто нестерпимо захотелось отпихнуть мальчишку и сломя голову помчаться назад, в поисках какой-нибудь щели, случайно открытой двери, незапертых ворот, за которыми можно было бы укрыться. «Они нас сейчас сметут и затопчут!» — Девушку охватила паника. Но Луми спокойно шагал рядом, не давая ей убежать, и исподлобья смотрел на мчащихся всадников. «Мама! Отец!» — мысленно вскрикнула девушка, прощаясь с жизнью, но всадники с грохотом промчались сквозь них, как проносятся клубы густого дыма, влекомые ветром.

Второй, третий ряд воинов на взмыленных скакунах пролетал, не причиняя вреда, и Соня, успокоившись, наконец поняла: это лишь очередное наваждение. Слоны гороподобными тушами надвинулись почти вплотную, но девушка, уже не вырывая ладони из руки Луми, смело пошла им навстречу. Серый клубящийся туман на мгно-

вание скрыл из глаз улицу, а когда он рассеялся, перед ними зеленела лужайка с мраморным бассейном, обсаженным розовыми кустами.

До боли знакомой показалась Соне и эта лужайка, и бассейн, а особенно угол террасы, видневшийся из-за густых зарослей барбариса. «Салаффа!» — чуть не вскрикнула она, но вовремя зажала рот рукой. Девушка догадывалась, что будет дальше, и, боясь не совладать с чувствами, умоляюще взглянула на Луми. Едва увидев ее круглые глаза и вздрагивающие в немой мольбе губы, мальчик сразу все понял и побежал вперед, увлекая ее за собой. Соня смотрела на белые плитки, мелькавшие под ногами, и тихо стонала, за спиной девушки раздались голоса отчаянно зовущих ее матери и отца, братьев и сестры:

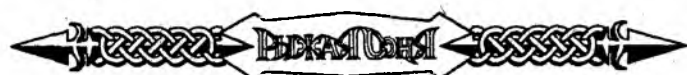
— Соня, девочка, стой!

— Дочка, куда же ты убегаешь! Мы здесь, мы ждем тебя!

— Рыжая, вернись, мы опять будем все вместе! Соня, Соня, хоть взгляни на нас!

Слезы застилали ей глаза, но она все бежала вперед, борясь со своей болью. Не один раз она была готова повернуть назад, к тем, кто звал ее так настойчиво и нежно. Но Луми, упорно тащивший девушку по Тропе, спас ее от непоправимого шага.

— У-у-ф, теперь можно и немного передохнуть, — тяжело дыша, сказал мальчик и остановился. — Сядь вот здесь, Рыжая, и успокойся. Я тебя предупреждал — из воздуха можно сделать

все что угодно! Скажу тебе честно: я порядком струсил, когда на нас понеслись всадники на черных конях! Мне вдруг показалось, что заклинание не подействует и они нас сомнут!

— Ах, Луми, неужели все уже позади? Какая пытка — слышать голоса, такие живые, родные, и сознавать, что это лишь обман, наваждение! Я чувствую себя так, будто мне сердце пронзили кинжалом...

— Это была твоя семья, Соня? И с ними что-то случилось? — сочувственно спросил Луми, садясь прямо на плиты напротив девушки.

И ей вдруг захотелось рассказать ему о своей горе, но она упрямо стиснула зубы и помолчав, коротко бросила:

— Да. Их убили. Дом сожгли. Я искала Тропу Времени, чтобы узнать — кто... Пойдем дальше, со мной все в порядке. Смотри только, чтобы я снова не рванулась куда-нибудь в сторону!

И опять потянулись бесконечные поля, заросшие голубоватой травой. Гладкие плитки снова сменились белым песком. Соня и Луми шли молча, глядя прямо перед собой на убегающую вдаль полосу Тропы. Вокруг ничего не менялось, и девушке начало казаться, что они топчутся на одном месте — бескрайняя равнина, солнце, неподвижно застывшее на небесах, белый песок под ногами... Но через некоторое время ее острый глаз все же уловил какую-то перемену: далеко впереди снова заколыхалась сизая дымка, она небольшим клубочком зависла над самой Тропой.

— Похоже, нам предстоит следующая встреча! — сказала Соня, вглядываясь вдаль. — Как ты думаешь, что там?

Луми пожал плечами:

— Ну откуда же я знаю? Когда увижу — может, пойму и решу, какое заклинание больше подходит. А пока ясно только одно: нашим злоключениям не видно конца! Ох, никогда бы не подумал, что истина достается так дорого!

Они шли медленно, ожидая от этого безобидного на вид облачка чего угодно: и орущих отрядов призрачных всадников, и трубящих боевых слонов, и скалящихся леопардов... Но вместо этого дымка стала медленно рассеиваться, и Соня с ужасом увидела, что они стоят перед пропастью. Всего какой-то десяток шагов отделял их от края, и туда, в глубину, уползало, словно живое, сизое марево.

— О, Светлые Боги, вот не ожидал! — в отчаянии прошептал Луми и, опередив Соню, двинулся к краю обрыва. Он лег на песок и свесил голову вниз. Через мгновение, бледный, с испуганными глазами, он отполз назад и, пошатываясь, встал на ноги.

Ни о чем не спрашивая, Соня также подошла к месту, где обрывалась Тропа, растянувшись на животе, осторожно заглянула вниз. Да, она правильно угадала — песчаная дорожка отвесно уходила в бездонное ущелье с клубящимися там клоунами жемчужно-серого тумана. Как будто гигантский нож разрезал землю поперек Тропы, чтобы преградить людям путь к цели.

Девушка подняла голову, всматриваясь вдаль. Она разглядывала противоположную сторону огромной трещины и Белую Тропу, вернее, то, что было ее началом — беспорядочное нагромождение белых камней, ярко выделявшихся среди серых и черных обломков.

— Ах, Нергалы штучки, и ведь совсем рядом, меньше чем в полете стрелы, а не перебраться! — в сердцах воскликнула Соня, поднимаясь на ноги. — Пожалуй, тут не помогут и твои заклинания! Тьфу, как глупо обернулось: ни вперед, ни назад!

— Рыжая, у тебя же есть лук! И стрелы! — вдруг радостно завопил Луми у нее за спиной. — Еще не все потеряно. Сейчас... Сейчас, где он тут у меня?!

Соня оглянулась и не смогла удержаться от невольной улыбки: мальчишка снова шарил в суме, пытаясь что-то оттуда извлечь. Девушка хорошо помнила, что там остался лишь моток шнура, прикрепленный к крючку. Значит, это его лихорадочно пытался отцепить ученик колдуна!

— И что ты собираешься делать с этой веревкой? — спросила она, но мальчик, не отвечая, продолжал сердито дергать крючок. Наконец ему удалось извлечь из сумы свое последнее сокровище. Положив его на песок, Луми снял с шеи тонкий шнурок, на котором болтались волчий клык и кусочек корня мандрагоры. Он зубами развязал тугий узел и снял амулеты.

— Скажи наконец, что ты задумал? — нетерпеливо спросила Соня.

— Дай-ка мне стрелу! — вместо ответа пробормотал мальчик, распуская шнурок на отдельные нити. — Ну, что же ты, давай скорее!

Ничего не понимая, Соня вытащила из колчана одну из стрел и протянула мальчишке. Луми, тихонько бормоча под нос какое-то заклинание, стал осторожно привязывать к ее оперенью разлапистый крюк и крошечный кусочек волшебного корня. Он крепко примотал и то, и другое и начал осторожно распутывать веревку, прикрепленную к крючку.

— Ну, поняла, для чего я это затеял? — И он удовлетворенно посмотрел на плоды своих трудов. — Теперь дело за тобой. Рыжая! Проверим, какой ты меткий стрелок! Сможешь выстрелить так, чтобы крючок зацепился за камни там, на той стороне?

Соня пренебрежительно фыркнула:

— И только-то? Будь уверен: зацепится! А что это нам даст? Как мы переберемся туда по тоненькой веревочке? Да еще по такой короткой.

— А это уже не твоя забота! На, вот тебе стрела, покажи, на что ты способна! Или мы здесь погибнем... Конечно, если я не придумаю что-нибудь еще. Но это — самый простой способ оказаться на противоположном краю пропасти. Как хорошо, что у тебя остался лук!

Луми держался за конец своей веревки и выжидательно смотрел на девушку. Соня повертела стрелу с нелепо торчащим на конце крючком, с сомнением взглянула на неумело примотанный кусочек корня и взялась за лук. Ее несколько не

смущало, что стрела стала тяжелее с этой корявой штуковиной у оперения — когда-то ей уже приходилось проделывать нечто подобное. И сейчас, вспомнив отчаянные проделки детства, девушка уверенной рукой натянула тетиву.

Луми понимал: если Соня сейчас попадет между двух торчавших рядом довольно крупных камней, то крюк прочно застрянет в зазоре между ними. Миг — и стрела, сорвавшись с тетивы, исчезла в узкой щели. Приподняв бровь, девушка вопросительно взглянула на спутника, а тот, радостно пританцовывая рядом, сжимал в кулаке конец невероятно удлинившейся веревки:

— Вот это да! Рыжая, ты стреляешь лучше любого охотника! Я и подумать не мог, что получится с первого раза!

— Ну, а дальше-то что? Стрела там, мы здесь, а посередине твой жалкий шнурок?

— Теперь осталась сущая ерунда — два заклинания, и мы на той стороне! Хватайся обеими руками за веревку, да покрепче, если отпустишь все, конец! — И он быстро-быстро забормотал свое заклятие.

Едва Соня успела схватиться одной рукой за веревку, как сильный порыв ветра подтолкнул ее прямо к краю пропасти. Лук упал на песок, но девушка, не замечая ничего, кроме приближающегося обрыва, изо всех сил вцепилась другой рукой в рубаху Луми, не сомневаясь, что сейчас их сдует прямо в бездну.

Взметнув тучу песка, с ревом налетел следующий шквал, земля ушла из-под ног, и путников,

словно пылинки, закрутило над ущельем. Краем глаза Соня увидела лицо Луми с широко открытым ртом, он что-то кричал ей, но в завывании ветра ничего не было слышно. Она не могла понять, куда их несет — вверх, вниз, прямо или вбок — все смешалось в ее сознании. Вдруг что-то стукнуло ее по ноге: это вихрь уносил куда-то в сторону Сонин колчан с разорванным ремнем. «Теперь уже все равно!» — мелькнула мысль, но руки, словно не желая расставаться с последней надеждой, еще крепче сжали тонкую веревку и грубую ткань рубахи...

Глава девятая

Время, ты шутишь, играешь со мной,
То еле плетешься, то мчишься стрелой,
Подаришь надежду, потом отберешь,
И каждое слово твое — это ложь!

Я вижу, Ароя, они и тебя обуздали,— насмешливо спросила Морта Повелительницу Воздуха, когда та, гневно сверкая глазами, вновь возникла перед Матерью Времени.

— Этот мальчишка — сущий демон. С виду такой растяпа, а ничего не забыл и не перепутал. Мне знакомо, как сильные мужчины теряют голову и мечутся подобно затравленным лисам, когда на них летит отряд Черных всадников или надвигаются взбесившиеся слоны. А он... Проклятый щенок! — И Ароя гневно потрянула взлохмаченной гривой. От ее движения по пещере пронесся порыв ветра, всколыхнув одеяние Матери Времени.

— Но все же тебе удалось добиться большего, чем твоим сестрам,— сказала Морта.— Девчонка и мальчишка оказались почти в твоей власти. Еще немного — и страх затмил бы разум маленького колдуна, а Рыжая рванула бы в сторону. Но ты тоже их недооценила, могучая Ароя, и я признаю твое...

— Нет! Нет, не произноси пока этого слова. Я просто готова скалы крушить от ярости, что они использовали мою силу, заставив перенести их через пропасть. О-о-о, позволь мне поквитаться! Позволь...

И Ароя взвилась бешеным смерчем.

— Я признаю твоё поражение,— бесстрастно закончила Морта.

В то же мгновение ветер стих, и Мать Времени осталась одна, задумчиво глядя на четыре груды камней.

* * *

— Луми, где ты? — позвала девушка, с трудом приподнявшись.— Луми, отзовись!

В ушах у нее звенело, перед глазами плыли багровые круги, и где-то высоко-высоко над ней, в сияющих небесах, маячила черная точка. Соня прикрыла глаза и уронила голову на землю. Все тело болело, как будто по нему промчался табун лошадей, но возникшая вдруг уверенность, что желанная цель близка, придала ей сил.

Скрипнув зубами, девушка с трудом села и, заставив себя открыть глаза, с усилием огляделась: она лежала на самой середине Тропы, которая, повторяя изгибы давно пересохшей реки, бежала по дну узкого ущелья. Огромные валуны в беспорядке громоздились тут и там, напоминая о мощи и безжалостности стихий.

— Луми! Ты жив, Луми? — снова крикнула девушка и прислушалась, опасаясь худшего. Да, ступив на Тропу, они оба не раз были на воло-

сок от смерти, но сейчас, когда сердце подсказывало ей, что идти осталось совсем немного и самое страшное уже позади, потерять друга казалось совершенно невыносимым.

Вдруг слабый стон заставил ее насторожиться. Он явственно донесся откуда-то сверху. Превозмогая боль во всем теле, Соня, пошатываясь, встала и взглянула в ту сторону, откуда послышался звук. Но вокруг опять было тихо, только мертвые камни возвышались над Тропой да в небе парила одинокая птица.

Но она действительно слышала стон, в этом Соня могла поклясться чем угодно, хоть своей головой. Шум в ушах постепенно утихал, круги перестали мелькать перед глазами, застилая суровый пейзаж, и девушка медленно двинулась к громадному валуну, отшлифованному временем и непогодой. Оттуда, с его куполообразной вершины, только и мог донестись этот тихий жалобный звук.

Похоже, ураган, вертевший людей, как пушинки, разметал свои жертвы — и бедному Луми явно не повезло, он угодил прямо на этот огромный камень. Девушка отошла на несколько шагов в сторону, оценивая его высоту: да, ей так и показалось с самого начала — никак не меньше, чем три человеческих роста... Неужели мальчик и на самом деле очутился высоко на валуне? А если нет, то где же? И она вновь закричала:

— Луми, отзовись! Луми, это я, Соня! Отзовись! Я тебя не вижу! — И она замолчала, чутко прислушиваясь.

Прошло несколько мгновений, показавшихся девушке целой вечностью, и она услышало слабый голос, ответивший ей с вершины камня:

— Рыжая! Где ты? Куда я попал? А-а-ах, как больно! О-о-о, моя голова! Что со мной такое?!

— Будь осторожен, а то скатишься вниз! — закричала девушка, напряженно всматриваясь туда, откуда слышался голос. — Ты на самой верхушке огромного валуна, а я здесь, внизу, на Тропе!

— Сейчас... Сейчас я посмотрю... — ответил мальчик, и Соня увидела на фоне голубого неба его взлохмаченную голову.

Он стоял на четвереньках, осторожно поглядывая вниз. Увидев девушку, стоявшую у подножия камня, он радостно вскрикнул и, пошатнувшись, чуть не скатился по его шершавой поверхности. Он поспешно отполз назад, и девушка теперь могла только слышать его голос:

— Проклятие! Слишком высоко, а я ужасно боюсь высоты! Мне не слезть, я себе все ноги переломаяю! Что же мне, так и сидеть тут до смерти или ждать следующего урагана?

— Ну, попробуй, попробуй прыгнуть! Ведь это все-таки не башня и не бездонный колодец! — умоляюще воскликнула Соня. — Я попробую подгрести к камню побольше песка, ты и не ударишься! Ах, будь я на твоём месте, я бы и думать не стала!

Но мальчишка, похоже, ее не слушал, до Сони отчетливо доносился его голос, что-то выкрикивавший в вышине, но слов было не разобрать. «Наверное, он ударился головой! — испугалась девушка. — Этого только мне не хватало!»

Станный звук, похожий на отдаленный грохот обвала, и раздавшийся следом за ним оглушительный треск заставили Соню provорно отскочить назад.

Она чуть не взвыла от ярости и отчаяния: огромный камень в одно мгновение превратился в неприступную скалу, уходившую в небо острой вершиной. И там, на самом верху, маячила крохотная фигурка, нелепо размахивая руками.

— Луми! Болван, недотепа, что ты наделал! — заорала Соня, и крик ее, наверное, услышала даже птица, парившая в поднебесье. — Теперь ты точно никогда не слезешь оттуда! Ох, Луми, Луми, зачем! — И она без сил опустилась на песок, закрыв лицо руками.

Непрощенные слезы потекли по щекам, она всхлипывала, мотая головой: этот мальчишка, с которым она прошла долгий путь по колдовской Тропе, давно стал для Сони чем-то большим, чем просто попутчиком, пусть даже и очень полезным. Только сейчас девушка поняла, что успела сильно привязаться к Луми, незадачливому ученику старого колдуна Гартаха.

Снова раздался грохот и треск. Ожидая самого худшего, Соня затаила дыхание и еще крепче зажмурилась под сомкнутыми ладонями. Но тут ее волос коснулась легкая рука, и знакомый голос хрипло произнес над самым ухом:

— Ну, вот и все... Ух, как было страшно там, наверху... Я просто перепутал заклинания!

Девушка вздрогнула, словно ее ужалила змея. Широко распахнутые глаза, не узнавая, смотрели

на Луми, как ни в чем не бывало стоявшего рядом с ней. Его рука в последний раз робко прикоснулась к рыжей пряди и отдернулась.

— Соня, ты что, плакала? Из-за меня?! Но со мной все в порядке! Просто сначала камень стал очень большим, зато теперь — вот он, смотри! — стараясь говорить беззаботно, мальчик поддал носком сапога небольшой голыш и отбросил его в сторону от Тропы. — Хоть и не с первого раза, но все-таки получилось! Ну, что ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь! — и Луми присел на корточки рядом с девушкой. — Теперь мы оба идем налегке: у меня не осталось ничего, даже волчьего клыка, а ты лишилась и лука, и стрел. Только фляга и уцелела, — Мальчик дотронулся до подарка Повелительницы Вод. — Дайка мне хлебнуть немного водички, а то там, на вершине валуна, когда ты казалась не больше муравья, у меня подогнулись колени и совсем пересохло в горле. Ох, Рыжая, до чего я боюсь высоты!

— Водички! Ха, он еще хочет водички! — сердито ответила Соня, но ее глаза лучились радостью. — Да тебе следует уши надрать, колдун-недопека! А если бы ты и во второй раз ошибся со своими заклинаниями, проклятая скала, наверное, рассыпалась бы на мелкие кусочки? Заодно похоронив меня под обломками? Ладно, держи флягу, несносный мальчишка! Ты скоро и высморкаться не сможешь, не прибегая к колдовству! Высоты он, видите ли, боится! Тьфу! Проще было спрыгнуть, чем затевать ворожбу! Ты даже не представляешь,

как я за тебя испугалась... Ну что, напился? Давай теперь мне. У меня тоже горло перехватило, когда я увидела тебя там, на вершине... Ладно, все позади, можно двигаться дальше. Как ты, способен переставлять ноги? — И девушка, не обращая внимания на ноющую боль во всех мышцах, легко вскочила с земли.

Им пришлось довольно долго идти вдоль извилистого пересохшего русла, пока наконец они не добрались до конца ущелья. И тут, совершенно неожиданно для них, Тропа разделилась на две: одна неширокая дорожка побежала вправо, словно не желая разлучаться с руслом старой реки, а другая, огибая скалу, круто повернула влево. Соня стояла в полной растерянности, не зная, что предпринять.

— Что делать будем? — не оборачиваясь, спросила она.

Оба пути были совершенно одинаковы, как будто невидимый нож разрезал на две равные половинки довольно широкую полосу Белой Тропы. Луми, не отвечая, стоял рядом, в замешательстве вертя головой.

— Почему ты молчишь? Не знаешь? Я тоже ума не приложу, что это значит. Может, мы должны тут расстаться и пойти каждый своей дорогой? — И Соня сделала шаг вправо, вглядываясь в сиреневую дымку, где, петляя между валунами, исчезала узкая полоска Тропы.

— Нет, Рыжая, только не это! Мы вместе начали путь, вместе и пройдем до конца! Раз нам не решить, по какой Тропе идти, надо дождаться знака.

— Какого еще знака? — Девушка круто обернулась, с интересом глядя на Луми.

Этот мальчишка и сам был похож на свою бездонную суму, набитую всякими чудесными вещами. Вот и сейчас он явно выудил из своей памяти нечто полезное, что наверняка им пригодится.

— Ты про что говоришь? Я не совсем тебя понимаю...

— А может, ты совсем меня не понимаешь, Рыжая? — улыбнулся мальчик, не забывая время от времени поглядывать на обе половинки Тропы, разбегавшиеся в разные стороны. — Слушай и запоминай, возможно, тебе это в дальнейшем понадобится. Тут нет никакого колдовства, просто подсказка Богов или Сил, тебе покровительствующих. Вот мы с тобой сейчас стоим на развилке и не знаем, куда идти дальше. Я мысленно прошу Богов, которые помогли нам избавиться от стольких опасностей, не оставить нас и на этот раз. Молю, чтобы они указали нам нужный путь, и спокойно жду, ни о чем не тревожась и не торопясь. Главное — будь уверена, что тебе помогут, и подсказка придет! Ну, что я тебе говорил! Смотри, Рыжая! Нам налево!

Действительно, в ярком солнечном свете над левой дорожкой порхали три ярко-голубые бабочки, словно танцую какой-то причудливый танец. То опускаясь к самому песку, то стремительно устремляясь вверх, они кружились в трех шагах от Сони и Луми, не приближаясь, но и не удаляясь. Наконец бабочки, одна за другой, полетели вдоль Тропы, огибавшей скалу.

— Не сомневайся, Рыжая, нам туда! — воскликнул Луми и двинулся вслед за бабочками. В последний раз взглянув на белую дорожку, убегающую вправо, Соня, больше не раздумывая, догнала мальчика.

Все выше и выше забиралась Тропа между скал, но идти было легко и приятно. Шуршал под ногами песок, изредка между камнями мелькали золотистые ящерицы или взлетали с резкими криками птицы. С удовольствием подставляя лицо прохладному ветерку, Соня шла, ни о чем не думая, и улыбка не сходила с ее лица.

Пожалуй, впервые с тех пор... с тех самых пор, как она лишилась всего самого дорогого, что было у нее в жизни, — семьи, дома, друзей, она чувствовала себя так хорошо и спокойно. Девушка с любопытством поглядывала на красивых серовато-коричневых птичек с алыми грудками, то и дело выпархивающих из-под камней, на корявые деревца, как-то ухитрившиеся расти в щелях растрескавшихся скал, на серебристые лишайники, светлыми пятнами выделявшиеся на бурых камнях.

Девушке хотелось вот так идти и идти по этой Тропе, куда хватит сил, вдыхая прохладный воздух гор, прислушиваясь к пощелкиванию встревоженных птиц и стрекоту невесть откуда взявшихся кузнечиков. Один из них звонко трещал совсем рядом, из-под красноватого обломка скалы, лежавшего на самом краю Тропы. Не утерпев, Соня остановилась, присела, и стала внимательно осматривать камень.

Ей с детства очень нравились кузнечики, и она, как никто другой, умела ловко их выслеживать и ловить, чтобы потом посадить в крошечные клетки, сплетенные из нежных волокон гавы. И теперь она высматривала певца, уверенная, что сумеет до него добраться.

— Что ты там ищешь. Рыжая? — спросил Луми, опустившись рядом. — Шла-шла и вдруг уткнулась носом в камни! Пошли, а то опять тебя понесет куда-нибудь в сторону. Мандрагоры у меня больше нет, и я уже не чувствую, где скрыта опасность!

— Ш-ш-ш! Тихо! Слушай, сейчас он опять застрекочет. Вот! Правда, здорово?

Соня прикрыла глаза, с наслаждением вслушиваясь в беспечную трель кузнечика.

— Ну-у-у, и только-то! Да у нас в Хариффе они как заведут свою трескотню, так и не знаешь, куда деваться. И ради этого ты остановилась? Нет, вы, женщины, все-таки странные существа! Догоняй, я пошел!

Тропа опять вильнула налево. Луми, бормоча что-то себе под нос и недовольно пожимая плечами, скрылся за поворотом. А девушка наконец-то увидела то, что искала: в тени на белом песке сидел крупный коричневый кузнечик и самозабвенно выводил свою немудреную песню, радуясь жизни и солнцу. Соня, как в детстве, засмеялась от радости: вот он, только руку протяни — и добыча будет в кулаке! Но девушка не собиравшись его ловить, ей достаточно было увидеть... Теперь можно идти дальше!

— Рыжая! Сюда! Скорей сюда! — вдруг раздался из-за скалы крик Луми. — Где ты там застряла!

Мгновенно забыв о кузнечике, Соня рванулась вперед, ее рука привычно потянулась к кинжалу, но, нащупав пустые ножны, сжалась в кулак... Прошипев неизвестно кому предназначавшееся проклятие, девушка в три прыжка обогнула скалистую стену и с разбегу наткнулась на Луми. Он стоял, теребя волосы на затылке, и задумчиво разглядывал следующую развилку. Услышав за спиной шаги, мальчик обернулся:

— А-а. Прибежала! Ну что, по какой тропинке пойдем? Как ты думаешь, Рыжая?

— Нергал их разберет, эти тропинки! — сердито ответила Соня. — Ты так завопил, что я подумала — не барс ли на тебя набросился! А кинжала, как назло, нет!

— Так по какой же мы пойдем? Смотри, эта ведет прямо, а та, левая, забирает вбок. И обе совершенно одинаковые...

— Сам же говорил — надо ждать знака! Вот и давай его ждать! Спокойно и не торопясь!

Соня стояла, покачиваясь с пятки на носок, и смотрела на разбегавшиеся в разные стороны тропинки. Как это она только что сказала Луми? Ждать спокойно и не торопясь? Ох, как же она не любила ожидание! Да еще и спокойное! Ее сразу начал грызть какой-то демон, подгоняя и подталкивая. Иногда это сходило ей с рук, но чаще девушка все-таки попадала в какую-нибудь неприятную историю. А все из-за того, что у нее не хватало терпения подождать немного, совсем немного...

— Что-то на этот раз Боги не посылают нам никакой подсказки! — не выдержав, Соня первая нарушила молчание. — Сколько же времени нам придется здесь проторчать, прежде чем... — Она не договорила, услышав слева еле различимый шорох.

Луми тоже насторожился и замер, как собака, почуявшая дичь. Так и есть: из кучи камней на тропинку, круто уходящую влево, выползла небольшая медно-красная змейка. Она быстро перебралась на другую сторону и исчезла среди валунов.

— Видела? — прошептал Луми, не сводя глаз с того места, где скрылась змея. — Вот тебе и знак! По этой тропе идти нельзя! Значит, нам направо!

— Направо так направо! Хорошо еще, что недолго пришлось ожидать появления твоего знака, а то, признаться, мне стало надоедать безделье...

— Пожалуй, ты никогда не сможешь воспользоваться моим советом и всегда будешь выбирать неверный путь! Мне показалось, или ты и впрямь облюбовала именно эту дорожку, скажи, Рыжая, разве не так?

— Ты, как всегда, угадал, Луми! — вздохнув, согласилась Соня. — Не знаю чем, но она мне понравилась больше. Так же, как и та, что убегала вдоль высохшего ручья.. Ну ладно, пошли! Если у меня не хватает терпения — то у тебя его в избытке. Значит, дойдем!

И снова они шли по тропинке, усыпанной белым песком и мелкими камешками. Она ярко выделялась среди серых и бурых скал, хаотично

громоздившихся вокруг. По-прежнему ничего не происходило, и Соне в который раз показалось, что они находятся здесь, в этом непонятном и враждебном мире, уже целую вечность. Замедлив шаги, она обернулась:

— Слушай, как ты думаешь, сколько дней мы идем? То есть, я хотела сказать, сколько дней прошло там, откуда мы сюда явились? А то здесь и Нергал не разберется... Солнце, как пришитое, стоит на одном месте, есть не хочется... Как будто все это снится!

— Ха, Рыжая, ты задала очень умный вопрос! А теперь вспомни, что ты искала, когда пришла к нам в Хариффу?

— Белую Тропу Времени... — недоуменно ответила Соня. — Ну и что дальше?

Тропинка стала очень узкой, и теперь они не могли идти рядом, поэтому Луми шел сзади, чуть не наступая девушке на пятки, и продолжал свои рассуждения:

— Время знает и может все... Белая Тропа была великой тайной, занимавшей все мысли моего учителя, Гартаха. Он для того и перебрался в Хариффу, чтобы быть рядом с ней. Он решил стать ее Хранителем. Представляешь, Рыжая, даже Хозяином, ха-ха-ха! Пока я сам не ступил на Тропу, я не предполагал, что это такое... Разве можно приказывать Стихиям, а тем более — Времени! Той силе, что неподвластна всесильным Богам! Конечно, Гартах знал кое-что об этом мире, но я теперь вижу, какие это жалкие крохи. Например, никто никогда не возвращался тем пу-

тем, которым ступил на Тропу. Одно известно наверняка — там, откуда мы пришли, пройдет лишь несколько мгновений, а здесь нам будет казаться, что мы странствуем чуть ли не годы. Путь может быть и очень коротким, и очень длинным. Ну, Рыжая, надеюсь, ты еще не состаришься, покуда вернешься обратно! Время — это Время! И теперь, как я понимаю, мы всецело в его власти!

— Значит, вероятно, нам предстоит немало лет идти по этой тропинке, и неизвестно, когда мы доберемся до цели? — разочарованно протянула Соня, ей-то казалось, что конец пути где-то совсем рядом, чуть ли не за ближайшим поворотом. — Да, Луми, не могу сказать, что ты меня утешил! Ну, раз Времени у нас предостаточно, расскажи что-нибудь о нем, возможно, и путь покажется короче!

— Придется... Иначе ты опять найдешь себе дело в стороне от Тропы и полезешь по камням ловить приглянувшуюся ящерицу или паука!

— Ладно, ладно, не полезу! Я буду смотреть прямо перед собой, а слушать только тебя. Давай начинай!

Она шла не очень быстро, легкой, упругой походкой, честно стараясь не засматриваться на причудливые очертания скал. Сзади поспевал Луми. Его глуховатый голос звучал монотонно и успокаивающе:

— Силы Стихий... Если они противостоят человеку, с ними приходится бороться. И мало кто из смертных может похвастать победой над ними! Ну, вот разве что мы с тобой!

Услышав его простодушную похвалу, Соня рассмеялась:

— Это ты, ученик колдуна, только ты победил их! А я только так... совсем немножко тебе помогла.

— Ну, не скажи! Со стихиями иногда удастся поладить — вот как тебе с Эссой, Повелительницей Вод! Но Время...

— Что Время? Ну, почему ты так медленно рассказываешь? — нетерпеливо обернулась девушка.

— А куда нам спешить, Рыжая? Кто знает, сколько еще идти? Так вот, Время не сражается с людьми, оно просто берет свое — в этом его сила. Но иногда и оно идет на уступки или одаривает людей своим бесценным даром...

— Это чем же?

— Бессмертием! Что желанней этого, а, Рыжая?!

— Ха, бессмертие! Я не однажды слыхала о колдунах и магах, проживших не одну тысячу лет. Они обрели бессмертие, но самого главного ни у кого из них не было! Молодости! Тут, наверное, и Время бессильно! А кому он нужен, такой дар! Я бы, например, ни за что, согласилась! Бр-р-р, жить вечно, но быть при этом дряхлой, сморщенной старухой! Фу, гадость!

Какое-то время путники шли молча, думая каждый о своем. Следующую развилку они увидели почти одновременно, и Соня топнула ногой от досады:

— Опять! Проклятие! На этот раз она разбегается на три дорожки. Ну, что, садимся на песок и ждем знака небес? Сколько их еще будет, этих развилочек?!

— Не горячись, Рыжая, мне почему-то кажется, что идти осталось немного. А ждать, похоже, в этот раз нам не придется. Видишь эту скалу? Куда падает ее тень?

— На две тропинки, левую и среднюю,— ответила Соня, ничего не понимая.

— Верно! А правая ярко освещена солнцем. Вот тебе и знак. Пошли, не надо больше ничего дожидаться.

— Ты уверен? А вдруг сейчас кто-нибудь прилетит или приползет?

— Ох, Рыжая, трудно с тобой! То ты кидаешься сломя голову куда попало, то боишься поверить тому, что и так ясно!

— Я боюсь?! Ничего подобного! Пошли! — И, гордо вскинув голову, девушка решительно шагнула вперед.

Тропа становилась все круче, теперь уже не светлый песок, а лишь отдельные белые камни указывали им дорогу. Карабкаясь, как кошка, Соня то и дело помогала запыхавшемуся Луми. Она не чувствовала ни малейшей усталости, казалось, ноги сами несут ее вперед.

Обогнув красноватую скалу, угрожающе нависшую над россыпью мелких белых камешков, они оказались на широкой площадке с торчавшими кое-где пучками чахлой травы. С одной стороны вздымалась отвесная скала, изборозженная глубокими трещинами, сзади, за их спинами, громоздились острые обломки, а прямо перед путниками зияла пропасть. Только теперь стало видно, как высоко они забрались. Вдалеке синели вер-

шины соседних гор, и небо было гораздо ярче, чем внизу.

В тишине чуть слышно шуршала трава, колеблемая легким ветром. Соня осмотрелась: площадка, на которой они оказались, нависала над пропастью, как крошечный балкон, прилепившийся к башне громадного мрачного замка. И дальше пути не было. Последний белый камень лежал у ее ног. Луми робко потянул ее за рукав:

— Похоже, мы в ловушке, Рыжая... Неужели я ошибся и повел тебя не той дорогой? Смотри, отсюда идти некуда, разве что вниз, и ничего похожего на пещеру. Ох, что я наделал!

Девушка ничего не ответила. Жгучие слезы обиды и отчаяния вдруг брызнули из глаз, и она почувствовала себя маленьким обманутым ребенком. Не в силах сдержаться, Соня опустила на колени и зарыдала:

— Зачем! Зачем он послал меня сюда! Я хотела узнать ответ, и больше ничего! Будь ты проклят, Адзир-Кам! И эта подлая Тропа! А-ах, Луми, значит, я так никогда и не узнаю...

— Тише, тише, Рыжая! — Луми присел рядом и положил руку ей на плечо — Слышишь, там, за валуном, раздался какой-то звук! То ли хрип, то ли стон... А может, мне показалось?

Всхлипывая и вытирая рукавом слезы Соня прислушалась. Нет. Ни звука не доносилось из-за большого камня, лежавшего почти в самом центре площадки. Не раздумывая долго, она вскочила и направилась туда, куда указывал Луми. Мальчик нерешительно пошел за ней, вытягивая

шею, словно ожидая увидеть притаившееся чудовище.

Сделав несколько шагов, девушка тихонько вскрикнула и остановилась: из-за каменной глыбы торчали морщинистые высохшие ноги с натруженными ступнями, едва прикрытые грязно-серым подолом длинного одеяния. Послышался чуть слышный стон. От этого жалобного звука у Сони вдруг защемило сердце, и она, забыв обо всем, бросилась вперед. В тени, отбрасываемой отвесной скалой, лежала, раскинув худые руки, седая как лунь, сморщенная старуха. С трудом шевеля запекшимися губами, она бормотала:

— Воды... воды... О-о-о, пить! Пить...

Девушка быстро отцепила от пояса флягу и осторожно влила несколько капель в узкую щель меж пересохших губ. Старуха замотала головой, как будто пыталась поймать тоненькую струйку. Соня снова и снова влила ей в рот по глотку воды, боясь, что та захлебнется. Наконец со слабым стоном несчастная открыла глаза и немного приподнялась:

— Еще... Еще воды! Где вода! Пить!

Ее глаза, сверкнувшие из-под тяжелых век темным огнем, остановились на кожаном сосуде, не замечая девушки. Дрожащая рука с трудом потянулась вверх:

— Дай мне ее! Дай скорее флягу! Там вода, вода, вода!

Соня помогла старухе сесть и, поддерживая трясущуюся голову, приложила горлышко фляги к жадно раскрывшимся губам. Девушка вдруг вспомнила, с каким нетерпением сама прильну-

ла к подарку Эссы, когда, измученная штормом, выбралась наконец на берег.

Старуха все пила и пила, и силы прямо ни глазах возвращались к ней, словно в маленьком сосуде оказалась не простая речная влага, а чудодейственный эликсир. Девушка поспешно отодвинулась от незнакомки подальше, немного испуганная происходившей с ней переменой: уже не измученная сморщенная старуха, похожая на корявый сучок засохшего дерева, а цветущая женщина со смуглым лицом и блестящими черными волосами сидела перед Соней, не в силах оторваться от фляги. Грязные лохмотья превратились в длинное платье из темно-серого переливающегося шелка, а на бурый песок опиралась сильная молодая рука.

— Ах, как хороша твоя вода, Эсса! — звучным голосом проговорила черноволосая, легко поднимаясь на ноги. — Ну, что ж, и это испытание вы прошли, отчаянные, неразумные дети! Вы там, куда так стремились, — во владениях Морти, Матери Времени!

Соня и Луми, ошеломленные, стояли, прижавшись к холодной скале, и не отрываясь смотрели на величественную фигуру, медленно приближавшуюся к самому краю обрыва.

Женщина разжала руку, и чудесная фляга, дар Повелительницы Вод, полетела вниз, в пропасть:

— Вот и все... Теперь у вас не осталось ничего лишнего. Не бойся, девочка, это останется с тобой! — взмахнула Морта широким рукавом, заметив, как Соня судорожно сжала в кулаке круг-

лый камень, болтавшийся на груди.— А сейчас подойдите сюда, дети мои, я желаю поговорить с вами! — И она медленно подошла к каменной глыбе, около которой еще так недавно лежала в образе умирающей старухи.

Взмах руки — и камень превратился в огромный базальтовый трон, богато украшенный драгоценными самоцветами, ослепительно сверкавшими в лучах солнца. Голову женщины теперь венчал царственный убор, переливавшийся множеством сияющих аметистов.

— Сядьте поближе и не смотрите на меня с таким испугом! — Женщина показала на два возвышения у подножия трона, и они тотчас превратились в резные мраморные табуреты.— Луми, мальчик, не сжимай так упрямо губы! Все испытания позади, ты можешь говорить со мной, не боясь подвоха! Да, я знаю, ты очень, очень осторожен и не по годам рассудителен! Не то что Рыжая Соня, твоя подружка! Ха-ха-ха! Ей бы немного твоего здравомыслия! Но все приходит со временем — уж я-то знаю!

Она немного помолчала, глядя на них с задумчивой улыбкой. Потом продолжила, и ее голос зазвучал по-матерински мягко:

— Я знаю, зачем вы сюда пришли и о чем хотите спросить. Но все же подумайте еще раз, стоит ли правда тех мучений, которые вы перенесли? Часто и вопрос, и ответ кажутся совершенно ничтожными после таких испытаний... Я, Морта, Мать Времени, не имею власти изменить ваш выбор, но я могу предложить кое-что вза-

мен. И поверьте, нужно быть безумцем, чтобы отказаться от моего дара, ибо я предлагаю вам истинное Бессмертие! Смотрите! — И она встала, величественно воздев руки к небу.

Голубая молния с треском зазмеилась у нее между ладонями, и Соня на миг прикрыла глаза. Когда она снова посмотрела на Морта, та указывала пальцем вниз, туда, где только что зияла бездонная пропасть:

— Вот она, перед вами, Страна Серебряных Вод! Если вы откажетесь от своей безрассудной затеи, я разрешу вам спуститься туда по этой лестнице! Поверьте мне, дети мои, самые могущественные маги вашего мира не пожалели бы ничего, чтобы сейчас оказаться здесь на вашем месте! Ибо Страна Серебряных Вод открыта лишь тем из смертных, кто отважен и чист душой. Там обретают они вечную молодость и счастье, невозможное на Земле!

— А встречусь ли я там с теми, кого потеряла? — тихо спросила Соня, не сводя глаз с чудесного видения, открывшегося перед ними. Морта молча покачала головой, продолжая указывать на нефритовую лестницу, широкие ступени которой вели вниз, к огромному круглому озеру. Прекрасные розовые цветы покачивались у берега на серебристой поверхности спокойной воды, издали доносились отзвуки дивной музыки, чарующий звон хрустальных колокольчиков и нежное пение множества голосов.

— Это только врата в Страну Бессмертных,— сказала Морта, опустив руку.— Ступайте туда, и

вы будете вечно благодарить Мать Времени за бесценный дар!

Соня стояла рядом с лестницей и не мигая смотрела на серебристое озеро, пышную зелень, дорогу, ведущую вдаль... Луми осторожно прикоснулся к ее плечу:

— Ты пойдешь туда, Рыжая?

— А ты?

— Я хочу и уйти и остаться... О, если бы можно было сначала получить ответ, а потом вернуться сюда...

— Нет, я хочу прежде всего узнать и отомстить! Без этого мне не нужно никакого бессмертия! К тому же там я не встречу тех, кого любила. Скажи мне, Мать Времени, — девушка смело взглянула на Морта, — а человеку дано попасть в Страну Бессмертных другим путем? Или туда ведет лишь одна дорога?

Глаза Владычицы Времени насмешливо блеснули, и она, улыбнувшись, ответила:

— Все вы, люди, одинаковы... Суетное, проходящее для вас важнее вечного. Ну, я вижу, твой выбор сделан. Отойди от края, Соня, встань рядом со мной — ты получишь то, за чем пришла. Теперь я спрашиваю тебя, мальчик, — что выберешь ты? Все сразу получить нельзя, либо одно, либо другое! Ну, решай!

Стоя у верхней ступени мерцающей лестницы, словно сотканной из рунного света, мальчик растерянно смотрел то на манящие воды спокойного озера, то на Соню, и не мог принять определенное решение. Не дожидаясь, пока он нако-

нец покончит со своими размышлениями, девушка снова спросила Мать Времени:

— Кажется, ты нарочно не ответила мне, Владычица... Но я все-таки очень хочу узнать — можно ли попасть в Страну Серебряных Вод каким-нибудь иным путем, кроме этого?

Морта негромко рассмеялась:

— Ха-ха-ха, ты настойчива и решительна, Рыжая Соня! Так и быть, я отвечу тебе. Туда, в Край Бессмертных, ведет множество дорог, но у всех одна суть. Какая — доискаться человек должен сам. Скажу лишь, что известно об этом многим, но мало кому дано пройти путем посвященных... Ну, а ты, Луми, маленький мудрец, что выберешь ты?

— Я... Я пойду вместе с Рыжей! Мне необходимо знать, чей я сын, иначе зачем мне бессмертие!

— Я так и думала... — вздохнула Морта, и лицо ее стало на глазах увядать. — Ну, что ж, вот он — Напиток Вечности. Один глоток — и вам откроется желаемое.

Желаемое... Желаемое... Ни площадки, обрывающейся в пропасть, ни лестницы, ведущей в таинственную страну, ни озера — Соня и Луми стояли в высокой пещере перед каменным возвышением, свет от множества голубоватых кристаллов играл яркими бликами на темных стенах. Морта указала сморщенной рукой на черную чашу в форме черепа:

— Ну, кто первый хочет получить ответ? Всего глоток... И истина проявит себя... — Ее голос про-

грохотал зловещим эхом, отразившись от пещерного свода.

Вздвогнув, Соня сделала шаг к возвышению, но Луми неожиданно опередил ее и с криком:

— Рыжая, прости, я не могу больше ждать! — метнулся к чаше. Встав рядом с ней на колени, он бережно приподнял ее и заглянул в сверкающие красным огнем глаза.

— Ответь мне, чей я сын, и почему оказался в Хариффе? Живы ли мои отец и мать, помнят ли они обо мне? Скажи, как меня зовут на самом деле? Я не в силах носить это имя, которым наградил меня Гартах! — И мальчик прильнул губами к каменному черепу.

Отпив, Луми осторожно поставил его обратно и отступил в сторону. Он жадно протянул вперед руки, словно пытаясь прикоснуться к чему-то, что видно было только ему. Слезы брызнули у Луми из глаз. Парнишка, плача и смеясь, воскликнул:

— Я так и знал! Мои сны не обманули меня! О, вот он, мой отец — Арлаф, могучий правитель Хорайи, и мать — вельможная Зора! Они живы и помнят обо мне: ведь у них нет наследника! Наследник — я, и зовут меня Гральт! О-о-о, как пылает мозг, как жжет сердце! Что со мной? Рыжая, что со мной?

Шатаясь, Луми схватился руками за грудь и без сил опустился на колени. Соня рванулась к нему, но в этот миг с ужасным криком мальчик, корчась, повалился на пол и тут же превратился в маленький, не больше ореха, ярко-голубой кристалл. словно в поисках защиты

и спасения, он подкатился к самым ногам девушки.

Не раздумывая, Соня схватила камень и быстро засунула его в один из потайных карманов кожаного пояса. Пусть эта страшная старуха делает с ней что угодно, хоть режет на куски, но кристалл останется у нее! Теперь она все поняла: и грустную улыбку Мортты, когда они с Луми так опрометчиво отказались от дара Бессмертия, и то, что ей отсюда никогда не выбраться живой, если она глотнет из черной чаши...

Она исподлобья осматривала пещеру, надеясь отыскать спасительную лазейку. Круглые кристаллы озаряли холодным светом древние камни стен, и нигде не было ничего похожего на дверь или хотя бы щель.

— Что ты стоишь, Рыжая Соня? — спросила Мать Времени, и в ее тоне девушке послышалось сочувствие. — Тебя напугал и озадачил конец твоего приятеля? Но ведь он получил то, что хотел! И ты тоже получишь! А что будет дальше — тебя не интересовало, не так ли? Главное — узнать!

— Я говорила по-другому: узнать и отомстить! — Голос Сони зазвенел от гнева. — Не для того мы с Луми столько раз были на волосок от смерти, чтобы так глупо погибнуть! Мне нужна моя жизнь, иначе в ответе нет никакого смысла!

— Значит, жизнь тебе все-таки дороже? — задумчиво произнесла Морта, покачивая головой. И снова на ее губах мелькнула понимающая улыбка. — Ну, что ж, я, пожалуй, предоставлю тебе еще одну возможность... Правда, не такую заманчи-

вую, как Страна Серебряных Вод, но сейчас, я думаю, ты немного образумилась и примешь мой подарок! Не твоя вина, что ты отказалась от бесценного дара, променяв его на жалкую побрякушку — ту, что вы, люди, называете истиной. А истина, девочка, это нечто совсем иное... Ты не могла знать, что в конце Белой Тропы человека ждет или смерть, или вечная служба Повелительницам Стихий, в виде этих прекрасных кристаллов. Но, возможно, твой друг спас тебя, показав, чем кончается этот путь. Ты совсем не похожа на тех, что приходили до тебя. Рыжая Соня, я опять разрешаю тебе сделать выбор: жизнь или ответ — избавление от боли, что не дает тебе покоя?

Голубые отблески заматались по своду, словно души тех, кто остался здесь навсегда, умоляя девушку не совершать последней ошибки. И Соня, без сожаления взглянув на черную чашу с сияющим Напитком Вечности, отвернулась от нее и решительно ответила:

— Я выбираю жизнь! Может быть, мне повежет, и я сама разужнаю, кто подослал убийц в Салафру! Клянусь, я все равно не успокоюсь, пока не найду их!

— Ты горяча, горяча... Почти как Гара... В чем-то вы даже похожи! Ха-ха-ха! Гара и Рыжая Соня! Ладно, девочка, я отпускаю тебя! Но не думай, что провела Мать Морту — я видела, как ты подняла этот камешек, своего маленького друга. Так и быть, бери его и знай: он не умер... Ну, иди! Я награжу тебя последним даром — пророчеством. Распорядись же им с умом

И Владычица Времени взмахнула рукой. Упругий ветер ударил Соне в лицо, голубые блики закружились в бешеном хороводе, и девушка почувствовала, как ее ноги оторвались от пола. Вихрь завертел ее на одном месте, а откуда-то сверху донесся громоподобный голос Мотры:

— Ты ищешь — и найдешь ответ:
В пыли дорожной конский след,
Крадущийся во мраке зверь,
Тревожно скрипнувшая дверь,
Светильник и сосуд с водой,
Брат умерший и брат живой,
Болтливый умник и дурак —
Тебе расскажут, кто твой враг!

Соня прикрыла голову руками, уверенная, что ее сейчас разобьет об острые грани камней, но ветер все нес и нес ее куда-то. Девушка едва успевала различать то яркие блики, то черные провалы и взмывающие рои каких-то странных существ.

...А в пещере, освященной трепещущим голубоватым светом, по-прежнему возвышались пять безмолвных каменных столбов.

* * *

...Где-то высоко в небесах бесконечной трелью заливался жаворонок. Крошечный зеленый жучек опустился на лоб неподвижно лежащей девушки и тут же запутался в растрепанных рыжих волосах. Соня медленно открыла глаза и долго бездумно смотрела в ослепительное голубое небо,

с наслаждением вдыхая теплый запах цветущего луга.

— Где это я? — приподнявшись, пробормотала девушка. — Клянусь хвостом Дикой Кобылицы, я здесь никогда не бывала.

Соня с трудом встала. Кругом расстилались бескрайние поля, совсем рядом протекала узкая речушка, с заросшими ивняком берегами, а левее пологих холмов вилась желтая лента дороги. Девушка негромко засмеялась и потянула с шеи тонкий шнурок.

— Ну, вот сейчас, наконец-то, мы будем вместе. Как я по тебе соскучилась, красавица моя!

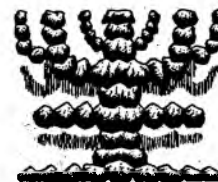
Небольшой плоский камень тихо упал в траву, и в тот же миг перед Соней стояла, звеня уздечкой, Подружка, ее гнедая кобыла. Она, пританцовывая от нетерпения, косила горячим взглядом в сторону воды. Всклипнув от радости, девушка прижалась щекой к шелковистой гриве. Слезы неудержимым потоком текли по лицу, а губы беззвучно шептали:

— Брат умерший и брат живой. Живой... Живой...

ВОССТАВШИЕ ИЗ ПРАХА

Неспокойна безлунная ночь в пограничном стигийском городе Хадане. То и дело стражники напряженно всматриваются в непроглядную тьму: не качнется ли лес дарфарских копий, не мелькнут ли во мраке еще более черные тела воинов с крайнего юга?

Не первый год уже Черные Королевства, Куш и Дарфар тревожат стигийские границы непрерывными набегами. И всякий раз эти набеги сопровождаются страшной резней, пожарами и грабежами.

— Ты ничего не слышишь? — спросил начальник воинской сотни нилит Трарза у своего подчиненного, Бракны.

Бракна, молодой человек с пышными черными волосами, длинными, почти как у женщины, с острыми, будто точеными чертами, почти круглыми черными глазами и непропорционально маленьким ртом, был потомком старинной стигийской семьи. Трарза, напротив, происхождения был весьма скромного: его отец торговал рыбой. Зато

нилит служил в беспокойном пограничном городке уже пятнадцатый год. Опыт и более высокое звание как бы уравнивали бывалого служаку и высородного сетмона.

— Нет, нилит,— ответил Бракна спокойно. Казалось, ничто не могло вывести из равновесия этого изысканного красавца.

— Смотри в оба,— предупредил Трарза.— Эти проклятые чернокожие совершенно распоясались. Ни днем ни ночью мы не можем быть спокойны. Они могут притаиться за любым кустом, за деревом, за камнем... Эй! А это что?

Он показал рукой на колеблющуюся тень, которая мелькнула за грудой камней, сложенных под стеной Хадана. Эти камни были предназначены для укрепления стены, поскольку старая, неоднократно подвергавшаяся штурму диких южных орд, была уже ненадежна.

— Где? — Бракна вытянул шею и прищурил глаза, всматриваясь в темноту.

— Вон там! Клянусь богами — там кто-то притаился!

— Лучники! — крикнул Бракна.— Проклятье! Где вы там, ленивые бездельники?

Двое лучников, бывших этой ночью в карауле, не спешили явиться на зов. Они, похоже, уже начали свое знакомство с кувшином доброго вина. Судя по всему, начало показалось им удачным: когда Бракна обнаружил стрелков, те слабо понимали, чего от них хотят.

Несколько затрещин прояснили их затуманенные мозги.

Между тем тень, встревожившая Трарзу — тот не покидал своего наблюдательного поста — переместилась ближе к городской стене.

— Эй! — еще раз наудачу крикнул Трарза.— Кто здесь? Выходи! Мы не будем стрелять!

— А точно ли вы не будете стрелять? — слышался чей-то голос совсем близко.

Нилит обернулся, как ужаленный. За спиной у него стояла, озаренная горящим факелом, молодая женщина, стройная, рослая. Она была одета как мужчина — в легкие брюки, украшенные вышивкой и бахромой, свободную тунику без рукавов, перехваченную поясом с серебряными пряжками. Голову и плечи женщины окутывало легкое черное покрывало, которое уберегало ее от палящего солнца днем и скрывало в ночной темноте.

Трарза ни на мгновение не позволил себе обмануться: перед ним была именно женщина, переодетая мужчиной — скорее всего, просто для удобства, нежели из желания скрыть свой пол. Длинные косы ослепительно-рыжего цвета ниспадали на плечи незнакомки. Они были перевиты длинными серебряными нитями, унизанными крупными жемчужинами. Такой жемчуг продается в верховьях Стикса... Откуда взялась эта ночная ведьма? И кто она?

Коснувшись ладонью кинжала, заткнутого за пояс, женщина рассмеялась.

— Не позволяй мне думать, будто бы я тебя напугала, неустрашимый воин!

— Вовсе нет,— проворчал Трарза.— Как ты здесь оказалась?

— Забралась по стене, пока ты болтал со своим помощником... Плохо же ты охраняешь свой городишко.

— Да как ты смеешь! — вскипел нилит. — Я служу на этой границе уже пятнадцать лет...

— Да? — иронически переспросила незнакомка. — И сколько раз за эти пятнадцать лет твой городок горел, подожженный безжалостными дикарями?

Прикусив губу, Трарза посмотрел прямо в ее дерзкие, широко расставленные светлые глаза.

— Какое тебе дело?

Она пожала плечами.

— Да никакого. Я брожу по свету, и цель моих странствий тебе едва ли может быть интересна...

— Чего же ты хочешь? — Нилит начал сдаваться. Таинственная незнакомка выбила его из колеи, и всегда уверенный в себе старый служака неожиданно растерялся.

— Я задержалась бы у вас ненадолго. Что-то подсказывает мне, что ты не откажешься от моих услуг.

— Каких еще услуг? — Трарза едва сдерживал негодование. — Не в местный же бордель ты пришла наниматься, женщина!

— Мое имя Рыжая Соня, — холодно произнесла ночная незнакомка. — Потрудись запомнить его, стигиец.

С этими словами она шагнула навстречу нилиту, не снимая ладони с рукоятки кинжала. Трарза, не дрогнув, выдержал ее яростный взгляд.

— Так что тебе нужно от меня, Рыжая Соня? — осведомился нилит.

— Я хочу наняться... стрелком или простым солдатом, как скажешь. Ваш город мне подходит. Он не похож на прочие стигийские поселения, сонные и полумертвые от жары. Должно быть, это из-за того, что основали его не стигийцы, а шемиты. И это чувствуется... Даже порядки у вас здесь другие! Так что, возможно, мы сумеем договориться...

— О чем?

Но ответа на свой вопрос Трарза получить не успел. Послышался топот — это бежали двое протрезвевших стрелков и подгоняющий их разъяренный Бракна бежали.

Рыжая Соня тоже услышала шаги. В мгновение ока она выхватила из-за пояса кинжал и развернулась лицом к опасности.

— Стойте! — закричал Трарза. — Остановитесь!

Бракна перешел на шаг, не сводя с Сони недоверчивого взгляда.

— Кто она? — резко осведомился он у нилита таким тоном, словно командиром гарнизона был он сам, Бракна, а не старый Трарза.

Его властный тон подействовал на нилита.

— Она называет себя Рыжей Соней, — пояснил нилит. — Забралась по стене, бесшумно, как обезьяна, и так же ловко. Проклятье! Она могла убить меня, неожиданно напав со спины, если бы захотела. Я не слышал ее шагов.

— Может быть, она ведьма? — спросил один из стрелков и, глядя на Соню с суеверным ужасом, попятился.

— Ведьма? — Бракна иронически усмехнулся и, нагнувшись, поднял что-то. — А это что такое?

Это была веревка с железным крюком на конце.

— Вот и разгадка, — продолжал Бракна. — Пока мы бранились, забыв посматривать по сторонам, эта красотка забросила на стену крюк и залезла сюда.

— Ну да, я так и подумал, — проворчал Трарза, однако, как ни старался, не смог скрыть охватившего его облегчения.

Бракна окончательно взял ситуацию в свои руки. Повернувшись к Соне, он спросил:

— Итак, женщина, чего ты от нас хочешь?

— Я уже сказала, — надменно ответила Рыжая Соня. — Мое намерение состоит в том, чтобы помочь вам оборонять ваш городишко от набегов черных дикарей — по крайней мере, в течение нескольких месяцев.

— Мы недурно справлялись и без тебя, — напомнил Бракна.

— Какая разница! — Соня махнула рукой. — Разве вам помешает лишний кинжал и лук со стрелами? Я недурно стреляю из лука, знаешь ли.

— Нет, лишний стрелок нам не помешает, — согласился Бракна. — Но нам очень помешает соглядатай, подосланный сюда теми, кто мечтает устроить в Хадане новую резню...

— При чем здесь я? — ледяным тоном осведомилась Соня. — Никогда в жизни я не шпионила ради кого-то... Только ради собственных целей. Однако — я говорила это твоему нилиту и повторяю тебе, не покривив душой, — моя цель

вовсе не в том, чтобы пустить кровь вашему и без того худосочному поселению насмерть перепуганных стигийцев.

Она фыркнула, не скрывая презрения.

Уязвленный ее пренебрежительным тоном, Бракна воскликнул:

— Клянусь богами Стигии, женщина! Поистине, ты испытываешь наше терпение!

— Мне нужна совсем небольшая плата... Вдвое меньше, чем вы заплатили бы наемнику-мужчине. — Соня с вызовом посмотрела в глаза Бракны. Весь ее вид говорил о том, что она весьма невысокого мнения о мужчинах.

— Девчонка, — пробормотал Трарза. — Стащила, небось, оружие и тряпки своего старшего брата и сбежала от мамыши через окошко, спасаясь от немилого жениха...

Лицо Сони окаменело. Затем она проговорила очень тихо, как будто против своей воли:

— Что ты можешь знать о моем брате... о моей матери!

Что-то в ее тоне заставило Трарзу присмотреться к этой дерзкой незнакомке попристальнее. Он заметил и горькую складку ее рта, и печаль, затаившуюся в глубине серых глаз.

Трарза в растерянности потерял густую черную с проседью бороду.

— Нут и Нуакет! — пробормотал он, взывая к древним стигийским богам, Отцу и Матери. — Да ты, девочка, и впрямь, кажется, настрадалась...

— Какая я тебе девоч... — начала было Соня еще более высокомерно, чем прежде.

Но старый вояка только махнул рукой.

— Ладно тебе. Никто не собирается здесь тебя обижать. Ты уже доказала нам, что из тебя может получиться превосходный разведчик, а мы как охранники цитадели ничего не стоим.

Бракна вспыхнул, готовый наговорить лишнего, однако быстро взял себя в руки. Сжав и без того маленький надменный рот, он резко повернулся и зашагал прочь.

Нилит проводил его задумчивым взглядом.

— Кажется, мы с тобой рассердили сетмона, Соня. А его сердить бы не стоило. Все-таки он — древнего и знатного рода.

Соня пожала плечами.

— Какая разница, если командуешь в гарнизоне ты?

— Командую-то я, — согласился Трарза, — да близок, сдается мне, тот день, когда придется отдать Хадан в руки высокородному наглецу с петушиным гонором...

— Ты об этом юнце? — осведомилась Соня.

— Ха! Он, кажется, будет постарше тебя! — отозвался нилит. — Ну да ладно. Ты говоришь, твое имя — Соня, ты гирканка и ищешь службы здесь, в пограничной крепости...

— Я не говорила, что я — гирканка, — перебила Соня.

— Да? — Трарза хмыкнул. — Значит, мне показалось. Итак, ты хочешь служить в моей крепости.

— Да.

— У тебя есть какие-то цели, не так ли?

— Да.

— Но о них ты предпочитаешь молчать?

— Да.

С каждым новым «да» Соня становилась все мрачнее. Ей начинало казаться, что сейчас старый рубака поднимет ее на смех и прогонит прочь. А этого она бы не перенесла — Рыжая Соня была из тех гордых женщин, кто слишком близко к сердцу принимал насмешки мужчин.

Однако Трарза лишь хлопнул ее по плечу, как будто она была обыкновенным солдатом.

— Решено! Обычное жалованье гарнизонного солдата — стрелка из лука — семьдесят серебряных в месяц. Я дам тебе пятьдесят, коль скоро ты сама говорила о том, что не нуждаешься в деньгах.

— Я нуждаюсь в деньгах, — возразила Соня. — Однако гораздо больше я нуждаюсь в этой крепости.

— Ха! — нилит не смог удержаться от смешка. — Уж не хочешь ли ты сказать, девочка, что собираешься захватить Хадан в одиночку?

— Я сказала только то, что сказала. Отсюда хорошо видны Черные Королевства. И ваш город не похож на другие города Стигии. Это внушает надежду.

— По рукам. — Нилит решил не уточнять больше мотивы, заставляющие Рыжую Соню пойти к ним на службу. — Заступаешь завтра. Постарайся не ударить лицом в грязь. И кстати, — он наклонился к Сониному уху и дружески шепнул: — помирись с Бракной. Он способен отравить тебе существование, если ты настроишь его против себя.

* * *

— Баба! — Коренастый Азуги отложил в сторону игральные кости и устался на нового стражника, явившегося на дежурство. — Вот это да! Да еще какая!

Второй стражник — его звали Харбар и он казался постоянно сонным из-за больших, томных глаз навывкате — тоже воззрился на Рыжую Соню, когда та вошла в караульное помещение и не принужденно уселась на скамью в стороне от остальных.

— Ах какая вкусная девочка! — Азуги едва не облизывался. — Зачем ты сюда пришла, а? Уж не повеселить ли нас?

Соня не отвечала. Вместо этого она слегка откинула покрывало так, чтобы были видны оба кинжала, заткнутых за пояс. Правую руку она небрежно положила на бедро, чтобы можно было в любой момент выдернуть кинжал и метнуть его в слишком назойливого ухажера.

— Посмотри, Харбар, она не хочет с нами разговаривать! — Азуги сделал вид, будто обижен. — Ах, какая злая девчонка! Фи!

Соня молчала. Лицо ее приняло непроницаемый вид.

Харбар встал со своего места и подошел к Соне. В безмолвии он покружил рядом, заглядывая ей в лицо и бесцеремонно рассматривая ее безупречную фигуру. Затем протянул руку и взял одну из тяжелых рыжих кос.

— Смотри, Азуги, какие волосы! — обратился солдат к своему товарищу таким тоном, словно

обсуждал стати породистой скаковой лошади. — Вот это масть! Клянусь пауком! За такую красоту немало бы денег отвалили на невольничьих рынках Птейона!

Азуги ответил громким гоготом. Харбар внезапно посерел и согнулся пополам. Со стороны не сразу стало заметно, что Соня, почти не двигнувшись с места, нанесла ему страшный удар в живот рукоятью кинжала — пока что тупой стороной.

Удар оказался настолько чувствительным, что Харбар лишился дара речи. Несколько мгновений он хватал ртом воздух. Наконец, багровый и покрывшийся потом, он прохрипел:

— Ну, шлюха, ты мне за это ответишь!

Соня встала, гибким движением отбросила покрывало. Огненные косы извивались на ее спине, как живые змеи. В каждой руке у нее теперь сверкало по ножу.

— Мы здесь для того, чтобы охранять Хадан, — проговорила она холодно. — Однако если вам охота пустить себе кровь — я к вашим услугам! Ну вы, двое! Вперед! Покажите, какие вы храбрые — вдвоем против женщины!

Ее противники, багровые от оскорблений, которыми она их осыпала, закружили вокруг Сони, пригибаясь и держа наготове кинжалы.

В этот момент дверь караульного помещения распахнулась, и стремительным легким шагом вошел Бракна. Его круглые темные глаза быстро обвели небольшую комнатку. Казалось, ничто не ускользало от его взора — ни перевернутые ска-

мьи, ни разбросанные в беспорядке игральные кости, ни пустой кувшин из-под кислого вина, которым щедро торгует местный бастет.

— Что здесь происходит? — резко спросил он.

Солдаты опомнились первыми. Азуги выпрямился, исключительно ловко спрятал кинжал и, пожав плечами, ответил:

— Ничего, сетмон. Ровным счетом ничего особенного.

Харбар также принял равнодушный вид и лениво направился к скамейке, чтобы поправить ее.

Соня вызывающе вскинула голову.

— Тебя удовлетворил ответ этих негодяев, сетмон? — крикнула она, видя, что Бракна собирается повернуться и выйти из караульного помещения.

Бракна приостановился.

— О чем ты, женщина?

— Мое имя Соня! — Молодая женщина кипела от холодной ярости. — Потрудись запомнить это!

— А зачем? — Бракна пожал плечами. — Вас много... У каждого имя... Зачем-то я должен запоминать эти бессмысленные звуки...

Тут он встретился с Соней глазами, и она невольно содрогнулась. В темных глазах Бракны была бездна.

— Всех вас ждет смерть. Смерть — это Время, а Время я знаю довольно...

— Время... — как замороженная, проговорила Соня. Ей казалось, что она спит, утонув в этих глазах. Затем она тряхнула головой и очнулась. — Сетмон, я прошу лишь одного: относиться ко мне

так же, как ко всем остальным солдатам. В здешних бастетах довольно шлюх. Если бы я собиралась предложить твоим людям услуги такого рода, я не стала бы настаивать на встрече вашим нилитом.

— Она права, — холодно сказал Бракна и удостоил каждого из солдат пристального взгляда. — И если я еще раз увижу...

Холодок страха пробежал по спине Сони, хотя вообще-то она была не робкого десятка. Что-то в голосе Бракны заставило ее содрогнуться.

* * *

Нилит Трарза не пил — он выпивал. Точнее сказать, он любил посидеть в бастете под названием «Три тритона» за кувшинчиком доброго сладкого винца. Об этой привычке нилита было известно всему городу, поэтому любой мог отыскать его в час отдыха и поговорить по душам.

Трарза не был женат. На такие глупости, как обзаведение собственной семьей, у него не хватило времени. Бесконечные стычки с черными соседями — рыжая бестия права, дарфарцы обнагтели и постоянно лезут на границу со Стигией! — заботы сперва младшего командира, а затем и начальника гарнизона — все это съело жизнь Трарзы без остатка.

Он не роптал. В своем роде он был очень доволен такой долей.

— Еще кувшинчик и к нему... — обратился было нилит к толстенькой служанке, лицо и фигура

которой говорило о примеси в ее жилах дарфарской крови.

— Знаю, знаю, сырой рыбы, вымоченной в виноградном соке, завернутой в виноградные листья с добавлением лимона, перца и луксурского коричневого сахара! — выпалила служанка одним махом. При этом она улыбалась нилиту крупными сочными губами.

Трарза добродушно покивал ей.

— Правильно, дочка, правильно. И откуда ты все знаешь, плутовка?

Служанка шутливо погрозила ему пальцем.

— У меня свои источники этой... как ее... по-вашему... ну, как это вы называете, военные?

Трарза откинулся на спинку стула и захохотал.

— О чем ты, девочка?

Служанка подумала немного и вдруг лицо ее радостно озарилось:

— Вспомнила! У меня свои источники информации!

Трарза смеялся так долго, что на его глазах выступили слезы.

— Ну, ступай, ступай, — проговорил он, похлопывая служанку по аппетитному круглому задку. — Порадовала старика, насмешила. Теперь ступай.

Девушка, очень довольная собой, убежала.

В этот момент кто-то рядом с нилитом тихо, вкрадчиво произнес:

— У меня тоже свои источники информации, нилит.

Трарза повернулся в сторону голоса, как ужаленный.

— Кто здесь?

Какой-то человек, до самых глаз закутанный в покрывало, незаметно уселся за столик рядом с нилитом.

— Я.

— Кто это «я»? Ты мне шутки не шути! — От веселого настроения Трарзы не осталось и следа. Он был раздражен. Такой превосходный спокойный вечер... Нилиту вовсе не требовалось вторжение разных там незнакомцев с их тайнами, намеками и фамильярностью.

— Неважно, как меня зовут. Я друг... по крайней мере, в этом деле.

— Каком еще деле? Не тяни! — велел Трарза. — Я хочу выпить, съесть мою любимую рыбу в виноградных листьях и наконец расслабиться.

— Не думаю, чтобы в такое время, перед лицом таких событий... а события *надвигаются*... — незнакомец особенно выделил последнее слово. — Не следовало бы начальнику хаданского гарнизона расслабляться, как ты говоришь.

— Да кто ты такой, чтобы указывать, что мне следует делать, а что не следует! — рассвирепел наконец Трарза. — Покажи хотя бы свое лицо!

— Мое лицо тебе незнакомо. — Однако тайный осведомитель сдвинул покрывало в сторону. На нилита глянуло черное, как ночь, лицо дарфарца. Большие глаза с крупными синеватыми белками, широкие, слегка вывороченные губы, очень широкий нос, лоснящаяся абсолютно черная кожа... Много лет Трарза видел такие

лица, искаженные яростью. Это было лицо врага — лицо человека, готового завтра штурмовать Хадан.

Нилит слегка отодвинулся. Приятный хмель, шумевший в его голове, вдруг выветрился, словно от удара. Нилит почувствовал жар, как будто его ошпарили кипятком. Краска прилила к его щекам.

— Да как ты осмелился! — вскричал он. Тотчас же черная ладонь стремительно зажала ему рот.

— Тише,— прошипел посланец чернокожих и торопливо закрыл лицо покрывалом.— Ты погубишь и себя, и меня.

Некоторое время они сидели в полном молчании. Трарза чувствовал на себе пристальный взгляд, устремленный сквозь покрывало. Дарфарец терпеливо ждал, пока его собеседник придет в себя.

— О, у вас гость? — Служанка, широко улыбаясь, поставила перед нилитом заказанное им вино и рыбу.— Угощайтесь и вы! — обратилась она к дарфарцу.— В нашем заведении отличная кухня, увидите!

— Не сомневаюсь,— ответил чернокожий, ничуть не потеряв самообладания.

С этими словами он непринужденно отхлебнул из кувшина и поблагодарил служанку в самых вежливых и ласковых выражениях.

Когда девушка ушла, нилит сердито выхватил кувшин из рук дарфарца.

— Говори, зачем пришел! Нечего ходить вокруг да около! Ты и без того испортил мне прекрасный вечер.

— Мое имя Махарим,— начал чернокожий.— Ты можешь обращаться ко мне так.

— Я не собираюсь никак к тебе обращаться, негодяй! — зарычал нилит.— Не хватало еще, чтобы меня уличили в связях с черными!

— Случай особенный,— отозвался Махарим.— Можем мы поговорить в другом месте? Боюсь, в нашу сторону уже начинают поглядывать.

— Проклятье! Хорошо, жди меня через четверть часа у колодца Голых Женщин. Знаешь где это?

— Найду.

Махарим поднялся — несмотря на небольшой рост, он двигался гибко и уверенно, что говорило о том, что в бою этот человек может быть очень опасен.

Спустя мгновение чернокожего в бастете «Три тритона» уже не было. Он как будто растворился в воздухе.

* * *

Колодец Голых Женщин получил свое название в память об одном штурме Хадана черными ордами. Это был страшный год для Хадана. Неурожай, стихийные бедствия и злая воля оживающих древних богов — о чем догадывались старики и о чем достоверно знали жрецы тайных культов Тьмы — все это сдвинуло с места орды дикарей и погнало их на север, к границам цивилизованных царств.

Чернокожие затопили Хадан. Они утопили в крови слабое сопротивление его защитников и

ворвались в город. Здесь произошла настоящая резня. Многие дома были разрушены, все ценное было разграблено, а почти все жители погибли. Уцелели только те, кому удалось бежать на север, в Сухмет.

Захватчики бесчинствовали в Хадане неделю, после чего регулярным войскам стигийской армии удалось оттеснить дарфарцев к границе и отбросить их в Дарфар и Куш.

Колодец, где Трарза назначил свидание своему таинственному осведомителю, был полон тел раздетых женщин. Многие претерпели насилие, из их ушей были вырваны с мясом серьги, на шеях сохранились синяки от пальцев. Одним перерезали горло, закончив развлекаться с ними; другим вспороли живот. Некоторые задохнулись в колодце под грудой тел — их сбросили еще живыми.

Воспоминание об этом было настолько страшным, что даже после того, как колодец очистили, много лет еще никто не решался брать оттуда воду.

Однако время оказалось целительным даже для хаданского колодца. И с годами от ужаса после той резни осталось лишь одно название — «Колодец Голых Женщин».

Когда Трарза, шагая преувеличенно твердо, как многие опытные пьяницы, приблизился к колодцу, там, казалось, никого не было.

— Проклятый чернокожий, — проворчал нилит, усаживаясь на камень и прислоняясь спиной к ограждению колодца. — Что ему понадобилось от меня? Жди его теперь... — Он громко зев-

нул. — Я спать хочу... Не следовало брать третий кувшин вина. Похоже, служанка развлекает его водой...

Темная тень бесшумно выступила из ночного мрака.

— Нилит! — окликнул Трарзу вкрадчивый голос.

Нилит подскочил как ужаленный.

— Ты?

— Это я, Махарим. Надеюсь, ты не успел еще забыть меня?

— Тебя забудешь! — проворчал нилит. — Сядись рядом. О чем ты хотел со мной поговорить?

Дарфарец уселся рядом. Неторопливо снял с головы покрывало и повернул голову так, чтобы Трарза мог разглядеть его при свете луны.

— Посмотри внимательно, стигиец. Видишь ли ты шрамы у меня на шее?

Справа на шее чернокожего действительно были страшные шрамы, оставленные когтями или клыками какого-то крупного животного.

— Вижу. Какое мне дело до шрамов на шкуре вонючего дарфарца? — уже не сдерживая ярости, осведомился Трарза.

— Как бы подобные шрамы не украсили твою шею... или шеи любезных твоих хаданцев, — загадочно ответил чернокожего.

— Выражайся яснее. Что там такого особенного увидели твои хаманы, которые имеют обыкновение обкуриться дурманящими травами и, выплясывая дикарские танцы, дурить головы твоим соплеменником нелепыми выкриками?

Махарим пропустил все эти оскорбления мимо ушей. Вместо того, чтобы возразить стигийцу, он заговорил спокойно о вещах, казалось бы, совершенно посторонних.

— Скажи, Трарза, когда ты видишь нескольких стигийцев и нескольких белых из другой страны, скажем, гирканцев, — с кем ты объединишься?

— Что за глупый вопрос! Со стигийцами, конечно!

— Хорошо. А если перед тобой будут несколько белых из другой страны и несколько чернокожих — чью сторону ты возьмешь?

— Сторону белых! В чем смысл твоих расспросов? Я уже стар и не гоюсь для твоих дикарских иносказаний.

— Мои слова вовсе не содержат в себе никаких иносказаний. Я собираюсь навести тебя на совершенно определенную мысль.

— Ладно, продолжай, — проворчал Трарза. — Я и так зашел слишком далеко.

Махарим улыбнулся, блеснув в темноте белыми зубами.

— Слушай дальше. Если перед тобой нелюди и дарфарцы — с кем ты будешь сражаться на одной стороне?

— Проклятье на тебя! В конце концов, чернокожие — хоть и настоящая чума Хадана, но они все-таки люди... Но к чему ты клонишь?

— К тому, что и вам, и нам грозит нашествие нелюдей! Возрождается страшное, чудовищное древнее зло!

Эти слова были произнесены с такой серьезностью, что Трарза мгновенно забыл о своем недоверии к черному лазутчику. Махарим не шутил. Он явился в Хадан, рискуя жизнью, потому что ситуация стала слишком опасной, чтобы оставить в неведении северных соседей — давних недругов Дарфара и Куша.

— Говори, — сухо произнес нилит. — Я хочу знать все.

* * *

Вот уже не первый год что-то странное творится в Черных Королевствах. То и дело происходили непонятные, страшные события, от которых волосы начинают шевелиться на голове, будто живые.

В Бидане, небольшом селении, где родился и вырос Махарим, время от времени исчезали люди. Они пропадали бесследно — причем в самых неожиданных местах. Одна женщина исчезла, когда шла за водой к колодцу — даже тела ее не нашли, хотя обыскали всю округу. Молодой охотник пропал во время охоты на льва. Его видели бегущим вместе со всеми — раскрашенное белыми полосами тело, копье, украшенное желтыми и красными перьями, поднято над головой, рот оскален в страшной ухмылке... спустя мгновение он исчез, и никто не мог сказать, куда он подевался.

И это — далеко не все! Пропадали и дети, и старики.

Работоторговцы? Но уже много лет ни один работоторговец не решался зайти так далеко в джунгли! Нет, здесь было что-то другое...

Наконец настал день, когда процессия старейшин деревни, с деревянными идолами, изображающими леопардов и буйволов, раскрашенными белой и красной краской, с бубенцами и погремушками, сделанными из высушенных плодов тропических растений, с громким пением под глухой бой барабанов, направилась к жилищу Мудрейшего.

Мудрейший разговаривал с богами и духами. Никто не мог сказать, сколько ему лет — казалось, он пребывал вечно. Он брал учеников, но если те оказывались неспособными к избранному делу, то беспощадно ломал им шею и сбрасывал их тела с высокого дерева, на вершине которого и была выстроена его уединенная хижина.

Сейчас у Мудрейшего учеников не было. Хотя многие желали бы занять его место — оно было и почетно, и сытно: даже в самый голодный год умирающие от недоедания люди отдавали верховному хаману лучший кусок хлеба. А неограниченная власть, которой пользовался Мудрейший, манила как самый сладкий плод. Но достигнуть ее могли единицы из тысячи.

Выстроившись кругом под деревом — это был могучий баобаб, выросший на краю джунглей, — старейшины и сопровождающие их музыканты и танцовщики начали выкликать мудрейшего и услаждать его слух пением и музыкой.

Спустя несколько часов Мудрейший показался на пороге своей хижины. Тотчас же всякое пение смолкло.

— Мои уши сыты музыкой, — проговорил в этой тишине Мудрейший слабым, надтреснутым, старческим голосом. — Благодарю вас.

— Сыто ли тело твое, Мудрейший? — спросил верховный старейшина Бидана.

— И тело мое ни в чем не знает недостатка, — ответил Мудрейший. — Даже годами оно пресыщено. Но я не могу покинуть эту землю, пока не обрету себе преемника.

— Живи вечно, — поклонился старейшина. — Если для твоего покоя нужен ученик, то я пришлю тебе одного...

— Ты пришел говорить со мной не об ученике, — заметил Мудрейший.

— Тебе открыто и это, — снова поклонился старейшина. Погремушка из высушенного плода в его руке зашелестела при этом движении. — Мы нуждаемся в твоей прозорливости.

— Ты пришел говорить со мной о том, что в твоём поселке то и дело пропадают люди. Они исчезают бесследно, и даже их тел потом не находят безутешные родственники и друзья.

Ропот пробежал по толпе просителей.

— Воистину, все открыто твоему взору! — вскричал старейшина. — Да, именно об этом я пришел говорить с тобой, о Мудрейший!

— Я знаю обо всем, что происходит в Бидане и соседних поселках. Сердце мое полно тревоги.

— Что говорят боги и духи джунглей? Ты вопрошал их об этом? — с тревогой спросил старейшина.

— Да! — Голос Мудрейшего прозвучал с неожиданной силой. — Их ответ — ужасен. Я не могу прокричать его, бросив на ветер столь страшные и тайные слова. Мне надлежит спуститься на землю, ибо перед лицом открывающейся опасности все мы равны. Пусть мне принесут лестницу.

И Мудрейший скрылся в своей хижине.

В Бидан послали самого молодого из танцовщиков, и вскоре он вернулся с длинной веревочной лестницей, мягким ковром и свежими пшеничными лепешками, испеченными специально для Мудрейшего. В тыквенном сосуде, привязанном у него за спиной, находился сироп сладких ягод.

Быстрый и ловкий, молодой воин взобрался по веткам баобаба на вершину, где находилась хижина Мудрейшего. Там он приладил лестницу, после чего почтительно привязал Мудрейшего себе за спину, точно ребенка, и осторожно начал спускаться.

Внизу уже расстелили ковер, разложили угощение для верховного хамана и окружили приготовленное для него доже полукольцом.

Старик подкрепился лепешками и соком ягод, после чего заговорил слабым, дрожащим голосом.

— Я уже стар, дни мои сочтены. Я оставляю свой народ без хамана. Хуже того! Я оставляю свой народ в страшной опасности. Она настолько ужасна, что вот вам мой завет — обратитесь к вашим соседям. К тем, кого вы издавна считали своими врагами, — к Стигии!

Легкий ропот пронесся по рядам дарфарцев. Старейшина выступил вперед.

— Стигийцы не станут помогать нам. Мы слишком часто разоряли их земли.

Но Мудрейший уже не слушал возражений. Он чувствовал, что с каждым высказанным словом силы покидают его, и торопился закончить свои наставления и предостережения.

— Злые духи надвинулись на нас. Среди нашей молодежи нет ни одного прозорливца — слепы все! Ни один ученик не смог бы заменить меня, а отдать мое дело в руки обманщика, которым неизбежно становится хаман-неудачник, я не мог. Поэтому я уничтожал их всех, дабы они не получили возможности пользоваться знаниями, полученными от меня, во зло. Кто-то из богов застилает нам взор! Я вижу это!

Старец приподнялся на ковре, вглядываясь куда-то широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Казалось, он видит нечто, сокрытое от взглядов его соплеменников.

— Я вижу, как просыпается древняя раса, спавшая много лет в наших горах и джунглях! Я вижу их нечеловеческие лица, их когти, их могущественную магию! Древние, яростные боги ведут их! Боги, не похожие на наших богов! Мы поклоняемся Буйволу и Леопарду, праотцам наших воинских союзов. Но просыпающиеся боги родились и умерли в те времена, когда ни Буйвол, ни Леопард не были еще зачаты!

От этих слов, непонятных и зловещих, мороз пробежал по спинам слушателей. И хотя

стояла летняя жара и солнце палило нещадно, многие ощутили, как на коже проступает ледяной пот.

— В горах Амитраб, что к востоку от Бидана, находится пещера,— продолжал старец, задыхаясь. Теперь каждое слово ему приходилось выталкивать с большим трудом.— Вы должны найти ее. Эта пещера — усыпальница их повелителя. Многие из вас никогда не слышали об этой древней нечеловеческой расе... Они чудовища, люди для них — только пища... Их души питаются страданиями людей, а матери этого страшного народа вскармливают своих детей человеческой кровью... Их раса была дочеловеческой. Они появились на земле задолго до того, как здесь родился первый человек, но давным-давно сбились с праведного пути и жили в злодеяниях, преступлениях, лелеяли в себе кровожадность и алчность. За это боги истребили их, хотя в былые времена они существовали наравне с человечеством... Нет! Какое там наравне! — Лицо старого дарфарца посерело от боли и страха.— Они достигли больших высот в построении своей цивилизации. Однако в пору Великой Катастрофы — я не могу вам рассказать о ней, ибо и сам ведаю лишь немногое — эти нелюди исчезли с лица земли, а их кровожадные боги были уничтожены молодыми богами... Но оказалось, что это не совсем так. Теперь настало роковое время для человечества. В горах Амитраб вернулся к жизни кто-то из древних владык. И пробудилась черная кровь, которая по капле была растворена в жилах некоторых людей...

— Каких людей? О чем ты говоришь, Мудрейший? Как нам узнать этих людей? — Старейшина тревожно наклонился над угасающим старцем.

Уже немеющим языком Мудрейший пролепетал:

— В последние годы существования своего ужасного народа эти нелюди — я не могу назвать их по имени! — брали себе жен из человеческого племени. Потомки таких браков живы до сих пор. Одна-единственная капля нечеловеческой крови... Столетия это никак не проявлялось. Но теперь, когда стал слышен зов оживающего владыки, что был погружен в мертвый сон столько лет, эта капля стала отзываться. Ваши враги теперь — не стигийцы! Ваши враги — долюди, нелюди — называйте как хотите! Вот кто губит мой народ... и меня... Их имя... их имя...

Хаман так и не смог выговорить имени этого древнего зла, что неудержимо надвигалось на джунгли, а следом за черными землями — и на Стигию, накрывая их черной тенью. Последнее слово Мудрейший прохрипел с трудом. На его почерневших губах выступила кровавая пена. Он несколько раз судорожно вздохнул. Тело его свело судорогой.

— Мудрейший! — в отчаянии закричал старейшина. Остальные чернокожие глухо забили в барабаны, затрещали трещотками и колотушками, пытаясь отогнать злых духов.

Однако все оказалось тщетно. Мудрейший испустил дух. Народ остался без ясновидящего, с одним только ужасным предупреждением насчет

возрождающейся древней расы, несущей в себе, казалось, все зло этого жестокого мира.

* * *

Обо всем этом Махарим поведал Трарзе — неторопливо, спокойным ровным тоном.

Трарза слушал, не зная, верить ему или нет. Иногда ему казалось, что молодой лазутчик черного народа разыгрывает его, дурачит глупого стигийца. Однако серьезное лицо и страшные шрамы на шее Махарима говорили обратное.

— Теперь ты знаешь почти все, — заключил Махарим.

— Почти? — Трарза поднял брови.

— Я не рассказал тебе, как заработал свои шрамы. Их оставили когти чудовища, не похожего ни на одно известное мне животное. Я чудом остался жив.

— Где это случилось? — Трарза пристально посмотрел на Махарима.

Чернокожий улыбнулся.

— Да, ты угадал. Я искал пещеру... усыпальницу страшного пробуждающегося владыки людей в горах Амитраб. Но едва не нашел там свою гибель. Что скажешь теперь?

— Скажу, что ты меня озадачил.

Махарим фыркнул.

— Слишком слабое выражение, на мой взгляд! «Озадачил!» Хотя озадачить такого вояку, как ты, — уже достижение!

Даже в темноте заметно было, что Трарза побавровел от негодования.

— Попридержи язык, дерзкий чернокожий! Иначе я арестую тебя и наутро мои палачи спустят с тебя шкуру!

Махарим засмеялся.

— Я предупредил тебя, нилит. Чудовища хитры, а кровь их растворена в крови людей. До определенного часа эти нелюди могут выглядеть вполне обыкновенными людьми... Но когда их просыпающийся властелин позовет их по именам — а он знает все имена! — они отзовутся. И тогда ужасная та резня, что случилась здесь в годы твоей юности... — Махарим кивнул в сторону колодца Голых Женщин. — Та резня покажется тебе просто веселой прогулкой выходного дня!

С этими словами дарфарец поднялся на ноги, натянул на голову покрывало и растворился в темноте.

* * *

Бездонные круглые черные глаза Бракны и манили и отталкивали служанку бастета, которую звали Кумби. Иногда девушка мечтала о молодом Высокородном. Она думала о его пышных волосах, скрывающих уши и падающих на плечи, — как сладко, должно быть, намотать эти пряди на пальцы, зарыться в них лицом! Ведь он пользуется превосходными благовониями, этот красавец-сетмон.

А его маленький рот! Сколько наслаждений, должно быть, таится за этими узкими губами, сложенными по-дамски в колечко!

И руки с перстнями на узких длинных пальцах. Эти руки ласкали бы пышные формы служанки, а она покрывала бы их поцелуями.

В таких мечтах проходило время. Девушка закончила мыть посуду и, попрощавшись с хозяином, направилась к выходу из бастета «Три тритона».

Едва за ней закрылась дверь, как Кумби ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Испугавшись, она хотела было вернуться, но затем пожала плечами и двинулась по улице к своему дому. Чего ей бояться в Хадане? Здесь ее каждый знает. Пожалуй, среди горожан не нашлось бы ни одного, кто решился бы обидеть служанку из «Трех тритонов». Она не отказывала ни одному ухажеру, со всеми была добра и весела, тело ее было щедрым, а душа — светлой.

Однако кто-то невидимый продолжал преследовать Кумби и на улице. Порой ей казалось, что она ощущает на затылке чье-то горячее дыхание, но когда она оборачивалась, то никого не видела.

— Глупости,— вслух проговорила Кумби.— Кто это может быть? Призрак? Смешно! В Хадане нет никаких призраков. Я знаю, правда, где их тьматмущая — в Сухмете. Но Сухмет — большой город. И он далеко от Хадана. Какой дух или призрак отправится в столь далекий путь только для того, чтобы напугать бедную девушку? Только очень-очень глупый призрак!

Она фыркнула. Мысль показалась ей забавной.

Кумби уже собиралась свернуть за угол и войти в свой маленький домик, стоявший на окраине

городка, как чья-то холодная рука схватила ее за плечо.

* * *

Весть об исчезновении Кумби распространилась по Хадану с быстротой лесного пожара. Когда утром она не появилась в бастете «Три тритона», хозяин — толстый бородатый смуглый человек — поначалу ворчал, затем тревожился, а после и вовсе потерял голову. Он отправил мальчишку к Кумби домой. Мальчишка вернулся с известием о том, что дом заперт и никаких следов девушки не обнаружено.

Это наводило на кое-какие мысли. Хозяин отправил мальчика повторно — на этот раз предстояло деликатно выведать у слуг сетмона Бракны, не у него ли заночевала аппетитная смуглая девушка из бастета. Может быть, мечты Кумби наконец стали явью, и она провела упительную ночь в объятиях молодого Высокородного. В таком случае понятно, почему она проспала начало рабочего дня. Что ж, если это так, ее, пожалуй, следует выпороть и оставить при деле.

Однако к полудню мальчик принес известие о том, что у Бракны не ночевало никакой девушки. Слуги сетмона в один голос утверждают, что их хозяин вообще не интересуется женщинами. Ни одна из представительниц слабого пола не оставалась на ночь у Бракны. Из всех женщин он соглашался терпеть только свою кухарку, старую и сморщенную, как печеное яблоко.

Хозяин только почесал в затылке. Похоже, маленькой Кумби ничего не светит у этого высокомерного замкнутого человека. Куда больше шансов завоевать сердце Бракны у мальчишки, который бегал по поручению хозяина на разведку, хе-хе. Что ж, оно, пожалуй, и к лучшему. Незачем девчонке из простонародья забивать себе голову мечтами о Высокородных.

С этими мыслями хозяин вернулся к работе.

Без служанки он был как без рук. А тут еще, как на грех, каждый второй посетитель осведомляется — где это загуляла маленькая Кумби?

— Не знаю я! — в сердцах бросил наконец хозяин. — Шли бы да поискали ее!

Но и к вечеру поиски и расспросы ничего не дали. Кумби словно сквозь землю провалилась.

Азуги, неоднократно проводивший веселые часы в объятиях пухлых смуглых ручек служанки из бастета, был опечален ее исчезновением не меньше других. Его это занимало так сильно, что он забыл даже свою вражду с надменной рыжеволосой девицей, взятой в гарнизонную службу стрелком.

— Слышь, Соня, — заговорил он вполне дружески, когда они с Рыжей Соней остались вдвоем на дежурстве.

Она остановилась.

Они стояли на хаданской стене. По обе стороны стены простиралась черная южная ночь. Луна высоко стояла в небе, высокая и холодная. До полнолуния оставалось еще несколько дней, однако мертвенный лунный свет ярко заливал и город, и джунгли за городской стеной.

— Что тебе, Азуги? — спросила Соня. Она решила не ссориться попусту со своими новыми товарищами. Коль скоро Азуги решился заговорить с ней дружеским тоном — следует поддержать его.

— Представляешь... В городе пропала девушка!

— Какая еще девушка? — Соня насторожилась.

Азуги махнул рукой с напускным пренебрежением.

— А, одна потаскушка!.. Девчонка из бастета «Три тритона». Пухленькая была, вся в ямочках... Ласковая, веселая. По правде сказать, это была лучшая девчонка во всем Хадане!

Соня нахмурила брови.

Азуги деланно засмеялся.

— Ну, ты, конечно, в счет не идешь! Ты ведь у нас солдат! Стрелок на жалованье!

— Я — солдат, — спокойно подтвердила Соня. — Ты совершенно прав, когда не хочешь равнять меня с той глупой девочкой, которая загуляла с кем-то на стороне.

— Если бы загуляла... Нет, я знаю Кумби. Да кто ее в Хадане не знает! Если Кумби загуляет — об этом становится известно всему городу. Нет, Соня, дело худо. Она действительно пропала.

Соня хмурилась все сильнее. Исчезновение человека! В Хадане. За городскими стенами, которые так или иначе, но охраняются.

Ладно бы, пропал кто-то из местной аристократии. Но ничтожная прислуга, известная в городке потаскушка... Это уже подозрительно. Тут дело пахнет не выкупом. Работоторговцы? Но для

чего им красть стигийку, пусть даже с примесью дарфарской крови? Глупо, глупо... Нет, здесь что-то иное... Что-то такое, от чего даже у бесстрашной Сони холодок пробежал между лопаток.

А Азуги продолжал, не подозревая о том, какую ужасную тревогу он поселил в душе своей слушательницы:

— Она вышла из бастета вчера ночью. Закрyla за собой дверь. Она шла к себе домой, говорит ее хозяин. Но дома ее не было. Роса на траве не была сбита, ставни закрыты, дверь никто не открывал. Хозяин посылал мальчишку, тот все высмотрел и потом доложил, как оно было.

— Странно,— пробормотала Соня.

— Не то слово! — подхватил Азуги.

Помолчав, Соня протянула Азуги руку. Тот с жаром пожал ее.

— Азуги! — произнесла Соня. — Мы должны разыскать Кумби. Вот уже несколько месяцев мне представляется, что что-то нехорошее творится в этих горах и джунглях. Ради того я и пришла в Хадан. Я же сказала вашему нилиту: хочу увидеть мир с хаданской стены. И то, что я вижу, мне очень и очень не нравится.

* * *

Кумби очнулась в полной темноте. Едкий дым благовоний ел глаза, обжигал легкие. Дышать было почти нечем. Попытавшись шевельнуться, девушка поняла, что крепко связана по рукам и ногам.

— Кто здесь? — крикнула она, но крик получился слабым и хриплым. Она закашлялась. — Развяжите меня! Мне нечем дышать! Выпустите меня! Я ничего дурного не делала! Кто вы?

Но никто не обращал внимания на ее беспомощные, отчаянные призывы, хотя в темноте, к которой постепенно привыкли глаза несчастной девушки, она уже различала чьи-то движущиеся тени.

Вот сильные руки подхватили связанную девушку, лежавшую на каменном полу, и куда-то понесли. Куда? Она не имела ни малейшего понятия о том, где оказалась.

Судя по низким каменным сводам и гулкому эху, которое отзывалось на шаги таинственных похитителей Кумби, девушка и совершившие злодеяние люди находились в какой-то пещере. Стало быть, ее оглушили или усыпили с помощью какого-то зелья, после чего перевезли в горы, за пределы Хадана. Но как им удалось выбраться из города незамеченными?

Мысли Кумби путались. Да, похоже, они действительно дали ей какой-то наркотик. Она только теперь начала приходить в себя.

Пока что никакого вреда похитители ей не причиняли. Но когда она яростно задергалась, пытаясь высвободиться, кто-то несильно, но умело ударил ее в висок. Девушка обмякла и затихла.

Когда она пришла в себя в следующий раз, то обнаружила себя лежащей на большом каменном столе. Кругом дымили и коптили багровые факелы. В неверном пляшущем свете Кумби разглядела наконец лица похитивших ее людей.

Людей? Скорее, *существ!* Она содрогнулась от ужаса, когда сумела наконец рассмотреть своих похитителей.

У них были бледные лица и большие, совершенно круглые глаза. Длинные руки с очень тонкими пальцами постоянно шевелились, словно жили собственной, отдельной от их владельца, жизнью и вечно беспокоились о чем-то. Крошечные круглые ушки плотно прилегали к черепу, но когда эти существа прислушивались, уши вдруг начинали двигаться.

— Кто вы? — Кумби дернулась на алтаре. Она попрежнему была крепко связана. — Ради всех богов! Скажите мне, кто вы!

Никто не обратил на нее ни малейшего внимания, словно она была вещью или животным.

Окружившие алтарь существа начали петь. Они пели, не разжимая губ, очень тихо и монотонно. Постепенно пение становилось громче, ритм убыстрялся. Все существа, сплетя руки, раскачивались взад-вперед возле алтаря. И вдруг, оборвав пение громким криком, они замолчали и замерли. А затем, один за другим, опустили на колени и коснулись лбами каменного пола пещеры.

Кумби с трудом повернула голову, чтобы посмотреть в ту сторону, куда была обращены глаза чудовищ.

Она обмерла от ужаса. На черном троне сидел облаченный в истлевшие королевские регалии скелет. Обрывки волос, шкуры, парчи и золотых украшений свисали с мертвых костей. В давно истлевшие пальцы был вложен царс-

кий скипетр. На коленях скелета покоился кинжал — короткий и широкий, украшенный великолепными драгоценными камнями и инкрустациями.

По мере того, как чудовища пели и танцевали, скелет оживал. Обрывки шкур и волос постепенно превращались в плоть. В запавших глазницах ожили и начали сверкать большие водянистые глаза странного желтого цвета. Пальцы скелета, обросшие кожей, но по-прежнему лишенные плоти и ногтей, сжимались и разжимались на рукояти скипетра.

Наконец, скрежеща и испуская страшные душераздирающие стоны, словно от немыслимой боли, скелет встал с трона.

Кумби потеряла сознание от страха.

— О Владыка Аухар! — заговорил один из чудовищ, слегка приподняв голову. — О могущественнейший из земных властителей! Ты внял своим рабам!

Едва двигая челюстью, давно мертвый повелитель нелюдей проговорил:

— Я испытываю боль!

— Она облегчится, владыка! — поспешно заверил его один из нелюдей.

— Я испытываю голод!

— Мы утолим твой голод!

— Я жажду! — прошептал мертвый владыка.

— Вот пища, повелитель, вот напиток, который утолит твою жажду и голод! — С этими словами один из нелюдей встал и указал на связанную Кумби.

Страшные желтые глаза владыки-мертвеца за-
сверкали.

— С каждым разом я воскресаю все больше и
больше! На моих костях все больше кожи и мяса!
Настанет день, когда я покину эту пещеру во всем
блеске своей красоты, силы и величия!

Он наклонился над жертвой, жадно рассмат-
ривая ее. В это самое мгновение Кумби очнулась
и ее перепуганные глаза встретились с ужасны-
ми глазами повелителя нелюдей. Испустив тихий
крик, она опустила веки.

Костлявый рот коснулся ее сочных пышных
губ.

— Живая! — проговорил оживший владыка-
мертвец. — О, какая она живая! Сколько в ней
соков!

Несчастливая обреченная девушка отчаянно за-
дергалась, но Аухар, мертвый властелин, уже на-
валился на нее всем телом. Тяжелый, костлявый,
он грыз ее своими острыми желтыми зубами и
сжимал могучими иссохшими руками, пока она
не испустила дух.

* * *

Рыжеволосая воительница оказалась на удив-
ление хорошим солдатом. Она была дисциплини-
рована, редко играла в кости и другие азарт-
ные игры, хотя не чуждалась этих простых раз-
влечений, свойственных всем наемникам. Иногда
заходила в бастет «Три тритона» выпить кружеч-
ку вина и поболтать с Азуги — многих удивляла
эта странная дружба между красивой молодой

женщиной и угрюмым солдатом. Однако их от-
ношения оставались чисто дружескими. Что их
связывало? На этот вопрос ни у кого не находи-
лось ответа. Ни Соня, ни Азуги не удостаивали
любопытных объяснениями.

Иной раз чужеземку видели в модной лавке
известной сплетницы Эратон, местной сехуты, как
в городе именовали мастерицу-швею. Но это-то
как раз было в порядке вещей — какая из житель-
ниц Хадана обходила эту лавку стороной!

Соня не стала исключением. Сехута Эратон,
сорокалетняя красotka с пышными формами и еще
более пышными черными волосами без единого
седого волоса, вся обвешанная украшениями из
стекла и фальшивого золота, обладала, тем не ме-
нее, довольно изысканным вкусом — в том, что ка-
салось чужой одежды. Здесь ей не было равных.
Она знала, что носят модницы в Офире и в Ак-
вилонии, была в курсе дворцовых сплетен Ианты
и Султанапура. А если кое-что перевирала или до-
сочиняла от себя — что ж, никто в маленьком по-
граничном стигийском городке не мог проверить,
насколько сехута Эратон уклоняется от истины.

Через несколько дней после исчезновения де-
вицы из «Трех тритонов», известной всему горо-
ду ласковой хохотушки Кумби, Рыжая Соня вошла
в лавку сехуты Эратон. Та уже охрипла от беско-
нечных разговоров на эту волнующую весь го-
род тему.

— Вы слышали? — затараторила сехута Эра-
тон, наваливаясь своим пышным бюстом на при-

лавок, где были разложены шелковые и бархатные ткани.

— О чем, сехута Эратон? — осведомилась Соня. — Много слухов бродит сейчас по Хадану.

— Милосердный Сет! Да об исчезновении этой бедняжки, Кумби! Конечно, она была вольная девушка, могла пойти к любому мужчине за здорово живешь — а что поделатъ, если ни отца, ни матери у сиротки не было, а мужа себе она еще не завела? Да и кто ее возьмет замуж, при такой-то жизни...

Сехута Эратон была вдовой и никогда не упускала случая подчеркнуть свою добродетельность.

— Да, Кумби, конечно, могла пойти куда угодно, — задумчиво согласилась Соня. — Только вот сомнительно, чтобы она куда-то пошла. Насколько я знаю, несчастная девочка была влюблена в нашего сетмона, высокородного Бракну. А тот не обращал на нее ни малейшего внимания.

— Естественно! — сехута Эратон фыркнула. — Станет такой благородный воин снисходить до какой-то замарашки.

— Дело не в том, что Кумби замарашка. Да и не замарашка она вовсе, — добавила Соня, желая быть справедливой. — По-своему она была очень опрятной и хорошенькой.

— *Была?* — Чуткий слух сехуты Эратон выделил это слово.

— Да. — Соня чуть помолчала и твердо добавила: — Я уверена, что девушки нет в живых.

— Откуда такая уверенность? — жадно спросила сехута Эратон.

Соня пожала плечами.

— Пока что я не могу этого доказать. Насколько мне известно, ни один из пропавших людей не вернулся назад.

— Пропавшие люди? — Сехута Эратон впитывала каждое слово Соня с такой алчностью, с какой поглощает влагу иссохшаяся, изголодавшаяся по дождю земля.

— Да. Я достоверно знаю о том, что люди начали исчезать на юге, в дарфарских племенах, живущих в Черных Королевствах.

Сехута Эратон сморщила нос.

— Кому какое дело до черных! Уж не нам с вами, согласитесь!

— Нам не было до них дела до тех пор, пока беда не перебралась через хаданские стены, — возразила Соня. — Я пришла с юга, где только и говорили об исчезновении людей.

— Ну и ну! — Сехута Эратон покачала головой. Тяжелые серьги в ее ушах заколыхались, грозя порвать мочки. — А почему, скажите мне, Бракна, по-вашему, пренебрег Кумби?

— Да просто потому, что он вообще пренебрегает женщинами. У сетмона много странностей...

— И не говорите! — подхватила сехута Эратон. — Недавно он заказал у меня плащ с капюшоном и богатой серебряной отделкой.

Соня насторожилась, как собака, почуявшая дичь.

— Плащ? Для себя?

— Думаю, нет. Мерки не его. Он не дал себя обмерять, просто назвал размеры, но у меня-то глаз наметанный, я-то вижу, что мерки не его!

— Какого покроя плащ? Мужской или женский?

— Такой плащ ни девушке, ни даже молодому воину надеть не зазорно, — гордо объявила сехута Эратон. — Могу показать. Он не забрал еще своего заказа.

Соня, прикусив губу, только кивнула. Сехута Эратон с торжеством вынесла плащ — великолепное изделие ее умелых рук. Темно-серый, обшитый серебряной бахромой и расшитый мелкими серебряными цветами с крошечными жемчужинами, обозначавшими середину цветка, этот плащ был настоящим произведением искусства.

Соня коснулась рукой великолепного шитья.

— Вы настоящая мастерица, сехута Эратон, — искренне сказала Соня. — Эта вещь — лучшее из того, что могло выйти из-под иглы любой хаданской швеи.

— Благодарю. — Сехута Эратон поглядела на Соню лукаво. — Ну а вы зачем ко мне пожаловали? Поболтать... или заказать новую одежду? Старая ваша, простите уж откровенность пожилой вдовицы, пообносилась...

Соня положила перед сехутой Эратон кошелек с серебряными монетами — половину своего жалованья.

— Сшейте мне похожий плащ, сехута Эратон. Не обязательно такой роскошный. Лишь бы был похож, хотя бы издали.

— Без жемчуга, стало быть, — пробормотала сехута Эратон, пересчитывая деньги. — Шитья поменьше... Бахрому, уж простите, попроще...

А ткань такая же. У меня остались обрезки. Я их сошью вместе и в лучшем виде построим вам плащ. — Тут сехута Эратон вскинула на Соню свои большие черные глаза. — А для чего вам такой же плащ, как у сетмона Бракны, скажите на милость?

Соня таинственно улыбнулась и подмигнула сехуте Эратон.

Сехуту Эратон такой ответ вполне удовлетворил.

* * *

После исчезновения Кумби в бастете «Три тритона» сделалось скучновато. Это заметила даже Соня, хотя она жила в Хадане совсем недолго. Коренастый Азуги откровенно скучал без служанки.

— Ты даже не представляешь себе, какая она была чудесная, — говорил он Соне вечером, когда они приговаривали кувшинчик кислого вина, сидя за столиком в углу. — Бывало, насмотришься на все эти рожи, прикончишь одного-двух чернокожих, шляющихся под нашей стеной с непонятными намерениями... А вечером придешь сюда, увидишь ее тодстую попку, ее пухлые ручки с ямочками у локтей — и как-то отпускает. Легче на душе делается. А ты действительно думаешь, что мы не найдем Кумби?

— В самом лучшем случае мы отыщем ее тело, — твердо сказала Соня. — Я убеждена в этом.

— Эх, жизни! — вздохнул солдат и одним глотком опрокинул в себя кружку вина. — И откуда ты все знаешь, Соня? Кто ты такая?

— Наемник,— ответила Соня.— Я уже долго брожу по свету.

— А семья-то у тебя есть? — Подвыпив, Азуги неожиданно сделался сентиментальным. Такое сплошь и рядом происходит с самыми, казалось бы, черствыми солдафонами.

— Нет,— кратко отозвалась Соня.— И не будем об этом больше.

— Сирота, значит...— протянул Азуги и погладил ее по руке.— Вот и наша Кумби была сироткой...

— Вытри сопли, солдат, и слушай, что я тебе скажу.— Голос Сони неожиданно зазвучал твердо, в нем зазвенел металл.— Какая-то большая беда надвигается на нас с юга. Там уже год как пропадают люди. Бесследно.

— Люди? — Азуги пренебрежительно сплюнул.— Дарфарцы!

— Какая разница! Пусть это черные — они пропадают! А теперь зло добралось и до Хадана.

— Что ты предлагаешь?

— Нам нужно пробраться в Черные Королевства и найти там хаманов, сведущих в...

Азуги поперхнулся вином и закашлялся. Он кашлял долго, весь побагровел и едва не задохнулся. Наконец он сказал:

— Ты уморишь меня, Соня! Я погибну во цвете лет, если буду слушать тебя и дальше! Что ты несешь, несчастная? Какого хамана? Какие Черные Королевства? Проклятые черномазые продырявят нас своими отравленными копьями, как только завидят нас в своих джунглях! Ты этого добиваешься?

— Я прошла Черные Королевства и, как видишь, ничего дурного со мной не случилось,— заметила Соня.

— Ну...— Азуги смерил ее недоверчивым взглядом.— Ты женщина... Мало ли как ты сумела их умаслить...

— Заткнись.— Соня хмыкнула.— Никак я их не умасливала. Просто прошла — и все. Там живут такие же люди, как и мы.

— А набеги? Видела бы ты, какую резню они устраивают, когда им удастся взобраться на нашу стену!

— Согласна. Но ведь кровь и война опьяняют не только черных.

— Послушай, Соня, я знаю, что говорю. Ими словно демоны овладевают, когда они штурмуют Хадан или Сухмет... Их набеги — настоящее стихийное бедствие, вот что я тебе скажу.

Соня помолчала. Она знала, что Азуги прав — грабительские войны стали вестись в мире с особенной изощренной жестокостью. Что это — знак богов о том, что близится конец? Конец чего? Цивилизации? Неужели так же было в мире перед гибелью Атлантиды?

Соня тряхнула головой. Не о том сейчас речь. Ей необходимо убедить Азуги.

— Мы пойдем туда, отыщем хамана... Есть один человек по имени Махарим, он владеет сейчас мудростью своего племени...

— Махарим? Ты что, знакома с черными? — Азуги угрожающе сдвинул брови.— Может, ты шпионишь в их пользу?

— Великие боги! Да когда же ты научишься слушать! — Соня уже теряла терпение. — Этот Махарим приходил в Хадан под покровом ночи.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. — Соня помолчала, словно размышляя, стоит ли посвящать Азуги в столь важную тайну, и наконец решила: — Я сама посоветовала ему прийти сюда и предупредить город.

— Как вы познакомились? — Азуги надвинулся на Соню, угрожающе повел широкими тяжелыми плечами. — Смотри, Соня... Ты чужестранка, тебе веры нет...

— Я шла через джунгли, направляясь в Стигию, — неторопливо заговорила Соня. — Путь мой лежал по девственным лесам. Времени у меня было много, я никуда не спешила. Жара удручала меня, но я находила облегчение, умываясь в прозрачных озерах и ручьях, которые текут по тем землям. Мне слишком многое следовало обдумать, а среди людей, в толпе, в скоплении народа, — тут лицо Сони передернула гримаска отвращения, — думаешь только об одном: не украл бы кто-нибудь твой кошелек.

— Это верно, — фыркнул Азуги. — Хотя я бы не смог размышлять ни над чем серьезным и в джунглях. Там слишком жарко... И слишком много черномазых.

— Да ты нигде не смог бы думать ни о чем серьезном! — поддела солдата Соня.

Вместо ответа он скорчил рожу и налил себе еще вина.

Соня продолжала:

— Неожиданно я услышала стоны. Конечно, это могла быть и ловушка, но... Я пошла на звук — посмотреть, кто стонет в густом кустарнике. Там лежал раненый человек. Он истекал кровью.

— Черный? — презрительно осведомился Азуги.

— Разумеется, — вздохнула Соня. — Он был довольно молод и силен. Это и спасло его. У меня с собой были кое-какие травы, неизвестные на юге, но которые могли помочь при любых ранах. Я везла их с собой еще из Турана.

— А, так ты и в Туране была! — Азуги прищурился.

— Где я только ни была... — вздохнула Соня. — Но это к делу не относится. У чернокожего было порвано горло. В буквальном смысле слова порвано — какой-то огромный зверь разорвал его своими страшными когтями. Несколько дней я не отходила от раненого. К моему величайшему удивлению, он начал поправляться. И когда лихорадка отпустила его и появилась надежда на полное выздоровление моего подопечного, он неожиданно заговорил со мной.

«Благодарю тебя, прекрасная огненноволосая женщина», — сказал он.

Это прозвучало так внезапно, что я вздрогнула. Все предыдущее время он молчал, только стонал негромко, если боль становилась невыносимой.

«Как тебя зовут?» — спросила я.

Он назвал свое имя — Махарим. Затем добавил:

«Я должен сообщить тебе нечто важное. Знай, женщина, в этих краях стали исчезать люди. Наш верховный хаман, наш Мудрейший, пытался предупредить нас о какой-то страшной опасности, но чужая магия оказалась сильнее — она опередила речи верховного хамана и убила его прежде, чем он назвал опасность по имени и указал ее жилище. Если ты идешь в Стигию, останься на границе — проследи, не хлынет ли беда через границу. Останови бедствие. Мне кажется, просыпается что-то древнее, несущее гибель человечеству...»

Проговорив все это, он закрыл глаза. Слишком долгая речь взволновала и утомила его.

— И ты поверила черномазому? — презрительно осведомился Азуги.

— Я спасла ему жизнь, — возразила Соня. — Не думаю, чтобы он лгал мне в такую минуту.

Азуги пожал плечами.

— Допустим. И что с того?

— Махарим оказался прав. Я уверена, что он был в Хадане и разговаривал с нашими командирами.

Азуги даже привстал.

— Ты хочешь сказать, Трарза и Бракна... обо всем знают?

Помолчав, Соня сказала:

— Махарим очень умен. У меня было время убедиться в этом. Скорее всего, он разговаривал только с Трарзой.

Азуги пожевал губами, обдумывая Сонины слова.

— А знаешь, Соня, ты, пожалуй, права. В сетмоне Бракне есть что-то скользкое.

Повисла пауза. Потом Соня сказала, словно бросаясь в холодную воду:

— Я почти уверена в том, что Бракна причастен к похищению Кумби. И попомни мое слово, Азуги: скоро в Хадане пропадет еще кто-нибудь.

Владыка Аухар, мертвый король, набирался сил с каждым днем. Все больше мяса нарастало на его высохшие кости. Бледно-желтые глаза жадно сверкали в орбитах черепа. Золотые кольца с крупными рубинами и изумрудами украшали его длинные пальцы, на которых была одна лишняя фаланга.

Но время еще не пришло. Король-скелет продолжал скрываться в пещере, проводя время на своем резном костяном троне.

— Кто явился? — крикнул один из воинов, слышав тихие робкие шаги на пороге пещеры.

Голос воина-нелюдя гулким эхом раскатился по пещере, отозвавшись еще несколько раз.

Шаги замерли. Потом кто-то проговорил:

— Я — потомок древней расы! Я пришел поклониться моему королю! Я хочу быть с моими соплеменниками, а не с жалким племенем людей!

— Иди прямо, не касаясь стен, — велел воин. — Ты предстанешь перед владыкой Аухаром. Он решит, как поступить с тобой.

С этими словами страж ударил в пол пещеры тупым концом копья.

Повинуясь распоряжению, посетитель осторожно двинулся вперед. Он выверял каждый свой шаг, памятуя о том, что в пещере могут таиться неведомые опасности.

Владыка Аухар ждал, опустив костлявый подбородок на сплетенные пальцы.

Наконец в пещерном зале, где находился трон, показался человек, одетый с подчеркнутой роскошью. Он остановился в десяти шагах от трона, после чего опустился на колени и протянул стражнику какой-то сверток.

— Передай это моему владыке в знак величайшего почтения и преклонения! — проговорил пришелец.

Стражник взял сверток и осторожно развернул его. Перед глазами Аухара заструился прекрасный серый шелк, расшитый серебром и жемчугом.

— Пусть этот плащ облекает твои плечи, великий король! — воскликнул коленопреклоненный человек. — Лучшего я не смог для тебя раздобыть.

— Прекрасная вещь! — не удержавшись, похвалил Аухар. — Ты сумел угодить мне, человек.

— Не называй меня «человеком», великий владыка! — взмолился посетитель и коснулся лбом пола пещеры. — Я не чувствую себя больше принадлежащим к жалкому людскому племени! Та капля истинной крови, которая оставлена в моих жилах благодетелями моими, предками, восстает против всего человеческого, что во мне оставалось до последнего времени!

— Хорошо. Встань, полукровка, — милостиво распорядился властелин оживающей мертвой расы. — Как твоё имя?

Поднявшись, посетитель склонил голову.

— Бракна, владыка.

— Чем ты занимаешься среди людей, полукровка?

— Я служу в хаданском гарнизоне.

Король перевел вопрошающий взгляд на стражника. Тот пояснил, сохраняя бесстрастный вид:

— Хадан — крепость на границе Стигии. Оттуда была недавно взята та девушка, которая пошла на пользу моему повелителю.

— А! — Властелин мертвецов облизнулся при одном воспоминании о несчастной служанке Кумби. — Да, я помню. Что ж, этот полукровка... — Он щелкнул пальцами, и Бракна услужливо подсказал:

— Мое имя Бракна, мой повелитель.

— Да, Бракна. Ты оказал мне неплохую услугу, полукровка. Я и впредь намерен пользоваться твоей помощью. Я принимаю твой дар с удовольствием. Можешь поцеловать мою ногу.

С этими словами он слегка выдвинул вперед ногу в пурпурном сапоге. Бракна опустился на одно колено и приложился губами к этому сапогу.

— Отлично. Итак, Бракна, ступай обратно в гарнизон Хадана. Там ты будешь мне наиболее полезен. Когда наши войска подойдут к стенам, ты откроешь нам ворота. За это я сделаю тебя полководцем и дам тебе в подчинение настоящих воинов моей расы — с чистой кровью в жилах, не разбавленной жидкой кровью жалких людей...

— Эта честь слишком велика для меня,— прошептал Бракна.— О, повелитель! Как ты щедр! Как велик! Я сделаю все, что ты приказываешь.

С этими словами он еще раз поклонился, прижимая руки к сердцу, и почти выбежал из пещеры.

* * *

Трарза читал с очень большим трудом. Для такого бесполезного занятия, как чтение, у него никогда не было времени. Вся жизнь старого служака была заполнена бесконечными воинскими заботами. Донесения, как правило, ему приносили устные.

Поэтому сейчас, когда верткий мальчишка из бастета «Три тритона» — тот самый рассылный, который был отправлен хозяином на поиски Кумби, оказавшиеся безрезультатными,— вручил ему свернутый в трубочку пергамент, нилит нахмурил брови и проворчал что-то насчет «издевательств» и «вздорных юнцов с их глупыми затеями». После чего, отбросив записку, потребовал у посланца, чтобы тот рассказал ему, в чем дело, в немногих словах.

— Недосуг мне разбирать эти каракули,— добавил нилит.— Кто тебя послал и почему?

— На первый вопрос ответ имеется,— бойко сообщил мальчуган.— Меня направила к уважаемому нилиту та рыжеволосая девица, что служит в гарнизоне наемницей. Славная девушка, кстати! Всегда найдется у нее доброе слово для бедного сироты.

— Бедный сирота — это ты? — хмыкнул нилит.— Второго такого наглеца свет не видывал, скажу я тебе!

Мальчик скривил жалобную рожицу, явно выпрашивая медную монетку за услуги. Однако Трарза не сомневался в том, что рыжеволосая уже оплатила услуги посыльного, и потому не спешил раскошелиться.

— Итак, тебя послала ко мне Рыжая Соня. Хорошо. Что она велела передать?

— Вот эту записку.

— Я вижу, что это записка! Что в ней сказано? Мальчик пожал плечами.

— Я ведь не умею читать, нилит,— резонно заметил он.— А на словах она ничего не говорила. Когда писала, то оглядывалась, словно опасалась, не следит ли за ней кто-нибудь.

— Ну ладно,— сдался нилит.— Ступай. Сам как-нибудь разберусь.

Мальчик убежал, разочарованный: еще одна медная монетка так и осталась для него предметом грез. А Трарза со вздохом обреченности взялся за записку Рыжей Сони.

Долгое единоборство старого вояки с письменным текстом завершилось победой человека. Трарза одолел записку. А ознакомившись с ее содержанием — по правде сказать, весьма лаконичным,— сурово нахмурил свои густые брови.

Так-так. Дело оборачивалось совсем нехорошо. Настолько нехорошо, что хоть из города беги.

Однако позорное бегство от трудностей было не в характере Трарзы. Теперь, когда была за-

дета его честь, он понял: если судьба обрекает его на гибель, он предпочитает погибнуть в Хадане.

Соня писала о том, что знакома с человеком по имени Махарим. Она надеется, что этот Махарим уже побывал в Хадане и переговорил с Трарзой. Сведения, сообщенные Махаримом, являются достоверными — она, Соня, берется подтвердить это. Кроме того, Соня настоятельно не рекомендует нилиту Трарзе быть откровенным с сетмоном Бракной. У Сони есть веские основания предполагать, что названный Бракна имеет прямое отношение к исчезновению девушки Кумби. Соня считает, что это — не последнее злодеяние, которого следует ожидать от Бракны.

Иными словами, рыжеволосая чужестранка прямым текстом обвиняла высокородного Бракну в предательстве.

Хорошо же. Он, Трарза, поразмыслит надо всем этим.

* * *

— Ты не доверяешь мне, это естественно.— Соня, казалось, ничуть не удивлена была, когда нилит вызвал ее к себе и прямо-таки взорвался от гнева.

— Проклятье! Конечно, не доверяю! Клянусь всеми богами! Как можно доверять тебе? Чужеземка! Выскачка! Наемница! Да еще прямо признаешься в том, что вышла на Хадан из джунглей Черных Королевств! Что среди чер-

номазных у тебя остались друзья! — Трарза кипел от негодования.

— Тише, тише. Нас могут услышать.— Соня не теряла самообладания.— Ты неправ, нилит. Я берусь доказать тебе, что мои подозрения — отнюдь не пустой звук.

— Не верю.— Плечи нилита опустились, словно сгибаясь под невыносимой тяжестью.— Боги мои! Да как ты можешь что-то доказать?

— И тем не менее. Ты готов поверить мне?

— Я готов поверить самому демону преисподней! Вы все окончательно задурили мне голову. Раньше все было просто: прибегал гонец со стрелой в боку, сообщал, что черные близко. Затем начинался щтурм Хадана. Мы отбивали его... или не отбивали. Враги врываются на улицы, начиналась рукопашная. Потом черные уходили, а мы зализывали раны и ждали нового приступа. А теперь? Сплошные тайны! И принесла сюда всю эту пакость — ты! — Палец нилита обвиняюще устался на Соню.

Она передернула плечами.

— Тайна пришла бы в Хадан и без меня. А я пытаюсь ее распутать прежде, чем она уничтожит и тебя, и твой городишко.

— Зачем тебе это? — Нилит надвинулся на Соню, навалился грудью на край стола.— Объясни мне, чужестранка, зачем тебе все это? Какое тебе дело до Хадана Стигийского, если ты родилась, как говоришь, в Туране?

— У меня свои цели. То, что я ищу, имеет какое-то отношение к происходящему здесь... или не имеет. Я еще не разобралась.

Нилит прищурился.

— Уж не магией ли ты занимаешься, Соня?

Она еле заметно улыбнулась.

— И магией, вероятно, тоже... Но я не колдунья. Оставим это. Послушай, что я тебе скажу, нилит. Я уверена в том, что твой сетмон Бракна — предатель. При первой же возможности он откроет ворота нашему врагу.

— Черномазым? — Трарза не верил собственным ушам. — Попридержи язык, рыжая! Что ты несешь! Зачем это сетмону Бракне впускать в город дарфарцев? После моей отставки — а она уже не за горами, ибо возраст мой уже превысил пятьдесят зим! — Бракна получит хаданский гарнизон...

Соня насмешливо фыркнула.

— Понимаю. Для тебя командовать хаданским гарнизоном — верх того, о чем может мечтать человек. Увы! Для Бракны это всего лишь мелкая ступенька на пути к большому успеху.

— Но дарфарцы...

Соня посмотрела нилиту прямо в глаза.

— А кто тебе сказал, что твои враги — чернокожие?

Воцарилось молчание. Затем Трарза хлопнул ладонями по столу и оглушительно расхохотался.

— А кто же еще, по-твоему? Соня! Ты окончательно потеряла голову! Не знаю уж, чем обидел тебя сетмон, но подумай сама: несколько десятилетий черные орды, обезумев от жажды крови, штурмуют наши стены — и вдруг ты говоришь

мне, что наши враги — не они! А кто, кто? Ты можешь мне ответить?

— Древняя раса, — спокойно выговорила Соня. — Я читала о них в книгах... Считалось, что они давно вымерли. Однако обитали они здесь, на юге Стигии. И здесь должна находиться усыпальница их короля...

— Да вы что сговорились с этим твоим черномазым приятелем? Древняя раса — это надо же придумать такое! — Трарза так широко раскрыл глаза, что они, казалось, грозили вот-вот вывалиться из орбит. — О чем ты говоришь, девочка! Никаких древних рас нет на свете. Есть люди. Есть черномазые, наши кровные враги. Есть дикие звери. А больше никого. Никаких древних. Ты никогда не заставишь меня в это поверить!

— Бракна — не человек, — спокойно сказала Соня, которая невозмутимо пропустила гневную тираду Трарзы мимо ушей. — Он — потомок древней расы нелюдей. Бракна уже ощутил пробуждение своего мертвого владыки в его усыпальнице и почти наверняка успел нанести ему визит в знак величайшего почтения и поклонения. Когда ожившее древнее зло двинется на штурм Хадана, все нашествия черных орд покажутся вам праздничной прогулкой. Для чудищ люди — всего лишь пища, можешь мне поверить.

— Чем ты докажешь все свои обвинения? — медленно спросил Трарза.

— Докажу. Ведь здесь был Махарим?

— Да.

— Беседовал ли он только с тобой? Или же встречался и с Бракной?

— Думаю, только со мной.

Властный тон Сони сделал свое дело — нилит сам не заметил, как начал отвечать на все ее вопросы.

— А ты не говорил ли чего-нибудь Бракне?

— Нет, — уверенно ответил нилит. — За это поручусь. Все, что наговорил мне Махарим, осталось между мной и Махаримом.

— Отлично. — Соня вздохнула с облегчением.

— Ты обещала мне доказать, что Бракна как-то причастен к пробуждению властелина древней расы, — напомнил нилит, все еще недоверчиво.

— Он украл девушку, Кумби.

— Доказательства! — рявкнул нилит. — Я не поверю голословным обвинениям.

— Подумай сам. Я так полагаю, дело обстояло очень просто. Чтобы угодить мертвому властелину, который питает свое тело человеческой плотью, а душу — человеческим страхом и болью, Бракна похитил Кумби. Больше нам уже никогда не увидеть эту бедняжку...

— Так, так. — Нилит сощурился. — Но чем ты докажешь, что это его рук дело?

— Кумби была похищена ночью. Утром ее уже не было в городе. Следовательно, кто-то вынес ее из города ночью.

— Очевидно, — согласился нилит.

— Именно. — Соня торжествующе улыбнулась. — А как, по-твоему, похититель мог вынести ее за пределы города, если ночью ворота зак-

рыты? Это мог сделать только человек, хорошо знающий систему охраны ворот. Человек, чье появление у ворот не вызовет никакого подозрения.

— Все это, конечно, весьма любопытно. Но что же дальше?

— С Бракной была девушка. Он наверняка закутал ее в плащ, изобразил, будто ведет куда-то пьяного приятеля — Кумби, я думаю, была оглушена или находилась под действием какого-то зелья. Стража ничего не заподозрила.

Соня закончила говорить и уставилась на нилита. Тот опустил глаза. Было видно, что в душе Трарзы идет жестокая внутренняя борьба.

Наконец он поднял голову.

— Мало, — заявил он. — Твои доказательства — всего лишь предположения. На основании таких предположений я не могу подозревать своего сетмона в предательстве.

— А его внешность? Довольно странная для стигийца, ты не находишь? — Соня начала горячиться. — И почему он скрывает свои уши?

— Уши — личное дело каждого, — отрезал Трарза. — Я не могу подозревать сетмона на основании формы его ушей.

— Хорошо. Ты прав, — согласилась неожиданно Соня. — Но я предлагаю тебе вот что. Завтра я выйду на дежурство вот в этом сером плаще. — Она вынула из-за пазухи сверток и развернула его перед нилитом.

Нилит провел пальцами по шелковистой ткани, потеревил серебряную бахрому.

— Работа сехуты Эратон,— определил он безошибочно.

Соня улыбнулась.

— Конечно. Я знаю, что похожую вещь заказал сетмон Бракна. Об этом говорила сама сехута Эратон. Я уверена, что свой плащ Бракна заказывал для властелина из таинственной пещеры-усыпальницы. Это роскошная, очень дорогая вещь. Бракна получил свой заказ несколько дней назад, однако не спешит его надеть. Приди в караульное помещение, где я буду в своем новом плаще, вместе с Бракной и внимательно наблюдай за ним. Если он переменится в лице — значит, мои подозрения оправданы. Бракна связан с нелюдьми и с пробуждающимся древним злом, которое сейчас вот-вот двинется штурмом на все человечество... И первым на пути мертвого владыки окажется Хадан!

Нилит поразмыслил некоторое время. Затем хлопнул ладонью по столу.

— Хорошо. Будь по-твоему. Однако не думаешь ли ты, что таким образом ты выдаешь себя Бракне? Он поймет, что тебе все известно о его замыслах, и попытается тебя убить.

— Об этом я уже позаботилась,— улыбнулась Рыжая Соня.— Если мои подозрения оправдаются, то в тот же день я исчезну из города.

Ничтожества! Жалкие людишки! Ничтожные порождения младшей расы! Какая чудовищная несправедливость таится в том, что год за го-

дом, век за веком великая раса становилась все более малочисленной, вырождалась, страдала от болезней и в конце концов вымерла; в то время как жалкие человечки заполнили собой весь мир.

Бракна знал теперь, как называется его народ. Истинный народ, к которому он всегда принадлежал — и душой и телом.

Лемурийцы!

Это имя давно исчезло из памяти человечества. Маги стерли его из своих книг, а потом люди уничтожили и магов. Только черные хаманы пытались иногда проникнуть в тайну лемурийцев, давно спящих в своих пещерных усыпальницах, давно стертых — как ошибочно полагали людишки! — с лица земли. Но слабый рассудок хаманов не всегда он расслышать великое имя, погребенное под завалами Времени.

Лемурийцы! Великий древний народ! Дочеловеческая раса, которой по праву должен принадлежать весь мир!..

Ярость душила Бракну. Ничего, скоро его одиночеству придет конец. С самого детства он был невероятно одинок. Это одиночество казалось роковым, непреодолимым. Он родился не таким, как его братья и сестры. У него были круглые глаза и маленькие круглые нечеловеческие уши. Мать приучила мальчика стыдиться своей внешности. В семье его дразнили уродом или, того хуже, вырождением. Бракна стал носить длинные пышные волосы, скрывающие форму его ушной раковины, приучился шурить круглые глаза.

Ночами, особенно в полнолуние, он чувствовал странный зов. Когда этот зов становился особенно громким, он выходил из дома и часами бродил по пустынным ночным улицам. За эти ночные прогулки в семье жестоко бранили его.

Бракна не знал, хотя и догадывался, что после его рождения между отцом и матерью пролегла какая-то трещина. Отец ездил в Луксур и Птейон, спрашивал в храмах древние книги, где были записаны родословные самых именитых родов Стигии. Он искал корни своего происхождения. Вопросы о неверности матери отцу даже не стояло — мать Бракны, кроткая, смиренная женщина никогда и не помышляла ни о ком, кроме отца.

Из Птейона отец вернулся опечаленным. Он явно что-то выяснил. С тех пор Бракну больше не бранили. Мать жалела своего сынка, братья и сестры продолжали над ним издеваться.

Постепенно все сестры Бракны были выданы замуж подальше от Хадана — в самом Хадане никто не взял бы их в жены из страха перед Бракной. Кому нужно потомство с круглыми глазами? Многие были уверены, что это — признак вырождения. Известно ведь, что древние аристократические роды часто вырождаются, поскольку именно в этих семьях распространены браки между родными братьями и сестрами.

Двух своих родных братьев Бракна уничтожил уже после смерти родителей. Одного он загрыз, когда тот спал, а затем отнес окровавленное тело

в джунгли и представил дело так, словно юноша погиб от клыков дикого зверя.

Убийство сошло Бракне с рук.

Тогда он уничтожил и старшего брата. Ему он попросту перерезал горло, а тело сбросил на большой дороге.

Теперь Бракна был избавлен от всех своих родных. Он ездил в Птейон и читал те самые книги, что за двадцать лет до того читал его несчастный отец. Здесь и стала ему очевидна великая и страшная истина: в крови Бракны есть капля лемурийской крови. Та самая, что проявлялась лишь в одном потомке рода на десять поколений. Ни в ком из братьев и сестер сетмона она не проявилась.

Бракна скривил губы в презрении. Жалкие людишки! Но он, Бракна, — лемуриец.

Лемуриец.

И хотя бессмертный владыка называет его полукровкой, у Бракны душа лемурийца — и скоро придет тот благословенный день, когда Бракне выпадет счастье доказать это!

* * *

Увидев Рыжую Соню в плаще — более дешевой копии того роскошного одеяния, которое сехута Эратон изготовила для короля лемурийцев Аухара, — сетмон Бракна изменился в лице. Правда, всего лишь на миг бешенство исказило его обычно спокойные черты. Этого мига оказалось достаточно для Сони: она поняла, что ее догадка верна. Но для нилита Трар-

зы мгновенной гримасы недовольствия, мелькнувшей на лице сетмона, было явно недостаточно. Встретившись с Соней глазами, нилит пожал плечами.

Соня поняла, что отныне она может полагаться лишь на саму себя — и отчасти на своего приятеля Азуги.

Однако Бракна был далеко не так спокоен, как это могло бы показаться на первый взгляд. На самом деле он кипел от бешенства. Сонины игры не остались для него незамеченной: он прекрасно понял, что тайна его происхождения для Рыжей Сони больше не тайна.

Тем не менее он ничем больше себя не выдал. Дождавшись вечера, Бракна отправился прямо к сехуте Эратон.

Та уже закрывала модную лавку, предвкушая ужин в обществе своей чернокожей рабыни, такой же болтливой, как ее хозяйка.

Однако чья-то тень, выросшая на пороге лавки, заставила сехуту Эратон повременить с закрытием.

— Добрый вечер, — затараторила она привычно. — Хоть час и поздний да и я устала, что и говорить, после целого дня работы, а любому посетителю буду рада. Обслужу, присоветую, что и как, подберу наилучшие ткани. Что угодно заказать? Сейчас в Офире шьют так, чтоб талия узкая-узкая, и у мужчин, и у женщин, а ведь всего три года назад офирская мода была — во! — Она показала на себе руками, обхватив свою объемную талию. — В три обхвата!

Тут сехута Эратон спохватилась: поздний гость стоял совершенно неподвижно и безмолвствовал. Стараясь скрыть смущение, хозяйка лавки добавила:

— Да что это я болтаю! Для чего я тут поставлена? Разве болтать? Что угодно сехуту?

Бракна молча шагнул вперед. Круглые глаза на его лице, постепенно становившемся нечеловеческим, медленно загорались дьявольским желтым огнем.

— Так это сетмон Бракна! — всплеснула руками сехута Эратон. — И как это я вас не узнала? Глянулся ли плащ с жемчугами той милашке, для которой вы его заказывали?

Тишина, повисшая после этой реплики, показала сехуте Эратон тревожной. Впервые она ощутила нечто вроде испуга. Тихонько ойкнув, женщина попятилась.

Бракна безмолвно надвинулся на нее.

— Прошу простить, милостивый сетмон... — пролепетала сехута Эратон. — Женский язык, сами знаете, без костей... Болтаю, что на ум взбредет...

Бракна замер, задумчиво глядя на нее, приседающую от испуга. Вот они, хозяева нынешнего мира, — люди! Трусливые, грязные, с отвратительными маленькими глазками, с огромными ушами, с мерзкими голыми телами! У них короткопалые руки, неуклюжие и неловкие по сравнению с длинными, изящными руками лемурийцев. Боги, боги! За что вы отдали этот мир во владение ничтожной человеческой расы?

— О, сетмон...— еле слышно пискнула сехута Эратон.

Бракна наконец удостоил ее ответа.

— Ты, старая потаскуха! Ты болтала! Ты показывала мой заказ этой рыжей стерве!

— Какой заказ? Какая стерва? Сетмон что-то путает!

Человеческая природа — наверное в последний раз! — взяла верх в гордом лемурийце Бракне. Он опустил до пререкательств с этой жалкой женщиной.

— Я заказывал у тебя плащ, ты, шлюха! Серый плащ с бахромой и жемчугами!

— Да, было дело. Да разве уж я не расстаралась? Вышло в наилучшем виде!

— В наилучшем! Дура! Ты показала этот плащ рыжеволосой наемнице — чужестранке! Той, что явилась в Хадан неизвестно откуда и занимается здесь неизвестно чем!

— Очень даже известно! — осмелилась возразить сехута Эратон. — Соня — порядочная девушка. У нее несчастная, тяжелая жизнь, зато какой богатый опыт! Везде побывала. Ведь это она принесла весть о том, что в Ианте входят в моду рукава с прорезями — вот здесь и тут тоже...— Сехута Эратон, увлекшись, принялась показывать, где в моде прорези на рукавах.

Губы Бракны в отвращении кривились.

— Замолчи! — рявкнул он наконец. — Ты поняла, о чем я говорил? Ты показала Соне плащ!

— Ну да, ну да!

— Вот за это ты и умрешь! Поняла?

— Я не понимаю...— прошептала сехута Эратон. Огромные слезы потекли из ее больших глаз навывкате. — За что вы хотите убить меня?

Бракна не ответил. Хватит! Довольно он терял времени на разговоры с этими ничтожествами.

Тихо, по-звериному торжествуя зарывав, он обнажил зубы и набросился на сехуту Эратон, заранее предвкушая, как пронзит клыками ее пухлую белую шею.

* * *

— Нилит! — Рыжая Соня вошла в дом, где жил Трарза, и поклонилась.

Служака, еще почивавший, сердито забарахтался в постели.

— Что такое? Кто допустил? Мисим! Мисим!

Мисим был слугой нилита. Это был старый человек со следами рабских кандалов на руках и ногах. Трарза купил его много лет назад на невольничьем рынке в Птейоне и через год освободил, однако Мисим так и остался при нилите.

Появившись в спальне, Мисим в отчаянии всплеснул руками.

— Госпожа! Госпожа! Да разве такое возможно! Да разве такое прилично! И что вам, госпожа, в такой-то ранний час не спится! Как можно, в самом деле, беспокоить нилита в такой час?

— Можно. — Соня решительно отстранила слугу и приблизилась к Трарзе. — Не брани слугу. Я вошла в окно кухни. Он еще спал и не мог слышать, как я пробираюсь по дому.

— А у тебя опыт в подобных делах, не так ли? — Нилит проникательно прищурился.

Соня хмыкнула.

— Не стану отрицать. Я пришла сказать тебе, что через несколько минут меня уже не будет в Хадане. Я ухожу. Если ты позволишь, я заберу с собой Азуги.

— Азуги? Да ты с ума сошла!

— Ничуть. Мне нужен еще один верный человек. Но если ты не позволишь, то я уйду одна.

— Да что случилось за эту ночь? Говори толком! — рассердился Трарза.

— Я была права насчет Бракны. Он больше не человек. Он служит этим нелюдям из пещеры, считает себя одним из них. После того, как я показала ему плащ — по сути, открыто показала, что подозреваю его в том, что он один из этих чудовищ! — он отправился напрямик к сехуте Эратон и загрыз несчастную.

Трарза так и подскочил, уронив на пол одеяло.

— Что? Что он с ней сделал?

— Он загрыз ее, нилит. Зубами. Как дикий зверь. Говорю тебе, этот, с позволения сказать, Высокородный, потомок старинного рода, больше не человек. Самое правильное было бы уничтожить его, как уничтожают бешеных собак. Вот мой прощальный совет.

Нилит покачал головой.

— День ото дня не легче... Боги мои! И это именно теперь, когда я становлюсь старым и мечтаю только об одном: уйти на покой...

— Покой придет к тебе навсегда, если ты оставишь Бракну в живых. Только перед тем, как обрести успокоение в смерти, ты испытаешь самые страшные муки, которые только способна изобрести извращенная фантазия нелюдя, выродка — называй его как хочешь, — предостерегла старика Соня. — Прощай, Трарза. Ты предупрежден. Я ухожу в джунгли.

С этими словами она повернулась и выбежала из дома нилита.

* * *

Слишком много забот одолело Трарзу после этого разговора, чтобы дерзкая рыжеволосая чужестранка часто всплывала в его памяти. И тем не менее нет-нет да задумывался Трарза над ее прощальными словами. Вдруг Соня права? Вдруг ее сумасшедшие подозрения имеют под собой какие-то веские основания?

Исподтишка Трарза наблюдал за сетмоном Бракной. Но тот, как обычно, холодный и сдержанный, нес свою службу и не совершал ничего подозрительного. И постепенно Трарза успокаивался. Нет, у рыжеволосой явно не все дома.

А сама Рыжая Соня исчезла бесследно. Вместе с ней дезертировал и скрылся Азуги — ее приятель-стрелок. Об обоих с того самого дня, как они исчезли, не было ни слуху ни духу. Трарза даже не стал строить предположений по поводу этой странной парочки. Сбежали — и сбежали. Должно быть, направились на север, к Птейону —

двум жуликам всегда есть чем поживиться в большом городе.

Сехута Эратон действительно погибла — ее тело было обнаружено за городской стеной. Совершенно очевидно, что сехута отправилась в джунгли за какими-то травами, содержащими в себе краситель (травы нашли при ней в особом мешочке) и подверглась нападению диких зверей.

Конечно, гибель столь популярной в городе сехуты многими была встречена как большое несчастье. Однако здесь все было вполне понятно, и никакими нелюдями смерть сехуты Эратон не пахла. Так что Соня перестаралась в своих подозрениях. К такому выводу пришел в конце концов Трарза.

И жизнь в маленьком городке потекла своим чередом...

* * *

— Ты уверена, что они не продырявят нас стрелами прежде, чем мы успеем с ними заговорить? — уже в который раз спрашивал Соню ее спутник Азуги.

— Я ни в чем не уверена, — отозвалась Соня и предупреждающе подняла руку. — Тише! Я слышу шаги.

Азуги остановился и замер. Но как он ни напрягал слух, не мог разобрать ни звука. Тем не менее его приятельница безошибочно указала рукой в сторону большого развесистого куста, покрытого плодами красного цвета.

— Он там, — уверенно проговорила Соня и сняла с плеча лук.

Куст зашевелился и оттуда действительно показался чернокожий воин. Его стройное обнаженное тело было разрисовано поперечными желтыми полосами, а на лице красовались красные и белые зигзаги.

— Ты из племен, поклоняющихся Буйволу? — обратилась к нему Соня.

Воин замер, держа наготове свое длинное, украшенное у наконечника пышными перьями копье. Соня широко улыбнулась и развела руками в знак того, что явилась с мирными намерениями.

— Мое имя Соня, — снова заговорила рыжеволосая воительница. — Если ты из племени Буйвола, то отведи нас к человеку по имени Махарим. Он должен знать, кто мы такие.

Вместо ответа воин поднял руку и испустил негромкий крик, явно подражая зову какой-то птицы. Тотчас же вся поляна была окружена такими же чернокожими воинами, носящими на теле знаки Буйвола и Леопарда.

— Что там теперь делать? — сквозь зубы пробормотал Азуги. — Похоже, они приняли нас за две ходячие мишени. Ох, Соня. С самого начала твоя затея казалась мне безумной.

— Зачем же тогда ты пошел со мной? — резонно поинтересовалась Соня.

— По глупости, — вздохнул Азуги.

— Не бойся, Азуги. — Соня ободряюще взяла своего спутника за руку.

Тот с негодованием высвободился.

— А кто боится-то? Я, что ли, боюсь? Никогда в жизни Азуги не страшился каких-то там черномазых...

— О «черномазах» тебе лучше забыть,— предупредила Соня.— Если ты хочешь сражаться на их стороне...

— Вот уж не думал, что придется сражаться на стороне каких-то черно...

— Тсс! На стороне людей — против воскресающих нелюдей! Не забывай об этом, Азуги!

Им пришлось прервать свой негромкий диалог. Из толпы чернокожих воинов вышел один, чей головной убор из красных и белых перьев тропической птицы был пышнее и роскошнее, чем у остальных.

— Я — Санага! — крикнул он, ударив себя кулаком в грудь.— Я — вождь отряда!

Соня выступила вперед и чуть поклонилась ему, после чего горделиво подняла голову. Огненные волосы, заплетенные в косу и уложенные на затылке тяжелым узлом, сверкнули под солнцем, как ярко начищенная медная корона.

— Я — Рыжая Соня! — воскликнула она.— Я пришла говорить с человеком вашего племени. Его имя — Махарим.

— А он кто? — недоверчиво спросил Санага, указывая копьем на Азуги.

Но коренастый загорелый хаданский стрелок уже взял себя в руки. Ударив себя в грудь так яростно, что послышался гул, он зарычал:

— Я — Азуги! Я — стрелок из Хадана! Я шел сюда с Рыжей Соней! Я тоже хочу видеть Махарима! Понял, ты, чер...

Соня наступила ему на ногу, и Азуги тихонько зашипел от боли.

Ответ незнакомцев, казалось, вполне удовлетворил дикаря. Он покивал своими перьями и, повернувшись, величаво зашагал в чащобу. Воины двинулись вслед за ним.

— Что это он, а? — спросил Азуги у Сони шепотом.

— Идем за ними,— ответила Соня.— Он не побоялся повернуться к нам спиной. Это признак либо величайшего доверия, либо величайшего презрения.

— Гм,— пробормотал Азуги.— Не знаю, как и расценивать все это. С одной стороны, плевал я на доверие чернома... кх! — Он кашлянул, поперхнувшись на последнем слове, и поправился: — Какого-то лесного дикаря. С другой стороны, еще не хватало, чтобы он меня презирал!

Соня улыбнулась.

— Не философствуй,— посоветовала она.

Азуги уставился на нее с подозрением.

— Чего-чего? — переспросил он.

* * *

Махарим встретил свою давнюю спасительницу гостеприимно. Сейчас он уже совсем не походил на того истерзанного, истекающего кровью несчастного человека, которого Соня обнаружила в джунглях и выхаживала с самоотверженнос-

тью сестры. Теперь он держался со спокойным достоинством вождя, облеченного властью. Ответственность того, кто распоряжается судьбой многих людей, бремя знаний, постоянная тревога за жизнь подчиненных — всё это наложило свой отпечаток на молодое лицо Махарима.

Увидев Соню в окружении воинов, раскрашенных боевой раскраской, Махарим поднялся со своего кресла, устланного шкурой леопарда, и устремился ей навстречу.

— Соня! — воскликнул он. — Я счастлив видеть тебя. Надеюсь, моя сестра здорова?

— Вполне, Махарим. — Соня без колебаний сжала обе протянутые ей черные руки. — Этот человек, Азуги, — мой друг и побратим. Он пришел со мной, чтобы влиться в ряды твоих воинов и сражаться против нелюдей.

Махарим дружески поздоровался и с Азуги, после чего церемонию представления чужестранцев чернокожие сочли законченной. Воины отправились на свои боевые посты, а любопытствующие разошлись по хижинам и занялись повседневными делами.

Соня и Махарим устроились в тени финиковой пальмы. Стройная молодая женщина с кожей черной, как эбеновое дерево, одетая только в яркую ткань, обернутую вокруг бедер, и платок на вьющихся волосах, принесла им молока в глиняных кружках и несколько очищенных плодов, мясистых и сочных, разложенных на листьях пальмы.

Соня с удовольствием принялась за угощение. После сытной, но тяжелой для жаркого климата

пищи, которой ей приходилось довольствоваться в гарнизоне Хадана, фрукты казались Соне особенно привлекательными.

— Итак, — заговорила она с набитым ртом, обращаясь к Махариму, — я вижу, вы здесь готовитесь к настоящей войне.

— Да. — Махарим был серьезен. — Я предупреждал командира хаданской крепости, однако он, по-моему, не внял моим словам.

— Именно. Старина Трарза слишком долго отбивал атаки чернокожих, когда твоим соплеменникам взбедала в голову очередная идея отправиться в набег на стигийские города.

— Увы! — Махарим развел руками. — Времена изменились, но некоторые из нас слишком стары, чтобы меняться вместе с временами.

— Этого-то я и боюсь. — Теперь и Соня была серьезна. — Нападение нелюдей куда опаснее любого набега из джунглей, пусть это будут даже набеги доблестных воинов Буйвола.

— Оставим эти разговоры, — предложил Махарим. — Мы с тобой держимся одного мнения, а это главное. Времени осталось мало. Мертвый владыка пробудился от векового сна, он набирает воинство, призывает к себе людей, среди далеких предков которых были эти чудовища, потомки нечеловеческой расы... Он становится по-настоящему страшен. Итак, Соня, что мы намерены делать?

— Объединиться со стигийцами нам уже не удастся, — заявила Соня. — Слишком поздно. Слишком много крови было пролито...

— Значит, будем действовать самостоятельно,— заключил Махарим.— Идем, нам нужно многое обсудить...

* * *

Владыка-мертвец, облаченный в жемчужно-серый плащ, расхаживал взад-вперед по просторной пещере, которая некогда служила ему усыпальницей, а теперь превратилась в подземный дворец. Бракна стоял в пяти шагах от своего нового господина и пожирал его глазами. Вот это — настоящий властелин! Как пылают его глаза! Как величаво расправлены его плечи! Какая мощь таится в каждом его движении! Кроме того, король лемурийцев — и Бракна знал это — был мертв, а следовательно, убить его обыкновенным способом, пронзив мечом или копьем, совершенно невозможно.

Мертвы и многие из воинов короля лемурийцев. Все они некогда были погребены в этой пещере рядом со своим повелителем, проигравшем последнюю битву против жалкой расы людей.

— Приведите пленниц! — крикнул король лемурийцев.

Один из стражников, стоявших у входа в пещеру, повернулся и молча вышел. Вскоре он вернулся, гоня перед собой трех связанных девушек. Это были юные чернокожие красавицы с большими влажными глазами, совершенно обнаженные. Они дрожали от ужаса.

— Выбирай любую,— обратился повелитель лемурийцев к Бракне.— Ты мне полезен, полукровка, и я хочу вознаградить тебя.

Бракна опустил на одно колено.

— Лучшая награда для меня, повелитель,— служить тебе. Жизнь в хаданском гарнизоне сделалась мне ненавистной. Позволь мне покинуть город, населенный людишками, и остаться подле тебя. Вот милость, о которой я смиренно прошу тебя, повелитель!

Однако король лемурийцев покачал головой. По его ужасному мертвому лицу блуждала улыбка.

— Нет, нет, полукровка. Ты нужен мне в Хадане. В решительный час ты вонзишь меч в спину своего командира и откроешь передо мной ворота. А потом ты вольешься в ряды моей победоносной армии. Огнем и мечом пройдем мы по Стигии и выйдем к водам Стикса. Там есть источник жизни. Окунувшись в его воды, мы обретем истинное бытие и истинное бессмертие...

— И я буду допущен?..— прошептал Бракна, немея от благоговения.

— Да.— Король лемурийцев милостиво махнул рукой.— А теперь выбирай себе девушку и... жди. Жди, полукровка! Осталось уже недолго.

* * *

— Одного я не понимаю,— ворчал Азуги, потягивая кислое вино из тыквенного сосуда.— Если все эти нелюди давно уже мертвы, то как им удалось восстать из праха?

— В этом чувствуется воля древних богов...— ответила Соня еле слышно.— Не следует обсуждать это вслух, Азуги. Эти боги спали — спали

тысячелетия, но какая-то неведомая сила пробудила их от векового сна.

— Откуда тебе-то это знать? — требовательно спросил Азуги. — Ведь ты — бродяга и наемница, такая же, как я.

— Я не всегда бродяжила, и ремесло наемного солдата не всегда было моим — и, если будет на то воля Солнечной Рыси, моей покровительницы, настанет день, когда я брошу меч и лук со стрелами и возьмусь за флейту, за рисовальные кисти... за прялку, в конце концов!

Азуги хмыкнул.

— Ни одна женщина, вкусив истинно мужской жизни и настоящей, мужской, свободы, не согласится добровольно сидеть взаперти в доме, носить в чреве детей, прясть-ткать и вытирать сопли вечно орущим младенцам!

— Не тебе судить, Азуги, — оборвала Соня, нахмурившись. — Ты не знаешь, какая жестокая судьба вырвала меня из лона семьи и наградила взамен всего этого твоей хваленой «мужской свободой». Не обо мне речь, в конце концов. До того, как стать солдатом, я проходила обучение в храме. Я получила посвящение..

— Ты жрица? — Азуги не верил собственным ушам.

— Жрица служит божеству в храме, а я...

— И все-таки ты имеешь понятие о вещах, которые мне недоступны, — заключил Азуги, нахмурившись. — Что ж. Этого следовало ожидать. В конце концов, я всегда чувствовал, что ты — не простая девчонка, вздумавшая помахать мечом.

Соня дружески обняла Азуги за плечи.

— Почему тебя это огорчает?

Он сердито высвободился.

— Не так уж меня это и огорчает. Кто я? Обычный солдат, каких сотни. Мясо для стрел и копий. Ты — ну, ты другое дело... Да и вообще, Соня! Ты — красавица...

Тут Азуги сообразил, что сболтнул лишнего, покраснел и отвернулся.

Соня из вежливости сделала вид, что ничего не заметила.

— Итак, предположим, что мое жреческое посвящение — еще одно копье, нацеленное на пробудившихся нелюдей.

— Предположим, — пробурчал Азуги, еще не оправившийся от смущения.

— В таком случае, продолжим разговор. Азуги! Да что с тобой? Мы обсуждаем план военных действий или выясняем отношения?

— Первое, — проворчал Азуги. — План.

— Король чудовищ — мертв. Как мертво и его воинство. Что может убить мертвеца?

Азуги молчал.

Соня задумчиво продолжала:

— Что противоположно смерти? Жизнь!

— Неправильное рассуждение, — послышался голос Махарима. Чернокожий вождь бесшумно вошел в хижину, где разговаривали Соня и Азуги. — Смерть — это часть жизни, ее неотъемлемая часть. Подвержено смерти то, что живо. Чтобы жизнь возрождалась, необходимо присутствие смерти. Мы ведь убиваем антилопу и съедаем ее

мясо — таким образом смерть антилопы поддерживает нашу жизнь.

Соня призадумалась.

— Ты прав,— согласилась она.— Такое мне не приходило в голову.

— Следовательно...— Махарим гибким движением уселся на земляной пол хижины и скрестил ноги.— Это значит, мы имеем дело не с понятиями «жизнь — смерть», а с понятиями «нежить — несмерть».

— С меня довольно! — Азуги вскочил.— Я простой солдат, а не этот... философ. Соня! Когда закончишь разводить свои жреческие беседы, сообщи мне результат. Куда идти, в кого целиться. Я пошел!

С этими словами он покинул хижину, прихватив с собой сосуд с вином.

Соня и Махарим проводили его улыбающимися глазами.

— Он горяч, как и большинство моих воинов,— заметил Махарим.

— Азуги — честный человек и храбрый солдат,— согласилась Соня.— Однако вернемся к нашей проблеме. Как нам уничтожить короля чудовищ и его армию живых мертвецов? Мы не должны допустить, чтобы мир захлестнула древняя, вымершая раса! В противном же случае нам, людям, в этом мире уже не останется места...

Махарим помолчал.

— Несколько раз я поднимался на то дерево, где некогда жил наш Мудрейший — верховный хаман, погубленный возрождающимися древними

богами. Я бил в бубен, пел священные гимны, призывая духов наших предков. Один раз мне показалось, будто я слышу голос Мудрейшего. Я вопрошал их о будущем нашего племени и всего рода людского. Мудрейший обещал вернуться ко мне.

— Что он сказал? — спросила Соня, которая выслушала Махарима с величайшим вниманием.

— Мудрейший сказал, что я должен изыскать средство погубить живых мертвецов. Это средство... речи старца были бессвязны, и я своим скудным умом не все в них разобрал, Соня.

— И все же, Махарим, ты должен попытаться понять их. Попробуй хотя бы воспроизвести их дословно!

— Что ж.— Махарим вздохнул.— Я рад, что ты со мной, Соня. Ни с кем в моем племени я не смог бы обсудить то, что услышал от старого хамана, который прислал ко мне голос своего духа! Люди моего племени не в состоянии разговаривать о таких вещах... Он сказал: «Обратись за помощью к женщине. Ибо любая женщина знает, без чего нет жизни. Это женское знание!» Еще он говорил о Великом Аттаре... О его изваянии... Там, сказал он, в теле Великого Аттара, содержится ответ... Я спросил: «Что нам надлежит делать с телом Великого Аттара?» Мне был послан странный ответ: «Сила Аттара убьет нелюдей...» После чего голос Мудрейшего замолчал, и как я ни старался, я так и не смог вызвать его вновь...

— Известно каждой женщине? — Соня казалась изумленной.— Но почему бы тебе не поговорить об этом с женщинами своего племени, Махарим?

Я не шучу! Откуда мне знать ваши поверья и ваши обычаи? Я родилась в Туране, в моих жилах течет кровь северных предков...

— Женщины нашего племени прекрасны, ласковы, добры, они превосходно стряпают, они жарки в постели и охотно раскрывают мужчинам объятия, — ответил Махарим. — Но все они глупы! Ни одна не годится для разговоров на мужскую тему.

— Опять я слышу о мужчинах и о женской глупости! — рассердилась Соня.

Махарим взял ее за руку.

— Не обижайся на меня. Язык иногда опережает мои мысли. Я рассуждаю как обыкновенный мужчина, и это не делает мне чести — ведь моя собеседница необыкновенная женщина...

Соня улыбнулась.

— Ты умеешь подмазать свой язык маслом, Махарим. Ладно, я попробую понять, какая тайна скрывается в словах старого хамана. Итак, *это* известно каждой женщине, и без *этого* нет жизни... Кроме того, в *этом* сила какого-то Великого Аттара. Любопытно. Кто он такой?

— Существует поверье, что в незапамятные времена жил великий герой по имени Аттар. Он был высок, как тростник, и строен, как леопард. Он был воином Леопарда и основателем воинского союза Леопардов. Когда на его племя надвинулась какая-то страшная беда, он сумел спасти свой народ, но сам пал в последней битве. Его изваяние много поколений подряд стояло в пещере Аттара, и люди чтили его наравне с бога-

ми. Но потом людская память истончилась, и об Аттаре забыли. Только жрецы иногда вспоминают его, да великие хаманы изредка слышат его заглушенный столетиями голос...

— Аттар... Что же это было за зло, с которым он сражался? — задумчиво спросила Соня. — Может быть, то же самое, что грозит сегодня нам?

— Может быть.

Соня задумчиво запустила пальцы в свои густые рыжие волосы.

— Не может быть, а наверняка. Иначе хаман не стал бы говорить об этом. Я попробую понять, какая связь существует между телом великого Аттара и тем, без чего нет жизни...

Махарим поднялся, желая идти.

— Я оставляю тебя наедине с раздумьями, Соня. Не следует мешать размышляющему — как нельзя торопить пьющего воду путника, только что вернувшегося из пустыни...

* * *

— Тревога! Тревога! — кричали солдаты, сбегаясь отовсюду к стене.

Сонный трубач уже трубил сигнал бедствия. Жители Хадана просыпались, охваченные ужасом. В одном месте городская стена уже пылала — ее облили каким-то горючим составом и подожгли. Слышались яростные вопли сражающихся врагов.

Крича от ужаса, женщины хватали детей, лихорадочно собирали немногочисленные ценные вещи и, увязав узлы, выбегали на улицы в поисках спасения. Пока что враг не успел ворваться

в город, хотя уже сейчас было ясно, что исход штурма предрешен: вот-вот упадут ворота, а башня, обращенная к югу, уже рухнула, погребенная под ревушим пламенем.

Трарза не успел возглавить оборону: чей-то кинжал предательски вонзился ему в спину. Последним усилием старый вояка обернулся, желая разглядеть того, кто убил его. Перед помутневшим взором умирающего встало ликующее лицо сегмона Бракны. Теперь в этом лице не осталось уже ничего человеческого: темные круглые глаза пылали желтым дьявольским пламенем, маленький рот округился, словно Бракна готов был исторгнуть удивленный возглас «О!» Пышные волосы, забранные в хвост, открывали маленькие круглые, совершенно звериные уши.

— Нелюдь! — прошептал нилит немеющими губами. — Будь проклят... предатель...

Бракна откинул голову назад и расхохотался. Он резким движением выдернул кинжал из спины смертельно раненого нилита, и тот упал лицом вниз, затихнув навсегда.

Бракна бросился к воротам, торопясь распахнуть их перед завоевателями. Солдаты хаданского гарнизона падали мертвыми один за другим под ударами страшных нелюдей, забирающихся на стену и хлынувших в раскрытые ворота.

На улицах города уже слышались панические крики. Лемурийцы ворвались в Хадан и начали убивать всех без разбору. Потоки крови проливались на мостовую несчастного пограничного города.

Всюду валялись трупы. Лемурийцы не довольствовались смертью жертв и грабежом домов. Им непременно нужно было перегрызть несчастным горло, хлебнуть горячей крови, насладиться воплями ужаса и стонами невыносимой боли.

Кое-кто собрался с духом и мужественно оказывал нелюдям сопротивление. Но большинство лемурийцев не были полукровками, как Бракна, — это были ожившие мертвецы, восставшие из праха по зову своего владыки.

Сам король лемурийцев въехал в горящий, окровавленный Хадан на огромном белом коне. Из ноздрей страшного верхового зверя вырывался кровавый пар. Конь осторожно ступал по скользкой мостовой среди трупов. Король лемурийцев ликовал. Его ужасные мертвые глаза метали пламя, рот скалился в чудовищной улыбке.

Подняв сверкающий меч над головой, он громким криком призвал к себе своих воинов. Те оставили своих жертв — живых людей в Хадане было теперь совсем немного, да и те прятались по подвалам, не решаясь выглянуть наружу, — и сбежались к своему повелителю.

— Это первый город людей, подвластный нам! — торжествующе прокричал король лемурийцев. — Начало положено! Скоро в этом мире не останется людишек! Скоро этот мир снова будет принадлежать нам, лемурийцам!

Бракна, с руками, по локоть обгаженными кровью его сограждан, приблизился к королю лемурийцев и почтительно преклонил колено. Король

заметил бывшего сетмона хаданского гарнизона и еле заметно усмехнулся.

— Встань, полукровка. Отныне ты — воин моей армии. Ты пойдешь с нами на север завоевывать мир для моих лемурийцев. Это — великая честь!

— Я счастлив, мой повелитель! — ответил Бракна, и его круглые темные глаза наполнились слезами радости.

* * *

В пещере было темно. Древний храм, некогда одно из самых почитаемых мест черных обитателей джунглей, носил теперь следы давнего запустения. Лианы пробрались ко входу в пещеру и оплели его, так что чернокожие воины и их рыжеволосая предводительница с трудом отыскивали вход. Пауки и летучие мыши разбегались, слышав шаги людей. Гулкое эхо отзывалось в переходах. Толстый слой пыли покрывал пол пещеры, некогда отполированный ногами многих тысяч людей, приходивших сюда поклониться изваянию Великого Аттара.

Сам великий воин и вождь Леопардов пал в последней битве с нелюдьми. Но он привел свой народ к победе. Тела вождя не нашли — оно исчезло. Но из огромного куска соли, найденного поблизости у соляного озера, — где оно сейчас, никто бы не мог сказать, — люди вырезали статую своего героя. Поколения черных воинов в леопардовых шкурах чтили Аттара как божество.

А потом о нем забыли...

— Вот он! — воскликнула Соня, поднимая факел повыше.

Из темноты заброшенного пещерного храма выступило прекрасное лицо. Это было лицо молодого мужчины, воина, с широко расставленными большими миндалевидными глазами, с широкими, четко очерченными губами и крупным плоским носом. Несмотря на то, что лицо носило явные дарфарские черты, оно было бледным, почти прозрачным.

— Соль! — воскликнул Махарим. — Оно вырезано из соляной глыбы, это великолепное изваяние!

— О Аттар! — вскричал кто-то из воинов, пришедших в пещеру вместе с Соней и Махаримом.

— Аттар! Аттар! Аттар!

Имя древнего вождя, многократно повторенное, отражалось от стен пещеры. Воины простирали к нему руки, преклоняли перед ним колени, в восторге выкликали его имя.

— Аттар, победитель нелюдей! Открой нам, что мы должны делать! Веди нас! Возглавь нас! Будь нашим вождем!

— Будь нашим вождем, о Аттар! — взывал и Махарим.

И Соня, вглядываясь в прекрасное соляное лицо, повторила вслед за Махаримом:

— Будь нашим вождем, Аттар! Ниспошли нам мудрость и силу, дабы мы победили!

Неожиданно ветер пронесся по пещере. Это был странный, таинственный ветер, который не мог проникнуть сюда из джунглей: над тропиками тяжело повисло безветрие, и к тому же ника-

кое дуновение извне не могло бы проникнуть так глубоко в пещеру.

Воины замолчали одновременно, как будто кто-то властно призвал их к молчанию.

Ветер поднял клубы пыли, сдул их с изваяния, и оно засверкало, источая белый свет. Вырезанные в соляной глыбе глаза наполнились жизнью. Теперь они казались золотистыми. Они глядели на сбившихся в кучу испуганных воинов с состраданием и любовью. Соня, осмелившись заглянуть в них, увидела в глазах Аттара бесконечную мудрость, накопленную за многие века.

Белые губы шевельнулись, но голос, прозвучавший в пещере, исходил не из статуи.

— Воины! Леопарды и Буйволы! — проговорил дух Аттара. — Впервые за много поколений воины пришли к своему вождю. Я счастлив! Я счастлив!

— Беда посетила нас, и мы вспомнили тебя, победитель! — смиренно отозвался Махарим.

— В былые времена мы одолели эту беду! — уверенно произнес голос. — Одолеем ее и сейчас!

— Назови ее по имени! — воскликнула Соня. — Как зовут то древнее зло, что ожило в пещерах и двинулось на города людей?

Голос прогремел по пещере, и зловещий звук его разнесся, казалось, по всем джунглям, притихшим в ожидании ужасной беды:

— Лемурийцы! Это древнее зло называется лемурийцами! Так их имя звучало в стародавние времена! Люди истребили лемурийцев, замуровали в пещерах их мертвых владык, люди думали, что

навсегда избавились от этой угрозы! Они забыли самое имя лемурийцев, как забыли они и Аттара, победителя лемурийцев!

— Прости нас, Аттар! Прости нас, вождь! — зашелестело в рядах чернокожих воинов.

— Аттар не держит зла на свой народ! — торжественно проговорил голос. — Вы разговариваете сейчас с духом Аттара — с его вечно живым духом. Изваяние должно было напоминать людям о случившемся. Но вы запомните свою битву с лемурийцами и не забудете ее без всякого изваяния! Вы победите их мертвого владыку и истребите древнее зло, а память об этом вложите в какой-нибудь другой символ.

— Мы восстановим этот храм! — горячо обещал Махарим.

— Этого не нужно... — В голосе Аттара послышалась усмешка. — Ведь то, что вы должны сделать, — это разрушить изваяние!

— Разрушить?

— Мое тело — мое нынешнее тело! — соль.

— Соль! — не выдержав, закричала Рыжая Соня. — Так вот что имел в виду старый хаман! Конечно! Без соли невозможно приготовить ни одно блюдо, и уж наверняка всякая женщина об этом знает!

Теперь в голосе Аттара слышалась улыбка.

— Белая женщина права. Без соли нет жизни. А мое тело — соль. Разружьте это тело, возьмите соль моего тела и бросайте его в оживших мертвецов. Только так я смогу возглавить вашу битву! Только со мной вы сможете одолеть ожив-

ших нелюдей и отправить их в небытие, откуда они восстали незваными!

— Но Аттар... Ведь ты хочешь, чтобы мы совершили кощунство! — неуверенно проговорил Махарим.

— Не мертвая соляная плоть Аттара жива! — возразил голос. — Жив его дух! И его дух будет жить в вас и ваших потомках! Вы сможете сделать для меня другое тело, если одолеете лемурийцев... Но никто и никогда не вспомнит моего бессмертного духа, если все вы погибнете от клыков и кинжалов оживших мертвецов!

Махарим приблизился к соляному изваянию. Он все еще колебался.

Соня подошла к своему чернокожему соратнику и крепко сжала его руку чуть выше локтя.

— Смелей, Махарим! — сказала она.

— Смелей! — подхватил Аттар.

И когда Махарим занес копье и отколол кусок соли от ноги статуи, золотистый блеск в глазах изваяния древнего героя вспыхнул на миг ярким пламенем — вспыхнул перед тем, как угаснуть навсегда.

* * *

— Мы опоздали! — воскликнула Соня, когда их глазам предстали еще дымящиеся руины Хадана.

Рыжая Соня, Азуги и Махарим возглавляли большую армию черных воинов. Их солдаты, жители различных деревень и небольших городков Черных Королевств и даже Куша, были воо-

ружены длинными копьями, луками со стрелами, кое-кто — короткими, остро заточенными мечами, предназначенными для нанесения как колющих, так и рубящих ударов.

Все они покрыли свои черные, лоснящиеся тела боевой раскраской — каждое племя сообразно тотему своего клана. Здесь были воины Леопардов, воины Буйволов, воины Пантер. Их лица были устрашающе раскрашены так, что напоминали оскаленные морды зверей. Головы украшали короны из разноцветных птичьих перьев.

Рыжая Соня, вооруженная луком и мечом, была одета в свою обычную одежду, поверх которой набросила жемчужно-серый плащ — тот самый, что сшила по ее заказу несчастная сехута Эратон. Этот плащ был почти копией роскошного одеяния, преподнесенного в дар королю лемурийцев предателем Бракной.

Армия быстро продвигалась сквозь джунгли, и на третий день марша глазам воинства Сони предстал разрушенный Хадан.

Она обернулась к воинам, чувствуя необходимость как-то поддержать их боевой дух и объяснить происходящее.

— Король лемурийцев уже побывал здесь! — громко проговорила Соня. — Он уничтожил всех людей, живших в Хадане. Отныне нам, забывшим наши распри, надлежит идти за ним по пятам, чтобы лемурийская зараза не покрыла весь мир и не смела с лица земли весь род людской.

Чернокожие воины слушали, хмурия брови на обезображенных раскраской лицах. В знак одобрения Сониных слов они стучали копьями о щиты и испускали громкие крики.

Несколько часов люди Рыжей Сони бродили по развалинам Хадана, выискивая тех, кто остался в живых. Несколько человек еще могли держать в руках оружие. Они с готовностью встали в ряды армии людей, пылая жадой отомстить королю лемурийцев за зверское истребление всего хаданского населения.

Женщин и детей, скрывавшихся в руинах, — а их нашлось больше десятка — Соня отправила на юг, в черные деревни, дав им сопровождающего. Дарфарские женщины позаботятся о своих несчастных сестрах, дадут им кров, пищу, воду и все необходимое.

Соня уже собиралась покинуть мертвый город, когда под руинами южной стены послышался чей-то слабый стон.

— Азуги! Сюда, скорей! — позвала Соня своего сподвижника.

Солдат беспрекословно повиновался. Он давно уже уверовал в бесспорные таланты Сони как полководца.

Вдвоем они быстро разобрали камни и обнаружили под завалом умирающего нилита Трарзу. Когда Бракна нанес ему предательский удар, нилит, к несчастью, только потерял сознание. Его завалило камнями, и он, оставленный без воды и пищи, истекающий кровью, страдая, ждал милосердной избавительницы.

смерти, а та, словно бы в насмешку, все медлила.

— Боги! Да это же нилит Трарза! — воскликнул Азуги.

Нилит открыл мутные глаза.

— Азуги... — прошептал он. — Ты дезертир... А где Соня?

— Я здесь. — Соня наклонилась над умирающим.

Он попытался выдать некое подобие улыбки.

— Ты была... права, Соня. Бракна... предатель.

— Я знаю.

Последним напряжением воли Трарза приподнялся.

— Нелюди... — прошептал он. — Везде... эти ужасные чудовища... Их нельзя убить... Они рвут когтями, грызут зубами... Они бессмертны...

— Нет, — покачала рыжеволосой головой Соня. — Они всего лишь мертвы. Но на любого жившего мертвеца есть управа.

Нилит схватил Сонину руку и из последних сил стиснул ее пальцами.

— Сделай это, Соня! Город мертв. Чудовища уничтожили его. Их король... — По лицу умирающего пробежала судорога. Уже немеющим языком он пролепетал: — Отомсти, Соня... Останови ужасное нашествие...

Тело нилита дернулось в предсмертной судороге и затихло.

— Он умер, — негромко проговорила Соня и закрыла покойному глаза, из которых и после смерти продолжал глядеть ужас.

* * *

Армия Рыжей Сони быстро продвигалась на Север. Следы, оставленные королем лемурийцев и его жутким воинством, говорили сами за себя. Сожженные дома, трупы людей, убитых копьями, мечами, заеденных острыми клыками, разграбленное имущество, забитый скот — все это свидетельствовало о том, что здесь побывали нелюди.

При виде каждого нового зверского разрушения чернокожие воины яростно скрипели зубами. Решимость уничтожить короля лемурийцев росла и крепла.

В каждом из разрушенных городков находились люди, чудом избежавшие гибели. Они без колебаний становились в ряды солдат Рыжей Сони и Махарима. Лишь бы добраться до нелюдей! Лишь бы суметь отомстить за уничтоженный дом, за убитых родичей, за разграбленное имущество!

Через семь дней непрерывного марша, после того, как чернокожие воины достигли третьего по счету городка, сожженного лемурийцами, Соню окружили солдаты. Они потрясали копьями и громко кричали.

— Тише! Тише! — закричала в ответ Соня. — Пусть скажет кто-нибудь один!

Вперед вышел рослый солдат. Боевая раскраска на его лице уже размазалась от пота, но держался он горделиво. Он был вооружен длинным тяжелым мечом, похожим на двуручный, — этот трофей он нашел в руинах Хадана.

— Мы идем за тобой уже не первый день, женщина с огненными волосами! — начал он.

Ты обещала нам сладость расправы над нелюдьми, которые похищали наших женщин, детей и мужчин! Ты говорила, что мы сможем накормить нашу ярость, убив тех, кто уничтожил нашего Мудрейшего! Но мы слишком медленно движемся. Мы никак не можем настигнуть врага. Все, что нам остается, — это скрежетать зубами от ненависти, встречая следы опустошений, которые оставляет его кошмарное воинство! Расскажи всем, что вы задумали, — ты и Махарим! Что вы видели в пещере, куда ходили с кучкой избранных воинов? Какая надежда существует для нас? Пока что мы видим только одно: чудовища непобедимы! Ты ведешь нас на верную смерть, рыжеволосая ведьма!

Вперед вышел Азуги и проревел:

— Эй вы, там! Если вы не будете орать, как стадо взбесившихся павианов, то, клянусь Пауком, вам будет лучше слышно!

Постепенно люди замолкали. К Соне подходили все новые и новые воины.

Она поняла, что минута настала.

Откинув капюшон своего жемчужно-серого плаща, так что огненные косы рассыпались у нее по плечам, Соня заговорила громким, звучным голосом:

— Враг наш зовется повелителем лемурийцев. Это древняя дочеловеческая раса. В древние времена людям приходилось сражаться с лемурийцами, и люди победили. Большинство лемурийцев давно уже мертвы. Поэтому убить их обычным оружием невозможно. В этом и кроется причина непобедимости короля лемурийцев. Но

мы обратились к древней магии хаманов и вызвали духи самых мудрых старцев, которые руководили когда-либо черными племенами. Один из них, не смея назвать открытыми словами то тайное оружие, которое способно уничтожить нелюдей, оставил нам загадку.

Соня перевела дыхание. Люди слушали в полном безмолвии. Тишину нарушало только пение какой-то птицы, которая, невзирая на все превратности войны, преспокойно сидела себе на дереве и залиистой песней призывала подругу.

— Он сказал, что нежить уничтожает то, о чем знает каждая женщина.

Вздых изумления пробежал по толпе. Наконец тот рослый воин, что первым начал высказывать возмущение Соне, закричал, опомнившись:

— Ты дурачишь нас! Что же это за чудо-оружие, которое известно любой женщине, занятой стряпней и малышкой, и неизвестно бывалым воинам?

Он обернулся к остальным. Те поддержали оратора громким, вызывающим смехом.

Но Соня заставила людей замолчать, подняв руку в знак того, что хочет говорить.

— Вот именно! — крикнула она. — Любой женщине! Любой женщине, *занятой стряпней!* Вы, мужчины, слишком горды, чтобы спрашивать совета у своих жен. А напрасно! Клянусь Рысью, вы совершаете большую ошибку! Каждая женщина знает, что такое жизнь и смерть, потому что она дает жизнь ребенку, рождая его на свет, она дает жизнь воину, когда готовит для него пищу. Ма-

лышня и стряпня, сказал ты? — Она кивнула подбородком воину, возражавшему ей. — Да! Об этом я и стала думать в первую очередь. Я ведь тоже женщина!

Азуги счел, что Соня слишком многословна. Эти люди могут опомниться, выйти из повиновения, и тогда одним богам известно, что может произойти. Лучше не рисковать. На всякий случай Азуги придвинулся поближе к Соне и проверил, хорошо ли выходит меч из ножен. Может быть, придется сейчас отбивать дерзкую рыжую девчонку у толпы разъяренных чернокожих.

Но Соня хорошо знала, что делает.

— Да, я тоже женщина, хотя в бою я пытаюсь забыть об этом! И одно из моих давних увлечений — стряпня...

Послышался смех. Соня поняла, что ей снова удалось завоевать симпатии своих слушателей. Один из тех, кто стоял в задних рядах, выкрикнул:

— То-то нас кормят в походе такой отменной бурдой!

— Так то в походе! — сквозь общий хохот ответила Соня. — Но скажи, какая вещь необходима в приготовлении почти любой пищи?

Повисла напряженная тишина. Потом один из солдат — сообразительнее других — крикнул:

— Соль!

Соня резко выбросила вперед руку, указывая на него:

— Ты прав! Именно соль! Мы были в пещере, где стояло изваяние великого вождя черного

народа — Аттара! Вы забыли его имя, из вашей памяти стерлись песни о его великих деяниях. Это изваяние было высечено вашими далекими предками из огромной соляной глыбы. Мы разбили статую вождя, как нам велел голос его духа. Соль тела великого Аттара — вот что поможет нам справиться с нелюдьми! Вот какое оружие одолеет мертвого повелителя лемурийцев и отправит его туда, где ему самое место, — в вечное небытие!

Сперва над армией повисла недоуменная тишина, а затем все взорвалось криками ликования.

— Ты разгадала загадку Мудрейшего, Соня! Ты — наш Аттар, Соня! Веди нас, Соня! Вперед, на врага! Теперь мы одолеем короля лемурийцев!

— Тише, тише! — ворчал Азуги, раздавая соль тела Аттара воинам, черпая ее из большого мешка, который везли в обозе на телеге медлительные воны. — Завтра мы настигнем нелюдей. Сыпьте им соль в глаза и на загривок!..

Посмеиваясь, люди брали крупную сероватую соль из мешков, пересыпали ее в мешочки и привешивали их на пояс. Близость победы туманила многим глаза.

Завтра, завтра все решится! Завтра смерть множества людей будет отомщена, а злобные нелюди возвращены туда, где им надлежит быть, — в небытие и забвение.

* * *

Впереди высились стены Птейона — старинного стигийского города. Когда-то, в стародавние вре-

мена, которые застали еще Конана из Киммерии, великого воителя и славного короля Аквилонии, вся Стигия представлялась хайборийскому миру оплотом темной магии и зла. Но перед лицом новых катаклизмов старое давно забылось. Теперь Рыжая Соня шла во главе армии, состоящей из дарфарцев и стигийцев, чтобы спасти Птейон от уничтожения.

Они подоспели вовремя. Армия короля лемурийцев уже начала штурмовать город с востока, в то время как Сонино войско приблизилось с юга.

Забыв о Птейоне, обе армии яростно бросились друг на друга. Король лемурийцев был не настолько глуп, чтобы безоглядно атаковать город, оставив у себя в тылу вражескую армию.

Закипела битва. Поначалу казалось, что лемурийцы одолевают людей. Но вот то один, то второй из них, испустив крик ужаса, падал замертво.

Король лемурийцев насторожился. Что происходит? Его лемурийцы, его нелюди, — они не могут погибать, как обыкновенные людишки. Ведь они бессмертны.

И тем не менее многие уже лежали неподвижно, превращаясь в жалкий прах.

Наконец король лемурийцев заметил рослого человека в таком же жемчужно-сером плаще, как и у него. В одежде этого человека, в его осанке, в манере держаться — во всем король усматривал вызов. Высоко подняв меч, повелитель нелюдей вызвал своего врага на поединок.

Рыжая Соня отсалютовала ему мечом и бросилась в атаку.

Рыжеволосая воительница превосходно владела мечом, хотя когда дело доходило до рукопашной, предпочитала кинжал. — здесь ей не было равных. Но еще милее был Соне ее верный лук и стрелы. Однако вызов короля лемурийцев был делом чести. Испустив боевой клич, Соня бросилась навстречу врагу.

Клинки скрестились. Король лемурийцев, оскалив в ужасной ухмылке зубастую пасть, попытался разрубить Соню могучим ударом сверху, однако Соня уклонилась и сама нанесла ему рубящий удар. Сталь Сониного меча задела бок короля лемурийцев.

Он ухмыльнулся.

— Напрасно стараешься, человечиска. Меня нельзя убить. Ты обречен.

— Ошибаешься, — проговорила Соня сквозь зубы.

Она отразила еще несколько яростных натисков короля лемурийцев, а затем...

Поначалу никто из сражающихся не понял, что произошло. Два воина в одинаковых серых плащах схватились не на жизнь, а на смерть — смертная человеческая плоть против бессмертных костей мертвеца.

И вдруг одна из жемчужно-серых фигур пошатнулась. Раздался ужасающий крик — полный отчаяния и замогильной тоски. Крик становился все выше и оборвался громким протяжным воем.

Король лемурийцев, качаясь, упал на колени.

В рядах армии людей послышался вопль ликования.

— Смотрите! Смотрите! Она поразила его! — заревел Азуги вне себя от радости.

С удвоенной силой люди бросились на лемурийцев, осыпая их солью.

Король лемурийцев чувствовал, что его время на земле, в мире живых, истекает с каждым мгновением. Он испустил еще один крик, полный отчаяния и ярости, но соль уже сделала свое дело: желтый огонь его глаз потух, кости размягчились и начали рассыпаться, плоть клочьями облезала и падала на землю. Вскоре у ног Рыжей Сони корчился разваливающийся на части скелет.

Подобная же участь постигла и остальных лемурийцев. Лишь немногие продолжали сражаться после того, как люди осыпали их солью с головы до ног. Это были полукровки, и их вождем был Бракна.

Обманутые их сходством с настоящими лемурийцами, люди во множестве погибали от их оружия прежде, чем догадаться пустить в ход мечи и копья вместо соли.

Соня бросилась туда, где битва кипела с наибольшим ожесточением. Бракна, оскалив в жуткой улыбке свои острые мелкие зубы, разил противников налево и направо. Обагранные кровью черные воины громоздились кучей у ног бывшего сетмона хаданского гарнизона.

— Бракна! — крикнула Соня, перекрывая шум битвы.

Бракна услышал ее. Повернув голову, он сверкнул глазами.

— Это ты, рыжая! — отозвался он высоким, вибрирующим голосом. — Готовься к смерти!

Соня не ответила. Вид молодой женщины был страшен: она вся была покрыта кровью — к счастью, чужой. Несмотря на то, что Соня постоянно находилась в самой гуще сражения, вражеские мечи не задели ее.

— Ты разгадала меня! — проревел Бракна. — Но Трарза оказался болваном — он тебе не поверил!

— Он жестоко поплатился за это, — ответила Соня.

Бракна расхохотался.

Теперь, когда все лемурийцы рассыпались прахом, а полукровки почти все погибли от оружия людей, Бракна один продолжал обороняться с яростью обреченного.

— Сдавайся! — крикнула Соня. — Ты побежден. Дело твоего короля проиграно.

— Сдаваться? Кому? — Бракна дико озирался по сторонам. — Вам, ничтожества? Мой повелитель не мертв — он спит! Он проснется и отомстит вам!

— Он погиб, Бракна. Сдавайся.

— Нет! — взревел Бракна. — Зачем я стану унижаться и выпрашивать у вас бесполезную жизнь? Вы все равно убьете меня, но перед смертью мне придется претерпеть множество мучений.

— Мы будем возить тебя в клетке по деревням! — закричал Махарим. — Ты, чудовище!

Бракна бросился на Махарима, подняв меч, однако не успел он сделать и пяти шагов, как

несколько стрел вонзилось ему в горло. Бракна споткнулся и покачнулся, озираясь по сторонам.

В воздухе просвистел кинжал, пущенный меткой рукой, — это было оружие Сони. Захрипев, лемуриец-полукровка повалился набок и почти мгновенно умер.

— Зачем ты добила его? — сурово спросил Махарим у Рыжей Сони. — Я действительно намеревался провезти его по деревням и городам, испытывавшим на себе его когти.

— Бесполезное издевательство над побежденным, — кратко ответила Соня. — Прости, Махарим, но я не кровожадна. А сейчас пусти меня — я хочу помочь раненым.

* * *

На следующее утро Соня выбрала себе лошадь из тех, что удалось захватить у лемурийцев. Это была крепкая вороная лошадка, выносливая и сытая. Ее шкура лоснилась — видать, прежде, чем злая судьба забросила ее к лемурийцам, у нее были хорошие хозяева.

От Азуги не укрылось это.

— Ты хочешь покинуть нас, Соня? — удивленно спросил он. — Теперь, когда битва выиграна, когда от лемурийцев осталась кучка грязи?

— Да, — ответила она. — Битва выиграна. Я больше здесь не нужна.

Махарим приблизился к беседующим.

— Что здесь происходит? — Рука дарфарского вождя была перевязана окровавленной тряпкой,

через все лицо тянулась рваная рана, однако Махарим держался прямо и горделиво.

— Я ухажу, Махарим,— объяснила Соня.— Не нужно устраивать мне пышных проводов. Дело сделано. Я никогда не забуду вас, моих соратников, по этой битве... Возможно, когда-нибудь, когда мне выпадет свободная минутка, я нарисую на белом шелке ваши лица. Но сейчас мне нужно идти.

— Куда? — в голос спросили друзья Сони.

Она неопределенно махнула рукой.

— Думаю, на юг. Общение с вашими хаманами оказалось для меня весьма поучительным, Махарим. Ты даже не представляешь себе, насколько. Многие я отдала бы за возможность переговорить с одним из ваших Мудрейших.

Она уселась в седло. Две руки, черная и белая, протянулись к ней, и Соня с искренним дружеским чувством пожала их.

— Прощайте! Прощайте, друзья мои! — крикнула она, разворачивая лошадь.

— Прощай! Прощай, Рыжая Соня!

Воины махали ей вслед, пока ее изящная фигурка в сером плаще не скрылась из вида.

ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ

Старики в шемском селении Мухабад помнили еще то время, когда Дикие Пески не подступали к стенам Асгалуна. Но с годами таких стариков становилось все меньше и меньше... Селение давно уже было захлестнуто неумолимой пустыней. Там, где некогда бежали веселые речки, теперь оставались лишь пересохшие русла с растрескавшимся под палящим солнцем дном.

Песок поглотил несколько малых городов и селений, расположенных к северу от Мухабада. Пустыня сгладила всякие следы пребывания человека. К несчастью, источником жизни в этих городах были небольшие, но достаточно полноводные речки. Теперь, когда они пересохли и надежды на их «воскрешение» уже не осталось, люди покинули свои дома и перебрались южнее — в Асгалун, либо западнее — в Эрук.

А Мухабад выжил. Здесь имелось несколько колодцев, питавшихся артезианской водой. Люди продолжали сеять злаки, орошая свои поля дра-

гоценной влагой. Южнее еще сохранились пастбища, и там паслись немногочисленные стада мухабадцев — коровы, овцы.

И все же с каждым годом климат становился все суровее, пески — все обильнее, а людей в селении — все меньше.

Напрасно пытались старейшины во главе с премудрым Диайе задабривать богов — те, казалось, не слышали людских просьб. И хотя священная Кобра — посредник между селянами и божественной Змеей, обвивающей Вселенную, — каждый день появлялась возле миски с молоком, которую наполняли для нее старцы, милостей от божества селяне так и не дождались.

Веру в божественную Змею принес в Мухабад странствующий жрец. Он явился на закате — облученный в оранжевое, босой, дочерна загорелый, иссушенный ветрами и солнцем человек с длинной седой бородой. В руках он нес змею. Он сказал, что все селения, лежащие к северу от Мухабда, прогнали его — и потому будут обречены на вымирание. С горящими сухими глазами заклинал он мухабадцев выслушать его, принять его веру, приютить у себя священную Кобру — иначе и Мухабд постигнет та же участь.

Жрец нашел себе приют в Мухабде — он был стар и болен. Вскоре он умер. Кобра поселилась между корней огромного платана, росшего неподалеку от колодца. А спустя недолгое время пыльная буря сокрушила одно из селений, что изгнало жреца в оранжевом. Так начало сбываться его предсказание...

* * *

На рассвете в Мухабд явился всадник. Он сидел на верблюде, покрытом пылью. Судя по всему, он проделал долгий путь по пескам, прежде чем нашел это селение — единственный островок жизни среди бесконечных песчаных дюн и брошенных мертвых городов.

Однако, несмотря на усталость, всадник не выглядел изможденным. Его одеяние — белоснежный бернес, шелковый платок, обернутый вокруг головы и закрывающий рот и подбородок, остроносые красные сапоги из хорошо выделанной кожи — казалось щегольским и нарядным. Ясные светлые глаза, выделявшиеся на загорелой коже, смотрели поверх платка холодно и испытующе.

Осанка молодого человека оставалась горделивой, походка — легкой, когда он спрыгнул со спины верблюда и не спеша пошел по единственной улице селения. Справа и слева от него тянулись низкие глинобитные дома. Наполовину рухнувший забор позволял заглянуть во двор и увидеть там засохшее дерево, разложенное для вяления темное мясо, нарезанное на тонкие длинные полоски, и очень тощую собаку, бесцельно бродившую по двору с поджатым хвостом.

Всадник удостоил эту жалкую картину лишь мимолетным взглядом и тотчас же отвернулся. Он искал нечто более драгоценное, нежели картинки из жизни обнищавших сельчан: он искал воду.

Колодец располагался в самом центре Мухабда. Священная Кобра спала, спрятавшись в глубокую нору между корней старого платана.

При виде колодца, несомненно, полного свежей прозрачной воды, всадник на миг утратил самообладание. Глаза его расширились, руки произвольно сжали поводья. И все же он не стал нарушать обычаев, принятых в этих безводных районах. Вместо того, чтобы броситься к колодцу сломя голову и спешно утолить жажду, всадник уселся на один из корней платана и принялся ждать. Видно было, что ждать ему приходилось часто и подолгу. Солнце успело подняться довольно высоко, а он так и не сменил позы.

Постепенно к платану подходили жители Мухабада. Они молча рассматривали чужака, явившегося к ним из пустыни, но не решались заговорить с ним.

Он молчал. Солнце играло на рубинах, украшавших эфес его тонкой сабли. Два кинжала были заткнуты за широкий шарф, обвивавший тонкую талию незнакомца, а к седлу был приторочен хороший роговой лук. Внушительное вооружение внушало к себе почтение и заставляло любопытствующих держаться от чужака подальше.

Наконец премудрый Дияе решил нарушить общий «заговор молчания». Шагая широким хозяйским шагом, он приблизился к чужаку, несколько секунд рассматривал его в упор, щуря темные глаза, тонушие в морщинках, после чего заговорил:

— Привет тебе, путник из пустыни.

Незнакомец поднял голову и встал, желая приветствовать старейшину.

— Рад видеть и слышать тебя, мудрейший,— вежливо ответил он. Голос у незнакомца оказал-

ся высокий, с звенящей медной нотой, немного хрипловатый — от песка и долгого молчания.

— Ты проделал долгий путь по пескам, как я погляжу,— продолжал Дияе.

— Это не укрылось от твоих зорких глаз, мудрейший,— тотчас отозвался путник.

— Немногие решаются на подобный путь.

— И правильно делают,— усмехнулся чужак.— Мне пришлось нелегко.

— Мы так и подумали, глядя на тебя.— Дияе запустил в бороду смуглые сморщенные пальцы и, казалось, призадумался о чем-то далеком. Затем он очнулся от задумчивости и посмотрел незнакомцу прямо в лицо.— Сдается мне, странник, что тебя одолевает жажда.

— Дивлюсь зоркости твоих очей, мудрейший.— На этот раз в тоне незнакомца явственно прозвучала ирония. Однако он продолжал стоять совершенно спокойно и сохранял полную неприужденность.

— Если ты пожелаешь, мы предложили бы тебе воду из нашего колодца.

Мухабадцы медленно окружали незнакомца. Тот бросил на них быстрый взгляд через плечо и поежился: казалось, растущая толпа угнетает его. Рука чужака — тонкая, в серебряных с бирюзой перстнях — произвольно потянулась к сабле и лишь в последний момент отдернулась.

— Я с радостью принял бы ваш дар,— сказал он с полупоклоном.

— В таком случае, будь нашим гостем,— торжественно провозгласил Дияе.— Клянусь Коброй!

Человек, не побоявшийся Великих Песков, достоин глотка хрустальной воды из мухабадских колодцев!

Вокруг одобрительно загудели. Раздались рукоплескания.

Незнакомец медленно поднял руки к платку, закрывавшему его лицо, и снял его. По толпе пробежал легкий вздох изумления: открылось молодое безбородое лицо, привлекательное, почти нежное. На виске лежала, выбившись из-под платка, огненно-рыжая прядь.

— Я, Соня Огненная Грива, благодарю тебя за предложенное гостеприимство и с радостью принимаю воду из мухабадских колодцев! — звонко проговорил незнакомец.

— Женщина! — Диайе не сумел удержаться от удивленного возгласа.

Рыжеволосая женщина рассмеялась.

— Ты думал, мудрейший, что проделать подобный путь под силу лишь мужчине?

Диайе не ответил. Он был слишком потрясен.

Пока Соня пила воду и поила своего усталого верблюда, зеваки продолжали глазеть на нее. Несколько человек остались любопытствовать и после, когда толпа разошлась, шумно обсуждая случившееся и гадая — кто могла быть эта таинственная женщина, которая не побоялась пересечь пустыню в одиночку.

Соня блаженно растянулась в тени платана. Кто-то из мухабадских женщин принес ей лепешку, и теперь, утолив и жажду, и голод, она наслаждалась покоем.

Неожиданно она почувствовала, что кто-то стоит рядом и пристально смотрит на нее. Приподнявшись на локте, Соня повернулась в сторону непрошеного соглядатая.

Это был высокий, стройный человек лет сорока, одетый в простую одежду местного жителя. У него было смуглое лицо, тонкий нос с горбинкой, большие влажные глаза. Гордая осанка этого человека странно не гармонировала с его обликом простолюдина.

— Не будет ли слишком *назойливым*, — она нарочно подчеркнула голосом последнее слово, намекая на бестактность визитера, — осведомиться: что нужно почтенному от бедной странницы?

— Прости. — Голос прозвучал глухо и устало. — Я не хотел тебя беспокоить.

— И все же побеспокоил, — заметила Соня, однако более дружелюбно. Она уселась поудобнее, потянулась, хрустнув косточками. — Ты хотел поговорить со мной?

— Если это не в тягость тебе.

Соня качнула головой.

— Садись рядом. Или ты предпочел бы место, скрытое от человеческих глаз? Тогда скажи — где, и пойдем туда.

— Безразлично. — Человек уселся рядом с Рыжей Соней. — Мое имя Афолле. Ты, я слышал, называла себя Соней... Ты гирканка?

— Как ты догадался?

Афолле неопределенно пожал плечами.

— Имя... Внешность... Ты очень красива, — добавил он неожиданно.

Соня тотчас подобралась и настороженно отодвинулась. Ее ладонь накрыла рукоять одного из кинжалов.

— Осторожней с этим,— предупредила она.— Я не доверяю мужской лести. Вы, мужчины, слишком много болтаете...

Афолле рассмеялся — почти против своей воли.

— У нас то же самое говорят о женщинах.

Но Соня не разделяла его веселости.

— О женщинах всюду говорят самые разные глупости,— хмуро пробормотала она.— Оставим это. Ты назвал свое имя, Афолле. Будет лучше, если ты назовешь и свое дело. У тебя ведь есть какое-то дело ко мне?

— Да.— Афолле помолчал, поглядывая на свою собеседницу искоса. Он как будто колебался: рассказывать ли ей все или же ограничиться какой-то частью истории.

Соня не торопила его. Водила пальцами по пыли, оставляя извилистые узоры, ждала, наслаждаясь бездействием и покоем.

Наконец Афолле проговорил:

— Я предложил бы тебе свой кров... если ты не откажешься, Соня. Мои жены и дети будут рады видеть тебя у нас. Они станут прислуживать тебе, если захочешь.

— Жены? — Соня приподняла бровь, усмехаясь.

— Да, я взял двух жен. Младшая, моя любимая,— Хилаль... Мы соединили наши судьбы давно, еще в годы юности. Она была очень хороша собой. Она и сейчас хороша, хотя годы оставили

свой след на ее лице и руках. Хилаль принесла мне двоих сыновей. Превосходные мальчики! Старшая же, Сулайм, вошла в мой дом всего год назад...

— Как это? — Соня покачала головой.— Наверное, будет лучше, если ты объяснишь мне все с самого начала. Мне не хотелось бы допустить какую-нибудь неловкость, оставаясь у тебя в гостях, почтенный Афолле.

— Так ты согласна принять мое приглашение? — Афолле от волнения едва не подскочил.

— Разумеется. И с глубокой признательностью. Пока что никто не предлагал мне ничего лучшего. Тебя не оскорбит, если я заранее предупрежу: у меня нет денег...

Смуглое лицо Афолле потемнело.

— Ни слова больше! Не говори о деньгах, женщина! Ты уже почти оскорбила меня!

— Прости.— Соня произнесла это от всей души.— Я недавно с проклятого Запада — там все только и говорят, что о деньгах...

— Ты ненавидишь Запад? — жадно спросил Афолле.

— Аквилонцев,— сквозь зубы ответила Соня,— но это неинтересно. Продолжай, Афолле. Ты обещал мне рассказать о своих женах.

— Разве? — Афолле еле заметно улыбнулся. Все-таки Соня была любопытна.

Соня неопределенно дернула плечом.

— Ты сказал, что твою младшую жену зовут Хилаль и что ты прожил с нею всю жизнь, между тем как старшую...

— Старшую жену, Сулайм, я ввел в свой дом всего год назад. Да, это так,— кивнул Афолле.— Она была женой моего старшего брата. Поверь, Сулайм — хорошая жена. Мой брат был доволен тем, что соединил с ней судьбу. Она родила ему трех дочерей и сына. Теперь же, когда брат мой умер, Сулайм и ее дети вошли в мой дом.

— Какой варварский обычай! — возмутилась Соня.— Неужели женщина не имеет права обрести свободу после смерти мужа? Неужели она не может хотя бы выбрать себе мужа по душе?

Афолле негромко посмеялся в бороду.

— Ты независима, горяча и никогда не жила под постоянной угрозой Великих Песков, странница. Подумай! Ведь после смерти моего брата Сулайм осталась совершенно беззащитной, одинокой. Кто защитит ее, кто вспашет принадлежащую ей полосу земли, кто позаботится о ее коровах? Вряд ли в нашем селении нашелся бы достойный муж для нее. По нашему закону и обычаю я обязан заботиться о ней. Это справедливо и милосердно, Соня!

Соня молча выслушала Афолле, чувствуя, как румянец медленно заливает ее щеки. Несомненно, этот житель песков был прав. Слишком уж поспешно осудила чужестранка обычаи земель, о которых почти не имела понятия.

— Мне стыдно,— проговорила она наконец.— Ты прав, а я ошибалась.

— Признак сильного характера! — воскликнул Афолле.— Ты сумела признать свою неправоту, Соня. Да, я не ошибся в тебе, когда с первого взгляда увидел: вот та, которая мне поможет.

Соня тряхнула головой, расправила плечи.

— Мне не нравится, когда обо мне судят, точно о скаковой лошади,— заявила она.

— Прости.— Афолле встал, протянул Соне руку.— Позволь мне проводить тебя в свой дом. Там я расскажу тебе остальное. Кроме того, ты устала и нуждаешься в отдыхе. Несколько часов сна в прохладе, за стенами, на мягких коврах. В изголовье твоего ложа я поставлю кувшин с холодной водой, чтобы тебе приятнее дышалось.

Соня покачала головой.

— Да, Афолле, ты умеешь уговаривать. Думаю, ты убедил бы даже гремучую змею попить молочка и помурлыкать у очага.

Афолле развел руками, словно прося извинения. Мол, таков уж я уродился!

Соня легко поднялась на ноги.

— Идем. Я действительно хочу выспаться на нормальной человеческой постели. Давно уже мне не удавалось этого сделать.

* * *

С виду дом Афолле казался ничем не примечательной хижинкой с соломенной крышей и серыми глинобитными стенами. Несколько узких окон выходили на дворик, где на открытой жаровне женщины стряпали обед для всей семьи. Пяток ребятишек разных возрастов занимались хозяйственными делами. Девочка лет тринадцати чесала шерсть, усердно работая большим костяным гребнем.

Однако, едва лишь войдя в низкую резную дверь, Соня остановилась в изумлении. Стены

дома были завешены соломенными циновками. Повсюду стояли кувшины с холодной водой, отчего в доме царила приятная прохлада. Здесь действительно легко дышалось в самую лютую жару — Афолле не обманул.

Соня невольно улыбнулась. Она не выносила духоты. А в последнее время странствия то и дело заводили ее в жаркие края. Слишком жаркие, на Сонин взгляд.

Мягкое ложе из нескольких ковров точно манило к себе.

Из полумрака хижины навстречу Соне вышла маленькая женщина лет тридцати пяти. На ее смуглых руках позвякивали браслеты — медные и серебряные, украшенные бирюзой и яшмой. На правой лодыжке она носила широкий браслет с бубенцами, мелодично звеневшими при каждом ее шаге. Соне уже доводилось видеть такие браслеты — и в Эруке, и в Асгалуне. Многие верили, что звон бубенцов отпугивает злых духов, которые таятся в глубинах земли и только и ждут случая напасть на человека, схватить его за ноги и овладеть его плотью.

У женщины было приятное круглое лицо, блестящие черные глаза, пухлый рот, щедро украшенный красной краской. Черная краска искусственно удлиняла брови, заставляя их сходиться над переносицей. В маленьких круглых ушках покачивались тяжелые серьги.

Завидев Соню, женщина поклонилась ей и, выпрямляясь, улыбнулась так искренне и дружески, что сердце Сони невольно растаяло.

— Мы несказанно рады тебе, гостя, — проговорила женщина. — Мой муж называет меня Хилаль. Я — младшая жена моего господина.

— И любимая, — добавила Соня.

Хилаль слегка покраснела.

— Это он так сказал?

— Разумеется. Хотя, глядя на тебя, я и сама бы так подумала, — ответила Рыжая Соня.

Хилаль покраснела еще гуще.

— Эти речи вливаются мне в уши, точно мед, — прошептала она. — Но не говори так больше... Ты смущаешь меня, женщина.

— Мое имя Соня.

Соня размотала с головы платок, и длинные рыжие косы упали ей на плечи. Хилаль восхищенно уставилась на этот огненный поток волос, от которого, казалось, в хижине разлился яркий свет.

— Это... твои настоящие волосы? — прошептала она еле слышно. — Чем ты их красишь?

Соня улыбнулась.

— Ничем. Они такие от природы.

Занятые разговором, женщины не услышали, как вошел Афолле.

— Не утомляй гостью, Хилаль, — молвил он с напускной строгостью. И обратился к Соне: — Я предложил бы тебе пива «доло» — мы варим его сами... У нас его пьют только мужчины, но ты ведь свободная женщина с Запада, а на Западе, я слышал, совершенно другие обычаи...

— Да, — проговорила Соня, — обычаи на Западе другие... И я с удовольствием выпью с тобой доло.

Афолле сделал едва заметный знак своей младшей жене, и та исчезла во внутренних помещениях дома, отгороженных от парадной половины — той, где принимали Соню, — колышащимися занавесками из крашенных тростниковых палочек.

Вскоре Соня уже угощалась сладкими лепешками и густым сытным напитком, который Афолле упорно именовал «пивом». Соня была склонна полагать, что это что угодно, только не пиво. Она припоминала кисловатый хмельной вкус айла, который пробовала в тавернах к западу отсюда; думала и о темном майде, которым угощали ее братья-наемники — она разделяла их судьбу некоторое время, пока проезжала Пограничное Королевство и участвовала в нескольких битвах с варварами...

Здесь, в стране, занесенной песком, время словно остановилось. Или, что будет вернее, пошло вспять. Станный покой охватил Соню. Может быть, так и выглядит бессмертие, подумалось ей вдруг. Отсутствие смерти. Ведь смерть — это неуклонное движение времени. Так учили в жреческой школе.

Впрочем, и жреческая школа, и детство Сони, о котором она вспомнила так некстати — зачем только Афолле заговорил об «обычаях Запада»! — казались ей сейчас невероятно далекими, почти нереальными.

Хмель от крепкого напитка уже бродил у Сони в голове. Тем не менее она не утратила способности соображать.

Во-первых, она до сих пор не видела старшей жены Афолле. Нет, не это важно... А что?

Да! Зачем, собственно, Афолле пригласил ее к себе? Для чего рассказывал о своих семейных обстоятельствах? Зачем ему понадобилось оказывать гостеприимство странной женщине, которая не побоялась в одиночку пересечь Дикие Пески (так иногда называли в этих краях наступающую на человеческие жилища пустыню)? Здесь, на Востоке, недолгобывали бродяг без рода и племени, а еще меньше доверяли женщинам-воительницам. Впрочем, женщин-воительниц повсюду встречают без особого восторга, с этим Соня уже сталкивалась не раз.

Но голова ее тяжелела. Доло действовало.

— Прости, высокочтимый, — выговорила она, с трудом ворочая тяжелеющим языком. — Я нуждаюсь в нескольких часах сна. Твое доло оказалось сильнее моей воли...

— Оно и неудивительно, — улыбнулся Афолле. — Спи, Рыжая Соня.

И Соня, едва добравшись до постели, погрузилась в глубокий, спокойный сон.

* * *

Пробудилась она на рассвете следующего дня совершенно отдохнувшей. Некоторое время она лежала неподвижно, прислушиваясь и приглядываясь. Наконец в полумраке комнаты что-то зашевелилось. Соня повернула голову и встретила глазами с женщиной лет двадцати семи. Женщина была некрасива — очень смуглая, с крупным носом, большими черными глазами навывкате, с длинным, ярко накрашенным ртом, который выглядел как

свежая рана. Она перебирала крупу, при каждом движении посверкивая перстнями и позвякивая тяжелыми медными браслетами.

— Прости, я разбудила тебя,— проговорила женщина. У нее оказался глухой, хрипловатый голос.

— Нет, я уже выпалась. Спасибо господину этого дома,— отозвалась Соня.

Женщина едва заметно усмехнулась, дернув одним уголком рта.

— Господин этого дома милостив,— сказала она с непонятной интонацией. Словно втайне хотела посмеяться над Афолле.— Мое имя Сулайм, я — старшая жена хозяина.

— Привет тебе,— вежливо произнесла Соня и села на коврах, потирая глаза.— Сейчас утро?

— Да. Я принесу тебе завтрак, госпожа.— Отставив сито, Сулайм встала. На ней было длинное платье, белое с оранжевыми полосами. Соня заметила, что перстни украшали также пальцы ног Сулайм.

Не сказав больше ни слова, старшая жена Афолле удалилась.

Соня позавтракала кашей и кислым молоком. Завтрак принесла ей девочка, которую Соня еще прежде заметила во дворе, когда только прибыла в дом Афолле. Девочка вообще не разговаривала с гостьей — поставила глиняную миску и кувшин у ее ног и убежала.

Время решающего разговора с Афолле приближалось. Соня чувствовала это так же явственно, как полуденную жару.

Афолле появился в полутемной комнате, где отдыхала Соня, так неожиданно, словно вырос из-под земляного пола.

— Хорошо ли ты отдохнула? — осведомился он.

— Благодарю тебя. Твои жены чрезвычайно любезны,— ответила Соня. Она вовсе не собиралась начинать серьезную беседу первой и задавать вопросы. Этого требовали как правила вежливости, так и осторожность.

Но и Афолле явно не спешил.

— В это время года стоит жара,— заметил он.— Самое жаркое время суток лучше пересидеть в доме.

— Хотя я и провела немалое время в теплых краях, но плохо переношу жару,— подхватила Соня.— Весьма разумный обычай — оставаться в прохладных домах, пока солнце лютует на улице.

Они помолчали. Неожиданно Афолле улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Любой человек с Запада не удержался бы уже и спросил: для чего этот Афолле пригласил его к себе? Уж не ловушка ли это?

— Мало выгоды в том, чтобы заманить меня в ловушку,— заметила Соня.

— Такая красивая женщина дорого стоила бы на невольничьем рынке,— засмеялся Афолле.

Соня не подхватила его шутки. Нахмурившись, она возразила:

— Слишком дорого — для своего нового владельца! Вольного орла долго в клетке не удержишь...

— Ты права,— тотчас согласился Афолле.— Разумеется, речь идет об одной услуге. Видишь ли, Соня, я не могу доверить эту тайну никому из мухабадцев. Мои односельчане слишком алчны, слишком трусливы, слишком трясутся над своими жалкими полосками земли, которые из года в год приносят все более скудный урожай. Страх перед надвигающимися Дикими Песками, похоже, отнял у них последний рассудок.

— Но ты не таков, Афолле, не так ли? — улыбнулась Соня.

Афолле не поддержал ее шутки.

— Нет,— твердо произнес он,— я не таков. Слушай, Соня. Я владею одной древней тайной.— Он подался вперед. Глаза его горели.— Несметные сокровища, Соня! Власть! Возможно, старинная магия! И — кто знает? — может быть, именно я сумею остановить Дикие Пески и вернуть нашим землям плодородие.

Соня поморщилась.

— Только не изображай человеколюбца, будущего спасителя человечества.

Афолле усмехнулся.

— А ты, как я погляжу, не доверяешь бескорыстным людям!

— Их просто не бывает...— задумчиво ответила Соня.— Те, кто притворяется радетелями за окружающих, чаще всего на поверку оказываются холодными, жадными эгоистами, прикрывающимися высокими словесами.

— Но есть ведь и мечтатели...— напомнил Афолле.

Соня бестрепетно встретила испытующий взгляд его черных влажных глаз.

— Есть,— согласилась она.— Это тряпки, ни на что не годные юнцы или впавшие в младенческое состояние ума старцы... Надеюсь, ты не то и не другое, иначе мы с тобой никогда не договоримся.

— Итак, правду, Рыжая Соня. Я буду говорить тебе одну только правду, коль скоро ты отказываешься от терпких и сладких пряностей, которыми я собирался было приправить для тебя это блюдо... Что ж, приготовься: сейчас тебе предстоит вонзить зубы в черствую лепешку ничем не украшенной истины.

Соня не выдержала — расхохоталась.

— Не так, так эдак — тебе все же удалось навесить мне на уши пышные цветочки восточного красноречия! Хвалю тебя, Афолле!

— Хвалю и тебя, Соня! — отозвался хозяин дома и слегка кивнул молодой женщине, как равный равному.— Ты умеешь оценить шутку и не выйти за рамки учтивости. Итак, слушай. Я прожил жизнь простого человека с моей женой, милой Хилааль. Хотя я и знатного происхождения...

— Это заметно по твоей осанке,— перебила Соня, не чуждая мелкого тщеславия: ей хотелось похвалиться своей наблюдательностью.

Афолле еле заметно улыбнулся.

— Благодарю. Мое происхождение из древнего, некогда славного рода теперь уже не имеет никакого значения. Что с того, что предок мой стоял у трона Асгалунского владыки? Что с того,

что нашей семье принадлежала крепость Аудагосте?

— Аудагосте? — Соня слегка подалась вперед. — Впервые слышу это название.

— Неудивительно. — Афолле горько сжал губы. — Ведь она уже много лет погребена под песками... неумолимыми песками, которые захлестывают нас, как самое Время!

— Как я понимаю, Аудагосте — ключ к тайне? — нетерпеливо спросила Соня.

— Ты заглядываешь на самое дно колодца моих помыслов, — согласился Афолле. — Но не спеши. Выслушай от начала и до конца. Мой старший брат был не таков, как я. Он никогда не забывал о славном прошлом наших предков. Наше происхождение, бывшее богатство, давно ушедшая слава — все это буквально не давало ему покоя. Сулайм говорит, он часто кричал по ночам — ему снились дни, которых он никогда не видел... Не знаю, как он выведал об Аудагосте. Много поколений сменилось с тех пор, как стены этой крепости высились над песками. Никто не знает, когда и как она исчезла. Ее больше нет на поверхности земли — вот все, что мы знаем... Но брат мой разведал нечто большее.

— Он был там, в Аудагосте?

— Да. Он был уверен, что отыщет там, на руинах, наши фамильные сокровища — они были утрачены вместе с крепостью. Может быть, он надеялся найти там нечто большее, чем золото.

— Что именно?

— Какую-то магическую вещь... талисман... Что-то, что дает власть над песками... Я не знаю! Он отправился туда один и возвратился спустя три месяца совершенно больной. Какая-то неведомая болезнь изглодала его в считанные дни. Он неудержимо худел, пища не задерживалась в его желудке. Как ни старались Сулайм и моя Хилаль выходить его — ничто не помогало. Брат угасал на глазах. Перед смертью он передал мне карту — карту Аудагосте. Теперь этой тайной владею я.

— Неужели ужасная гибель твоего брата тебя не останавливает? — спросила Соня.

Афолле покачал головой.

— Напротив! Я усматриваю в ней вызов. Вызов неких темных сил, которые ни за что не желают допустить нашу кровь в Аудагосте.

— Каких еще темных сил? Выражайся яснее! — Соня, читавшая Рысь — солнечное, яростное божество — ненавидела недомолвки и всякую темноту. — Ты знаешь, как эти силы называются?

— Нет. Более того, я понятия не имею об их природе. Возможно, там таится разъяренная душа Диких Песков.

Соня пристально всматривалась в лицо Афолле, словно пыталась выискать в нем признаки безумия.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Я хочу отправиться в Дикие Пески. Но не один. Мне нужен спутник. Человек, в чьих жилах не текла бы кровь нашего рода... Но я не хочу рассказывать о своей тайне мухабадцам. Ты должна меня понять.

— Я понимаю тебя, Афолле,— медленно проговорила Соня, кивая головой.— Боюсь, я слишком хорошо тебя понимаю...

— Ты пойдешь со мной в Аудагосте? — жадно спросил Афолле.

— Я должна подумать.

Афолле порывисто поднялся.

— Думай, женщина! Я не стану тебя торопить. Но через два дня, когда луна достигнет полноты своей беременности, я покину этот дом и направлюсь на север — разыскивать крепость, которую построили мои предки и которую поглотили Дикие Пески... Навстречу судьбе, какой бы она ни была!

* * *

Два всадника неспешно двигались на север. Верблюды ступали по песчаным дюнам. Зыбучий горизонт пустыни отодвигался все дальше, открывая перед путниками необозримые просторы. Куда ни глянь — везде все те же дюны, все тот же грязноватый желтый песок, и нигде — ни следа растительности. Земли, которые еще несколько поколений назад славились своим плодородием, ныне лежали под песками.

Что-то зловещее чудилось в этом наступлении сил природы на человека. Здесь, в пустыне, человек выглядел особенно малым и ничтожным созданием богов, беспомощным и дерзким.

И все же это был Человек — существо, способное бросить вызов и силам природы, и магии, и самим богам! Иногда у него это получалось — и

неплохо получалось. Легендарный король и воин Конан, чей прах поглотила земля пятьсот лет назад, осмеливался выступить против самих богов. Соня знала, что из этих схваток Конан выходил победителем.

Конечно, она — всего лишь женщина, ей далеко до дерзновенного киммерийца. И все же...

Соня тряхнула головой, отгоняя неуместные мысли. Какой смысл думать о богах, о битвах? Впереди — песок и песок, и неизвестно еще, сумеет ли Афолле отыскать развалины крепости Аудагосте, поглощенной песками. А если и отыщет — смогут ли они выполнить свою задачу и откопать там *нечто*, способное вернуть Афолле все то, о чем он грезит: богатство его предков? И чем окажется это *нечто* — быть может, не так-то просто будет распознать искомую вещь среди всякого хлама, какой обычно отыскивают искатели кладов на развалинах старых городов.

— Вот она! — крикнул Афолле, прерывая мысли Рыжей Сони.— Вот она! Мы нашли ее, Соня!

Соня стряхнула с себя задумчивость и устремила взгляд в том направлении, куда указывал ее спутник. Поначалу ей показалось, что перед ними наваждение, мираж, очередная издевка пустыни над человеческим сознанием. Над сероватыми песками поднимались могучие стены, сложенные крупными белыми камнями. Белоснежные башни с золотыми куполами, венчающими крыши, сверкали над стенами. Многоцветье мозаик, украшающих башни,— синих, красных, золотых,— ослепляло.

— Клянусь Рысью! — вскричала Соня. — Мы грезим, Афолле?

Ее спутник покачал головой.

— Нет, это она — Аудагосте... Такой она была во дни могущества моих предков, Соня.

— Откуда ты знаешь?

— Я читал описание в старинной книге... В той книге, что осталась после моего брата.

Афолле порылся в дорожном мешке, притороченном к седлу, и извлек оттуда флягу. Глотнув воды — на радостях он позволил себе лишний глоток — он вытащил из той же сумки небольшой том, переплетенный в кожу. Книга казалась очень старинной — она вся потемнела от времени. Переплет был в сальных пятнах, серебряные застёжки покрылись зеленью.

Афолле расстегнул ремни, стягивающие переплет, и раскрыл книгу перед Соней. Пергаментные листы, густо исписанные незнакомыми Соне знаками, были для рыжеволосой искательницы приключений все равно что пустыми, однако миниатюра, выполненная с редким искусством, казалась более чем красноречивой. Там была изображена крепость — та самая, что высилась сейчас перед путешественниками. Невозможно было не узнать эти белые стены, эти витые изящные башни с полукруглыми окнами, эти витражные стекла, пестрые мозаики, мощные ворота, окованные медью...

— Аудагосте, — прошептал Афолле, закрывая книгу и бережно стягивая ремешки застёжек. — Вот она! Мы у цели.

Соня покачала головой.

— Как же люди не видели ее прежде? Я уверена, что караванные тропы проходят неподалеку. Иначе зачем было бы возводить здесь крепость?

— Возможно, за годы караванные тропы сместились к востоку отсюда, — ответил Афолле. — Не знаю, почему никто не замечает ее. Может быть, она явилась мне, отзываясь на голос моей крови...

— Да, но при чем тут я? Мы с тобой не родня, Афолле, — резонно заявила Соня. — А между тем я вижу ее так же хорошо, как и ты. Нет, разгадка в чем-то ином...

— Подъедем поближе, — предложил Афолле. — Думаю, только там мы все узнаем до конца.

Они направили верблюдов крупной рысью и вскоре уже находились под самыми стенами Аудагосте.

Вблизи крепость поражала своей неприступностью и мощностью не меньше, чем издалика — красотой и изяществом внутренних строений, защищенных могучими стенами.

Всадники объехали крепость по периметру — на это у них ушло немало времени, так велика была Аудагосте. Но нигде не обнаружили они ни малейшего признака жизни. Крепость, казалось, была совершенно мертва.

— Этого не может быть! — сказал наконец Афолле. — Чтобы поддерживать ее в таком превосходном состоянии, нужен гарнизон по меньшей мере из двухсот человек...

Соня искоса глянула на него. Несмотря на жизнь простого поселянина, которую Афолле

вынужден был вести в Мухабаде, он тем не менее неплохо разбирался в военном деле. Пожалуй, он смог бы даже возглавить небольшое подразделение и успешно командовать им. Что это? Действительно аристократическое происхождение или тщательное изучение старинных рукописей, где трактуются вопросы военного искусства?

— Непонятно,— продолжал Афолле, обращаясь больше к самому себе, чем к своей спутнице.— Как же это получилось... Не могли же все они затаиться, заметив нас?

— Если бы они решили, что мы представляем для них какую-то опасность, они давно сняли бы нас стрелами,— возразила Соня. У нее тоже имелись кое-какие представления о военном искусстве, и почерпнула она их не из старинных рукописей, а из жизни, заплатив за некоторые уроки довольно дорогую цену.

— Что ж,— решил Афолле,— единственный способ все узнать наверняка — попытаться войти в крепость.— Он задрал голову и закричал во всю глотку: — Эй, в Аудагосте! Мы пришли с миром! Откройте нам ворота!

Ответом ему было мертвенное безмолвие.

— Проклятие,— прошептала Соня.— Неужто это крепость мертвецов, оживающих лишь по ночам?

— Может быть, нам и впрямь стоит подождать ночи? — спросил Афолле.

Соня поежилась.

— Не хотелось бы мне встречаться с ожившими мертвецами, Афолле. Я предпочитаю иметь

дело с живыми. От них все же меньше беспокойства.

Афолле хмыкнул.

— От живых-то как раз все беспокойство и проистекает в этом мире, Соня.

— Зато живых можно сделать мертвыми и больше ни о чем не тревожиться,— парировала Соня.— А ожившего мертвеца поди угомони.

Афолле развел руками в знак своего поражения.

Некоторое время они топтались перед воротами. Потом Афолле поднял руку и решительно постучал в ворота.

* * *

И тут...

Великолепная крепость Аудагосте, поражающая своей роскошью и неприступностью, покачнулась, словно была подвешена на невидимой нити к небосводу и малейшее прикосновение было способно привести ее в движение. Затем она странно исказилась, как потревоженное отражение в прозрачном озере. Спустя мгновение она рассыпалась перед глазами изумленных путников множеством разноцветных осколков, среди которых преобладали белоснежные. Раздался еле слышный хрустальный звон, как будто где-то вдалеке разбили бокал. По пескам пробежала рябь и легкий шепот. Спустя мгновение все было кончено.

От крепости не осталось и следа. У ног Сони и Афолле простирались пески.

Путники не верили собственным глазам. Только что Аудагосте грозила непрошеным гостям — и вот она снова стала прахом...

— Поэтому ее никто и не замечал, — сказала Соня. Она первой пришла в себя, в то время как Афолле продолжал растерянно озираться по сторонам, словно искал сбежавшую овцу. — Ее больше не существует.

— Но как же...

— Мираж, — пожалала плечами Соня.

— Нет, — прошептал Афолле, — это не простой мираж... Это нечто большее.

— Возможно, — согласилась Соня. — Возможно, что и большее. Какой нам от этого прок?

Вместо ответа Афолле опустился на колени и принялся разгребать песок руками. Вскоре он извлек из-под песка камень, носивший явные следы резца ремесленника. Обломки синей и золотой мозаики вдруг блеснули на солнце.

— Она была здесь! — лихорадочно крикнул Афолле. Губы его пересохли, глаза блестели нездоровым блеском. Он казался теперь одержимым одной-единственной идеей. — Мы должны раскопать ее.

Однако Соня не спешила включаться в работу.

— Ты уверен, что мы сумеем вдвоем выкопать из-под Диких Песков целую крепость? Да еще работая голыми руками? Должно быть, раскусок твой помрачился, Афолле! Сядь, успокойся. Выпей еще воды. Мы должны как следует подумать, прежде чем браться за это дело.

— Ты права.

Афолле сел, тяжело дыша. Грудь его вздымалась и опускалась, как кузнечный мех.

— Выпей воды — Соня протянула ему свою флягу.

Афолле осторожно отхлебнул всего один глоток. Житель пустыни, он умел обходиться самым малым количеством воды.

— Итак, Афолле, мы нашли то место, где некогда стояла крепость, возведенная твоими предками, — подытожила Соня. Она говорила деловито — это была единственная возможность не поддаваться безумию, которое, казалось, подстерегало здесь на каждом шагу.

— Да. Мы нашли ее. Мы нашли ее! — Афолле то и дело обводил развалины крепости глазами, точно боялся, что рассыплются прахом и они.

— Это то самое место, которое отыскал твой брат, — продолжала Соня. — Но ты не забыл еще, Афолле, как умер твой брат? Кто знает, не ожидает ли та же участь и тебя!

— Пусть. — Афолле махнул рукой. — Мне теперь все равно. Я здесь, на земле моих предков...

— Возможно, кое-кто из них до сих пор бродит по этим руинам, — предостерегла его Соня. — О такой возможности ты не подумал?

— Что они могут мне сделать? — Афолле засмеялся. Это был счастливый и вместе с тем пугающе безумный смех. — Ведь мы с ними одной крови!

— Не нравится мне здесь, — сказала Соня. — Что-то здесь есть такое, от чего у меня мороз по коже пробегает.

Они с Афолле поставили палатку и расседлали верблюдов. Усталость и волнение взяли свое — едва утолив голод, путники заснули и проспали до ночи.

* * *

Среди ночи Соня проснулась, как от толчка. Она полежала в неподвижности, вслушиваясь в ночную тишину, затем осторожно села и вынула из ножен кинжал.

Это движение разбудило Афолле. Прирожденный воин, он умел спать вполуха.

— Что случилось? — прошептал он.

— Не знаю, — отозвалась Соня также шепотом. — Мне кажется, кто-то здесь... поблизости...

— Сogleдатай?

— Не пойму... Кто-то стоит у шатра...

Афолле резко поднялся на ноги и, держа саблю наготове, приблизился ко входу в шатер.

— Кто здесь? — крикнул он властно. — Выходи! Если ты друг, тебе незачем таиться! Если враг — прими мой вызов!

Но темнота безмолвствовала.

— Оно ушло, — сказала Соня, чувствуя, как странное напряжение отпускает ее.

Афолле повернулся к своей спутнице. Яркий лунный свет проникал в шатер.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую. — Соня передернула плечами. — Инстинкт, знаешь ли. Когда много путешествуешь, да еще одна, остается полагаться только на те глаза, которые мы имеем на затылке, да на уши, что вырастают у человека на лопатках.

— Ладно, не насмехайся. — Афолле пригнулся, внимательно разглядывая что-то у входа в палатку.

— Что ты там нашел?

— Следы. — Афолле выпрямился и посмотрел на свою спутницу с искренним восхищением. — Ты была права! Сюда кто-то приходил. Стоял здесь довольно долго. Погляди.

Соня приблизилась и присела на корточки. Действительно у входа в шатер обнаружились следы очень маленькой ноги. Мизинец оставлял характерный глубокий отпечаток. Соня указала на это Афолле.

Тот присмотрелся повнимательнее.

— Кто бы это ни был, он носит перстни на пальцах ног, — заключил Афолле после краткого изучения следа. — Моя старшая жена любит надевать кольца на мизинцы ног.

На миг в памяти Сони мелькнуло хмурое лицо Сулайм. Она — бывшая жена брата Афолле, а брат Афолле нашел на этих развалинах нечто такое, что погубило его и в конце концов свело в могилу. Интересно, знает ли Сулайм — что именно это было?

— О чем ты думаешь? — с интересом спросил Афолле, наблюдавший за тем, как его спутница хмурит брови и покусывает нижнюю губу.

— Да так... Скажи мне, Афолле, что именно рассказывала тебе Сулайм о смерти твоего брата?

— Тс! Не называй имен в этом месте!

Афолле казался по-настоящему испуганным.

— Хорошо, — согласилась Соня. — Хотя сейчас нас никто не слушает.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Ладно... Она рассказывала совсем немного. Только то, что ты уже знаешь.

Соня подумала еще немного.

— Не может ли так быть, что она пошла за нами следом?

— Ты полагаешь, молодая женщина, всю жизнь прожившая в селе, за заборами и стенами, способна бросить все и мчаться по пескам, выслеживая нас? Добавь: ведь ей пришлось бы таиться. В пустыне это совсем не простое дело.

— А если она шла по нашим следам?

— В таком случае, как же ей удалось оказаться на месте одновременно с нами?

— Ты прав. И все же все это кажется мне чрезвычайно подозрительным...

— Что именно? — насторожился Афолле. — Уж не хочешь ли ты сказать, что это она свела моего брата в могилу?

— Да уберегут меня боги от такого пустого, вздорного и несправедливого обвинения! — горячо сказала Соня. — Конечно же нет. То, что женщина потеряла мужа, — еще не повод обвинять ее в чернокнижии, хотя в некоторых диких, да и цивилизованных племенах, тоже, именно так и поступают. Нет. Просто... возможно, перед смертью он поведал ей нечто... нечто такое, о чем она предпочла умолчать.

— С чего ты взяла? — рассердился наконец Афолле.

— Не знаю. Мне показалось, что я заметила страх в ее глазах. Не явный, а давний, потаенный

ужас... Как будто она видела то, что людям лучше бы не видеть.

Некоторое время они молчали, обдумывая Сонино предположение. Втайне Афолле был с ней согласен. Да, Сулайм выглядела так, словно кто-то испугал ее навеки. И такой она сделалась с того дня, как муж ее возвратился из Аудагосте. Хилаль жалела старшую жену, часто делала за нее всю домашнюю работу, предоставляя несчастной прятаться в глубине дома и возиться с маленькими детьми — своими собственными и детьми Хилаль.

В таком случае, то, что испугало Сулайм и убило старшего брата Афолле, находится здесь, в Аудагосте. И в очень скором времени искателям сокровищ придется столкнуться с этим лицом к лицу.

* * *

Целый день они провели на развалинах. Ничто не тревожило их; Афолле и Рыжая Соня спокойно бродили по развалинам, то и дело находя то обломки камней, тщательно обтесанных и часто украшенных мозаикой или росписью, то обломки сундуков — деревянные, с остатками инкрустации из перламутра и слоновой кости, то чаши из цветного стекла с изысканной росписью. Все это было погребено под толщами песка.

Постепенно в шатре собралась настоящая коллекция древних вещей. Были среди них и драгоценности — золотая цепь с рубинами, несколько перстней — золотых и серебряных, с самоцвета-

ми; браслеты с серебряными бубенцами, тонко поющие при каждом прикосновении человеческой руки.

Однако — и Соня, и Афолле чувствовали это — настоящий клад где-то в другом месте. Найденные вещи — лишь предвестники настоящего, большого сокровища.

— Что это может быть за клад? — спросила Соня у Афолле, когда они пережидали полуденную жару в тени шатра и подкрепляли свои силы кислым молоком и сушеным мясом. — Ты хоть имеешь представление о том, как выглядит вещь, которую мы ищем?

Афолле потянулся за своей книгой. Щелкнули застежки. Соня с любопытством заглядывала ему через плечо.

— Вот здесь, — тонкий смуглый палец Афолле остановился на отчеркнутом красным месте на пергаментной странице, исписанной неразборчивыми старинными письменами, — здесь говорится что-то о... — Он наклонился ниже и, вчитываясь, зашевелил губами. — Да, о власти над жизнью и смертью... которая... подожди, прочитаю более внимательно...

Соня неожиданно насторожилась. Власть над жизнью и смертью! Точнее — бессмертие? Нет, не может быть, чтобы все оказалось так просто: откопать клад, съесть из этого клада какие-нибудь травы и зелья — и готово дело, бессмертие в кармане! Нет, не следует обольщаться. И тем не менее сердце отважной гирканки забилося сильнее.

— Семейное сокровище... — бормотал Афолле, разбирая строчку за строчкой в древнем манускрипте. — Его спрятала мать моего предка... здесь, в Аудагосте... от людских глаз...

— Как оно выглядит? — нетерпеливо перебила Соня. Ее волнение было слишком сильным, чтобы она могла совладать с ним.

— Флакон. Флакон синего цвета, жидкость в нем — золотого. Жидкость надо выпить...

— Это эликсир бессмертия? — Соня не верила собственным ушам.

— Не знаю. Тут говорится лишь о власти... о власти над жизнью и смертью...

Они помолчали, бессильно глядя на книгу. Тот, кто написал ее, постарался зашифровать свои записи так, чтобы посторонние, даже если они и доберутся до заветных писем, не сумели разобраться во всем. А вздумай они вести поиски в самой крепости — здесь их, возможно, подстерегают опасности еще более страшные, чем в состоянии охватить человеческий разум.

Но, похоже, иного пути нет. Соня вздохнула:

— Нам остается только одно: отыскать этот проклятый флакон. А там... будь что будет! Ты решился бы выпить этот эликсир?

Афолле поежился.

— Не знаю.

Соня улеглась удобнее, подложила руки под голову. Уставившись на черный полог шатра, колеблющийся под слабым ветерком, прилетающим из Диких Песков, она попросила Афолле:

— Расскажи, как погибла Аудагосте.

Афолле помрачнел.

— Что ж... Ее поглотили Дикие Пески. Это случилось во времена моего прадеда. В крепости стоял небольшой гарнизон, человек пятьдесят. Здесь же жили жены солдат, их дети. В тот день к воротам Аудагосте приблизился караван. При одном только виде этих людей крепость охватила тревога: путешественники выглядели так, словно только что вырвались из ада и все демоны преисподней преследуют их по пятам. Их одежда была оборванной, лица изможденными, животные едва держались на ногах. У них с собой почти не было поклажи. Только один старик нес с собой книгу...

— Вот эту? — не выдержала Соня, указывая на том, который Афолле машинально поглаживал пальцами.

— Да. Этот старик выступил вперед и обратился к солдатам, стоявшим на стенах: «Впустите нас! Мы несем с собой недобрые вести, которые необходимо выслушать вашим командирам». Солдаты, не говоря ни слова, впустили путников. Все они без сил повалились на землю у стен. Женщины принесли им воды и пищи. Старика доставили к моему прадеду. Старик передал ему книгу, содержащую историю Аудагосте, указал на пустые последние страницы и велел моему прадеду записать там то, о чем никому еще не ведомо. Прадед мой смутился и спросил старца, о чем тот говорит. Старец отвечал: «Тебе это известно лучше, нежели мне, ибо ты владеешь эликсиром и держишь его здесь, в стенах крепости. Поспеш, ибо время близится».

— Откуда ты это знаешь? — спросила Соня. — Это ваше семейное предание?

— Я прочел об этом на последних страницах книги. Прадед исполнил повеление старца; кроме того, он записал обо всем, что касалось появления и таинственного исчезновения того каравана.

— Исчезновения?

— Да. Представь себе: на следующий день, проснувшись, солдаты и их жены обнаружили, что загадочные люди, выглядевшие вчера еле живыми от усталости и голода, бесследно исчезли. Не осталось ни следа их присутствия. Даже трава там, где они лежали, была не примята. Поначалу прадед решил было, что все это ему почудилось. Однако вскоре он убедился в своей ошибке. Ибо книга, которую оставил ему старец, никуда не пропала. В этой книге прадед прочел и пророчество о грядущей гибели Аудагосте. Увы! Это предсказание сбылось спустя несколько месяцев.

— Караван — это были соглядатаи? — спросила Соня. От рассказа Афолле ей стало не по себе, и она пыталась найти всему случившемуся в Аудагосте разумное объяснение.

— Нет. Никто не знает, кто это был. Возможно, эти люди и впрямь шли из ада в ад, а Аудагосте оказалась у них на пути... Как бы то ни было, спустя месяц чудовищный смерч пришел из пустыни. Крепость была сметена с лица земли, точно карточный домик. Спаслось всего несколько человек, в том числе — жена моего прадеда. Она была беременна, и таким образом наш род не прервался.

— А книга? — спросила Соня. Вся эта история начинала интриговать ее все больше и больше. Похоже, в этих руинах, занесенных Дикими Песками, ее ожидает открытие поважнее золота и серебра! — Жена твоего прадеда взяла книгу с собой?

— Нет. Книга осталась здесь, в Аудагосте. Смерч подхватил ее вместе с другими вещами, которые разбросал на большом пространстве по пустыне. Думаю, ее нашел кто-то из странников. Немало их, оставшихся без крова, бродило в те годы по пустыне в поисках новых колодцев, где можно было бы осесть и основать селение. Книга переходила из рук в руки, пока один из торговцев редкостями не продал ее моему брату...

— По-твоему, это была случайность? — требовательно спросила Соня.

Афолле моргнул.

— О чем ты?

Соня повернулась набок и пристально посмотрела на своего спутника.

— О книге! Ты считаешь, что она оказалась в руках твоего брата по чистой случайности?

— Нет! Конечно же, нет! — горячо возразил Афолле. — Торговец сказал моему брату прямо, что книга не имеет цены. И все же он уступил ее — потому что некогда эта вещь принадлежала нашему роду.

— А откуда торговец знал о вашем роде? Не кажется ли тебе это подозрительным?

Афолле энергично покачал головой.

— Нет. О властителях Аудагосте знали многие... Найти нас не составляло почти никакого труда.

— Как ты считаешь, — снова заговорила Соня, — этот торговец редкостями — для чего ему было тратить время и разыскивать наследников книги?

— И это можно объяснить. Вряд ли кто-нибудь выложил бы ему за эту книгу, битком-набитую старыми, никому не интересными легендами и семейными преданиями, такую кучу денег... Брат мой отдал торговцу десять коров. Все селение считало, что он рехнулся. Да так оно, в сущности, и было.

Это объяснение показалось Соне вполне разумным. Она вернулась мыслями к эликсиру.

— Следовательно, главным сокровищем Аудагосте является этот самый эликсир... бессмертия или власти над жизнью и смертью...

— Так утверждается в книге.

Соня вдруг замолчала и спустя секунду прошептала:

— Тихо!

Прислушался и Афолле. Опять это таинственное присутствие у входа в шатер!

Крадучись, Соня подобралась ко входу и откинула полог. На этот раз ей почти удалось поймать загадочного пришельца. Кто-то метнулся в сторону, на мгновение пропал из виду и спустя секунду помчался прочь, прыгая по пескам. Вскоре он уже исчез среди дюн.

— Кто это был? — спросил Афолле, когда Соня, разочарованно кривя рот, вернулась в шатер и снова улеглась.

— Понятия не имею. Это не твоя старшая жена, одно могу сказать.

— А следы? Следы те же самые?
— Да. С перстнями на мизинцах ног.
— Женщина, — уверенно проговорил Афолле.
— Вряд ли. Какая женщина может жить здесь, в песках, среди мертвых развалин? — возразила Соня. — Разве что какая-нибудь безумная... Но и она долго бы не протянула в этих мертвых песках.

— Возможно, здесь есть колодец, — сказал Афолле. — Не забывай, на этом месте стояла хорошо укрепленная крепость Аудагосте. В ней находилось два колодца. Один вполне мог сохраниться...

— Либо кто-то раскопал его спустя годы после нашествия смерча и песков, — добавила Соня. — Да, ты прав... Но меня почему-то не оставляет такое чувство, что наша гостя — не вполне человек...

* * *

К вечеру третьего дня к добыче, обнаруженной на руинах Аудагосте, прибавилось еще несколько чаш, расписанных золотыми розами и синими птицами, два мятых золотых кубка, почерневший перстень, свитый из тонких серебряных проволок, и массивная цепь — украшение на шею, которую поначалу Афолле принял за золотую, но которая на поверку оказалась медной.

Все находки Афолле и Соня отнесли в шатер и сложили там.

— Выглядит неплохо, — заметила Соня, рассматривая причудливую «коллекцию» старинных вещей. — Клянусь богами! На базарах Асгалуна за

многие из этих побрякушек тебе отвалили бы целую кучу денег.

Афолле поглядел на Соню. За эти несколько дней лицо потомка властителей Аудагосте осунулось, щеки ввалились, хрящеватый нос словно выступил вперед, смуглая кожа покрылась сероватым налетом. Афолле как будто грыз какой-то потаенный недуг. И только темные глаза продолжали гореть лихорадочным огнем.

— Все эти сокровища не стоят и ломаного гроша! — воскликнул он с отчаянием в голосе. — Что означают для меня какие-то жалкие сотни золотых, которые асгалунские торговцы, возможно, отвалют за эти чаши и перстни? Эликсир бессмертия где-то совсем близко, я чувствую это. Одна капля этой жидкости — и перед нами распахнуты ворота в Вечность...

— И кто знает, какой окажется эта Вечность, — возразила Соня осторожно, но ей пришлось опустить ресницы, чтобы не выдать алчного блеска, появившегося в ее глазах. Она тоже отдала бы все сокровища, найденные здесь, под песками, за каплю волшебного эликсира.

Однако еще одна забота не давала Рыжей Соне покоя.

— Скоро ночь, — заговорила она. Афолле с трудом оторвался от созерцания сокровищ. — А по ночам кто-то подходит к нашему шатру и следит за нами... Возможно, подслушивает наши разговоры.

— Вор? — осведомился Афолле. — Ждет, пока мы откопаем побольше древнего золота, чтобы ограбить нас?

Соня покачала головой.

— Не думаю, чтобы все было так просто. Нет, здесь что-то нечисто...

— Ты полагаешь, этот человек... это существо... оно опасно?

Соня пожала плечами.

— У меня нет пока определенного мнения на его счет. Да и у него, кажется, тоже. Пока что мы следим друг за другом...

Афолле поскреб пальцами в бороде. Его черная, вьющаяся колечками борода утратила прежний щегольской вид и была полна песка и пыли.

— Что ты предлагаешь? — спросил он наконец.

— Я попытаюсь поймать его в ловушку, — ответила Соня.

Слова у нее не расходились с делом. Достав из седельной сумки тонкую веревку, сплетенную из конского волоса, Соня соорудила затягивающуюся петлю и разложила ее перед шатром. Длинный конец веревки она спрятала в шатре, а петлю присыпала песком, чтобы ее не было видно.

— Теперь остается только одно: ждать, — обратилась она к своему спутнику.

Афолле согласно кивнул. Оба замолчали.

Время текло медленно, как песок, переливающийся с дюны на дюну. Пустыня постепенно остывала от дневного зноя.

На небе показались первые звезды. Луна, бывшая полной в тот день, когда Аудагосте великолепным видением предстала изумленным спутникам, теперь пошла на ущерб.

Наконец Соня насторожилась. Ей послышались легкие шаги, словно кто-то босиком ступал по остывшему песку. Насторожился и Афолле. Соня осторожно подняла руку, подзывая к себе Афолле. Оба заняли позиции по обе стороны от полога шатра.

Соне казалось, что она слышит чье-то дыхание совсем близко. Она переглянулась с Афолле. Тот слегка кивнул: пора!

Соня изо всех сил дернула веревку.

Так и есть! Ночной гость попался. Петля затянулась на его ноге, и от неожиданного резкого движения непрошенный визитер упал на спину, издав приглушенный вскрик, полный страха и отчаяния.

Так мог бы закричать маленький зверек, оказавшийся в ловушке.

— Тащи его сюда! — возбужденно проговорил Афолле. — Давай!

Вдвоем они ухватились за свободный конец веревки и потащили своего пленника в шатер. Вот показались босые ноги — маленькие изящные ступни, перстни на мизинцах. Затем мелькнули колени...

Пленник — вернее, пленница — яростно извивалась у ног Сони и Афолле.

— Держи ее! — сказала Соня.

Афолле опустилсЯ возле пленницы на колени и прижал ее ноги к земле, не позволяя ей биться и лягаться. Соня наклонилась над непрошеной гостьей.

Навстречу ей устремился панический взгляд расширенных черных глаз.

— Кто ты? — требовательно спросила Соня. — Почему ты следила за нами?

Девушка не отвечала. Сжав губы, она молча, яростно пыталась высвободиться из железной хватки Афолле.

— Отпусти ее, Афолле, — распорядилась Соня. — Пока она испугана, она не станет с нами разговаривать.

Афолле медленно убрал руки. Девушка тотчас же села, подобрав под себя ноги и обхватив колени руками. Некоторое время она оставалась неподвижной, затем сделала быстрое, гибкое движение, словно собиралась броситься к выходу. Соня удержала ее за локоть.

— Остановись, — мягко проговорила Рыжая Соня. — Поговори с нами. Ведь ты следила за нами несколько ночей подряд. Зачем? Ты могла бы войти в наш шатер и задать нам все вопросы, которые вертелись у тебя на языке.

Девушка снова уселась. Соня подала ей полоску сушеного мяса.

— Поешь. Ты голодна?

Гостья посмотрела на сушеное мясо так, словно впервые видела подобную диковину. Потом отложила угощение в сторону.

Соня внимательно рассматривала пленницу. Это была совсем еще молодая девушка — по крайней мере, она выглядела очень юной — с копной нечесанных черных волос, облаченная в лохмотья, бывшие некогда черным шерстяным плащом. Единственное, что нарушало облик потерявшей рассудок бродяжки, заплутавшей в песках и окон-

чательно одичавшей здесь, на развалинах, были перстни. Серебряные и золотые, с бирюзой, хрусталем, изумрудами, рубинами, жемчугом — кольца унизывали пальцы ее рук и ног, свисали связками с шеи, были вплетены в волосы.

— Кто ты? — повторила Соня.

Девушка пошевелилась и прошептала еле слышно:

— Нуакшот...

— Что она сказала? — Афолле наклонился ближе, чтобы лучше слышать. Пленница метнула в его сторону дикий взгляд и быстро отодвинулась к Соне.

— Отойди пока, — вполголоса обратилась Соня к своему товарищу. — Ты ее пугаешь.

Она снова повернулась к дикарке.

— Ты сказала — Нуакшот? Это твое имя?

— Да...

— Почему ты живешь здесь?

— Здесь мой дом, — ответила девушка. И добавила неожиданно: — Я хочу пригласить вас к себе. Вы не такие, как те... Тех я убила.

— Убила? Кого ты убила, Нуакшот? — изумленно переспросила Соня. Это хрупкое безумное создание не способно было, казалось, переломить хребет даже песчаному тушканчику.

— Я убила многих, — спокойно объяснила Нуакшот. — Я убила двух купцов, которые вели рабский караван... Я убила пятерых разбойников, которые остановились здесь, чтобы грабить... Это было давно. А недавно я убила человека, который был похож на него. — И пленница показала подбородком на Афолле.

— Ты убила моего брата? — потрясенно переспросил Афолле. — Ты видела моего брата? Говори! Ты встречала в этих песках моего брата?

— О, это был твой брат! — с неожиданной живостью обратилась девушка к Афолле. — Да, конечно! Это был его брат! Да, брат! Как две капли воды — похож, похож...

— Постой! — горячо возразил ей Афолле. — Как же ты могла его убить, когда он умер дома, в своей постели, на руках своей жены? Он скончался от неизвестной болезни спустя месяц после возвращения из песков!

— Да, да... — рассеянно говорила девушка, обращаясь больше к самой себе, нежели к Афолле. — Конечно... Так он умер, да? Он умер? В своей постели? От неизвестной болезни? Да, да! Я убила его! Я убила его!

Афолле сжал кулаки с такой силой, что костяшки его пальцев побелели.

— Что она лепечет? — гневно обратился он к Соне. — Как это ей удалось убить моего брата? Она, кажется, похвастается этим!

— Тише, тише! — остановила его Соня. — Мы скоро все узнаем. Возможно, здесь замешана какая-то магия.

— Клянусь Коброй! Я вытрясу из нее эту проклятую магию!

Афолле почти не владел собой. Но пленнице, похоже, не было до этого дела. Она встала, тряхнула головой, отчего перстни в ее волосах и на шее запели.

— Идемте же! Я приглашаю вас на пир в свой дворец!

Она повернулась и вышла из шатра. Афолле и Соня последовали за ней.

...И замерли, потрясенные! Перед ними, залитые ярким лунным светом, высились белые стены Аудагосте. По стенам медленно ходили стражники, вооруженные длинными копьями. Тягуче звучали крики ночных сторожей.

Тяжелые, обитые медными пластинами ворота раскрылись сами собой, когда босоногая девушка остановилась перед ними и требовательно крикнула что-то на незнакомом языке. Не оборачиваясь к своим спутникам, ступила она на мостовую призрачного города.

Мысленно призвав свою покровительницу Рысь, Соня прошла сквозь ворота. Они показались рыжеволосой воительнице на удивление материальными. На всякий случай Соня коснулась их рукой. Ей не хотелось оказаться в плену иллюзий. Однако и на ощупь ворота были вполне вещественными — прохладными, твердыми. Проклятие! Или магия здешних мест сильнее, чем Соня и Афолле предполагали прежде?

Соня слышала, как за ее спиной Афолле бормочет какие-то молитвы и заклятия, обращенные к священной Кобре. Да уж! Тут было от чего потерять голову.

Дикарка, шагавшая впереди, обернулась и остановилась, поджидая своих спутников. Лунный свет заливал ее тонкую фигурку.

Не только руины крепости преобразились. Изменилась и сама ночная гостья. Теперь она выглядела как женщина ослепительной красоты. Ее губы были накрашены мерцающей серебряной помадой, огромные черные глаза подведены синей краской, тщательно уложенные волосы были перевиты серебряными шнурами. В прическе и в ушах посверкивали осыпанные драгоценностями кольца. Гордую шею незнакомки обвивало ожерелье, горевшее и переливавшееся так, что казалось живым.

Торжествующе улыбаясь, Нуакшот ждала своих гостей.

Афолле выглядел совершенно растерянным. То, что окружало их, было слишком реальным, чтобы оказаться всего лишь наваждением, порожденным неверными лунными лучами.

Магия? Но в таком случае, какова могла быть природа этой магии? На всякий случай Афолле сделал охранительный знак, отгоняющий злые чары.

Широкие улицы Аудагосте были вымощены полированными гранитными плитами — такими гладкими, что звезды и луна отражались в них, точно в зеркале, рассыпаясь под ногами мириадами белых искр.

Резные деревянные ставни домов, мимо которых проходили следом за Нуакшот Соня и Афолле, были наглухо закрыты. Однако то и дело в щели можно было видеть желтоватый огонек горящей лампы. На площади мелодично журчала вода фонтана и два фазана сидели у самой кромки воды.

Все говорило здесь о том, что цитадель жива и населена отнюдь не ожившими мертвецами. Призраками? Видениями? Созданиями магии? Этого Соня пока что не могла сказать.

Дворец — роскошное строение с высокими витыми башнями — словно ждал их. Нуакшот легко поднялась по хрустальным ступеням. Перстни на босых ногах девушки звенели о хрусталь, и лестница запела под шагами.

Соня следовала за своей проводницей шаг за шагом, не в силах оторвать глаз от чарующей красоты преобразившейся дикарки из пустыни. Гибкая и стройная, Нуакшот поневоле приковывала к себе взор.

— Добро пожаловать! Будьте гостями моего дома! — произнесла девушка царственно, остановившись у высоких медных ворот.

Затем она подняла руку и поднесла ее к воротам. Под лунным светом сверкнули браслеты на смуглой коже незнакомки. Ворота медленно раскрылись сами собой, и перед глазами гостей Нуакшот предстал роскошный пиршественный зал.

Длинные столы, накрытые белоснежными скатертями, украшенными по краям бантами и драгоценными камнями, ломились от яств. Чего здесь только не было! Наверное, все, что способна измыслить изощренная фантазия самого требовательного гурмана. На серебряных и фарфоровых блюдах лежали запеченные в яблоках куропатки; нарезанные ломтями фрукты, залитые сладким вином; вареный рис, пропитанный пряными соусами; пахнущие корицей печенья и многое дру-

гое, способное утолить голод целой армии избалованных придворных какого-нибудь расточительного владыки.

Рыжая Соня почувствовала, как при виде этого изобилия у нее потекли слюнки. Но кроме всего прочего, в ней заговорил прирожденный кулинар: в каждой стране, куда заносила Соню ее странная, подчас трагическая и всегда непредсказуемая судьба, отважной молодой женщине доводилось пробовать какое-нибудь специфическое блюдо. И никогда она не упускала случая запомнить и повторить какой-нибудь рецепт, вывезенный ею из странствий. Иногда получалось неплохо, а иногда — почти несъедобно.

Вот и сейчас Соню глодало, быть может, совершенно неуместное любопытство: интересно, а как приготовлено вон то блюдо, на вид похожее на рубленый яичный желток с добавлением трав, пряностей и рыбного фарша? Выглядит забавно. Должно быть, вкусное — пальчики оближешь!

Однако задать вопрос Нуакшот Соня пока что не решалась. Их таинственная ночная гостья выглядела настоящей повелительницей, а с повелителями не обсуждают тонкости поварского искусства.

— Прошу! — Нуакшот сделала широкий величественный жест, приглашая Афолле и Соню занять место за столом.

Оба уселись. Соня, которая уже больше десяти дней не видела ничего, кроме солонины и сухарей, тотчас придвинула к себе блюдо, где были выложены кусочки мяса какой-то птицы, обжа-

ленные в золотистых сухарях и обжаренные в кипящем масле.

Афолле метнул в ее сторону тревожный взгляд.

— Ты что, собираешься здесь есть? — шепотом спросил он.

— А что? — отозвалась Соня. — Выглядит вполне съедобным. По правде сказать, мне дурно делается, когда я вижу такое количество яств...

— Выглядит-то оно неплохо, — согласился Афолле, — но ты не подумала о том, что во всем этом может быть замешана магия? Вдруг, откусив от этого мяса, ты погибнешь? Или станешь частью этой магии?

— Мне уже все равно, — призналась Соня.

На самом деле она лукавила: ей было далеко не безразлична ее будущая судьба. Не таким человеком была Рыжая Соня, чтобы променять свое будущее на кусок жареного мяса. Однако внутреннее чувство — инстинкт, если угодно, — которое никогда еще ее не обманывало, безошибочно говорило ей о том, что никакой опасности в этой снеди не таится.

Соня с наслаждением принялась поглощать жареное мясо. Афолле с опаской следил за ней. Однако ничего особенного пока что не происходило.

Улыбаясь, Нуакшот поднесла к губам бокал и пригубила вина.

— Угощайся, Афолле! — произнесла она ясным, звонким голосом. — Ты мой гость! Клянусь Жизнью и Смертью — тебе не грозит здесь никакой опасности.

Опустив глаза, Афолле попытался скрыть смущение. Соня тихонько хмыкнула.

Утолив голод, гости Нуакшот приступили к фруктам, оказавшимся сладкими и сочными. Настало время кое-что прояснить. Но прежде чем Афолле успел задать первый вопрос, Соня опередила его:

— Твоя кухарка, госпожа,— выше всяких похвал. Кто стряпает для твоего стола?

Вопрос, казалось, застал повелительницу Аудагосте врасплох. Пожав плечами, та отвечала:

— Не знаю...

— Но эта крепость,— вмещался Афолле,— она существует на самом деле?

— Конечно.— Нуакшот была удивлена.— Разве ты не гость в стенах этой крепости? Разве ты не вошел в ворота, не прошелся по улицам, не видел фонтана, не ел и не пил за моим столом? Скажи, разве ты не утолил голод?

— Благодарю тебя.— Афолле слегка наклонил голову, приветствуя Нуакшот.— Ты права. Твоя забота о нас велика. Но скажи — куда же девается крепость, когда она исчезает?

Нуакшот переплела тонкие пальцы, поиграла перстнем. Ее прекрасное лицо выглядело теперь задумчивым.

— Куда уходит то, что исчезло? — повторила она.— Где хранятся утраченные дни? Где живут умершие люди? Куда прячется время, когда она минует?

Она замолчала. В тишине было слышно, как где-то в глубине дворца еле слышно, мелодично журчит вода еще одного фонтана.

Осторожно, словно боясь спугнуть дикого зверя, Соня спросила:

— Ты владеешь тайной Жизни и Смерти, Нуакшот?

— Да,— просто ответила девушка.

Афолле напрягся и задрожал всем телом. Теряя самообладание, он закричал:

— Значит, ты нашла наше семейное сокровище!

Подведенные краской брови Нуакшот медленно выгнулись, точно рассерженные кошки.

— О чем ты, Афолле? Какое сокровище из утраченных в Аудагосте ты называешь своим семейным?

— Эликсир бессмертия! Ты нашла его!

Афолле так и трясся. Теперь он был поистине страшен. Казалось, еще миг — и он набросится на загадочную незнакомку и начнет ее душить.

Но Нуакшот оставалась невозмутимой.

— Выслушай меня, Афолле.— Голос повелительницы призрачной цитадели звучал твердо.— Ты поймешь, что эликсир не содержит в себе никакого бессмертия. Ты постигнешь также тайну Аудагосте... тайну смерти своего брата... и мою тайну — тоже.

Она хлопнула в ладоши, и неожиданно весь зал оказался усыпан белыми и розовыми розами. Аромат влажных свежих лепестков наполнил воздух.

— Как хорошо! — Соня с наслаждением потянулась. Она начинала понимать, что к чему. Никакой роковой тайны в Аудагосте они, похо-

же, не найдут — так почему бы не насладиться редкими минутами отдыха?

Однако Афолле так не считал. Он не спускал с лица незнакомки напряженного, требовательного взгляда.

— Что ж... — проговорила та, небрежно вертя в пальцах красную розу. — Начну. Мое имя — Нуакшот. Я — Рисующая Смерть. Вот как это случилось...

* * *

В тот день, когда в крепость Аудагосте вошел усталый караван, маленькая девочка по имени Нуакшот играла со своими братьями возле фонтана. Изможденные люди, покрытые пылью, со спутанными волосами и бородами, с потускневшими глазами, такие испуганные, словно они бежали из ада и дьяволы гнались за ними по пятам, приблизились к фонтану и начали жадно пить воду.

Дети стояли в стороне и наблюдали за ними, не скрывая любопытства. Нуакшот спросила одного из братьев:

— Кто они?

Но никто не мог ответить на этот вопрос.

Один старик, выглядевший менее испуганным, чем остальные, но более усталым, сел на краю фонтана и жестом подозвал к себе маленькую Нуакшот. Та приблизилась, отважно и доверчиво.

— Как тебя зовут, дитя? — спросил старик негромко, приятным глуховатым голосом.

— Нуакшот, господин, — ответила девочка.

— Кто твой отец? — снова спросил старик.

Девочка промолчала. Хотя и была она мала, но знала уже, что отцом ее был вовсе не муж ее матери. Если бы она родилась мальчиком, ее отдали бы в отцовский род — кто знает, возможно, из нее вырос бы воин в свите владыки Аудагосте или придворный мудрец, звездочет, врач, стихоплет. Но Нуакшот родилась девочкой, и это определило ее судьбу. Отец отказался от нее. Она осталась с матерью. Когда-нибудь она вырастет, станет обычной женщиной, получит мужа — воина или торговца, родит ему сыновей...

Все это Нуакшот знала не хуже любого из своих братьев, однако не считала нужным говорить об этом с чужим стариком, пришедшим неизвестно откуда.

Но старик не спускал с нее ясных, странно светлых глаз. Наконец Нуакшот ответила:

— Мой отец — не муж моей матери.

— Тебя зачал владыка Аудагосте? — снова заговорил странный старик.

Нуакшот подумала немного над его словами и наконец спросила:

— Что такое «зачал», господин?

Откинув голову назад, старик от души расхохотался.

— Ты совсем невинное дитя! Но я чувствую в тебе кровь проклятого рода... Слушай меня, девочка. Сейчас ты мало что поймешь. Просто запоминай. Когда-нибудь... Когда-нибудь настанет время — и каждое мое слово отчетливо зазвучит в твоей памяти. И тогда — кто знает? — это спасет твою жизнь.

Твой отец — владыка Аудагосте. Люди этого рода высокомерны, чванливы, горды, они слишком высоко заносятся в своих мечтах и притязаниях. Сейчас, когда высшие силы взбудоражены, когда проснулись и ожили древние боги, когда само время изменило свой ход, их притязания стали опасны.

Аудагосте погибнет прежде, чем ты успеешь вырасти и стать женщиной. Я вижу гибель цитадели так же отчетливо, как воду этого благословенного фонтана.

Погибнут и люди. Но ты, Нуакшот, — ты можешь остаться в живых. Странное благословение на тебе... некий свет... его я тоже вижу так же ясно, словно внутри тебя кто-то зажег лампу.

С этими словами старик достал из рукава небольшой сосуд, синий, запечатанный печатью. Нуакшот с интересом рассматривала странный кувшин, оплетенный золотыми нитями.

— Что там, внутри, господин? — не выдержала она. — Злой дух, заточенный туда магией?

Старик снова рассмеялся. Девочка совершенно перестала бояться его. Ей казалось, что они знакомы много-много лет.

— Нет, дитя мое. Никакого злого духа там нет. Там — эликсир Жизни и Смерти. Страшный дар. Но и прекрасный дар. Ты, благословенная в проклятом роду, — ты достойна получить его.

— Что я должна делать? О, дайте, дайте мне этот кувшин! — взмолилась девочка. Ей безумно захотелось владеть этим красивым сосудом. Она уже предвкушала, как поставит его в нишу сре-

ди других сосудов, украшающих дом ее матери. — Пожалуйста, господин! Я сделаю все, что вы велите! Только подарите мне этот красивый кувшин! Он будет частью моего приданого! Ведь когда-нибудь я вырасту и выйду замуж.

Последнюю фразу она произнесла, гордо подбоченясь.

Старик откровенно любовался ею.

— Ах ты, моя маленькая хитрая стрекозка! Ты — само очарование... Жаль обрекать тебя на такую ужасную судьбу... Но выхода нет. Либо смерть в возрасте пяти лет, вместе с проклятой цитаделью и ее жителями, либо... бессмертие. Быть может, ты сумеешь сберечь его.

С этими словами старик сломал печать, закрывавшую горло кувшина.

Нуакшот вытянула шею, пытаясь разглядеть содержимое сосуда. Старик встряхнул кувшин. Там что-то булькнуло.

— Это нужно выпить, — строго обратился он к Нуакшот. Теперь светлые глаза незнакомца смотрели на девочку сурово и холодно. Словно и не возникало между ними той теплоты и дружеской улыбки, что была всего лишь минуту назад.

Глубоко вздохнув, Нуакшот поднесла сосуд к губам...

Жидкость оказалась густой и терпкой, но довольно приятной на вкус. Ее было совсем немного. Нуакшот проглотила эликсир несколькими глотками.

И ничего не почувствовала. Никаких изменений.

А старик уже был далеко. Он шагал по дороге к дворцу владыки Аудагосте и не оборачивался на маленькую девочку, зачарованно глядевшую ему вслед.

* * *

А потом пришел смерч. Всесокрушающий смерч из пустыни, из Диких Песков. День превратился в ночь, воздух — в землю. Ветром разметало могучие стены крепости, а песком засыпало то, что еще оставалось от некогда роскошной цитадели.

Когда Нуакшот выбралась из-под песка, она поняла, что в живых осталась одна. Остальные либо покинули это место, либо погибли под развалинами.

Некоторое время она бродила, бесцельно вороша обломки камней и проливая бесполезные слезы. Но какая-то часть ее сознания подсказывала ей: смерть ей не грозит. Что угодно, только не смерть.

Эликсир, который заставил ее выпить таинственный старик, был эликсиром бессмертия.

С тех пор прошло много лет. Сколько? Девушка не знала. Постепенно изменения проникали в ее плоть все глубже. Спустя несколько лет она обнаружила, что может вызывать к жизни Аудагосте. Цитадель вновь поднималась над песками в том месте, где некогда высились ее горделивые стены. Вновь сверкал роскошью дворец владык Аудагосте. Только теперь он безраздельно принадлежал Нуакшот — незаконнорожденной и отверженной дочери гордого рода...

* * *

— Но самую страшную власть над Жизнью и Смертью я получила, когда на земле сменилось одно поколение людей,— продолжала Нуакшот.— Я поняла, что могу убивать и воскрешать по своему желанию...

— Как? — жадно спросила Рыжая Соня.

Значит, бессмертие все-таки существует! Рассказ Нуакшот волновал ее до глубины души. Девушка была лаконична и не произносила много слов, однако перед мысленным взором Сони вставало все: и площадь с фонтаном и играющими ребятишками, и загадочный старик, и синий флакон, оплетенный золотыми нитями, содержащий в себе проклятие бессмертия...

Да, проклятие! Нет, это было вовсе не то бессмертие, которого искала Соня. Что пользы в том, чтобы оставаться полузабытым призраком на развалинах и знать, что никогда не придет к тебе успокоение? Разве это — полноценная жизнь?

И все же...

— Я — Рисующая Смерть,— спокойно объяснила девушка.— Когда здесь появился твой брат, Афолле... Он знал, что ищет! У него была с собой книга.

— Да.— Голос Афолле прозвучал хрипло.— Он передал ее мне перед самой смертью.

— Эту книгу старик — тот самый — принес в Аудагосте... В ней заключались многие тайны. Я не читала этой книги, но каким-то образом знала о ней. Возможно, это знание передал мне старик — ведь я не все запомнила из его слов. Но

он вложил в мою память немало знаний... знаний, которых прежде у меня не было.

Твой брат, Афолле, искал здесь эликсир бессмертия. Но он оказался алчным и жестоким. По дороге в Аудагосте он купил несколько рабов. Он заставлял их разрывать песок. Они трудились день и ночь. Когда у них кончилась вода, а поиски оказались безрезультатными, он без всякого сострадания убил их, одного за другим. Он перерезал им горло...

— Этого не может быть! — не выдержал Афолле. — Мой брат всегда был тихим, кротким человеком... Более ученым, нежели земледельцем... У нас в семье постоянно над ним подтрунивали.

— Увы, это правда! — Нуакшот покачала головой. — Я видела это своими глазами. В тот день я утратила осторожность и позволила ему обнаружить меня. Это погубило его...

Она замолчала. Видно было, что воспоминание причиняет ей боль.

Соня осторожно накрыла ее тонкую смуглую руку своей.

— Если тебе тяжело вспоминать, что случилось дальше, то не рассказывай. Не нужно беречь старые раны, Нуакшот. Иначе они никогда не заживут.

Но девушка тряхнула головой.

— Нет, Соня. Я расскажу твоему товарищу все. Иначе не видать ему покоя. Возможно, Аудагосте уже сказала на нем губительно — ведь брат его утратил здесь рассудок. Призрак бессмертия мелькал перед его внутренним взором, дразнил,

то являясь, то снова пропадая... И вот он заметил меня. — Она снова сделала паузу и наконец решилась: — Он набросился на меня, как дикий зверь, повалил в песок и... он изнасиловал меня!

Она вскинула глаза на Афолле и с вызовом посмотрела на него.

— Твой брат лишил меня девственности, Афолле! Он причинил мне боль и страдания! Никогда в жизни — а я прожила немало лет! — мне не было так стыдно! А потом он оттолкнул меня ногой и плюнул в песок рядом с моим бедром...

Соня взволнованно поднялась со своего места и обняла девушку за плечи.

— Успокойся, Нуакшот. Все это позади. Почти все женщины прошли через нечто подобное... Ведь даже первая брачная ночь часто оказывается обыкновенным изнасилованием...

Афолле сидел неподвижно. Казалось, рассказ Нуакшот лишил его последних сил.

— Мой брат — убийца? Насильник? Этого не может быть... — повторял он вполголоса, тихо покачивая головой. — Этого просто не может быть...

— Я не лгу! — яростно проговорила Нуакшот, высвобождаясь из объятий Рыжей Сони.

— Никто не ставит твои слова под сомнение, Нуакшот, — мягко сказала Соня. — Афолле потрясен твоим рассказом, только и всего.

Помолчав немного, Нуакшот овладела собой.

— Да, — молвила она задумчиво, — должно быть, я слишком долго не разговаривала с живыми людьми... Слишком долго прожила я среди воспоминаний — своих и чужих...

— Расскажи, как ты отомстила моему брату за свой позор,— глухо попросил Афолле.

— Я нарисовала его,— непонятно сказала Нуакшот.

— Как — нарисовала?

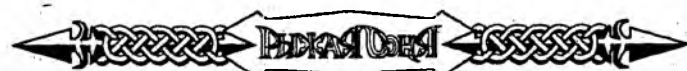
— Так.— Она провела в воздухе пальцем несколько извилистых линий.— Я нарисовала его лицо на песке. Я умею это делать. Нужно рисовать при ущербной луне того, кого ненавидишь так сильно, что хочешь убить... Луна проливает свой умирающий свет на ненавистное лицо, и вместе с луной постепенно умирает тот, кого нарисовали...

— Власть над Смертью,— прошептала Соня.

— Я же говорила,— казалось, Нуакшот удивлена невнимательностью своих слушателей,— я — Рисующая Смерть.

— Да, ты нарисовала смерть моего брата, и он умер...— Афолле был потрясен.— Он умер! Я видел, как он угасал с каждым днем. Его дыхание прервалось в ту минуту, когда луна исчезла на небе... Была ночь новолуния, черная, как душа убийцы. Мой брат знал, от чего он умирает.

— Конечно! — Нуакшот торжествующе рассмеялась.— Ведь я сказала ему! На следующий день, когда он навьючивал на своего верблюда сумки, набитые разным барахлом, которое рабы откопали для него из-под песка, я приблизилась к нему. Он хмуро посмотрел на меня и спросил: «Что тебе нужно, потаскуха?» Я ответила: «Я не потаскуха, и тебе, негодяй, это должно быть хорошо известно! До встречи с тобой — будь проклят этот день! —

я хранила мою девственность. Но я должна сказать тебе: я нарисовала твою смерть. В ночь, когда луна станет бесплодной и исчезнет с небосклона, ты угаснешь...» Он рассмеялся мне в лицо. Я видела, что он мне не поверил. Прежде чем он успел оскорбить меня, я убежала в пески и плакала целый день...

— Перед смертью он раскаялся в содеянном,— убежденно сказал Афолле.

Но Соня не была в этом так уверена.

— Почему же, в таком случае, он передал тебе книгу и завещал продолжать поиски Аудагосте? — возразила она.— Нет, он хотел, чтобы ваше сокровище вернулось в семью! Он предвидел, что унаследует эликсир бессмертия его старший сын. Ведь Сулайм считается твоей старшей женой, следовательно, и ее дети будут наследовать тебе в первую очередь! Дети же Хилаль теперь оттеснены на задний план. Поэтому главное сокровище вашего рода — эликсир бессмертия — достался бы детям Сулайм, это ясно как белый день.

Афолле закусил губу.

— Ты права, чужестранка. Проклятие! Многое бы я отдал за то, чтобы ты ошибалась.

— И тем не менее Соня права.— Нуакшот устремила на Соню глубокий взгляд.— Ты добра и сострадательна. Скажи: чем я могу помочь тебе?

— Расскажи мне...— Соня заколебалась на миг, но потом улыбнулась широкой, ясной улыбкой и завершила свою просьбу: — Расскажи мне, как готовят вон то блюдо, похожее на рубленый яичный желток!

* * *

Ни Афолле, ни Соня не заметили, как их сморил сон. Когда они проснулись, цитадели уже не было. Они лежали на песке. Солнце вставало над пустыней — огромный красный шар, источающий беспощадный жар. Нуакшот в своих лохмотьях спала рядом, разметав по песку худые руки, обмотанные веревками вместо браслетов.

Соня наклонилась над девушкой, легонько коснулась ее плеча.

— Проснись, Нуакшот! Проснись, дитя! Солнце сожжет тебя. Пойдем, это время суток лучше переждать в шатре.

Девушка не ответила. Тогда Соня кивнула Афолле:

— Отнесем ее в шатер. Помоги мне.

Вдвоем они перенесли спящую в шатер и уложили ее на циновки.

— Ну, что ты об этом думаешь, Соня? — заговорил Афолле, когда оба расположились возле девушки.

Соня пожала плечами.

— Она, несомненно, много страдала... Странная жизнь, которую она вынуждена была вести в этих песках, похоже, лишила ее рассудка — в обычном понимании этого слова. Однако она рассудительна, логична, умна.

— Ты думаешь, она действительно нашей крови?

— Проверить это невозможно. Но подумай сам, Афолле: твой брат умер именно той смер-

тью, которую описывала Нуакшот. Кем бы она ни была, она действительно Рисующая Смерть.

Афолле замолчал. Наконец в его молчании Соне почудилась какая-то невысказанная угроза.

— О чем ты думаешь, Афолле? — спросила рыжеволосая воительница. — Уж не хочешь ли ты похитить Нуакшот и вынудить ее рисовать лица твоих врагов?

Афолле криво усмехнулся.

— Подобные мысли приходили мне в голову, не стану отрицать, Соня. Но... как заставить ее? Если я попробую принудить ее, она попросту нарисует мое лицо и тем самым загонит меня в могилу. Обмануть? Но как? Да и ты, как я понимаю, мне этого не позволишь.

— Не позволю! — подтвердила Соня. — Мне искренне жаль эту девушку. Она не должна стать игрушкой в руках честолюбца.

— Хорошо. — Афолле кивнул. Теперь он выглядел уставшим и как будто постаревшим на несколько лет. Сильные страсти, пережитые им в эти дни, сказались на его состоянии. Он вымотался и измучился. — Мне тоже жаль ее, не скрою. Но что мы можем для нее сделать? Она настоящая дикарка.

— Думаю, лучше всего оставить ее в этих песках, — проговорила Соня. Наклонившись к спящей девушке, она легонько коснулась губами ее виска. Нуакшот пробормотала что-то во сне и неожиданно улыбнулась — невинной детской улыбкой.

— Но не можем же мы просто так ее бросить? — удивился Афолле. — Ведь она погибнет!

— Она не погибла за все эти годы,— возразила Соня.— А ведь с тех пор, как Аудагосте исчезла с лица земли, сменилось несколько поколений! Не станет ли, напротив, для нее верной гибелью жизнь среди людей? Среди людей, которых она совершенно не знает! Не забудь, она осталась один на один с Дикими Песками, когда ей было всего пять или шесть лет!

— Ты права,— со вздохом согласился Афолле.— Нам надо собрать все, что мы здесь отыскиали... Все-таки это золото и серебро, драгоценные камни и расписное стекло. Мы смогли бы выручить за всю эту добычу кое-какие деньги.

— Ты поедешь продавать все это в Асгалун? — осведомилась Соня.

— Вероятно. Ты со мной?

— Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя со всем этим золотом одного? — удивилась Соня.— Я весьма хорошего мнения о тебе и твоих нравственных качествах, Афолле, и не ставлю под сомнение твою честность. Но и родную мать я, пожалуй, не отпустила бы сейчас с шальным золотом на рынки Асгалуна... без моего пригляда.

Афолле рассмеялся, сверкнув белозубой улыбкой на смуглом лице.

— Хорошо сказано, Рыжая Соня! Значит, решено: отправляемся в Асгалун и попытаемся выручить звонкую монету за все наши находки. А девушка...— Тут он посмотрел на спящую долгим, странным взглядом.— Что ж. Пусть Нуакшот Рисующая Смерть останется в Аудагосте. Это ее дом.

Но что-то в его голосе и взгляде, когда он пожирал спящую глазами, показалось Соне подозрительным.

* * *

К вечеру, когда стало немного прохладнее, Афолле и Рыжая Соня взялись за свои дорожные сумки. Впереди было много работы: следовало разделить добычу по справедливости и тщательно упаковать ее, чтобы не повредить хрупкие вещи. То, что бережно сохранили пески, могло быть разрушено в одно мгновение небрежным прикосновением человеческой руки.

Нуакшот проснулась, когда на небе появилась первая звезда. Она открыла глаза и улыбнулась, как ребенок.

Соня повернулась к ней.

— Вот ты и снова с нами, Нуакшот,— заговорила Соня с девушкой.— Где ты бродила так долго?

Нуакшот ничуть не удивилась такому вопросу.

— О, я отпустила мою душу гулять по межзвездному пространству,— ответила она.— Там я повстречала того старика... Того, со светлыми глазами. Он рассказывал мне что-то новое обо мне и моем бессмертии.— Она села, обхватила руками нечесанные черные волосы и закачалась из стороны в сторону. Теперь она говорила нараспев, словно в трансе: — Я не помню! Я опять не помню его слов! Он обращал ко мне какие-то речи. Эти речи были как шум водопада, как

журчание воды по камням... О чем он говорил? О чем?

Она подняла голову и устремила на Соню отчаянный взгляд горящих черных глаз.

— Успокойся,— мягко произнесла Соня.— О чем бы он ни говорил, ты поняла и запомнила все, что имело для тебя хоть какое-то значение.

— Ты так думаешь? Ты на самом деле так думаешь? — В голосе Нуакшот прозвучала отчаянная надежда.— Он часто приходит ко мне в снах. Но чаще всего он просто молчит. Я спрашиваю, спрашиваю его, а он не отвечает. Улыбается. Но иногда — как сегодня — он пытается объяснить мне что-то. Ах, я такая глупая! Я не понимаю ни словечка.

— О чем ты спрашивала его, Нуакшот?

— Уже давно я ищу одного...

Нуакшот замолчала.

Теперь и Афолле прекратил работу и, отложив в сторону хрупкий хрустальный кубок, который заворачивал в верблюжью шерсть, подошел к разговаривающим и присел рядом на корточки.

— Кого ты ищешь, Нуакшот? — продолжала расспрашивать Соня. Она говорила тихо и вкрадчиво, словно обращалась к испуганному ребенку. Собственно, так оно и было. В определенном отношении Нуакшот осталась на уровне развития пятилетней девочки.

— Я ищу не кого-то. Я ищу... нечто. Одну вещь... Один способ.— Нуакшот с трудом подбирала слова. Наконец, будто бы решившись на

отчаянный шаг, она вскинула на Соню глаза: — Я ищу возможности умереть!

Соня вздрогнула. Ее словно огрели палкой.

— Одумайся, дитя! Столько людей на земле взыскуют бессмертия! А ты обрела его и вот ищешь способа от него избавиться!

— Это не настоящее бессмертие, Соня,— ответила Нуакшот.— Это проклятие. Меня можно убить, я знаю. Постепенно я перестаю быть человеком. Никогда не превратиться мне в женщину с волосами, убранными под покрывало. Никогда моя мать не даст мне мужа, а муж никогда не даст мне детей. Не ходить мне с узким кувшином к фонтану за водой, не печь лепешки на плоских раскаленных камнях во дворе моего дома, не доить коров и коз, не чесать шерсти, не прясть, не ткать... Знала бы ты, Соня, как я тоскую по этой жизни! Лучше бы мне погибнуть вместе с Аудагосте!

Соня почувствовала, как сердце ее сжимается от жалости.

— Но послушай меня, девочка,— проговорила рыжеволосая воительница.— То, о чем ты мечтаешь, прекрасно. Однако эта участь доступна далеко не всем женщинам. И я когда-то думала, что вырасту и стану чьей-нибудь женой, матерью здоровых, веселых ребятишек. Однако судьба распорядилась иначе. Безжалостные враги уничтожили мой дом, погубили всех моих родных. И я обречена скитаться по свету в поисках новой жизни... Мой лук со стрелами, мои кинжалы, да еще боги, которые видят все мои пути,—

вот и все, на что я могу рассчитывать. Поверь, со временем и ты притерпишься к своей новой жизни...

Но Нуакшот только качала головой. Крупные слезы текли по ее смуглому лицу.

— Нет, Соня, ты не должна утешать меня. Сколько лун надо мною сменилось, а я так и не привыкла к своей горькой участи. Я перестаю быть человеком. Я чувствую, как отравы бессмертия переполняют мои жилы. Следующее поколение людей будет знать меня как чудовище из Ауда-госте, как злого духа мертвой крепости!

Соня порывисто обняла девушку. Та молча плакала на ее плече.

Однако Афолле услышал в жалобах Нуакшот нечто, заставившее его насторожиться.

— Погоди-ка,— проговорил он, отстраняя Нуакшот от Сони.— Ты говорила что-то об отраве, переполняющей твои жилы...

Хищное выражение появилось на его лице. Афолле потянулся за кинжалом.

Нуакшот в ужасе отшатнулась.

— Что ты хочешь делать?

— Ничего особенного... Я не причиню тебе вреда, девочка. Дай-ка мне руку.

Нуакшот инстинктивно спрятала руки за спиной и прижалась плотнее к Соне. Соня нахмурилась.

— Перестань, Афолле. Ты пугаешь ее.

— Я хочу всего лишь сделать маленький над-рез на ее пальце... На ее гладеньком тоненьком пальчике... Вот и все.

— Зачем? Что ты задумал?

Афолле раздувал тонкие ноздри, словно охотничий пес, почуявший дичь.

— Я должен увидеть, какого цвета у нее кровь.

— Кровь у всех одного цвета,— сердито отрезала Соня.— Кроме монстров, о которых болтают путешественники в тавернах, когда им не на что утолить жажду, вечно пылающую в их ненасытных желудках. У монстров она зеленая и воняет тинной. А у всех прочих живых созданий она красная, горячая и соленая...

— Я хочу убедиться в этом,— упрямо повторил Афолле.

— Нет! — пронзительно закричала Нуакшот.— Соня, Соня! Спаси меня!

— Только что ты хныкала и страдала, что не можешь умереть! — напомнил Афолле. Он смотрел на девушку с неприкрытой ненавистью.— Лицемерка! Ведьма! Ты погубила моего брата! За что? За то, что он сделал тебя женщиной? Кажется, ты мечтала выйти замуж! Я не верю, что он не предлагал тебе стать его второй женой!

Нуакшот молчала. В наступившей тишине было слышно лишь тяжелое дыхание Афолле и постукивание зубов Нуакшот.

Соня резко поднялась на ноги.

— Ну все, хватит! — воскликнула она.— Мне надоело выслушивать все эти мужские глупости и оскорбления. Девушка отомстила за свою поруганную честь. Не тебе судить ее. Разве мужчина может понять, что такое насилие?

Афолле закрипел зубами.

— Пусть покажет кровь,— повторил он упрямо.— Я знаю, что говорю.

Нуакшот проговорила тихим, хриплым голосом, дрожащим от негодования:

— Да, ты прав! Ты прав, человек из Мухабда! Твой распутный брат, этот алчный негодяй, действительно предлагал мне стать его второй женой! Он предлагал мне и не такое, когда повалил меня на пески, задыхаясь и теряя человеческий облик от овладевшей им похоти! И я убила его... я убила его потому... потому...

— Потому что он видел, какого цвета твоя кровь! — заключил Афолле.

Нуакшот протянула руку и вытащила из-за пояса Сони кинжал.

— Тебе тоже не терпится умереть? — вызывающе спросила она. — Так смотри!

Быстрым движением она сделала надрез у себя на ладони. Тяжелая золотая капля скатилась по смуглой коже и упала на песок, мгновенно впитавшись в почву.

— Что это? — прошептала пораженная Соня.

Нуакшот молчала.

Афолле ответил вместо нее звенящим от торжества голосом:

— Это эликсир бессмертия, Соня! Мы нашли его!

* * *

Соня потянулась за кинжалом.

— Я не позволю тебе!.. — выкрикнула она. — Оставь девушку в покое!

Нуакшот рассмеялась. Теперь она не походила больше на маленькую, насмерть перепуганную дикарку, которой проснулась в шатре у Сони и Афолле. И хотя одежда ее оставалась по-прежнему в плачевном состоянии, а волосы спутанной черной копной падали на плечи, сверкая перстнями, продетыми в длинные пряди, держалась она как та сказочная владычица Аудагосте, что предстала перед путешественниками прошлой ночью.

Откинув голову назад, Нуакшот горделиво проговорила:

— Не бойся за меня, Соня! Я и сама могу постоять за себя!

— Ты уверена, дитя мое? Нам, женщинам, не следует отвергать помощь друг друга.

— Я благодарна тебе, Соня... Я благодарна тебе за твою доброту, за искренность, за... бескорыстие.

Соня горько улыбнулась.

— Не так уж я бескорыстна, Нуакшот. Ведь я пришла на эти развалины за сокровищами... и в надежде узнать некую тайну. Тайну, связанную с поиском и обретением бессмертия.

— Я уже сказала, что мое бессмертие — это лишь насмешка. Не знаю, кем был послан тот светлоглазый старик. Не ведаю, откуда шел тот усталый караван и куда он исчез наутро. Я так и не дозналась, кто из богов — или какая природная сила! — наслала на Аудагосте тот губительный смерч. Но мое бессмертие... — Нуакшот передернула плечами. — Беги от него, Соня! Ты и так знаешь теперь слишком много.

— Хватит болтовни! — Афолле приближался к Нуакшот, держа наготове нож. — Я не хочу убивать тебя, девочка. Поверь мне. Мне не нужна вся твоя кровь. Я уверен: всего лишь нескольких капель будет довольно для того, чтобы...

— Чтобы ты обрел бессмертие плоти и вечную смерть души! — заключила вместо него Соня. — Чтобы ты получил власть над смертью! Чтобы ты мог уничтожать неугодных, просто нарисовав на песке их лицо! Да, Афолле, ты прав: в жилах Нуакшот течёт почти неограниченная власть. Но я не позволю тебе завладеть ею.

— Да кто ты такая, чтобы остановить меня? — зарычал Афолле. Он терял человеческий облик на глазах. Призрак власти и богатства туманил его разум.

— Я — Рыжая Соня. Этого довольно, чтобы преградить путь такому негодяю, как ты.

Произнося эти слова, Соня знала, что несправедлива. Афолле не был негодяем. Он искренне любил своих жен, своих детей — родных и племянников; он скорбел об участи своего брата и не желал зла ни Соне, ни Нуакшот.

Но неограниченная власть — и Соня знала это слишком хорошо — способна развратить и погубить и не такую натуру. Только самые сильные и твердые духом способны противостоять великому искушению власти.

Нет, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Афолле завладел кровью Нуакшот — даже если самой девушке это никак не повредит.

Соня твердо решила оборонять Нуакшот до последнего.

Но Афолле не намерен был отступать. Зарывав, точно дикий зверь, он начал кружить вокруг Сони, сжимая в кулаке кинжал. Гибким движением Соня пригнулась и приготовилась отражать атаки своего бывшего сотоварища.

Но она еще не теряла надежды образумить его.

— Остановись, Афолле! Одумайся! Мы можем забрать отсюда немало драгоценностей. Ты будешь богат. Ты сможешь даже переехать из Мухабада. Оставишь эти проклятые богами пески, которые через несколько лет поглотят и твое родное селение. Переселишься с детьми и женщинами куда-нибудь южнее... Может быть, даже купишь дом в Асгалуне!

— Молчи! Молчи, женщина! — шипел сквозь зубы Афолле. — Ты предлагаешь мне, потому что властителей Аудагосте, прозябать в какой-нибудь меняльной лавке в Асгалуне, когда передо мной открылась наконец дверь к истинному величию!

— Ничего, кроме слез, отчаяния и проклятий не принесет тебе золотая кровь бессмертия! — возразила Соня.

Афолле не ответил. Вместо этого он сделал неожиданный выпад. Соня едва успела отразить его удар.

— Я убью тебя, женщина! — крикнул Афолле. — Не становись между мной и моей целью!

— Попробуй! — ответила Соня.

В искусстве владеть кинжалом ей не было равных. Во всяком случае, она еще не встречала

людей, которых не смогла бы одолеть в рукопашной схватке на ножах.

— Остановитесь оба! — вскричала неожиданно Нуакшот. — Прекратите!

Это был властный голос повелительницы. Ни Соня, ни Афолле не могли противиться силе, звучавшей в тоне Нуакшот. Они остановились, тяжело переводя дыхание и сжимая в пальцах рукояти своих кинжалов, готовые в каждое мгновение возобновить поединок.

— Ты, Соня, не хочешь моего бессмертия? — спросила Нуакшот величественно.

Соня медленно покачала головой.

— Ты знаешь об этом, Рисующая Смерть.

— Хорошо. Ты разумна и добра, чужестранка.

Странно было видеть оборванную дикарку, прожившую всю жизнь на развалинах старой цитадели, державшуюся столь величественно и властно. И тем не менее что-то в облике и поведении Нуакшот говорило о том, что эта девушка обладает огромной властью над людскими душами.

Слегка улыбнувшись, Нуакшот произнесла:

— Тогда забирай драгоценности и иди с миром...

Соня наклонилась, чтобы забрать свою сумку. Нуакшот остановила ее.

— Подожди. Ты заслужила от меня дар.

С этими словами она отсекла несколько длинных прядей своих длинных спутанных волос. Перстни с мелодичным звоном посыпались к ее ногам, соскальзывая с волос.

— Возьми, — проговорила Нуакшот. — Эти перстни стоят дороже, чем все то, что вы отыскиали на развалинах Аудагосте. Ты сможешь выручить за них большие деньги в мире людей. Я знаю об этом. Мне говорил... мне говорил об этом брат Афолле.

— Спасибо. — Соня не колеблясь подняла кольца. Некоторые из них были массивного золота, другие сверкали алмазами и рубинами чистой воды. — Это воистину царский подарок.

— Воистину царским подарком, Рыжая Соня, является обыкновенная человеческая жизнь, — сказала Нуакшот. — Я вспомнила слова старца. Он говорил мне об этом.

Затем она обернулась к Афолле. Темное лицо мухабадца посерело от волнения. Он тяжело дышал и то и дело облизывал пересохшие губы.

— А ты, Афолле, получишь то, что заслужил. Ты добиваешься бессмертия? Ты хочешь испробовать моей золотой крови?

— Да. — Голос Афолле прозвучал глухо, но в нем звенела затаенная страсть.

— Будь по-твоему.

— Прощай, — прошептала Соня, обнимая Нуакшот. — Я возьму с собой только твои дары. Этого, видят боги, довольно, чтобы безбедно добраться до Асгалуна и прожить там год по меньшей мере в изобилии и сытости.

— Но, насколько я понимаю, не изобилие и сытость влекут тебя, Соня? — Нуакшот улынулась.

Улыбнулась и Соня.

— Конечно, нет. У меня есть цель в жизни. И я добьюсь этой цели. Каждая новая встреча, каждый новый опыт, который я приобретаю на своем долгом пути, делают меня сильнее и богаче.

— Прощай, Соня,— прошептала Нуакшот. В ее глазах снова блеснули слезы.— Прощай... Ты могла бы стать моим близким другом...

— Я и есть твой друг,— горячо заверила ее Соня.

Но девушка покачала головой.

— Слишком поздно... Теперь мне ясна моя дорога. Я увидела ее до самого конца. Я не позволю людям завладеть тем злом, что струится в моих жилах. Я не позволю судьбе превратить меня в чудовище. Аудагосте больше не будет заманивать путников... Ступай, Соня. Тебе не следует видеть того, что произойдет сейчас.

Они обнялись на прощание. Не сказав Афолле ни слова, Соня вышла из шатра.

Она оседлала верблюда, подняла его и медленно двинулась прочь от развалин проклятой крепости.

* * *

Но, отъехав на лигу, не больше, Соня остановила верблюда и стала наблюдать. Она была уверена: то, что должно случиться, будет заметно издали. Бессмертие не выплескивается в песок незамеченным.

Предчувствие не обмануло Рыжую Соню. Не прошло и получаса, как она увидела — на фоне черного бархата звездного неба поднялась крепость Аудагосте. Белоснежные башни, высокие стены,

изразцовые витые купола — все это было ярко озарено каким-то таинственным светом, источником которого не могло быть ни пламя, ни луна. Аудагосте словно источала этот свет сама по себе.

Древняя цитадель была сказочно красива. В этот миг своего умирания она показалась Соне истинным совершенством — таким законченным, таким прекрасным, что от одного только вида его щемило в груди.

Над цитаделью взметнулись две фигуры — мужчины и женщины. Они казались выше крепости. Их головы упирались в небосклон, их волосы и одежда развевались, словно подхваченные космическими ветрами. Соня узнала Нуакшот и Афолле.

Девушка подняла над головой руки. Тяжелая золотая кровь стекала по ее рукам широким потоком — отравленная кровь бессмертия. Пав на колени, мужчина приник губами к ранам на ее запястьях и начал пить.

С каждым мгновением свет, озаряющий мертвую крепость Аудагосте и ее владычицу Нуакшот, становился все ярче. Вскоре уже весь горизонт пылал. Даже пожар в огромном столичном городе не мог бы дать подобного эффекта.

Ничего не замечая, Афолле пил и пил. Он захлебывался, он кричал от наслаждения, а космическое пламя охватывало его со всех сторон, поглощало его тело и душу.

Стонала, дрожала и смеялась Нуакшот. Казалось, она испытывает одновременно и ужас, и восторг, и удовольствие.

Вскоре обе фигуры слились воедино, а золотая кровь разлилась вокруг них и окутала их сверкающим покрывалом.

А затем все рассыпалось на множество блестящих звезд. Огромные искры понеслись по небу, заполнив собой всю черную полусферу ночи, накрывающую плоскую землю пустыни. Призрачная крепость, ее хранительница Нуакшот, алчный Афолле — все они слились воедино и, взорвавшись, разлетелись по самым дальним уголкам Вселенной.

Афолле обрел бессмертие.

Но было ли оно тем, к которому он стремился?

Покачивая головой, Соня повернула верблюда и направила его в сторону Асгалуна.

СОДЕРЖАНИЕ

Тим Доннел
ПУТИ СУДЬБЫ

7

Дуглас Брайан
ВОССТАВШИЕ ИЗ ПРАХА

273

Дуглас Брайан
ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ

379

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художник *Кирилл Рожков*
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Корнея Дамаскинского*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.07.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Палатино».
Печать офсетная. Укл. печ. л. 24,36. Тираж 10 100 экз.
Заказ 2340.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ №, 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Аквилонского, орды варваров предадут
Хайборию огню и мечу.
В этот жестокий мир приходит воительница,
неустранимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»

РЫЖАЯ СОНЯ И ВЛАДЫКА ПАДШИХ РЫЖАЯ СОНЯ И ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ

«Северо-Запад»®

ВЫЖИВАЮЩИЙ

ЧИТАЙТЕ
дилогию
**«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»**

том 49
«Конан и подземный огонь»
том 50
«Конан и мятеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

Северо-Запад®

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
следующие тома:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •
- Молчание идола •

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

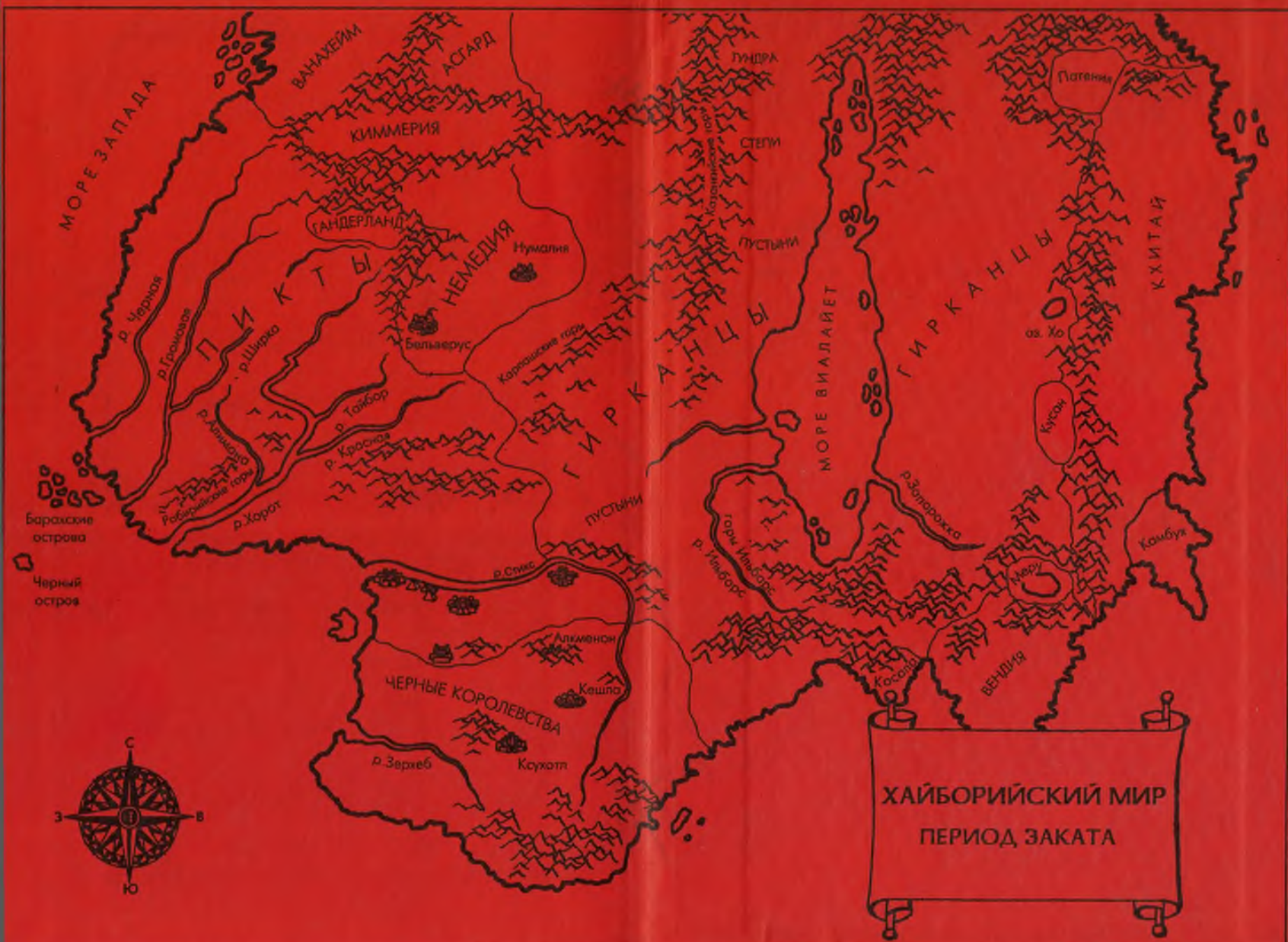
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-87365-045-4

9 795873 650452 >